

1 | 2018

научно-практический
журнал

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Географический факультет
Кафедра туризма

ГЕОГРАФИЯ И ТУРИЗМ

GEOGRAPHY AND TOURISM

ISSN № 2618-7000

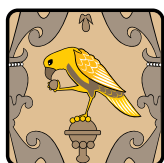
Тема номера:
ЧЕЛОВЕК В ЛАНДШАФТЕ

Выпуск 1 | 2018
Научно-практический журнал
ISSN № 2618-7000
Основан в 2005 году
Выходит 2 раза в год

Учредитель Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Географический факультет ПГНИУ
Кафедра туризма

Издается при поддержке
Усольского историко-архитектурного музея
«ПАЛАТЫ СТРОГАНОВЫХ»
и Администрации Усольского муниципального района

ГЕОГРАФИЯ И ТУРИЗМ

GEOGRAPHY AND TOURISM

научно-практический журнал

тема номера:

ЧЕЛОВЕК В ЛАНДШАФТЕ

УСОЛЬСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ
"ПАЛАТЫ СТРОГАНОВЫХ"

Пермь, 2018

УДК 911.913.908.882
ББК 65.9(2)04
Г353

Г353

География и туризм / Geography and Tourism: науч. журнал / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2018. — Вып. 1. — 176 с.: ил.

ISSN № 2618-7000

Жизнь человека в ландшафте — многоаспектная междисциплинарная сфера, которая находится под пристальным вниманием ряда дисциплин и направлений: теоретической и культурной географии, семиотики, культурологии, географии туризма. В настоящем выпуске журнала представлены статьи географов, биологов, филологов, культурологов, краеведов из Москвы, Перми, Екатеринбурга, Челябинска, Оренбурга, Усоля, написанные по материалам докладов научно-практической конференции «Человек в ландшафте» (Пермь — Усолье, 17-21 мая 2015 г.).

В статьях даны оригинальные теоретические и методологические подходы к вопросам взаимодействия человека и ландшафта, общества и ландшафта, культурного наследия и природного ландшафта. Особое внимание уделено геокультурным образам территории, сложившимся в локальной и национальной культуре, рассмотрено творчество писателей XIX–XXI века, в произведениях которых явлена яркая идентичность территории, в одном из разделов собраны очерки Усольской земли — принявшей участников конференции.

Настоящий выпуск будет интересен всем, кто занимается вопросами культурной регионалистики, туристским проектированием, изучением природных и культурных ландшафтов.

УДК 911.913.908.882
ББК 65.9(2)04

**Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного национального исследовательского университета**

Редакционная коллегия:

Макарихин И.Ю. (Пермь),
Александрова А.Ю. (Москва),
Каганский В.Л. (Москва),
Ширинкин П.С. (Пермь),
Хоробрых С.В. (Усолье),
Фролова И.В. (Пермь),

Главный редактор:

Зырянов А.И., д.г.н, проф.,
заведующий кафедрой туризма, декан географического факультета ПГНИУ.

Ответственный секретарь:

Фирсова А.В., к.г.н., доцент кафедры туризма ПГНИУ

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66780 от 08 августа 2016 г.

Выпуск №1, 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК. ЛАНДШАФТ. КУЛЬТУРА

Чебанов С.В. ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ДЕГРАДАЦИЯ И НЕКРОТИЗАЦИЯ ЛАНДШАФТА	7
Каганский В.Л. ПУТЕШЕСТВИЯ ТЕОРЕТИКА	35
Родоман Б.Б. ЭТИЧЕСКИЕ УРОВНИ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ЛАНДШАФТУ В СФЕРЕ ДОСУГА	47
Герасименко Т.И. ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЛАНДШАФТ: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	54

ЛАНДШАФТ: СМЫСЛЫ И СТРАТЕГИИ

Зырянов А.И. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЕКТАХ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ТУРИЗМА	63
Ширинкин П.С. О НЕКОТОРЫХ ЭВОЛЮЦИОННЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ И ВНЕДРЕНИЯ ТУРИСТСКОГО ЛЕГЕНДИРОВАНИЯ В РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	74
Фирсова А.В. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: СТРУКТУРА И ВОЗМОЖНОСТИ	86
Фролова И.В. ОБРАЗНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ	94
Прокошева И.В. НУЖНА ЛИ ЗАПОВЕДНОСТЬ ВЕРХОВЬЯМ РЕКИ ВИШЕРА? (ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ В ОТНОШЕНИЯХ ЧЕЛОВЕКА К ЗАПОВЕДНОМУ ЛАНДШАФТУ)	99
Safaryan A.A., Aleksanyan G.P. LANDSCAPE PREREQUISITES AND SOME PROBLEMS OF ECOTOURISM DEVELOPMENT IN ARMENIA	102

ИМЯ И МЕСТО

Созина Е.К. ИМЯ И МЕСТО: БИАРМИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ XX в.	107
Власова Е.Г. ЕРМАК КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ УРАЛЬСКОГО ЛАНДШАФТА (НА МАТЕРИАЛЕ СЫЛВЕНСКОГО СЮЖЕТА УРАЛЬСКОЙ МИФОЛОГИИ О ЕРМАКЕ)	114
Грамотчикова Н.Б. ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ЮЖНОГО УРАЛА В РАБОТАХ В. ЗЕФИРОВА И В. ЮМАТОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ «ОРЕНБУРГСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА)	119
Подлубнова Ю.С. «ЁБУРГ» АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА: ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ «ГЕНИЯ МЕСТА»	130
Сид И.О. ТЕРРИТОРИЯ И ЛАНДШАФТ КАК ПАЛИМПСЕСТ. МАКС ВОЛОШИН, ДАУР ЗАНТАРИЯ: ГЕОПОЭТЫ В «СВЁРНУТОМ» ПУТЕШЕСТВИИ	133
Лютикова Г.В. ГЕНИЙ – МЕСТО – ГЕНИЙ МЕСТА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	144

ЛАНДШАФТ УСОЛЬЯ

Цыпуштанов В.А. «...КАМЕННЫЕ ДОМА, КОТОРЫЕ НЕ БЫЛИ БЫ ЛИШНИМИ ДАЖЕ В СТОЛИЦЕ...» К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА УСОЛЬЯ	151
Бушмакина Ю.В. НОВОЕ УСОЛЬЕ ПОСЛЕ ПОЖАРА 1842 г.: ИЗМЕНЕНИЕ АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ	155
Балла О.А. ПЕРМСКИЙ КРАЙ: МЕСТА ПАМЯТИ (ЗАМЕТКИ ПОЧТИ СЛУЧАЙНОГО ТУРИСТА)	161
Каганский В.Л. ЧЕЛОВЕК В ЛАНДШАФТЕ: КОНФЕРЕНЦИЯ-ПУТЕШЕСТВИЕ?	166

ПРЕДИСЛОВИЕ

17 – 21 мая 2015 г. в Пермском крае состоялась междисциплинарная научно-практическая конференция «Человек в ландшафте». Идея конференции была выдвинута мною, но научное мероприятие не получилось бы без всесторонней поддержки Администрации Усольского муниципального района, Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых» и кафедры туризма географического факультета ПГНИУ.

Иные участники нашей конференции встретились впервые и творчески знакомились, иные встречались далеко не впервые, но в новом месте, но все мы уже были связаны общими потоками смыслов. Мы слушали и бурно обсуждали доклады, дискутировали на круглых столах и в кулуарах. Интенсивно общались и вдумчиво вживались в Верхнее Прикамье — Пермь, Усолье, Соликамск, Чердынь, Всеволодо-Вильва, Ивака.

Мы выбрали место и тему нашей конференции задолго, за год — но сразу, совместно и они были конгениальны — яркий, многослойный неоднозначный, красивый, но местами и ужасный ландшафт, где читался полный спектр отношений человека и ландшафта. Разрабатывая тему ЧЕЛОВЕК В ЛАНДШАФТЕ, мы не просто говорили — мы полноценно жили в ландшафте свежей северной весной. Конференция-путешествие — и в целом семействе мест и в семействе смыслов, надеюсь, состоялась.

Мы толковали о Биармии и геологии пермской системы, смысле и гении места; нас занимали травелог и сукцессии, жизнь, ландшафт и его жизнь и образы, локальные тексты; задумались и об уральском тексте русской культуры... Мелькали имена — Ермак, Декарт, Пастернак, Менделеев, Строгановы, св. Трифон Вятский...

Филологи, экологи, музейщики, литературоведы, географы, культурологи, искусствоведы (и не только они) вместе прожили небольшой, но яркий отрезок жизни в междисциплинарной среде.

Настоящий выпуск журнала — плод этой жизни.

В.Л. Каганский

ЧЕЛОВЕК. ЛАНДШАФТ. КУЛЬТУРА

С.В. Чебанов

Санкт-Петербургский государственный университет

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ДЕГРАДАЦИЯ И НЕКРОТИЗАЦИЯ ЛАНДШАФТА

Ввиду неразработанности представлений о цикле существования ландшафта, стадиях его развития и деструкции рассмотрение этих реалий с точки зрения общей витологии даёт шанс заполнить существующие концептуальные лакуны. В таком случае ландшафт предстаёт как организм, со свойственной ему сложным устройством. Важнейшей способностью организма является генерирование разного типа регулярностей, как нарушение которых проявляется жизнь. Деструкция и утрата регулярностей приводит к трупобразованию, крайним проявлением которого является редукция организма к его телу, а далее и деструкция этого тела. Смерть же проявляется как утрата нарушения регулярностей. Указанные процессы рассмотрены на примере Северного Прикамья.

Ключевые слова: *Ландшафт, организм ландшафта, тело ландшафта, жизнь ландшафта, труп ландшафта, смерть ландшафта, кадавризация ландшафта, общая витология, Северное Прикамье*

S.V. Chebanov

Saint Petersburg University

LIFE, DEATH, DEGRADATION AND NECROTIZING OF LANDSCAPE

In view of not readiness of ideas of a cycle of existence of a landscape, stages of his development and destruction consideration of these realities from the point of view of the general vitology gives chance to fill the existing conceptual lacunas. In that case the landscape appears as an organism, with peculiar to him the difficult organization. The most important ability of an organism is generation of different type of regularities as violation of which life is shown. Destruction and loss of regularities leads to a process of formation of corpses which extreme manifestation is the organism reduction to his body, and further and destruction of this body. Death is shown as loss of violation of regularities. The specified processes are considered on the example of Northern Prikamye.

Keywords: *Landscape, landscape organism, landscape body, landscape life, landscape corpse, landscape death, landscape kadavrization, general vitology, Northern Prikamye.*

I. Основные категории. Жизнь, организм, смерть, труп ландшафта

Использование категорий, перечисленных в заглавии, применительно к ландшафту может показаться чем-то вполне необязательным, если рассматривать их как простые метафоры. Однако, как было показано [76, 80, 85],

в рамках витацентрической витологии [41] им может быть придан вполне точный смысл.

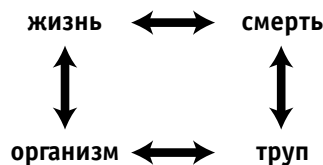

Рис. Тетрада категорий

В таком случае развиваемый подход будет основываться на следующей тетраде категорий (Рис.):

© Чебанов С.В., 2018

Чебанов Сергей Викторович,

д. филол.н.,

профессор кафедры математической лингвистики СПбГУ.

s.chebanov@spbu.ru, s.chebanov@gmail.com

Указанные категории понимаются следующим образом.

Организм понимается как сложное целое, обладающее большим числом важных отличительных свойств. К ним относятся:

- наличие строения, т.е. динамически устойчивого определенного соотношения частей, которые принципиально подобны целому (предфрактальность);
- определенное соотношение центральных и периферических механизмов управления;
- способность различающихся частей порождать новые различия частей;
- изменчивость, определяющая нетождественность организма самому себе;
- наследование последующих состояний организма особенностей его предшествующих состояний и т.д. [80].

Организм представляет собой единство его тела, имеющего определённые геометрическую форму и размеры, локализацию в пространстве, время существования, и волну действия, нелокализованную в пространстве. Тело при этом можно рассматривать как область наиболее высокой концентрации действий [86].

Важнейшим свойством организма является поддержание им определенного набора регулярностей. Среди таких регулярностей есть как циклические (митотические, циркадные, годовые и другие ритмы организмов, сукцессионные циклы биоценозов, циклы Кондратьева в экономике, циклика, связанная с Галактическим годом, и т.д.), так и с линейной последовательностью событий (реакция организмов на дефицит питания, тепла, влаги, изменения ландшафта под действием ливней, смерчей, землетрясений и т.д.).

Организмы могут иметь самую разную природу — это могут быть кристаллы, планеты, солнечные системы, облака, смерчи, микробы, растения, животные, общественные организации, партии, учреждения и т.д. и т.п. В каждом из перечисленных случаев организм выступает как субстрат, телесная составляющая существа — особой отдельности, экземпляра, которое как-то обозначено на предметном языке (кристаллический индивид, планета, особь, организация и т.д.) и описывается с помощью специфического для данной отрасли знания понятийного аппарата. В данной работе в качестве существа рассматривается ландшафт.

Организм ландшафта как существа обладает характерными чертами:

- определенным строением, предполагающим наличие тех или иных местностей, урочищ и фаций;
- процессами, которые диктуются как совокупностью управляющих обстоятельств,

сформировавших этот ландшафт и придавших его динамике некоторую автономность, так и экзогенными факторами;

- самыми разными регулярностями — циклическими (суточными, сезонными, сукцессионными, связанными с разными фазами галактического года) и нециклическими (оврагообразование, распространение борщевика Сосновского, деятельность человека, превращающая его в вид-эдификатор местностей, ландшафтов и ландшафтных зон, и т.д.).

Жизнь с точки зрения развиваемого подхода проявляется как нарушение регулярностей. Это не означает отмену существования регулярностей, а утверждает существование событий, появление которых не определяется проявлением действия этих регулярностей, а имеет место безотносительно к ним. Так, например, человек, являющийся законопослушным гражданином (а может быть, даже, юристом), имеющий представление о здоровом образе жизни для своего возраста, зарекомендовавший себя в глазах близких как разумно ведущий себя семьянин, незамеченный в пристрастии к чтению беллетристики и т.д., т.е. являющийся организмом, которому свойственно большое число самых разнообразных регулярностей, может в один прекрасный вечер решить по дороге домой зайти в попавшийся ему на глаза книжный магазин и купить увлекательный роман Дюма. Затем на протяжении многих недель и даже месяцев его поведение ничем не будет отличаться от привычного. В таком случае это покупка будет единственным событием, в котором проявиться жизнь этого гражданина, причем это событие никак не отменяет действия множества регулярностей, но происходит помимо них, хотя и возможно благодаря им.

Можно, конечно, сказать, что и этот поступок закономерен — человек зашёл в книжный магазин, а не в оказавшуюся случайно в городе пещеру горного короля, купил книгу, а не археоптериса, роман Дюма, а не пьесу в стихах Л.И. Брежнева и т.д. (абсурдность приводимых примеров призвана проиллюстрировать проблематичность выявления полного пространства элементарных событий, знание которого необходимо для создания алгоритма). Можно привести также более или менее резонные суждения по каждому из этих вопросов, но это только породит серию следующих подобных вопросов. Принципиальная же постановка вопроса может быть дана в рамках алгоритмической теории вероятности А.Н. Колмогорова [30] — можно ли и как если можно отличить бесконечно длинный алгоритм от отсутствия алгоритма?

Сознавая неverifiedируемость ответа на этот вопрос, представляется всё же целесо-

образным давать на него положительный ответ, но полагать, что различие наличия бесконечно длинного алгоритма и его отсутствия осуществляется экспертно [4, 5], являясь компонентом личностного знания [50].

Разные организмы в разной мере благоприятны для проявления нарушения регулярности. Так, для исправных механических часов единственным таким нарушением будет в каждом цикле их завод. Какие-то непредвидимые остановки и отклонения от равномерности хода будут иметь место только при неисправности часов как организма. Напротив, скажем, существование организмов таких существ как птицы или звери предполагает наличие практически необозримого набора регулярностей, в нарушениях каждой из которых может проявляться жизнь. Поэтому такие организмы значительно более жизненаполнены, чем механические часы. Именно поэтому живость растений, животных и человека не вызывает сомнений даже с точки зрения носителя обыденного сознания.

Так или иначе, факт наличия нарушения регулярностей остается. Это и дает основание говорить о том, что жизнь обнаруживает себя как чудо на фоне закономерностей, свойственных организму. При этом если жизненаполненность организма высока, в нём часто обнаруживаются нарушения регулярностей, то можно сказать, что проявляется **жизнь как хроническое чудо**.

Так понимаемую жизнь следует противопоставить **функционированию организма**, которое осуществляется за счет действия свойственных организму регулярностей. Идеально правильно функционирующий организм выступает как автомат. Функционирование организма и проявления в нём жизни складываются в активность существа, больший вклад в интенсивность которой вносится благодаря проявлениям жизни и меньший функционированием организма. Оценка степени интенсивности при этом также осуществляется экспертно.

Если теперь вернуться к основному предмету рассмотрения, то как проявление **жизни ландшафта** можно рассматривать те или иные отклонения явлений природы от климатических норм (аномалии фенологии), необычные разливы рек или необычное по частоте и интенсивности выпадение осадков, осуществляемые человеком инновации, влияющие на ландшафт (вырубки, запруды, пал на больших территориях, пахоты целины или залежных земель) и реакция ландшафтов на них, необычные колебания численности популяций (в т.ч. антропогенные) и т.д. Всё это создаёт тот неповторимый рисунок событий в ландшафте,

который делает его притягательным (или — в некоторых ситуациях — отталкивающим) для человека и выступает как **жизнь ландшафта**. В случае чистого функционирования ландшафта как автомата, такой непредсказуемости не было бы и тогда пребывание в ландшафте ничем не отличалось бы от присутствия в искусно сделанном фильме о нём (см. идею фантоматов [37]).

Отмеченное обстоятельство позволяет обсудить несколько примечательных вопросов.

Во-первых, можно рассмотреть разные варианты пребывания человека в ландшафте. Тогда если человек намерен жить в ландшафте, то для него интересна и ценна жизнь ландшафта. Тогда он будет, скажем, помнить, что в году **XXXX** зима была очень холодной, а поэтому пришлось особо утеплить свой дом и часто видеть пейзаж за окном сквозь морозные узоры, а в год **YYYY** необычайно буйно цвела сирень и весь дом был в её букетах. И то, и другое может быть сопряжено и с радостью, и с печалью, напоминать о близком человеке или вызывать в памяти то, что хотелось бы забыть навсегда и т.д. Но в ландшафте можно и пребывать, а не жить. Тогда все эти подробности ни к чему и нужно обеспечить такое отправление порядка вещей, чтобы независимо от зимней погоды в доме с климат-контролем было бы тепло как летом, окна всегда были бы свободны ото льда, а сирень была бы в доме и в разгар зимы, и поздней осенью. Жизнь ландшафта в этом случае не имеет никакой ценности и было желательно сделать функционирование ландшафта наиболее устойчивым. Для этого мог бы подойти и фантомат Ст. Лема. Нечто подобное реализовывалось, скажем, в XVIII веке в Летнем саду в Санкт-Петербурге — в клетках зверинца были обманки пушных зверей, а не живые животные (как и искусственные растения, бывшие в самом саду), что более соответствовало эстетике французского регулярного парка ([82] — ср. отвержение принцессой живых соловья и розы в «Свинопасе» Г.Х.Андерсена).

Во-вторых, подобным образом можно относится и к перемещению в ландшафте. Так, можно пересекать его чисто функционально и тогда всякое отклонение от графика движения, низкое качество дороги, непредвиденные события, требующие дополнительного внимания, будут источником огорчения или раздражения для целеустремлённого человека, для которого ландшафт выступает как пространственная преграда при осуществлении его деятельности. Для него в ландшафте будет важным надежное функционирование транспортной инфраструктуры, а не непредсказуемые проявления его жизни. Тем не менее, можно проявлять и интерес к непредсказуемым проявлениям

ям жизни ландшафта, к тому, что задерживает передвижение, к причинам этих задержек, к тому, что составляет предмет непредвиденных разговоров с обитателями этого ландшафта, к их нуждам и заботам и т.д. В таком случае может сложиться картина жизни ландшафта, а передвижение даже по хорошо знакомой местности превратиться в путешествие (это может касаться даже перехода на другую сторону хорошо знакомой улицы).

В-третьих, различая жизнь и функционирование ландшафта, можно отличить путешествие от других видов перемещения в ландшафте, наделённых полионтикой. Под полионтикой понимается такая картина мира, которая составлена из систематизированных представлений принципиально разного онтолого-эпистемического статуса, например, ясного представления о сущем наряду с представлениями о должном (в том числе, должном с нравственной точки зрения), умения виртуозно оперировать с идеальными объектами и навыком сложной лабораторной работы с неповторимым в своём многообразии эмпирическим материалом, данными извлекаемыми из карты и наблюдений на местности и т.д. Путешествие в этом контексте можно интерпретировать как герменевтику череды мест в полионтике [21, 79], включающей в себя конкретный ландшафт, в котором находится путешественник, предварительное знание этого ландшафта по литературным источникам, рассказам очевидцев (включая тех, кто путешествовал раньше), изучения коллекций, отчётов и другого камерального материала, и знания и навыки, полученные в ходе общепрофессиональной подготовки. Эвристический эффект путешествия определяется сличением ожиданий увидеть нечто со сведениями извлечёнными из того, что увидено в его ходе. При этом важно как совпадение, так и несовпадение ожидаемого и увиденного. Путешествие будет таким перемещением в ландшафте, при котором предварительное знание ландшафта построено на образах, а то, что увидено касается жизни ландшафта. При этом организация путешествия, будучи ориентированной на постижение жизни ландшафта, не может быть (в идеале) жестко регламентированной ни предусмотренным временем путешествия, ни тем, чему во время путешествия уделяется внимание, ни способом фиксации материала и т.д. Строго говоря, мастерство путешествий [59] вообще не подчиняется принципам «Рассуждение о методе» Р. Декарта [13] и результаты, полученные путешественниками по одному маршруту разными путешественниками могут быть не похожи друг на друга, принадлежа к сфере личностного знания [50].

От путешествия радикально отличается экспедиция. Её маршрут, график его прохождения, пакет готовящихся по её результатам отчётных документов строго определены, а результаты работы двух экспедиций одного профиля должны быть идентичны. При этом как и в путешествии, экспедиция строится на основе полионтики (в данном случае, жестко структурированной полионтологии) — сличения картины, сложившейся перед проведением экспедиции и картины, сформировавшейся в ходе экспедиции, однако обе картины представляют изучаемый ландшафт жестко аспектуально, а жизнепроявления этого ландшафта осложняют и запутывают исследователя, заставляя учитывать особенности погоды или другие подробности года проведения экспедиций, близость дат их проведения, имевшие за разделяющее их время необратимые изменения ландшафта и т.д.

Описанное различие не исключает того, что экспедиция как организм будет кем-то или всеми участниками экспедиции использована для осуществления наполненного жизнепроявлениями путешествия, в то время как для кого-то из вспомогательного состава это может удовлетворить потребность в бродяжничестве, а для кого-то оказаться экскурсией. С другой стороны, если среди путешествующих окажется жесткий лидер, преследующий свои очень чётко определённые практически цели, то путешествие, вопреки намерениям участников, может превратиться в экспедицию.

Приводимая трактовка соотношения организма и жизни имеет известные богословские аналогии. Так, существует представление о том, что освобождение, даруемое Новым заветом, невозможно без Закона, даваемого Ветхим заветом (ср.: «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем» — Рим, 3, 31), а один из ведущих современных католических теологов Дж.Хот рассматривает непредсказуемость процесса как **достаточное** условие для трактовки эволюции как проявления Божественного Творения [72].

Богословие несколько проясняет и представление об интенсивности активности. Один из крупнейших восточно-христианских богословов св. Григорий Палама, живший в Византии в XIV веке, рассматривая нетварные энергии, говорил о наполненности ими ангелов и последовательном ослаблении их присутствия в человеке и животных [27, гл.5-7; полный текст PG. t. 150, col. 1209 C - 1212 A.].

Теперь можно обратиться к оставшимся нерассмотренными членам тетрады.

Трупом является организм, лишённый функционирования. Переход к состоянию трупа более или менее очевиден при одновремен-

ном прекращении всех или многих ведущих функций. Поэтому так легко распознать труп млекопитающего. Сложнее дело с низшими беспозвоночными или высшими растениями, у которых может происходить локальное отрупление (см. [76], здесь же этот вопрос обсуждаться не будет).

Применительно к ландшафту говорить о его трупке можно, когда функционирование организма ландшафта невозможно из-за его сильного разрушения (землетрясение, ураган, излияние лавы, смерчи, пожары, ковровые бомбардировки, падения крупных метеоритов, ядерные взрывы) или консервации (фиксации), делающей невозможным всякое проявление активности вследствие внешнего воздействия (поглощение барханом, лавой, вулканическим пеплом, цементом, асфальтом и т.д.).

При этом, однако, труп ландшафта, как и любой другой труп, сразу же становится строительным материалом, субстратом для других организмов. Так, в трупке ландшафта могут оказаться сохранившимися отдельные фации, урочища или даже местности, которые в относительно неизменном или изменённом виде будут интегрироваться во вновь складывающийся ландшафт.

При этом какие-то процессы, имевшие место в ландшафте прекращаются (вегетация растений и процессы выветривания пород, оказавшихся погребёнными, течение потоков, оказавшихся на горизонтальных поверхностях, аэробное разложение бывших на дневной поверхности органических остатков), а процессы, характерные для вновь возникающего ландшафта еще не установились (оказавшиеся на дневной поверхности слои грунта ещё не покрылись растительностью, не прошёл процесс задерновывания, не сформировались новые устойчивые потоки, с их ложем, долинами, плакором и т.д.). Именно такое кратковременное переходное состояние и можно квалифицировать как труп ландшафта. Подобные процессы касаются и того, что стало результатом частичного отрупления.

Смерть проявляется как рассеивание, исчерпание жизни, при которых вклад непредсказуемости в активность организма становится всё меньше (ср. М.Ф.К.Биша: жизнь — сопротивление смерти [71, с. 220-223]). Частичная одержимость организма смертью проявляется как некротизация его активности, проявляющаяся при относительно небольшой степени некротизации в нарастании регулярности, уменьшении вклада непредсказуемости в общую активность организма, а при большой степени некротизации — в утрате самих регулярностей, уменьшении их разнообразия и сложности вследствие разрушения организма,

его отрупления. Указанные явления и процессы можно охарактеризовать более подробно.

Итак, образование трупка ландшафта имеет место вследствие быстротекущих интенсивных процессов, охватывающих весь ландшафт или значительную его часть, приводящих к разрушению многих компонентов ландшафта или их консервации, исключаяющей протекание характерных процессов (см. выше). Так, проседания грунта и техногенные землетрясения на территории Верхнекамского месторождения калийных и магниевых солей (ВКМКС [2, 55]) являются именно такими процессами трупобразования ландшафта. При этом имеет место появление трупков людей и животных (прежде всего, крупных и относительно крупных), разрушение построек и других компонентов культурного ландшафта, а также и культурного ландшафта в целом (хотя и происходящее за счёт антропогенных воздействий), взрывообразное нарушение целостности дневной поверхности и практически моментальное захоронение её фрагментов и т.д., т.е. происходит выраженная деструкция тела ландшафта. Всё это позволяет говорить о том, что ландшафт подвергается интенсивной деградации, выражающейся в интенсивном трупобразовании и сопровождающем его нарушении многих свойственных ландшафту регулярностей. В силу последнего обстоятельства можно констатировать понижение активности существа ландшафта, при большой степени выраженности которого ситуацию с обыденной точки зрения можно квалифицировать как смерть ландшафта.

В подобной ситуации, как и в других ситуациях тотального трупобразования, воспринимаемого как смерть, начинаются быстрые изменения трупка (со скоростями на порядки больше характерных для функционирования умершего организма, когда он был живым). Так, в случае мгновенного проседания грунта или техногенных землетрясений осуществляется смещение и перемешивание компонентов ландшафта, на дневной поверхности появляется то, что залегало на некоторой глубине, а растительный покров оказывается погребённым и т.д. В результате возникает нехарактерное расположение существовавших компонентов ландшафта, необычные их сочетания, часть компонентов разрушается вплоть до полного уничтожения и т.д. Возникает некое относительно непродолжительное состояние, при котором на некоторой территории присутствует совершенно незакономерный конгломерат разнородных компонентов.

Считать ли такой конгломерат ландшафтом? Применительно к комплексам живых организмов экологи бы сказали, что в такой ситуации имеет место присутствие не биоценоза, а с-

социации организмов, которая со временем может трансформироваться в биоценоз. Подобная трансформация начинается и с трупом ландшафта, причем такая трансформация может быть довольно быстрой, после чего восстанавливаются более или менее плавные процессы трансформации вновь складывающегося ландшафта (которые применительно к биоценозам выступают как сукцессии [58]).

Ландшафты также вовлечены в некие аналогии сукцессий. Так, горная страна может превратиться со временем в равнину или нагорье, сельский ландшафт превратиться в городской, культурный ландшафт подвергнуться одичанию и ренатурализации и т.д. Подобные ситуации нельзя квалифицировать как разрушение, трупобразование или смерть ландшафта, поскольку в этих случаях сохраняется закономерная трансформация ландшафта. Разрушение же, трупобразование или смерть ландшафта прерывает такие сукцессиеподобные трансформации ландшафтов. Причиной прерывания этих трансформаций ландшафта, источником его смерти и разрушения являются чрезвычайные воздействия такие как крупные пожары, извержения вулканов, землетрясения, смерчи, оползни, взрывы, выбросы сероводорода и метана, военные действия и т.д.

Образование труппа ландшафта может быть сопряжено не только с быстрыми деструктивными его изменениями, но и с его консервацией, своего рода аналогом фоссилизации организмов и биоценозов, возникновения танатоценозов, тафоценозов и ориктоценозов [15]. Так происходит если ландшафт заливается лавой, засыпается вулканическим пеплом или песком наступающих дюн, подвергается оледенению или заилению (подводные ландшафты [47]). Антропогенным аналогом подобных процессов является бетонирование и асфальтирование аэродромов, космодромов, строительных площадок под промышленные сооружения, дорог и т.д. Подобные процессы позволяют представить себе идеальный труп ландшафта — это будет некая территория, на которой разрушены все компоненты рельефа до превращения в строго горизонтальную поверхность и которая залита эпоксидной смолой. Однако и такая поверхность будет подвержена выветриванию, со временем она будет разрушаться, на ней будут появляться микроорганизмы и лишайники, т.е. так или иначе, хотя и медленно, будет идти процесс витализации этого труппа.

Такова общая картина рассмотрения ландшафта с позиций общей витологии [41, 80]. Теперь можно остановиться на некоторых частных вопросах, связанных, прежде всего, с отруплением, витализацией, некротизацией ландшафта и их балансом.

II. Реальные ситуации.

Сложные и комбинированные случаи. Разрушение организма, некротизация, отрупление и труппобразование ландшафта

Разрушение организма ландшафта. Помимо изменений, возникающих под воздействием спонтанных процессов или неантропогенных воздействий тело ландшафта может целенаправленно, хотя и не всегда осознано, разрушаться человеком. Примером такого разрушения может быть подсечно-огневое земледелие, приводящее к исчезновению лесов, возникновение Пыльного котла в прериях США и Канады в 1930-36 гг. или пыльных бурь в Казахстане в 1962-63 гг. вследствие распашки целины, что запустило процессы деградации почв и опустынивания. На территории Пермского края аналогичными примерами является строительство города Березники над шахтами ВКМКС, что уже в 1930-ые гг. предопределило возникновение в будущем провалов грунта, которое было ещё более усугублено вследствие появления в 1954 г. Камского водохранилища поднятием грунтовых вод, размывающих солевую линзу. Практически неизбежное в такой ситуации увеличение площади провалов и размывание высокостоящими водами фундаментов построек (в том числе, выдающихся историко-культурных памятников Усоля и Соликамска) приведет к разрушению тела существующего ландшафта, в том числе, его ценных антропогенных компонентов.

Разрушение тела ландшафта может идти и за счет депривации считающихся нежелательными проявлений его функционирования. Так, хорошо известны негативные эффекты осушительной и оросительной мелиорации, остро дискутируется целесообразность регуляция уровня рек за счёт строительства водохранилищ, предотвращение осадков или их стимулирование за счёт введения специальных реагентов в атмосферу и т.д. [1, 42].

В некоторых случаях могут подвергаться локальной деградации отдельные фации и урочища того или иного ландшафта, например, за счёт перевыпаса скота или чрезмерной рекреационной нагрузки. Специфической формой последнего является визуальное разграбление ландшафта, когда тот или иной пейзаж или даже специфический ракурс становятся предметом бесчисленного мультиплицирования туристами [21, 22, 54]. Иногда со временем (обычно при снижении антропогенной или скажем вулканической нагрузки) может происходить полная или частичная регенерация фаций, урочищ или всего ландшафта.

Некротизация ландшафта. Более сложным типом деградации ландшафта является его не-

кротизация, заключающаяся в том, что уменьшается жизненность ландшафта. Она может проявляться в разных формах.

Более простым и наглядным является ситуации, при которой сохраняется строение организма ландшафта, но в нём становится всё меньше ситуаций нарушения свойственных этому ландшафту регулярностей. В неантропогенном ландшафте выявить такое положение дел можно за счет кропотливого анализа длинных временных рядов данных по большому набору характеристик. В антропогенных или испытывающих значительное антропогенное влияние ландшафтах это с очевидностью присутствует в случаях, когда человек стремится жестко зарегулировать идущие в нём процессы, причем зарегулировать обеспечивая не только постоянные параметры ландшафта, но и их закономерные колебания (уровень грунтовых вод, сроки полива, сева и сбора урожая, косыбы, время включения/выключения освещения населённых пунктов и путей сообщения и т.д.).

Такая зарегулированность и сверхзарегулированность может быть отчасти приемлема для глубоко урбанизированных территорий с по сути дела техногенно синтезированным ландшафтом и видами деятельности в большой мере независимыми от процессов смены дня и ночи [33], времен года, погодных условий и т.д. Такой с технологической точки зрения идеальный вариант функционирования, однако, с неизбежностью приводит к катастрофам (так, перебои с элетро- и водоснабжением, в работе связи и т.д. в Германии или США приводят к гораздо более ощутимым для населения проблемам, чем в Греции или России, в городах они проявляются ярче, чем в сельской местности и т.д.) или заводит в тупик (совершенство и сложность функционирования требуют высокой специализации, уменьшая способность к адаптации, в особенности, к адаптации к среде с непредсказуемыми свойствами [83]). В итоге относительно незначительные изменения условий функционирования могут разрушить весь организм (привести к тотальному отуплению), на котором как на субстрате только и может обнаружить себя жизнь (например, образование трупа города как совершенного культурного ландшафта если он какое-то время оказывается без источников энергии).

Яркой формой некротизации является планирование проявлений жизни — планирование творчества (художественного, технического, научного, педагогического и т.д.), любви, рождения детей, подвигов и т.д. Во всех таких случаях речь идет об имитации жизни как форме некротизации, которые будут рассмотрены далее.

Применительно к агроландшафтам [44], которые потенциально могут быть высоко витальными в силу самого факта присутствия в них большого числа живых организмов, это будет выражаться в стремлении к тому, чтобы жестко планировать и регламентировать все агро- и зоотехнические мероприятия безотносительно к погодным условиям, кратковременным вариациям климата, текущей эпидемиологической ситуации и даже к специфике географического положения в ландшафте. Видимо именно необходимость приноравливаться к непредсказуемости варьирования указанных обстоятельств и дала основание классикам марксизма говорить об «идиотизм[е] деревенской жизни» [39, с. 428], объявляя крестьянина мелким собственником и скорбя о невозможности высокой концентрации сельского пролетариата. Это предвосхищало и все провалы СССР в сфере производства продуктов питания, которые были обеспечены централизованным плановым способом ведения хозяйства. Указанная некротичность планирования ярко демонстрирует принципиальную несовместимость марксизма с жизнью, не исключая его утилитарную пригодность для обеспечения функционирования созданного организма в течении некоторого (не очень большого) времени за счет привлечения значительных ресурсов.

Ландшафт-нежить. Более глубокая некротизация ландшафта проявляется в его превращении в нежить [76]. Под нежитью понимается такой наделённый разумом организм, который замечательно функционирует, но в котором нет проявлений жизни, что осознаётся им и поэтому он начинает придумывать мероприятия по демонстрации жизни (например, мечтая о протезировании души), которые с неизбежностью оказываются более или менее искусной её имитацией. Применительно к ландшафту о нежити можно говорить в случае культурного ландшафта, который заселен преимущественно людьми-нежитями. Таким, например, является образцовый советский город, представленный, скажем, в кинокомедиях Г.В. Александрова, в котором нет больных и больниц, покойников и кладбищ, рожениц и родильниц, нищих и богатых, верующих и священников, а соответственно, и храмов, обидчиков и обиженных, где все постоянно бодр и весел, светит солнце и нет ненастья и т.д. Воплощения таких городов приходилось видеть в Кировске на Кольском полуострове или в Набережных Челнах 1980-х гг. Другой эталон такого ландшафта — Диснейленд в качестве идеального образца города массовой культуры, в котором при отсутствии будней постоянно присутствует праздничный карнавал. Имен-

но желание демонстрировать отсутствующую жизнь и обеспечивает свойственный городу бешеный ритм жизни, который только усугубляется занятиями физкультурой на свежем воздухе, коллективными гуляниями босиком по росистой траве или шествиями к лесному ручью за ключевой водой (ср. описываемый Стругацкими курортный город и дрожки в нем [68]).

Ещё более сложные формы некротизации сопряжены с более или менее глубокими дисфункциями организма.

Одним вариантом такого процесса является последовательно увеличивающееся локальное отупление организма при сохранении в нем проявления витальности. Такую ситуацию описывает Б.Л. Пастернак, характеризуя одну из двух групп посетителей библиотеки в Юртыне (Перми): «старожилы из местной интеллигенции, ... среди которых преобладали женщины, бедно одетые, переставшие следить за собой и опустившиеся, были нездоровые, вытянувшиеся лица, обрюзгшие по разным причинам, — от голода, от разлития желчи, от отеков водянки. Это были завсегда читальни, лично-знакомые с библиотечными служащими и чувствовавшие себя здесь, как дома» [46, с. 286].

Дальнейшие фазы этого процесса описаны в стихотворении Е.Ф. Куниной «Дольше всего продержалась душа»:

*Ум старика подается, скрипит,
Гложет, немеет, ночами не спит,
Память — лохмотья, изъедена ткань,
Первая жалкая возрасту дань.
Тело? О теле и не говорит,
Просит пощады у каждой зари... [35].*

Исключительно важным является то, что присутствующая в душе искра жизни позволяет отдельно взятому человеку включиться в процесс трансформации организма, сопряженный с расцветом жизни, освобождённой от плоти. Если же такие наполненные жизнью люди собираются вместе, то они могут наполнить жизнью, витализировать и весь ландшафт, в котором они пребывают, что видно, например, в сложившемся на месте пустыни ландшафте современного Израиля.

Подобным образом проявляется и витальность растений, которые могут пробиваться через камни, асфальт и бетон городов, охватывая всё новые и новые кварталы заброшенных городов, теряющихся со временем в джунглях (типа Ангкора или Мачу-Пикчу).

Упрощение ландшафта как форма некротизации. Под упрощением ландшафта понимается уменьшение разнообразия структурных, процессуальных, информационных и прочих его составляющих, увеличение его од-

нородности, утрата не только самой гетерогенности, но и упорядоченности перехода от одного его компонента к другому. Совокупность перечисленных особенностей позволяет квалифицировать такой ландшафт в сравнении с исходным для него как отуплённый в значительной степени. Однако, такой упрощённый ландшафт, обладающий меньшим набором регулярностей допускает и меньшее число нарушений этих регулярностей, т.е. оказывается менее жизненаполненным, т.е. некротизированным. Подобная ситуация характерна для территорий интенсивного возделывания монокультур или ландшафтов с высокой степенью индустриализации (прежде всего, за счет предприятий тяжёлого машиностроения, металлургических и химических производств). Показателен в этом отношении юг Дальнего востока России с его довольно разнообразным ландшафтом, подобный которому превращается в однородные монокультурные долины агроландшафтов северного Китая (в противоположность очень сложному ландшафту Японии — ср. [25]).

Кадавризация ландшафта. Кадавры в трактовке А.Н. и Б.Н. Стругацких [68] — предельно некротизированный и отуплённый, радикально дисфункциональный организм, у которого сохранён и гипертрофирован минимальный набор функций, причем статус этого организма как почти что трупа рано или поздно оказывается проявлен. Таковы мумии правителей деспотий и тотальных режимов в их пирамидах и мавзолеях, единственная функция которых и заключается в том, что они только и требуют демонстрации их почитания: «Сколько надо кумача для злодея Ильича?!» (К.А. Даниленко — ленинградский школьник конца 1960-х гг.). При этом эти пирамиды и мавзолеи имеют такие размеры, что они оказываются крупными самостоятельными компонентами культурного ландшафта — центрами площадей, районами городов, самостоятельными ландшафтами (прилежащая к стене Кремля юго-западная часть Красной площади в Москве, плато Гиза, Саньянская Долина Пирамид и т.д.). Окончание же исторической эпохи и попадание таких сооружений в окружение другой культуры превращает такие кадавры просто в трупы и проблематизирует «права» этих трупов на организацию окружающего ландшафта.

Сложные формы взаимодействия некротизации, отупления, функционирования и витализации ландшафта

В предыдущих разделах были рассмотрены свойственные ландшафту особенности, связанные с проявлением каждого из членов ос-

новополагающей тетрады. Теперь можно рассмотреть как они сочетаются в более сложно организованных ландшафтах.

Некрогенные ландшафты. Радикальная алармистская охрана ландшафта [19, 22], музеефикация или консервация ландшафта, которые осуществляются с целью сохранения отдельных природно-культурных памятников, исторического наследия в целом, коммерческого экспонирования или «элитной» рекреации (типа охоты на львов или слонов) является не только крайним проявлением некрофилии, но и разрушением организма ландшафта. Последнее имеет место в связи с тем, что в соответствии с фундаментальными свойствами ландшафта в нём должны происходить закономерные изменения свойств, связанные с сукцессиями биоценозов, изменениями форм рельефа под действием выветривания (что приводит к изменению структуры катен), 111/2-годовым лунным циклом гидрометеорологических и геологических процессов и т.д. Осмысленная же охрана и музеефикация ландшафтов и их компонентов должна учитывать не только неизбежность таких изменений, но и допускать в ходе них активные целенаправленные изменения ландшафта, облагораживающие его (уничтожение паразитов, оптимизация гидрологического режима, урбанистической нагрузки и т.д. — ср. реализацию программы очистки Рейна, избавление от малярии Колхидской низменности, почвоукрепляющие посадки в зонах интенсивной денудации почвы и т.д.).

Танатофилия как проявление психической акцентуации (иногда усугубленная пессимистическим романтизмом), направленной на трупы (человека, других животных, но в принципе и ландшафта), не столь широко распространена (в отличие от граничащей с ней тафофилии), чтобы вносить заметный вклад в лицо ландшафта. Однако, присущее определённой части чиновников и военных, желание видеть ландшафт в виде трупа (будь то описанный выше идеальный эпоксидный плац или геометрически правильный сад из картонных деревьев с крашенной травой) является ничем иным, как проявлением танатофилии [82].

Иначе обстоит дело с тафофилией. Казалось бы невозможно говорить о ней применительно к ландшафту, поскольку сложно представить не только похороны трупа ландшафта, но и сам этот труп. Но в действительности это не такая уж редкость, в особенности применительно к культурному ландшафту.

Речь идет о ситуациях, когда предстоят радикальные изменения значительных территорий и это затрагивает живые интересы населения, обитающего в этом ландшафте. Таковы будут городская или промышленная (включая стро-

ительство космодромов, аэропортов с аэродромами, подъездными путями и сопутствующей инфраструктурой, гоночных трасс и т.д.) застройка сельского ландшафта (охватывающая, среди прочего, и находящиеся на застраиваемой территории деревни и сёла), транспортное строительство (железные дороги с их вокзалами, депо, мастерскими, складскими помещениями, автобаны с многоуровневыми развязками и дорожной сетью нескольких уровней разветвлённости, судоходные каналы и шлюзы и т.д.), строительство плотин с примыкающими к ним водохранилищами и т.д., а также зоны отчуждения ядерных катастроф и испытаний (вокруг Чернобыля, вблизи Семипалатинска, Кыштыма, на Новой Земле). Во всех этих случаях идёт речь о переселении населения, перенесении на новое место, разрушении, реконструкции и перепрофилировании его жилья, перемещении или утилизации его скарба и домашних животных, сносе или перенесении памятников, кладбищ и других сакрализованных объектов, изменении характера оперирования с топонимами и адресами, а в более отдаленной перспективе и с обращением с исторической памятью переселяемого населения и т.д. Так или иначе в какой-то момент население должно покинуть обжитый им ландшафт, унося, увозя и вывозя то, что оно намерено использовать на новом месте (включая какую-то часть построек, несобранного урожая, культурных и дикорастущих деревьев и кустарников, скота, особо ценных диких животных), осуществляется вырубка или пал садов и лесов, демонтаж некоторых остающихся построек и т.д. В итоге перед затоплением, застройкой, началом испытаний и т.д. возникает то состояние ландшафта, которое вполне уместно назвать трупом ландшафта (нужно заметить, что на таких территориях существуют и трупы кладбищ). В этом ряду стоят, например, ландшафты, затопленные Камским водохранилищем. Нечто подобное возможно и при отступлении войск, когда неприятелю оставляются взорванные объекты инфраструктуры (мосты, плотины, электростанции, пути сообщения), сожженные города и сёла, увозится население и угоняется скот, вывозится чернозёмный слой почвы (например, с Украины в Германию во время Второй мировой войны) или обломки взорванных зданий (в качестве строительного материала из Восточной Пруссии в СССР в то же время) и т.д.

Конечно для какой-то (иногда весьма значительной — как в случае сдачи территории неприятелю) части населения такое расставание с родным и/или привычным ландшафтом событие весьма эмоционально насыщенное и обычно даже болезненное. Поэтому оно сопровождается какими-то импровизированны-

ми или устоявшимися актами бытовой обрядовости, что вполне объяснимо (т.к. позволяет перенести человеку выпадающие на его долю потрясения — даже если они и желаемы, например, появляется шанс получить благоустроенное жильё).

Однако это может приобретать и гипертрофированные, болезненно-ностальгические формы. Так, например, в Советском союзе сложился своеобразный обряд (менявшийся со временем в соответствие с версией господствовавшей идеологии) прощания с ландшафтом, своего рода похороны ландшафта перед его затоплением (образец чего описан В.Г. Распутиным в повести «Прощание с Матёрой»), существовала особая эстетизация и поэтизация затопленной колокольни Калязина, судьба затопленных городов и сёл соотносилась с градусом Китежем и т.д. Совокупность всех перечисленных обстоятельств свидетельствует о том, что в отечественной культуре существует самостоятельная струя, которую можно квалифицировать как ландшафтную тафофилию — любовь к кладбищам ландшафтов, похоронам ландшафтов, ритуалам их поминовения (например, ежегодный спуск на воду траурных венков над затопленными городами как это делает землячество жителей Мологи и их потомков [9]), связанным с этим аксессуарам (венки, траурные ленты, предметы обихода с памятной символикой и т.д.).

Само собой разумеется, что нечто подобное описанному происходило и происходит в случае стихийный бедствий — землетрясений, ураганов, цунами, техногенных катастроф и т.д. Однако, скорость протекания процессов в этом случае столь велики, что ни о каком осознаваемом взаимодействии с трупом ландшафта или его погребении речи быть не может. Соответственно, нет условий для проявления в какой бы то ни было форме и танатофилии. Тафофилия же в этих случаях может проявляться также как и при предварительно подготовленном уничтожении ландшафта и его компонентов.

Конечно, описанные изменения ландшафта всегда имели место в истории ландшафтов Земли (да и других планет). Так, геологи тщательно отмечают при описании геологического строения той или иной местности наличие погребённых кор выветривания и погребённых почв. В палеоэкологии, как уже говорилось, рассматриваются стадии фоссилизации биоценозов — танатоценозы, тафоценозы и ориктоценозы [15]. Однако подобного систематического рассмотрения смерти и трупа ландшафта во всей его целостности не существует. Некоторые философско-методологические основания для этого представлены в работах А.В. Гогина [11].

Кладбища как тафогенные ландшафты.

Представляя собой особые урочища в сельских местностях, в больших городах и мегалополисах громадные по территории кладбища превращаются в самостоятельные особые ландшафты, со своими реками и их поймами, плакором, озерами, холмами, низинами, транспортными путями нескольких уровней, тенистыми и солнечными, засушливыми и переувлажнёнными фациями и местностями, характерными суточными и сезонными миграциями животных и суточными, недельными и годовыми миграциями людей и т.д. В любом случае они представляют в рассматриваемом аспекте особый интерес поскольку позволяют в концентрированном виде рассмотреть соотношение в ландшафте разных разрядов организмов с их функционированием (включая трупобразование) со свойственными каждому из них проявлениями жизни и смерти и их взаимоотношения.

Главным, ландшафтообразующим компонентом кладбища являются трупы людей. При захоронении трупов, не подвергшихся кремации, даже если они подвергаются обычным приёмам консервации и бальзамирования, решающим является то, что захоранивается значительная масса органики, являющаяся замечательным субстратом для расцвета микробной жизни, лежащей в основе развития всего почвенного биоценоза. При захоронении кремированных останков в почву вносится ощутимый дополнительный резерв минеральных веществ. Наличие гробов или урн для праха несколько замедляет начальные фазы деятельности организмов-редуцентов (микроорганизмов, грибов, червей, личинок и имаго насекомых и т.д.). Однако, через некоторое время останки (как и органические детали гробов и урн) становятся значимым фактором процессов кладбищенского почвообразования.

Вторым важным компонентом кладбищенского ландшафта (если речь не идёт, скажем, о традиционных иудейских кладбищах) являются намогильные растения — цветущие или формирующие газон. Набор этих растений довольно строго ограничен и определяется как лёгкостью необходимой для их выращивания агротехники, способностью конкурировать с сорняками, выживаемостью в условиях городской среды и т.д., так и модой и культурными традициями. Последние включают в себя и представление о том, что определённые растения могут активно участвовать в жизни умерших, помогая осуществлять связь тел и душ. Так или иначе такие растения формируют своеобразные агроценозы, продукция которых систематически не изымается полностью из ландшафта (поэтому-то на кладбищах и бывает «самая сладкая земляника»).

Третьим важнейшим компонентом многих кладбищ являются деревья и крупные кустарники, разнообразие которых часто значительно превышает разнообразие древесной растительности лесов и даже парков той же местности. Именно поэтому кладбища оказываются своеобразным рефугиумом для гнездящихся в кроне и дуплах птиц, летучих мышей, грызунов (белчих) и т.д., причем дополнительным фактом привлекательности для них является отсутствие на кладбищах охоты или осуществляемого в других местностях истребления сорных птиц (отсюда характерные для кладбищ колонии ворон). Вполне понятно, что такое разнообразие микроорганизмов, растений и обитающих в кронах деревьев относительно крупных животных обеспечивает разнообразие и обилие других компонентов кладбищенских биоценозов. Однако, это разнообразие имеет свои ограничения. Так, на кладбищах не будет крупных хищников типа медведей или волков, в сельской местности на действующих кладбищах только спорадически выпасается домашний скот (в отличие от действующих кладбищ и кладбищ других народов, существующих на той же территории, как например выпас коз на еврейских кладбищах Западной Украины) и т.д.

И, наконец, четвёртым компонентом кладбищ является человек во всём многообразии его активности. Живые люди хоронят и чтут своих предков, время от времени посещая их могилы и ухаживая за ними, работают служителями кладбищ и могильщиками, организуют кладбищенский бизнес и устраивают похоронные и поминальные церемонии, отпевают умерших и служат панихиды, изучают кладбища и пишут их историю, занимаясь некрополистикой [10, 29] или историей погребений (включая изучение эпитафий — объект эпиграфики [73] — и надгробной скульптуры), пишут кладбищенские пейзажи и изучают биоценозы кладбищ, гуляют на кладбищах, слушая пение птиц и предаваясь размышлениям о смысле жизни, и т.д. и т.п. Среди этих людей есть и вполне психически уравновешенные «обыватели» (самых разных сословий, социальных статусов и профессиональных занятий), которые нечасто бывают на кладбищах, и постоянно связанные с ними профессионалы (служители кладбищенских служб, ученые, художники, краеведы и т.д.), и девиантные некротические личности, сочетающие тафофилическую преданность почившим с безразличием и даже недоброжелательством к живущим, в том числе, своим близким [81], и местные блаженные, и просто обездоленные попрошайки.

Кроме этого поверхность и толща почвы на кладбищах насыщена металлическими,

каменными, бетонными, деревянными и прочими фрагментами разрушенных надгробий и ограждений, местами перекрытыми кучами мусора и полуразложившейся лесной подстилкой. При этом кладбища отличаются тишиной и спокойствием, некоторой отдалённостью от мирской суеты, находясь порою даже в центре многомиллионного города.

Тем самым кладбища оказываются сосредоточением самых разных организмов — живых и мертвых (трупов), находящихся на разных стадиях развития, разложения и фоссилизации — и самой разной жизни и смерти организмов разных разрядов, которые — жизнь и смерть — разливаются по этому своеобразному ландшафту (урочищу), обеспечивая активность (как жизнь, так и функционирование) то одних, то других его компонентов. При этом трупы человека являются субстратом для развития различных редуцентов, деятельность которых обеспечивает в конечном счете благоприятные условия для развития растений-продуцентов. Последние обеспечиваются (хотя и противоположно направленной по отношению к высаживаемым растениям и «сорнякам») и целенаправленной деятельностью людей, которые следят за тем, чтобы облик кладбища соответствовал принятым социокультурным нормам и стандартам. Последние предполагают и то, что на кладбищах постоянно звучат поминовения усопших, включая молитвы, что делает кладбища местом интенсивной духовной жизни. Изредка на кладбищах открываются мощи святых, которые в таком случае эксгумируются и переносятся в храмы. Становясь мощами трупы оказываются источником интенсивной духовной жизни [51], а сохранение мощей оказывается еще одной сферой социокультурной активности. Говоря об этом (как и в целом о кладбищах) надо иметь в виду и сведения (правда, противоречивые) о наличии кладбищ у африканских слонов [96], что делает рассмотрение кладбищ как тафогенного ландшафта ещё более принципиально важным.

Проблема сравнения жизненаполненностей ландшафта

Довольно подробное рассмотрение некротических ландшафтов и кладбищ как тафогенных ландшафтов позволяет продемонстрировать остроту проблемы сравнения жизненаполненностей ландшафтов, от того или иного разрешения которой зависит суждение о том, витализация или некротизация ландшафта имеет место в том или ином случае. Принципиальный ответ на этот вопрос прост — необходимо обнаружить увеличивается ли или уменьшается число непредсказу-

емых нарушений регулярностей, свойственных функционированию ландшафта. Однако в виду того, что та или иная регулярность может описываться неопределённо длинным алгоритмом, вопрос об отличии подчиненности активности организма некоторому алгоритму от нарушения подчинения ему оказывается напрямую эмпирически неразрешимым. Адекватно корректными в такой ситуации будут только экспертные оценки, которые, однако, всегда могут быть поставлены под сомнение. Поэтому приходится прибегать к каким-то иным способам квалификации положения дел, причем к способам такой квалификации может быть несколько подходов.

Прежде чем переходить к их рассмотрению, следует ещё раз обратиться к сути развиваемых представлений о жизни, организме, смерти и трупе на материале двух однотипных примеров. Оба они относятся к событиям, связанным с общественным транспортом в Ленинграде и Санкт-Петербурге.

Общественный транспорт, движущийся с некоторой регулярностью по известным маршрутам является неотъемлемой частью культурного ландшафта современного города. Для его нормального функционирования важен не только факт такого движения, но и осведомленность участников движения как о стандартных маршрутах того или иного вида транспорта, так и конкретной машины, находящейся на маршруте в данный момент (сообщается водителем, кондуктором, надписями, информацией на экране или каким-то другим автоматическим устройством). С этой точки зрения и являются контрастными следующие примеры.

Первый из них относится к концу 1970-х или началу 1980-х гг. Проезжая в троллейбусе (скорее всего, маршрута № 15) автор услышал не только сообщение водителя об остановках, но и рассказ об истории и достопримечательностях прилегающих к остановкам территорий и такие случаи повторялись два или три раза (об этом водителе потом был и рассказ по Ленинградскому радио; аналогичная история с водителем троллейбуса маршрута № 15 в Москве Андреевым в начале 1960-х гг. [8]). Примерно в то же время на другом маршруте водитель подробно рассказывал о возможных пересадках на каждой остановке.

Второй пример относится к сентябрю 2015 г., когда автору за один день при передвижении по хорошо известным районам города пришлось воспользоваться несколькими маршрутками. Все водители были приезжими и судя по всему плохо понимали русский язык, в частности, путаясь в семантике русских предлогов, передающих пространственные от-

ношения. В результате доехать в нужные места не удалось ни разу, хотя позже выяснялось, что маршрутки мимо них шли.

В обеих сериях ситуаций имели место нарушения регулярностей, правда разных типов.

В первой серии нарушение регулярностей выражалось в том, что к регулярным событиям, которые шли своей чередой (троллейбус двигался по маршруту, остановки объявлялись и объявления соответствовали остановкам), т.е. при сохранении полноценного функционирования организма, прибавлялось неожиданное сообщение сведений, которые могли быть интересными и/или полезными, что и выступало как проявление жизни.

Во второй серии нарушение регулярности заключалось в разрушении самой регулярности — водитель был не в состоянии вразумительно рассказать о маршруте следования. Одна из неотъемлемых функций общественного транспорта при этом не реализовывалась, что даёт основания говорить не только о некротизации, но даже об отуплении транспортного организма.

Следует заметить, что однозначно квалифицировать ситуации первой серии как витализацию строго говоря нет оснований — для этого нужны дополнительные сведения. Дело в том, что, возможно, это были ситуации, когда водитель читал (произносил наизусть) заранее заученный текст. Тогда это вариант функционирования, а не витализации. Однако, когда-то кому-то (водителю, работнику троллейбусного парка) пришла в голову эта идея и именно появление этой идеи, а также активность по её реализации и были проявлениями витализации, которые привели к совершенствованию функционирования (именно такими, правда относящимися только к возможным пересадкам и времени их совершения, являются сообщения в поездах и городском транспорте в Европе, например, в Германии). Но возможно, что каждый раз это была импровизация и тогда каждая реплика водителя была витализирована. Степень же этой витализации различна в зависимости от того, в какой мере эти реплики были вариациями единого образца такого сообщения.

Последняя дилемма иллюстрирует и соотношение мест экспертных оценок и методов в суждениях о витальности (некротичности). Наблюдение ситуации приводит к экспертному заключению о проявлении в ней жизни. Поскольку как проявлению жизни трактуется нарушение регулярности функционирования, то методически подтвердить это невозможно. Однако, можно попытаться продемонстрировать что такое нарушение регулярности является закономерным. В таком случае то, что казалось проявлением жизни, будет выступать как ещё

одна особенность функционирования. Учитывая это, можно указать несколько приемов выявления того, что касается проявления жизни и степени жизненности.

Первый из них заключается в том, что выделяется несколько разрядов жизнепроявлений, «жизней» и выстраивается порядковая шкала жизненности внутри каждого разряда. Так, небольшая деревня, населённая стариками, заведомо меньше наполнена социокультурной жизнью, чем районный центр, в котором время от времени что-то происходит, средневековый город более наполнен экономической жизнью, чем древний монастырь и т.д. Идя по такому пути можно каждый ландшафт характеризовать многомерным вектором жизненности, каждая из компонент которого будет характеризовать жизненность ландшафта определенным разрядом жизни. Далее можно сопоставлять эти вектора, но вопрос о соотношении весов разных компонент остаётся открытым (скажем, как сравнивать хозяйственную жизненность монастыря с поэтической жизненностью завода). Открытым остается и вопрос о числе выделяемых разрядов жизней.

Второй подход основан на использовании обилия объектов того или иного класса живых существ в ландшафте (выражаемого в количестве экземпляров, их суммарной массе, объёме или других экстенсивных характеристик) как меры жизненности этих существ.

Третий подход заключается в использовании разнообразия компонентов ландшафта как критерия его жизненности. При этом можно отдельно учитывать и разнообразие компонентов, связанных с разными разрядами жизни — тектонической, геохимической, биологической, социокультурной, духовной и т.д. Для реализации этого подхода для оценки, к примеру, интенсивности биологической жизни, экологи используют различные индексы разнообразия (см., напр., [36]). Содержательно близкие индексы разнообразия можно вводить и для других областей, например, основываясь на информационной энтропии Шеннона [48]. При этом следующим уровнем детализации оценки будет учет не только разнообразия компонентов определённого разряда, но и их количественного соотношения. Тогда, например, биоценозы (и ценозы произвольной природы в целом [34]) будут описываться гиперболическими H -распределениями, отвечающими экстремальным принципам, а ассоциации случайно соседствующих организмов (например, на свежих, еще незадернованных, насыпях железных дорог или на свалках) — нет. Кроме того, при использовании таких критериев появляется возможность сравнения на-

полностью жизней разных разрядов. При этом, правда, надо отдавать себе отчет в том, что строго говоря такие оценки (как и в предыдущем подходе) будут оценками активности организмов, а не их жизненности, но при допущении квазистационарности существования соответствующих организмов такая оценка может рассматриваться и как мера жизненности.

Четвёртый подход, также относимый уже к функционированию организмов, может заключаться в оценке биологической продуктивности разных ландшафтов. Тогда можно проранжировать, например, по этой характеристике, ландшафтные зоны и говорить о том, что продуктивность (= биологическая жизненность) смешанных лесов ($6000 \text{ ккал/м}^2\text{год}$) больше тундры (около $700 \text{ ккал/м}^2\text{год}$), а степей (около $2600 \text{ ккал/м}^2\text{год}$) больше пустынь (около $50 \text{ ккал/м}^2\text{год}$ — [57]). Экономическую жизненность ландшафта аналогично можно оценивать по количеству сосредоточенных на его территории капиталов, а хозяйственную [7] — долей населения, вовлечённого в эталонные для этого ландшафта виды деятельности.

Наконец, пятый подход заключается в том, что принимается иерархия жизненности жизнепроявлений, соответствующая ослаблению пронизанности Фаворским светом в согласии с «Физическими главами» св. Григория Паламы [27] или марксистскими формами движения материи [52], рассматриваемыми в обратном порядке: духовное — душевное — биологическое — физическое. Тогда организм, в котором жизнь проявляется в виде духовной жизни более жизнен, чем тот, в котором жизнь проявляется в виде жизни душевно-психической, душевно-психический организм более наполнен жизнью, чем тот, в котором жизнь проявляется в биологической форме, а последний более наполнен жизнью, чем организм, в котором жизнь проявляется только в форме физических процессов [80].

Можно вводить и другие меры жизненности (витализации) ландшафта. Уменьшение жизненности (витализации) будет свидетельствовать о некротизации ландшафта, хотя и можно искать самостоятельные меры некротизации.

Представленный в этом разделе материал не столько указывает на то, как можно оценивать жизне- или смертенность ландшафта, сколько на то, как искать способы такой оценки. Однако, без того или иного способа такой оценки невозможно ответить, скажем, на такой вопрос: «Чем преимущественно наполнено кладбище — жизнью или смертью?».

Конкуренция и конфликт жизненаполненностей ландшафта

Теперь, обладая некоторым интеллектуальным инструментом для анализа подобного материала, можно рассмотреть несколько особо сложных и остро дискуссионных случаев витализации/некротизации ландшафта и отдельных его компонентов.

Первым примером будет большой парк с дворцом (дворцами), подобный императорским паркам Петергофа и Павловска или подмосковного Архангельского (ср. [38]). На первый взгляд может показаться, что такой парк наполнен жизнью в её непосредственной спонтанности. Холмы, водопады, ручьи, фонтаны, шутихи, парковая скульптура и архитектура малых форм (беседки, перголы, павильоны, кенотафы — вот радикальная антитеза затопленным кладбищам!), музыка, фейерверки казались бы только увеличивают эту спонтанность. Однако на деле оказывается, что холмы, водопады и ручьи — рукотворные и, будучи результатом труда паркового архитектора, предполагают постоянное поддержание в надлежащем состоянии; фонтаны, шутихи и фейерверки являются плодом изощренной инженерной мысли и требуют постоянного привлечения человека для обслуживания их надлежащего функционирования; за деревьями и цветами постоянно ухаживают садовники (которые, в числе прочего, постоянно осуществляют стрижку деревьев, придают их кронам живописный вид, осуществляют прополку, замену однолетников согласно сезону и т.п.) и т.д.. Таким образом, всё существование такого парка в предлагаемом хозяину и его гостям виде насквозь пронизано некротизмом изощрённого заранее предумышленного функционирования.

Назначение такого парка — организация сложной семиотической игры, являющейся неотъемлемой частью дворцовой жизни: в парке в соответствии с законами жанра становится возможным то, что нельзя осуществить в самом дворце — можно позволить себе некоторое послабление в соблюдении норм этикета или нарушить строгость туалета, высказать то, что будет отличаться некоторой дерзостью или особой доверительностью, надеяться не быть услышанным посторонними ушами и проявить особое красноречие обращаясь к единственному слушателю (а попутно еще и продемонстрировать свою учёность и остроумие в распознавании сюжетов парковой скульптуры) — одним словом продемонстрировать то, что называется знанием света и умением вести себя в нем, причем света в его самом сложном — дворцовом — варианте, сущность которого практически непостижима для подавляющего числа со-

временных даже весьма состоятельных людей. При этом чем более изысканным и индивидуализированным оказывается такое поведение, тем выше оказывается неформальный статус его носителя, и именно для осуществления этих подлинно творческих жизненных актов и нужен дворцовый парк, размеры которого могут быть весьма велики, а значимые элементы которого могут организовывать ландшафт измеряемый многими километрами (как видима из многих частей города статуя Геркулеса на вершине холма, с которого спускается горный пейзажный парк Вильгельмскхээ, переходящий в многокилометровую одноимённую аллею в Касселе).

Непонимание этой семиотической игры может родить у наивного наблюдателя ощущение пасторальной непосредственности видимого ландшафта. В таком случае он может оказаться в неловком положении, подобно наивному зрителю кино, пытающемуся участвовать в действии на экране, и тем самым резко понизить свой статус в социальном организме незнанием «тайн мадридского двора» или даже поплатиться жизнью за попытку охоты на фазанов в таком парке. Таким образом, пронизанный некротизмом дворцовый парк даёт шанс для проявлений жизни ещё одного нового типа, если пребывающее в нём лицо владеет техникой адекватной семиотической игры, и становится источником смерти в противном случае.

В особом положении в подобном парке оказывается ребенок. С одной стороны, он постоянно готов пребывать в игровой ситуации, с другой — по отношению к нему понижены требования социального контроля и ему позволено играть в «другую» игру. В результате парк становится привлекательным своей высокой витальностью местом детской рекреации (что рассмотрено на примере Летнего сада в Санкт-Петербурге [82]).

Весьма примечательно и то, что наивная позиция по отношению к подобным романтическим паркам Европы, виденным им во время скитаний по дворцам влиятельных покровителей, дала основание Ж.-Ж.Руссо [62] объявить такие ландшафты (дикой) природой в противоположность культуре городов, что породило бессодержательную с момента своего появления новоевропейскую оппозицию естественного и искусственного (ср., однако, традиционное их понимание как состояний до и после грехопадения — [26]).

В целом же надо отметить, что соотношение витальности диких и антропогенных компонентов ландшафта весьма нетривиально даже тогда, когда речь не идет о специфических агроландшафтах. Так, на южном берегу Финско-

го залива почти от самого Санкт-Петербурга до самых западных берегов Эстонии тянется полоса (местами доходящая до ширины в несколько десятков километров) разнотравных лугов, перемежающихся зарослями лещины, ольшаниками и ивняками с вкраплениями климатических ельников-зеленомошников. Эти луга отличаются самым высоким в умеренном поясе индексом видового разнообразия, включая редкие растения, например, несколько видов орхидных. К ним приурочены и древние районы скотоводства, что зафиксировано в топонимике, связанной с языческим Волосом (Велесом). Однако, это биоразнообразие поддерживается только при одном условии — систематическом сенокосе. В противном случае либо идёт процесс заболачивания, с формированием кочковатого микрорельефа, образованного дерновинами осоковых, либо зарастание ивняком и ольшаником. В обоих случаях биоразнообразие за несколько лет резко уменьшается, на дневной поверхности почвы появляются лишённые растительности участки. Таким образом максимальная витальность ландшафта обеспечивается в данном случае традиционной умеренной антропогенной нагрузкой [91]. При этом, однако, надо принять во внимание, что при каждом укосе происходит частичное отупление несметного числа растений, некоторые из которых в результате гибнут полностью, погибает большое число обитающих в траве насекомых и некоторое количество наземных беспозвоночных, земноводных, птиц, мышеобразных и мелких грызунов и т.д. Однако в итоге получается, что такая смерть некоторого количества организмов оказывается идущей во благо сообществу травостоя как целого.

В качестве второго примера такой многоаспектной противоречивой ситуации можно рассмотреть значимые для ландшафта компоненты — например, артефакты (здания, сооружения, пирамиды, стелы и т.д.) или морены, крупные валуны, отдельно стоящие приметные деревья. Каков вклад этих компонентов в витальность или некротизм ландшафта? Каковы витальность и некротизм их самих?

Так, любое заброшенное, запущенное, разрушенное, неполностью демонтированное здание или сооружение (как и их группа) конечно же несёт на себе след некротизма, поскольку факт частичного отупления в данном случае налицо. Но в каком-нибудь монотонном ландшафте тундры, степи или пустыни эта же руина может оказаться самым витальным компонентом ландшафта. Витальность такой руины может быть придана и её особой живописностью, что особенно детально разрабатывалось в эстетике романтизма (ср. сюжет о засохшем

дубе во втором томе «Войны и мира» Л.Н. Толстого). Таким образом в зависимости от того, какие критерии жизненности будут привлекаться, а главное какие способы соотнесения разных жизненностей будут использованы, суждения о витальности/некротизме такого сооружения будут различаться.

Очень часто подобные коллизии возникают тогда, когда решается вопрос о сохранении, сносе или воссоздании заново какого-либо безусловно ценного памятника. При этом, скажем, «научная реставрация» (а на деле в большей мере воссоздание заново) Петергофа или Царского села и полное воссоздание строений и интерьеров пушкинских Михайловского, Тригорского и Петровского оказались принятыми (в них удалось вдохнуть жизнь, правда какую?), а реставрация московского Царицына вызывает острые дискуссии и отторжение, и оно кажется некротичным.

Весьма примечателен пример главного здания Московского государственного университета (далее МГУ) и входящих в его ансамбль зданий физического, химического и биологического факультетов. Безусловно, оно является опорной точкой огромного культурного ландшафта на юго-западе Москвы и в этом отношении не уступает касселевскому Геркулесу. Однако он занял местность (ландшафт) Воробьёвых гор, весьма значимую для культурной (литературной в частности) истории не только Москвы, но и всей России (взять хотя бы страницы посвященные им в «Былом и думах» А.И. Герцена). Кроме того, строительство МГУ было осуществлено на территории, объявленной ныне природным заповедником, не говоря уже о разрушенных поселениях этой местности и геологических подвижках высокого берега Москвы-реки. Но самым большой вклад в некротизм МГУ вносит его строительство зеками ГУЛАГа, что оказалось закреплённым в наименовании частей зданий зонами, равно как и в существующем охранном режиме в сочетании низкими потолками значительной части помещений и узкими, почти щелевидными окнами (например, в общежитиях), напоминающими крепостные бойницы. Отдельно можно обсуждать место МГУ в ряду других сталинских высоток, ставших составной частью плана некротизации Москвы при превращении ее в столицу тоталитарной империи. Все это завершалось переименованием местности в Ленинские горы (по кличке создателя государства, официально организовавшего «красный террор» [53]), так что МГУ в итоге выступает не только как памятник усатому тирану, но и как надгробие всему СССР — стране, готовой приносить в жертву одержимым похотью власти десятки миллионов жизней и надорвавшейся в итоге

в своей непомерной спеси. При этом по объему камня и строительных работ МГУ может сравниться с самыми большими надгробиями — египетскими пирамидами, так что скопления камня на Воробьёвых горах просуществуют ещё не одно тысячелетие.

Особые коллизии витальности/некротичности ландшафта возникают при смене предназначения его маркированных компонентов. Так, в СССР постоянно происходило закрытие храмов и монастырей, а их здания использовались для других целей. Скажем, нередко были ситуации превращения сакральных ландшафтов (таких как Соловецкие острова, Валаам, Сергиев Посад и его окрестности, Саров) в лагеря, тюрьмы, колонии малолетних преступников, места разработки и испытания оружия массового поражения (Сергиев Посад — бактериологического и химического, Саров — ядерного) и т.д., с разрушением колоколен, мажорных храмов, окутыванием колючей проволокой, военизированной охраной, пропускным режимом и т.д. [22, 31].

Очередная волна государственного атеизма во времена хрущевской оттепели ознаменовалась массовым закрытием храмов, но сохранением их зданий, осознаваемых как памятники архитектуры. В результате (вместе с теми, которые остались от предыдущих десятилетий атеизма) на территории СССР оказалось огромное количество архитектурных сооружений, лишённых какого-либо назначения. Это были подлинные трупы храмов и монастырей, причём часто имеющих ключевое положение как в городском, так и в сельском ландшафте. Поэтому остро встал вопрос о судьбе этих трупов — то ли они подлежат уничтожению, а территория под ними — реновации, то ли изменению их использования, причём выбор того или иного варианта был предметом жёстких дискуссий, в то время как сторонники обеих точек зрения не допускали, что когда-нибудь эти сооружения будут использованы по назначению. Если удавалось отстоять вторую точку зрения, то сооружение могло начать использоваться практически любым способом — как склад, зернохранилище, машинно-тракторная станция (МТС), кинотеатр, ресторан, отхожее место и т.д. Урочище или местность, композиционным центром которого — причём центром, тщательно выбранном строителем храма — оказывается отхожее место или тюрьма, устроенные в этом храме, становятся содержательно и эстетически уничтоженными, превращёнными в радикально некротизированный труп. Другой вариант подобного преобразования — превращение в советское время храма (скажем, храма дореволюционной больницы) в очевидно некротичные морг или

прозекторскую, которые могут в этом случае оказаться центром архитектурного ансамбля и организуемого им ландшафта. Однако важно, что сохранённые хотя бы в таком виде трупы храмов в настоящее время вовлечены в процесс ревитализации, пусть даже не всегда уместной и удачной.

Противоположная ситуация — ландшафт, значимым компонентом которого является, скажем, отхожее место, превращённое в ресторан (случаи реализации чего также известны) — для старожилов будет предметом насмешек и презрения, что делает такой ландшафт лишённым полноценной витальности по крайней мере до того времени, пока сменится поколение, помнящее, что там было отхожее место. Нечто подобное происходит, когда в центре ландшафта оказывается лобное место, крематорий или тюрьма. Так, наличие двух тюрем — Петропавловской крепости (прошлой) и «Крестов» (действующей, хотя и превращаемой ныне в музей) — в качестве организаторов архитектурных ансамблей двух центральных районов Санкт-Петербурга вносит значительный вклад в общую некротическую атмосферу Северной столицы.

Последний вопрос заслуживает несколько большего внимания. Может показаться, что тюрьма, сумасшедший дом, интернат для хроников, хоспис и т.д. вообще не являются компонентами ландшафта и могут быть расположены где угодно. Однако, очевидно, что это не так, причём очевидно со всё большей ясностью с самых разных точек зрения — общегуманистической, политико-идеологической (подальше убрать с глаз), экономической (из-за стоимости содержания таких объектов в центре городов), санитарно-гигиенической (источник инфекций), полицейско-военной (источник опасности, в частности из-за и очень редких побегов) и т.д. Но рассмотрение этих аспектов обнаруживает очевидное влияние подобных объектов на ландшафт, в т.ч. и на его некротизацию. Поэтому, скажем, лагеря содержания смертников, такие как «Белый лебедь» и «Чёрный дельфин» являются очевидными факторами некротизации ландшафта.

Вместе с тем, ситуация оказывается ещё более сложной. Заключённые, пациенты хосписов, сотрудники моргов могут быть вовлечены (по собственной инициативе, иногда преследуемой, или поощряемые администрацией) в активную творческую деятельность во имя жизни. В подобных местах могут писаться книги, совершаться открытия, создаваться религиозные, философские и политические доктрины, делаться изобретения, создаваться театральные постановки, складываться специфический фольклор и т.д. и и.п. При определённом сте-

чении обстоятельств интенсивность всего этого может оказаться даже выше, чем в, казалось бы, более подходящих условиях, а иногда может быть организован процесс коллективного творчества (как это было в знаменитом Соловецком лагере особого назначения — СЛОН — НКВД или в институтах-шарашках сталинского времени), что вносит соответствующий вклад в витализацию ландшафта, особо ярко выражающую в создании музеев тюрем (например, музей ГУЛАГа «Пермь-36» со всеми проблемами его существования) возведении храмов (например, Храм святых Новомучеников и Исповедников Российских на Бутовском полигоне), организации постоянного поминовения заключённых и погибших, поддержание памяти о них (так, Девятнадцатого кислева — дату освобождения Раби Шнеур-Залмана бар-Баруха из Петропавловской крепости — последователи ХАБАДа до сих пор ежегодно празднуют, называя этот день «хасидским новым годом»).

Подобные преобразования могут происходить и без всякого вмешательства властей. Так, пещера Психиридиса, расположенная на острове Сирос в Эгейском море, в которой у него учился Пифагор, превращена местными жителями в отхожее место, к которому советуют не приближаться из-за свойственного ему зловония и скопления нечистот. Очевидно, что это смердящий труп, причём в известном смысле труп всей европейской культуры. Ландшафт, в котором, находится эта пещера также оказывается некротизированным, т.к. сама возможность такой ситуации демонстрирует, что строй мысли Пифагора не воспринимается местным населением как имеющий к ним какое-то отношение.

Подобная активность (инертность) проявляется и в современной России. Легализация самой идеи приватизации всего, что возможно, в сочетании с пассивностью правоохранительных органов породило такую неоязыческую практику, как почитание мест гибели (что не свойственно, скажем христианским или светским традициям) автомобилистов, что внесло в ландшафт дополнительную некротическую разметку автодорог. Примечательно, что такая неоязыческая практика не вызывает противодействия со стороны старожилов соответствующих ландшафтов, хотя де факто эти ландшафты перестают восприниматься этими старожилами как «свои».

Кроме всего прочего такое положение дел является индикатором трансформации одного культурного ландшафта — который можно обозначить как советское обитаемое пространство [22] — в другой — неоязыческий, причем трансформация без тотального отрупления.

Подобного рода трансформации — один из двух основных типов беструпных преобразо-

ваний ландшафта (как и других организмов), при котором происходит замена одних компонентов ландшафта компонентами других типов (в отличие от возобновления, при котором происходит замещение старых компонентов новыми того же типа). Очевидно, что при возобновлении ландшафта соотношение его витальности/некротизма практически не меняется. При трансформации ситуация оказывается не столь определённой.

Витализация/некротизация ландшафта при его трансформации

Начинается трансформация с того, что в ландшафте появляются единичные представители компонентов тех типов, которых не было ранее в этом ландшафте (например, борщевика Сосновского — мести Сталина — в центральных и северо-западных областях России [3, 49] или мечетей и сельских домов татарского типа на Северо-Западе и Севере России). Вначале это может быть незаметно, однако, рано или поздно это обращает на себя внимание. При этом даже единичные экземпляры борщевика или подобных строений могут нарушить целостность ландшафта если они окажутся в какой-либо его фокальной точке — в самой высокой точке данной местности, рядом с дворцом, являющимся композиционным центром пейзажного парка, поблизости удачно поставленной сельской церкви, вблизи заповедной для местного населения рощи и т.д. Очевидно, что в этих случаях будет иметь место как деградация тела ландшафта (он потеряет гармоничность), так и его некротизация. При этом если такой ландшафт был до этого эталонным ландшафтом некоторого типа, то в новом состоянии он перестанет быть таковым, что ещё более уменьшит социокультурную компоненту его витальности. Ветшание и руинизация присутствующих на территории данного ландшафта зданий и сооружений, обезвоживание рек, озёр и каналов или гибель деревьев в заповедной рощи будет вносить свой вклад в эти процессы некротизации ландшафта и деградации его тела. Однако, совершенно очевидно, что через какое-то время на этой территории может сложиться новый эталонный тип ландшафта, лишённый лесных массивов, с дорогами и тропинками, обсаженными борщевиком, который будет декоративно подстригаться в течении лета, мечетями, находящимися в фокальных точках такого остепнённого ландшафта, тюркским населением и т.д. В таком случае произойдет восстановление целостности ландшафта — но уже совершенно другого! — и его витализация. Нечто подобное происходило на Северо-Западе нынешней России на рубеже I и II тысячелетий от Р.Х., когда шла христианизация

ция этих территорий и перераспределение на них германо-скандинавского, финно-угорского и славянского населения [14].

Такая волнообразность и даже цикличность оформления/отрупления тела ландшафта и его витализации/некротизации в общем совершенно понятна, если учесть аналогичные процессы, происходящие с его компонентами. Так, любой присутствующий на той или иной территории биоценоз не существует вечно, а вовлечен в закономерные (квази)циклические преобразования (проблема поликлимакса и смежные дискуссионные вопросы сейчас во внимание не принимаются [45, 58]). Скажем, на Северо-Западе России это будет такой цикл: ельник-беломошник, который по мере возрастной гибели древостоя (вот ситуация видимого отрупления) превращается в сфагновое болото (минимальная биологическая продуктивность), на котором начинается со временем рост березы и осины, под пологом которых, в свою очередь, идет рост елей, обгоняющих в росте берёзы и осины, гибнущие (опять выраженное трупобразование) под тенью елей. При этом происходит закономерная смена продуктивность, выступающей в качестве индикатора жизненности. Нечто подобное происходит и с населением, однако эти процессы описаны пока менее убедительно. Так, в рамках концепции этногенеза Л.Н. Гумилёва в начале цикла имеет место пассионарный толчок, сообщающий энергию (ср. аналогии с развиваемой трактовкой жизни!) процессу этногенеза, по мере затихания которого происходит переход этноса в стационарную или угасающую фазу, после чего этнос уходит с исторической арены, предоставляя место другому народу [12]. Имеют место и циклы погодно-климатических изменений, циклы тектонической активности и т.д. (БАГСТ-циклы — биосферно-атмосферно-гидросферно-статисферно-тектонические), каждый из которых обладает своими характерными временами. Поэтому можно говорить как о витальности/некротичности ландшафта в какой-то период его существования или об интегральной витальности/некротичности ландшафта на всех стадиях его существования.

Аналогичная ситуация имеет место и в отношении к процессам, происходящим на границах ландшафтных зон, — временно-волнообразным или однонаправленным наступлениям друг на друга тундры и леса, леса и степи (с большей продуктивностью \leq жизненностью $>$ леса в обоих случаях), степи и пустыни (с большей продуктивностью степи) и т.д.

Однако, в подобных ситуациях возможны и случаи, когда менее жизненный с биоценологической точки зрения ландшафт

оказывается высокоценным с точки зрения социокультурной. Тогда суммарная жизненность такого ландшафта может оказаться выше, чем у более высокопродуктивного с биоценологической точки зрения. Так, например, когда после по сути дела синтеза искусственного ландшафта Куршской косы в начале XX века встал в конце того же века вопрос о сохранении на ней менее биопродуктивного, но культурно ценного (памятника природы) пустынного дюнно-барханного ландшафта, это потребовало вложения значительных сил и энергии, но увеличило суммарную витализацию синтезированного ландшафта Куршской косы [40].

Практически неизбежно та или иная трансформация ландшафта происходит при смене населения, изменении его расового, этнического, культурного, религиозного, социального состава. В настоящее время имеют место подобные изменения и на территории России, которые остро переживаются определённой частью местного населения, претендующего на то, чтобы быть единственными держателями местного ландшафта. При этом такое изменение населения воспринимается как результат перераспределения человеческих масс после распада СССР.

Однако, речь идёт о значительно более объёмном процессе движения населения от Тихого океана через северную Евразию (Сибирь, Урал, Европу) к Атлантике и переправке части этого человеческого потока через Атлантику в Америку, т.е. о процессе вполне сопоставимым с Великим переселением народов в I тысячелетии от Р.Х. [64]. Очевидно, это приводит и к закономерным трансформациям ландшафта как с изменением соотношения витальности / некротичности ландшафта, так и без таковой. Существующая при этом инерция восприятия таких изменений может приводить к тому, что происходящие изменения, как имеющие циклическую природу, так и однонаправленные, могут восприниматься как смерть, деградация ландшафта, экологический кризис [19] и т.д., в то время как фактически имеет место только возникновение непривычных состояний ландшафта. Возможно, для описания таких процессов целесообразно привлекать представления об аполлонической, спокойной, гармонически-уравновешенной (как в современной Европе) и дионисийской неудержимо-бурной, кипящей (подобно Юго-Восточной Азии) жизни [80].

Эвристическая витология ландшафта

Проведенное рассмотрение, как представляется, выявляет эвристический потенциал предлагаемого витологического изучения ландшафта. При этом такое изучение оказыва-

ется в высокой степени динамичным, отображающим ландшафт в многообразии его изменчивости и изменений во времени.

Кроме того, данный подход позволяет перейти от статического алармизма или платонически-идеального конструирования (как в случае модели поляризованного ландшафта Б.Б. Родомана) ландшафта перейти к его **витологической и морфологической критике**, дающей адекватное представление о витологическом статусе ландшафта и допускающей рассмотрение спектра возможных вариантов коррекции и оптимизации спонтанных его изменений. При этом самыми актуальными задачами оказываются задачи **поиска индикаторов витальности и некротичности ландшафта**, в том числе, индикаторов овнешнённых, которые если бы не снимали бы дискуссионность существующих в этой области экспертных оценок, то хотя бы делали это обсуждение более конструктивным. С конструктивной точки зрения особо актуальным оказывается поиск не просто внешних, но **количественных**, измеримых индикаторов витальности/некротичности ландшафта. Однако, как было показано, индикаторов витальности быть не может, а бывают лишь обстоятельства, наводящие на предположение о наличии витализации. Принципиально же возможно только выявление того, что подозрительные на витальность феномены связаны с функционированием организма, о чём и могут свидетельствовать те или иные индикаторы. Поэтому при осуществлении попыток конструктивизации ответа на вопросы о витальности и некротичности важно не потерять качественной содержательности оценок.

III. Случай северного Прикамья. Витальность и некротичность ландшафтов Пермского края

Виденная автором часть Пермского края от Перми до Чердыни с посещением Усоля, Березников, Пысгора, Всеволодово-Вильвы, урочища Ивака, Соликамска в мае 2015 г. и во время путешествия от Перми до Кунгура в 1982 г. позволяет говорить об этой территории как характерной для северной части умеренного пояса Евразии, причем территории, испытавшей заметное, а местами и сильное (вплоть до катастрофического, например, в окрестностях Березников из-за деятельности ООО «ЕвроХим-Усольский калийный комбинат» или значительной территории края, включая Усолье, из-за затопления водами Камского водохранилища) антропогенное воздействие.

Ландшафт Пермского края как палимпсест

Как и всякий другой ландшафт, этот ландшафт может рассматриваться как палимпсест

[65, 82]. Говоря об этом надо иметь ввиду два обстоятельства.

Во-первых, сделанное утверждение ни в коей мере не является метафорой, а представляет собою строгое утверждение. Однако, некоторое отличие от обычного палимпсеста состоит в том, что речь идет не только и не столько о письме как об одном из семиотических средств («знаковых систем»), сколько о любых семиотических средствах [77]. Тогда, то обстоятельство, что практически в любом ландшафте когда-либо жили люди двух и более разных культур, которые организовывали ландшафт под свои культурные нормы, причём от каждой культуры оставались свои не всегда заметные следы, и составляет суть формулируемого утверждения.

Во-вторых, сделанное утверждение подразумевает (в числе прочего) и то, что часть текстов ландшафта создана семиотическими средствами биологических организмов — микроорганизмов, растений и животных (включая *Homo sapiens*), в основе функционирования которых лежит генетический код, а также разнообразные процессы коммуникации и автокоммуникации (экзо- и эндосемиозис [98]) с помощью химических, электрических, световых, акустических, иммунных, гормональных, феромонных и прочих средств, изучение которых составляет предмет биосемиотики [67, 89, 90, 92, 97, 98, 99]. Принципиальным является то, что все живые существа (начиная с бактерий) лежат выше так называемого семиотического порога, отличающего несемиотические процессы от семиотических [88], который, как оказывается лежит на границе физико-химических и биологических явлений [95]. В связи с обсуждением семиотического статуса ландшафта особенно важно то, что биоценозы представляют собой особый класс биосемиотических объектов, изучаемый экосемиотикой [92, 93, 94]. При этом начиная с возникновения первых организмов с генетическим кодом, т.е. 3,5-4,2 млрд. лет назад, шло постоянное переписывания генетических текстов, которые представляют собой тем самым древнейшие палимпсесты [74, 84, 87] (число переписывания которых несоизмеримо превосходит число переписываний полипалимпсестов [16]). С учетом сказанного, совершенно очевидно, что биогенная составляющая ландшафта представляет собой палимпсест, причём в силу своей универсальности это утверждение является тривиальным.

Если же говорить о культурной составляющей ландшафта, то под тем её слоем, который связан с началом христианизации края в конце XIV в. и возникновением строгановских солеварен в начале XVI в. [6], просвечивается финно-

угорский субстрат. Последний характеризуется тем, что как и во многих других местностях, финские племена (если не считать того, что они прибегали к практике подсечно-огневого земледелия) выступали как эдификаторы фаций и урочищ, но практически никогда не эдификаторами местностей и ландшафтов, т.е. их деятельность соответствовала идеалам самых радикальных направлений современных природоохранных и экологистских движений (ср. положение Всемирного фонда дикой природы о том, что малые «коренные народы являются ... важными служителями Земли» [32, с. 3]).

Как христианизация Пермской земли, грандиозная строгановская деятельность по промышленному и культурно-административному освоению края, становление горнорудного дела и прокладка железных дорог в конце XIX – начале XX вв., складывание военно-промышленного и оборонно-космического комплекса края в XX веке, так и гидроэнергетика, разработка ВКМКС и деятельность Лукойла по нефтегазовой добыче в XX – начале XXI вв., которые определяют ныне ландшафт Пермского края, носили и носят по сути колонизаторский характер, что ныне и определяет культурный ландшафт этой территории. Все субъекты деятельности — русские купцы, царская (имперская) администрация, русская православная церковь, транснациональные корпорации и т.д. — действовавшие и действующие на этой территории находились и находятся за её пределами (в Москве, Петербурге, опять в Москве, в Германии, США, Бразилии и т.д.), представлены в основном не выходцами из местного населения, а восточными славянами, евреями, немцами и т.д., а получатели прибыли от деятельности на этой территории также находятся за её пределами. Всё это хорошо прочитывается по ландшафту (о чтении по ландшафту см. [24, 61]), типичному для внутренней колонии [60]. Такое положение дел, конечно, придаёт облику этого ландшафта явную некротичность.

Это проявляется и в психологии и поведении людей. Значительная часть из них ощущает себя как вынужденных обстоятельствами «жить здесь и теперь», другая — более активная — осознает свое пребывание в этом крае как средство относительно быстро и успешно решить свои карьерные и финансовые задачи и осуществив это податься в какие-то более привлекательные края (вывезя с собой и созданный капитал). Число людей, желающих счастливо и полнокровно жить в своём крае, приверженных просвещённому местному патриотизму и быть ответственными «держателями» ландшафта, весьма невелико.

Показательнее всего в связи с этим отношении к рекреации, в том числе, к рекреации

оздоровительной — индикатором того, что ландшафт жизненнаполнен является желание его жителей проводить в нём свои отдых и досуг. То обстоятельство, что топ-менеджмент крупнейших калийных и нефтяных компаний даже уикенд проводит за пределами региона или вообще за пределами России (в противоположность, например, некоторой части высшего руководства Якутии, которая проводит свой уикенд и даже отпуск, кочуя в тайге) является лучшим индикатором катастрофической некротизации ландшафта.

Пользуясь представлениями В.Л. Каганского [20] можно квалифицировать данную территорию как периферию (не смотря на то, что она геометрически находится в центре страны), со свойственной периферии некротизацией ландшафта.

Единственным средством витализации ландшафта в такой ситуации является превращение периферии в провинцию, посредством создания условий, в которых как могла бы существовать определяющая ситуацию часть населения, являющаяся носителем вышеупомянутого просвещённого патриотизма, так и край обладал бы привлекательностью для деятельности на его территории креативных персон из других регионов.

Просвещённый местный патриотизм

Первое — создание условий для проявления просвещённого местного патриотизма — предполагает создание максимально разнообразной и комфортной среды обитания.

Это должно относиться как к широким слоям населения, для которого важны хорошее снабжение продуктами питания и промышленными товарами (по необходимости в существующих условиях иностранного производства), медицинское обслуживание (включая родовспоможение, педиатрию, гериатрию, в том числе, профилактическую, санаторно-курортное лечение, неотложную хирургию и т.д.), лекарственное обеспечение, образование всех ступеней (предусматривающее международный, не говоря о межрегиональном, обмен), социальное обеспечение (в том числе, поддержку инвалидов, создание благоприятной для них среды обитания, помощь молодым семьям, семьям с малолетними детьми, одиноким женщинам с детьми, достойные региональные пенсии для пожилых людей и стариков), возможности рекреации (развитие в дополнение к знаменитому Пермскому балету сопоставимого по качеству драматического театра, включая детский, развитие эстрадных жанров, создание современных сценических площадок, планетариев, музеев, бассейнов, стадионов, в том числе, высокотехнологических, используемых

как для спортивных состязаний и концертной деятельности, так и для занятий — в том числе, детей — физкультурой) и т.д., так и к более узким группам населения со специализированными интересами.

В этом контексте можно говорить, прежде всего, о поддержании и культивировании среды научно-технического творчества, причем, в первую очередь тематически связанной с Пермским краем. Это могут быть самые разные области.

Одной из них является пермский период палеозойской эры, выделенный в 1841 году британским геологом Родериком Мурчисоном по обнаружению, находящемуся в Перми и представленный в других точках Пермского края, что делает Пермский край потенциально привлекательным для всех, кто занимается геологией, стратиграфией и палеонтологией Пермского периода. Создание Музея пермских древностей (который имеет явный потенциал для развития, причем ориентированного как на маленьких детей и школьников, так и на специалистов смежных областей — преподавателей, экскурсоводов, краеведов, журналистов и т.д.), складывание международного общества пермофилии, выпускающим с 1978 г. одноимённый журнал (*Permophiles* — <http://www.nigpas.ac.cn/permian/web/permo.asp>), присутствие в Перми геологического образования — всё это является шагами в желаемом направлении, которые, правда, в определённой мере ограничиваются условиями, с которыми сталкивается путешественник в Пермском крае (см. далее).

С геологией связаны и две главных отрасли хозяйства Пермского края — во-первых, добыча калийно-магниевых солей и производство удобрений из них и, во-вторых, добыча углеводородов. Деструктивное, колонизаторское влияние этих отраслей промышленности на ландшафт края определяется сочетанием следующих обстоятельств:

- малой вовлеченностью местного населения в указанные виды деятельности, как из-за её высокой специализированности, так и из-за относительной простоты, не требующей привлечения большого числа высококвалифицированных специалистов;

- потреблением местным населением малой доли производимой продукции и очень ограниченный ресурс увеличения потребности в этой продукции;

- технологическая приближенность этих видов деятельности к простому производству сырья и слабость перерабатывающей промышленности.

Все три обстоятельства являются вескими основаниями для придания Краю колониального склада, формированию того, что обо-

значено В.Л.Каганским как провинциальная периферия и характеризуется избытком ресурсов при дефиците их конверсии в культурную почву [20]. Поэтому требуются особые усилия по преодолению каждого из указанных обстоятельств. При этом текущая и краткосрочная финансовая рентабельность обсуждаемых отраслей будет падать. Витализации же ландшафта будут способствовать следующие формы активности:

- Углубление степени переработки добываемых ископаемых — калийно-магниевых солей и углеводородов, развитие химической (в том числе, нефтехимической) промышленности (причём с использованием современных технологий очистки отходов, допускающих соседство производства с рекреацией, в том числе, санаторно-курортной), диверсификация продукции сложившихся отраслей (например, наряду с калийными удобрениями выпуск медицинских препаратов калия и калиевых реактивов для биохимических исследований). На первых порах целесообразно бороться хотя бы за увеличение доли гранулированной продукции при производстве калийных удобрений (что и соответствует тенденциям и плану развития Уралкалия [17, 56]). В числе прочего это приведёт к привлечению в ландшафт большего числа квалифицированных кадров, создаст условия для реализации результатов образования в пределах края.

- Увеличение доли населения вовлечённого в деятельность, связанную с добычей и использованием калийно-магниевых солей и углеводородов, за счёт диверсификации связанных с ними производств и увеличения числа людей, обладающих квалификацией, необходимой для работы в этих областях.

- Увеличение использования продукции добычи калийно-магниевых солей и углеводородов местным населением за счёт диверсификации этой продукции.

Конечно же, самостоятельными грандиозными научно-техническими проблемой и порождаемой ею областью творчества является преодоление тех катастрофических последствий для ландшафта, которые возникают при соприкосновении грунтовых вод, поднявшихся из-за создания Камского водохранилища, с линзой солей ВКМКС. Распутывание сложнейшего сплетения геологических, экономических, социокультурных, природоохранных, политических и других возникающих из-за этого проблем требует не только административно-властного, но и интеллектуального прорыва. Специфика этой проблемы в том, что она является первоочередной для Края и для мира в целом (из-за роли месторождения на мировом рынке калия), но не для Российской Феде-

рации, озабоченной в первую очередь другими проблемами.

Следует особо подчеркнуть, что все перечисленные поля активности имеют принципиально комплексный характер и не могут быть разрешены в рамках ни дисциплинарного, ни системного подходов [66, 75].

Второй после геологии отраслью научно-технического творчества, связанной с Пермским краем, является этнография, лингвистика и филология. Здесь можно выделить три круга важнейших проблем.

С одной стороны, это интереснейшие процессы социокультурных изменений на территории края, происходящие на протяжении XVIII – начала XXI вв., связанные с модернизацией и индустриализацией края (вплоть до таких явлений как влияние на ландшафт немецкого протестантизма в постсоветский период).

С другой стороны, это проблематика связанная с финно-угорским (точнее, финно-пермским и пермским) субстратом местной культуры. Эта интенсивно развивающаяся область сравнительно-исторического языкознания пока мало отражена в общих руководствах по коми-пермяцкому языку, написанных в основном в 1950-60-х гг., так что здесь имеется широкое поле для работы.

С третьей стороны, это литературная жизнь края. Здесь в качестве примера интеллектуального прорыва можно указать сложившуюся в Перми школу литературного краеведения В.В. Абашева. При этом важное место в кругу интересов этой школы принадлежит Б.Л. Пастернаку и О.Э. Мандельштаму, что вполне понятно с литературоведческой точки зрения. Однако, поддержание интереса к ним в Пермском крае с точки зрения жизни ландшафта не способствует его витализации, поскольку это продолжает поддерживать статус края как периферии. Становлению же Края как провинции с ее высоковитальным ландшафтом способствует формирование устойчивого интереса к деятельности именно местных писателей (пусть и не первого ряда), неразрывно связанных с этим Краем.

Интерес к дославянской истории Края, как и к его литературному образу делает вполне понятным определенную популярность образа Биармии. При всей проблематичности этой тематики, объединённые ею люди, вносят свой вклад в витализацию местного ландшафта.

Обсуждаемая тематика высвечивает остро стоящий вопрос о местных святынях и преданиях, без которых невозможно существование локальной идентичности и опирающейся на неё заботе о жизни окружающего ландшафта. В случае Пермского края вопрос об этих святынях и преданиях является крайне неопределённым.

С одной стороны, можно сделать ставку на финно-пермский и пермский субстрат местной культуры, хотя их присутствие в актуальной культуре очень невелико. Тогда для начала, надо будет осуществить его ресинтез, который будет, с одной стороны, поневоле мифологичным, а с другой — с неизбежностью привязан к политическим веяниям сегодняшнего дня. В итоге можно получить то, что имеется ныне в Башкортастане [23] или, отчасти, в Татарстане (ср. в связи с этим [43]).

С другой стороны, это может быть возрождение (имеющее место ныне) православных святынь. Однако, тут тоже далеко не всё так просто, как можно было бы ожидать.

Во-первых, христианизация края шла не просто и судя по всему была поверхностной (кстати, как на многих территориях с финно-угорским субстратом — ср. Финляндию, Карелию, Эстонию, запад Ленинградской области). Показателен даже сам факт изгнания Стефана Пермского (которого крупный специалист по палеонтологии перми А.В. Гоманьков предлагает провозгласить святым покровителем пермской геологии — стратиграфии и палеонтологии) из Пермских земель (при этом ныне Стефан Пермский преподносится как сподвижник игумена Земли Русской Сергия Радонежского, т.е. опять же в контексте отношения к Пермскому краю как к периферии, а не как к провинции), угасание древних монастырей на них (например, в Пыскоре).

Во-вторых, очень сложным ныне (после снятия клятв в 1971 г.) оказывается ситуация со старообрядческим наследием Края [63].

В-третьих, для идентичности края важно существование Строгановской школы иконописи, древние иконы которой почитались и старообрядцами (сколько их погибло при затоплении водохранилища в 1954 — накануне последней волны воинствующего атеизма?).

В-четвёртых, в обсуждаемом аспекте совершенно недостаточно внимание к пермской деревянной скульптуре, которая широко известна за пределами края. Однако, знакомство с нею весьма затруднено — существует лишь один зал в Пермской государственной художественной галерее, где она экспонируется, причем на фоне разговоров о больших её собраниях в запасниках, за 33 года с 1982 по 2015 г. количество выставленных экспонатов увеличилось на два (!) экземпляра.

Наконец, надо отметить вклад в витализацию ландшафта бывших ссыльных, которые добровольно осели на этой территории. К их жизни и деятельности, к памяти о них должно привлекаться особое внимание. Такое внимание следует специально подчеркнуть, в связи с тем, что, как ГУЛАГ в целом, так и

деятельность общества «Мемориал» по его изучению в частности являются не только федеральным, но и международным брендом (как ни чудовищно это звучит!). Поэтому внимание просто к ГУЛАГу и его заключённым на территории Края «работает» на закрепление его статуса как периферии, а не провинции.

Все перечисленные и неназванные сферы проявления творческой активности местного населения являются основой существования в крае крупного центра развития науки и культуры. По сложившейся в нашей стране модели это могло бы быть Пермское отделение Академии наук. Однако, представить себе его трудно из-за возникающей при этом жёсткой конкуренции с Уральским отделением РАН (в частности с Коми научным центром УрО РАН, который даже по титульному статусу предполагает концентрацию в том числе и на историко-этно-лингвистической тематике). Аргументом против может быть и то, что в итоге будет идти процесс превращения Перми в столицу периферии, а не провинции. Кроме того, в настоящее время весьма дискуссионными (если не сомнительными!) представляются сами принципы организации Академии наук. Поэтому можно думать о каких-то альтернативных формах организации, например, о частном Обществе Пермских наук, техники и изящных искусств (построенных по типу Петровской академии наук и искусств, но без закрепившейся в ней идеологии), которое бы занималось бы и связанными с ними проблемами образования.

Креативные личности — гости Пермского края

Вторым направлением превращения Пермского края из периферии в провинцию, как было сказано, является придание краю привлекательности для деятельности на его территории креативных персон из других регионов. При этом надо себе ясно отдавать отчёт в том, о чём идет речь — край по своему текущему положению не является тем местом, куда с энтузиазмом стремятся на постоянную или временную долгосрочную работу проявившие себя профессионалы из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска или из дальнего зарубежья. Поэтому в интересах края будет не стремление получить с каждого предпринимателя, художника, ученого, архитектора, инженера, музыканта какой-то доход от того, что они имеют возможность осуществлять свою деятельность в крае (за счет продажи патентов и лицензий на определённые виды деятельности, допуск в заповедники, предоставление гостиничного фонда, транспортного и бытового обслужива-

ния и т.д.), а наоборот, минимизация перечисленных издержек.

Опыт зарубежных стран показывает, что организацией и обеспечением такой деятельности могут заниматься специализированные административные службы в ранге региональных министерств. Итогом такой деятельности должно быть увеличение числа выставок, концертов, научных конференций, фестивалей, спортивных соревнований, художественных конкурсов, гастролей и т.д., проводимых на всей территории Края с привлечением иногородних и иностранных участников за счет (или с её значительным участием) принимающей стороны. При этом в числе приглашенных могут быть люди с весьма специфическими нуждами и потребностями, как, например, у парализованного и постоянно подключённого к сложной аппаратуре Стивена Хокинга или у группы слепоглухонемых буддистов-мастеров пантомимы. Именно для решения возникающих при этом организационных вопросов и нужна специализированная служба, способная разрешать эти вопросы до их возникновения (что хорошо отработано при организации международных форумов в Европе, Северной Америке или Юго-Восточной Азии, «приученных» к соблюдению политкорректности в ситуациях соприкосновения людей разных культур и вероисповеданий).

Говоря об обсуждаемой стороне дела следует признать, что среда обитания края не очень благоприятна по отношению к гостю. Это проявляется в многообразии мелких дополнительных поборов, которые пытаются получить с клиента самые разнообразные службы (транспортные, гостиничные, музейные), отсутствии душевых кабин в транспортных узлах, сложности доступа к Интернету даже в публичном пространстве учреждений, неполной и неточной представленности в Интернете информации о транспорте, перебоях с водоснабжением (в особенности с горячим), плохой вышколенности персонала в сфере обслуживания (это не всегда ухудшает качество, но делает получаемый результат непредсказуемым) и т.д. Ничего необычного для России в этом нет, но это вызывает удивление и даже досаду, на фоне разговоров о том, что денег в регионе достаточно и потенциал для развития у него есть — может быть и есть, но реализация его затруднена из-за отсутствия культуры организации повседневной среды обитания.

Соотношение витальности и некротичности как итог столкновения интересов

Если подводить итог увиденного и сказанного, то можно утверждать следующее. Зна-

чительная часть Пермского края, приуроченная к Камскому водохранилищу и ВКМКС представляет собой сильно разрушенное тело ландшафта, которое вполне можно квалифицировать как труп ландшафта. Дополнительным, более локально действующим, фактором является Уралкалий и другая промышленность города Березники. Вся это территория может быть квалифицирована как высоко некротизированная. Представляется, что под давлением жестких, некоординированных разнонаправленных антропогенных воздействий, направленных на достижение среднесрочных целей в течение XX века (что началось гораздо раньше, но было менее интенсивным) культурный ландшафт рассматриваемой территории безвозвратно разрушен и о нём вполне допустимо говорить как о разлагающемся трупе. Это хорошо видно на подтопленных Усолье и п. Орёл, старожилы которых живут воспоминаниями и легендами о времени до строительства Камского водохранилища. Показательно то, что Палаты Строгановых даже фотографируются практически только в одном ракурсе, потому что в противном случае становится виден упадок ландшафта. Храм Николая Чудотворца в Усолье вообще руинизирован и трудно представить возможность вдохнуть в него жизнь.

На этом фоне проявляется потенциал донисийской жизненаполненности местных лесов, правда проявляющийся прежде всего в виде наименее дендрологически ценного молодого березняка, который зарастает разрушенные антропогенными воздействиями участки ландшафта и брошенные артефакты, превращающиеся в трупы. Это зарастание охватывает и территории ГУЛАГа (например, Усольлага, в котором сидел дед автора этих строк [28, с. 18]), по поводу существования которого в общественном мнении так и не достигнуто консенсуса.

На этом фоне существуют те или иные начинания по витализации ландшафта, причем осуществляемые энтузиастами, отдающими все силы своему делу, что вызывает безмерное уважение к ним. Примерами могут быть «Дом Пастернака» в п. Всеволодо-Вильва, краеведческие музеи в Чердыни и в Усолье. Однако, концептуально все три музея представляют образ края как периферии (а в определённой мере как колонии) Российского государства разных эпох (от первых Строгановых до экономического бума границы XIX-XX вв. и сталинского ГУЛАГа). Бесспорно, что роль периферии в истории и жизнь каждого государства важна и неоспорима, представление этой истории безусловно интересна образованному человеку из столицы или метрополии в целом, представителю (формальному или неформальному —

учителю государственной школы, сотруднику отдела культуры местной администрации, члену Общества охраны памятников и т.д.) общегосударственных интересов на местах, зарубежному исследователю или путешественнику и т.д. Всех их может устроить статус музея как части заповедника, на которой сохраняется то, что представляет интерес как часть мирового или национального природного и культурного наследия, представляет ныне существующие достопримечательности.

А может ли быть эта территория выступать как полноценная провинция? При этом надо иметь в виду, что разные провинции одной страны могут обладать и разными вариантами рассказываемой истории [70]. Что можно рассказать школьникам, которых привели в любой из указанных музеев? Что вот были власти в Москве или в Петербурге, они сподвигли (разными средствами в разные времена) купцов, военных, ученых, инженеров осваивать этот край и вывозить его богатства в столицы. Кроме того, в этот край начали бежать гонимые официальными церковными властями, а потом власти, уже светские, сделали этот край местом ссылки, так что здесь в ГУЛАГе содержались, мучились и погибали десятки и сотни лучших сынов родины (администраторов, инженеров, ученых, трудолюбивых крестьян), здесь же гениальный поэт пытался покончить жизнь самоубийством, прыгая из окна больницы, а потом ради общих интересов государства просто решили затопить огромную территорию, разрушив не только физическую жизнь, но и память людей. А после всего этого власти разрешили энтузиастам ценой личного героизма восстанавливать край, раз он настолько богатый, что в нём ещё теплится какая-то жизнь. Что после этого будет в сознании у школьника, который родился и вырос в этих местах, который, может быть, является внуком или правнуком спецпереселенца или охранявшего его вохровца? Как ему со всем этим потом жить? Что он сможет и захочет делать?

Учитывая всё это, не исключено, что обсуждаемая музейная деятельность может послужить не витализации ландшафта, а, наоборот, оказаться средством порождения нежити, средством демонстрации администрации присутствия некоторой имитации жизни, но имитации обречённой на постоянные мучения. Да, конечно, для того, кто создаёт и поддерживает эти музеи это составляет смысл их самоотверженной жизни, да музей, например, в немецкой провинции (точнее, в многочисленных немецких землях-государствах) XVIII-XIX вв. (вместе с немецкими университетами и немецкими аптекарями) стал одним из инструментов скла-

дывания единой немецкой культуры и т.д., но это была совершенно другая культура, в которой не было периферии, превращающейся временами во внутреннюю колонию.

Одной из самых болезненных тем, острота которой возрастает в последнее время, является тема военно-патриотическая. В полном мере она имеет отношение и к рассматриваемой территории, к её ландшафтам, причём некоторые из сюжетов здесь очень старые. Так, оказывается до сих пор неартикулированным (пусть хотя бы фиксирующим существование нескольких разных точек зрения) вопрос о завоевании / присоединении / покорении / освоении / включении в состав Русского (Российского) государства Урала и Сибири, о событиях 1610-1612 гг. и их значении для колонизации Северо-Востока Руси, о героях и антигероях Гражданской войны в Приуралье (опять же для сравнения: путешествие автора по США с американским профессором молекулярной биологии сопровождалось тем, что он не только рассказывал о событиях Гражданской войны 1861-1865 гг., но на местах боёв Южан и Северян пел боевые песни и тех, и других). При этом вопрос о белом движении раскрыт в музеях значительно хуже, чем о красных, в них же не представлена в самостоятельном виде проблема милитаризации Предуралья и Урала, связь милитаризации и ГУЛАГа, милитаризации и развития космонавтики, значение милитаризации для распада СССР и т.д. Одним словом, получается, что в военных вопросах «пораженья от победы ты сам не должен отличать» вдвойне. Именно эта область оказывается проявлением кадавризации в смысле Стругацких. Всё это проглядывается и в топонимике, и по ходу разговора высказываемых суждениях собеседников, и в воспоминаниях старожилов... Но рефлексия этой тематики практически полностью табуирована.

В этой ситуации говорить о каких-то перспективах развития обсуждаемой территории и судьбе её ландшафтов — дальнейшей некротизации или возможной витализации — крайне трудно. С одной стороны, «на месте» есть самый сложный клубок проблем, трагическое, но неизбежное столкновение которых заложено в далеком прошлом. Самым значительным из них, причем требующим немедленного разрешения из-за провалов грунта и разрушения знаний (в том числе, жилых, что сопровождается гибелью людей) является соседство Камского водохранилища и разрабатываемого ВКМКС. С другой стороны, ключ к решению этих проблем лежит далеко за пределами этой территории — в политическом руководстве федерального центра, в высшем руководстве

Лукойла, Уралкалия и Еврохимии, регуляторах мирового рынка углеводородов и калия и т.д. Все они вместе, а при определенных условиях и каждый в отдельности в состоянии решить самые острые проблемы региона (вплоть до спуска Камского водохранилища), однако, проблемой является отсутствие как согласия между ними, так и борьба собственников и высшего руководства внутри каждого из определяющих ситуацию игроков, что делает ситуацию непредсказуемой.

Поэтому можно утверждать, что рассматриваемая ситуация — крайне сложная и не позволяющая дать какую-то общую оценку. Это делает понятной постановку темы настоящей работы, несколько неожиданно предложенной автору организаторами, и хорошо иллюстрирующей общие положения, сформулированные при её разработке.

Представляется, с другой стороны, что аппарат общей витологии является тем средством, которое дает возможность довольно артикулировано описать культурный ландшафт северного Прикамья.

Библиографический список

1. Активные воздействия на облака и туманы. М.: Гидрометеиздат Моск. отд-ние, 1992. 188 с.
2. Андрейчук В.Н. Березниковский провал. Пермь: Издательство УрО РАН, 1996. 134 с.
3. Баравая Г. «Месь Сталина» вползла не только в Прибалтику с Польшей. Днями ощутили ее ожоги и у нас... // Белорусские региональные новости. 5 мая 2009. URL: <http://regionby.org/2009/05/05/mest-stalina-vpolzla-ne-tolko-v-pribaltiku-s-polshej-oshhutili-ee-ozhogi-i-v-grodnenshhine-brestchine%E2%80%A6/> - 5 мая 2009 (дата обращения 19.10.15).
4. Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Экспертные оценки. М.: Наука, 1973. 162 с.
5. Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Математико-статистические методы экспертных оценок. М.: Статистика, 1980. 264 с.
6. Брумфилд У. Усолье. Земля Строгановых на Каме. М.: Три квадрата, 2013. 144 с.
7. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
8. Бунтман С. Парковка — URL:<http://echo.msk.ru/sounds/1646092.html>. 24.10.2015 (дата обращения 26.10.15).
9. Бывшие жители древней Мологи смогли увидеть свой родной город — URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/115966/ (дата обращения 19.10.15).
10. Грезин И.И., Шумков А.А. Краткое пособие для описывающих русские некрополи за рубежом: Методический материал СПб.: ВИРД, 2000. 12 с.
11. Гогин А. Мёртвая зона. Мировоззрение в некротической перспективе. URL: <http://www.ph.spbstu.ru/sites/default/files/publications/Мертвая%20зона.pdf> (дата обращения 19.10.15).

12. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Л.: ЛГУ, 1989. 496 с.
13. Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями. Диоптрика, метеорология, геометрия. М.: АН СССР, 1953. С.9-66.
14. Джексон Т.Н. Austr í gǫrðum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001. 208 с.
15. Ефремов И.А. Тафономия и геологическая летопись. М.: АН СССР, 1950. 178 с.
16. Зализняк А.А. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003. М.: Индрик, 2003. С. 190-212.
17. Интерфакс: «Уралкалий» в 2016 году начнет расширение мощностей грануляции // Вечерние ведомости, 15.07. 2015. URL: <http://veved.ru/pern/pern-news/63271-interfaks-uralkalij-v-2016-godu-nachnet-rasshirenie-moshhnostej-granulyacii.html> (дата обращения 19.10.15).
18. Каганский В.Л. Административно-территориальное деление: логика системы и противоречия в ней // Известия РАН. Серия географическая. 1993. № 4. С. 85-94.
19. Каганский В.Л. Экологический кризис: феномен культуры? // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. НИИ Информкультура. М., 1994, № 6. С. 1-16.
20. Каганский В.Л. Центр - провинция - периферия - граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: Вопросы теории и методологии исследования. М. — Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 72-101.
21. Каганский В.Л. Путешествие в ландшафте и культуре: Школа по теоретической биологии «Мир путешествий. Мастерство путешествий» (С.-Петербург, 26 марта – 1 апреля 2000 г.) // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001. Вып. 2. С. 3-18.
22. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
23. Каганский В.Л. Башкортостанское пространство // Русский журнал: интернет-журн. 20.12.2004. URL: http://old.russ.ru/culture/20041220_kag.html (дата обращения 19.10.15).
24. Каганский В. Чтение культуры по ландшафту. Диагноз: пространственная невменяемость // 05.09.2015. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-7eVXJcywQo> (дата обращения 19.10.15).
25. Каганский В.Л., Родоман Б.Б. Поляризованный ландшафт юга Дальнего Востока России (проект экофильной территориальной организации) // Родоман Б. Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 50-54.
26. Карпов В.П. Витализм и задачи научной биологии в вопросе о жизни // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 98 (III). С. 341-392. Кн. 99 (IV). С. 523-573.
27. Киприан [Керн] архм. Антропология Григория Паламы. Париж: Умка-Press, 1950. 444 с.
28. Климова Д.Н., Жук В.И., Чебанов В.Д. Андрей Митрофанович Журавский. 1892 — 1969. СПб: Наука, 2006. 152 с.
29. Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф, 2009. 798 с.
30. Колмогоров А.Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. 1965. Т.1. №1. С. 3-11.
31. Кордонский С. Административно-территориальная структура России: «в реальности» и «на самом деле». М.: Издательство «Европа», 2010. 308 с.
32. Коренные народы и охрана природы: декларация принципов WWF. М., Всемирный фонд дикой природы, 1997. 40 с.
33. Кочухова Е.С. Non-stop: время мегаполиса // Сумма философии. 2007. Вып. 7. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 128-131.
34. Кудрин Б.И. Математика ценозов: видовое, ранго-видовое, ранговое по параметру гиперболические Н-распределения и законы Лотки, Ципфа, Парето, Мандельброта // Ценологические исследования. Вып. 19. Философские основания технетики. Новомосковск: Центр системных исследований. 2002. С. 357-413.
35. Кунина Е.Ф. Дольше всего продержалась душа... URL: <http://babiki.ru/blog/kulturnoe-nasledie/26624.html>, 10.4.2013 (дата обращения 19.10.15).
36. Левич А.П. Структура экологических сообществ. М.: МГУ, 1980. 182 с.
37. Лем С. Сумма технологий. М., Мир 1968. 608 с.
38. Лихачёв Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие, 1998. 472 с.
39. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419-459.
40. Материалы комплексного экологического обследования участков акватории Балтийского моря, обосновывающие придание этой акватории статуса охранной зоны национального парка «Куршская коса» Проект BASE «Выполнение Россией Плана действий ХЕЛКОМ по Балтийскому морю» Калининград. 2014. 144 с. — <http://helcom.fi/Lists/Publications/Extension%20of%20the%20marine%20protected%20zone%20of%20the%20Curonian%20Spit%20Final%20Report%20in%20Russian.pdf> (дата обращения 19.10.15).
41. Мусеев В.И. От биологии к витологии: новая точка зрения на феномен живого существа // Методология биологии: новые идеи (синергетики, семиотика, коэволюция). М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 222-233.
42. Назаров Н.Н. Гидрологические последствия осушительной мелиорации и русловые процессы // Географический вестник. Пермь. 2014. №4. С.4-10.
43. Найшуль В. Проблема Татарстана сквозь призму русской языковой картины мира. Опыт лингвистического моделирования. // Русский журнал: интернет-журн. 22.09.2004. URL: http://old.russ.ru/culture/20040922_nau.html (дата обращения 19.10.15).
44. Недикова Е.В. Оптимальные соотношения земельных угодий сельскохозяйственных организаций на агроландшафтной основе // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2012. № 8. С. 45-53.

45. *Одум Ю.* Экология: В 2-х т. М.: Мир, 1986. Т. 1. — 328 с. Т. 2. — 376 с.
46. *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго // Пастернак Б. Л. Собр. соч. В 5 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1990. С. 7-540.
47. *Петров К.М.* Подводные ландшафты: Теория, методы исследования. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. 124 с.
48. *Петров Т.Г.* Информационный язык для описания составов многокомпонентных объектов // Научно-техническая информация. Сер 2. 2001, № 3. С. 8-18.
49. По России распространяется сорняк «Месть Сталина» URL: <http://www.kp.by/online/news/525244> — 10 августа, 2009 (дата обращения 26.10.15).
50. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
51. *Попов И.В.* О почитании святых мощей // Журнал Московской Патриархии. 1997. №1. С. 74-79.
52. *Попов П.В., Виноградов В.Г.* Основные формы движения материи и их соотношение. М.: Высшая школа, 1967. 88 с.
53. Постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 года «О «красном терроре»» // ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917—1960 М.: Международный Фонд «ДЕМОКРАТИЯ», 2000. С. 15.
54. Проблемник Школа-семинар “Мир путешествий. Мастерство путешествий”. URL: <http://biospace.nw.ru/biosemiotika/main/seminar/problem.htm> б.г. (дата обращения 26.10.15).
55. Провалы в Березниках и Соликамске — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8B_%D0%B2_%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%85_%D0%B8_%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B5, 3 августа 2015 (дата обращения 26.10.15).
56. Программа развития мощностей — URL: http://www.uralkali.com/ru/expansion_programme/, 2014(дата обращения 26.10.15).
57. Продуктивность экосистем — URL: <http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/produktivnost-ekosistem.html>, б.г. (дата обращения 26.10.15).
58. *Разумовский С.М.* Избранные труды: Сборник научных статей. М.: КМК Scientific Press, 1999. 560 с.
59. *Родоман Б.Б.* Искусство путешествий // Наука о культуре. Итоги и перспективы. Вып. 3. М., 1995. С. 79-85.
60. *Родоман Б.Б.* Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. III. М.: Аспект пресс, 1996. С. 94-102.
61. *Родоман Б.Б.* Чтение общества по ландшафту. Владимир Каганский. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 574 с. // Отечественные записки 2002, № 2 (3). С. 276-277.
62. *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение. Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов? // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. М.: ГИХЛ, 1961, т. I, с. 43—267.
63. *Санникова Е.А.* История старообрядчества Пермского края // Русская история. 2011 №3. С. 108-111.
64. *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.
65. *Сид И.О.* Территория и ландшафт как палимпсест. Макс Волошин, Даур Зантария: геопэты в «свёрнутом» путешествии // География и туризм. Научн.журн., Вып. 1(17) 2018 г. Пермь, 2018.
66. *Сопиков А.Л.* Междисциплинарность как тип комплексности // Проблемы и перспективы междисциплинарных фундаментальных исследований. СПб: СПбСУ, 2002. С. 78-79.
67. *Степанов Ю.С.* Семиотика. М.: Наука, 1971. 168 с.
68. *Стругацкие А.Н. и Б.Н.* Понедельник начинается в субботу: Сказка для научных работников младшего возраста. М.: Детская литература, 1965. 224 с.
69. *Стругацкие А.Н. и Б.Н.* Хищные вещи века // Стругацкие А.Н. и Б.Н. Хищные вещи века. М.: Молодая гвардия 1965. С. 9-127.
70. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. 352 с.
71. *Фуко М.* Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.
72. *Хот Дж.* Бог после Дарвина. Богословие эволюции. М.: ББИ, 2011. XII + 236 с.
73. *Царькова Т.С.* Русская стихотворная эпитафия XIX-XX веков. Источники. Эволюция. Поэтика. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1999. 200 с.
74. *Циммер К.* Микрокосм: E.coli и новая наука о жизни. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 394 с.
75. *Чебанов С.В.* Комплексность в биостратиграфии // Системный подход в геологии (Теоретические и прикладные аспекты). Часть 1. М.: Московский институт нефти и газа им. И.М. Губкина. АН СССР, 1986. С. 84-86.
76. *Чебанов С.В.* Смерть как извращение жизни // Труды конф. «Тема смерти в духовном опыте человечества». Фигуры танатоса. 5 специальный выпуск. СПб: СПбГУ, 1995. С. 78-83.
77. *Чебанов С.В.* Морфологические основания типологии семиотических средств // Понимание и рефлексия. Материалы Третьей Тверской герменевтической конференции. Т.1. Тверь: ТГУ, 1995. С. 24-33.
78. *Чебанов С.В.* Географические типы пространственной организации поселения // Человек и город. Пространства, формы, смысл. СПб - Женева - Салоники - Екатеринбург: Архитектон. 1998, Т.II. С.89-98.
79. *Чебанов С.В.* Интеллигенция: ценность полионтологий и межкультурный диалог // Дифференциация и интеграция мировоззрений: экзистенциальный и исторический опыт. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып.20. СПб: Эйдос, 2004. С. 197-219.
80. *Чебанов С.В.* Интерпретация тела и постижение жизни // Логос живого и герменевтика телесности. М.: Академический проект, 2005. С.339-406.
81. *Чебанов С.В.* Взаимодействие со смертью как творчество // Холизм и Здоровье, № 1(9), 2014. С. 11-17.
82. *Чебанов С.В.* Типология семиотических зачёркиваний в реконструкции Летнего сада // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета

технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2014, №3. С. 47-57.

83. Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 322 с.

84. Benner S.A., Ellington A.D., and Tauer A. Modern metabolism as a palimpsest of the RNA world // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 1989; 86. P. 7054-7058.

85. Chebanov S.V. Theoretical biology in biocentrism // Lectures in Theoretical Biology. Tallinn: Valgus. 1988. P. 159-167.

86. Chebanov S.V. Umwelt as life world of living being // Semiotica. Vol. 134 — 1/4, 2001. P. 169-184.

87. Coletta W.J. Evolutionary bodies of knowledge; or, the evolutionary phenomenology of J. J. Audubon, Georges Bataille, Theodore Roethke, and Octavia Butler // International conference "Zoosemiotics and Animal Representations" 4-8 April 2011 Tartu, Estonia. Tartu: University of Tartu. 2011. P. 33-35.

88. Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1976. IX+354 p.

89. Hoffmeyer J. Signs of Meaning. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 166 p/

90. Krampen M. Phytosemiotics revisited // Biosemiotics. Berlin: Mouton de Gruyter. 1992. P. 213-220.

91. Kukk T. & Kull K. Puisniidud // Estonia Maritima, 1997. 2. P. 1-249.

92. Kull K. Semiotic ecology: Different natures in the semiosphere // Sign Systems Studies, 1998, 26. P 344-371.

93. Nöth W. Ökosemiotik // Zeitschrift für Semiotik. 1996, 18(1). Z. 7-18.

94. Nöth W. Ecosemiotics // Sign Systems Studies. 1998, 26. P. 332-343.

95. Nöth W. Umberto Eco's semiotic threshold // Sign Systems Studies, 2000, 28. P. 49-61.

96. O'Connell C. The elephant's secret sense: the hidden life of the wild herds of Africa. New York (NY): Free Press; 2007. 256 p.

97. Rothschild F.S. Laws of symbolic mediation in the dynamics of self and personality // Annals of New York Academy of Sciences. 1962, 96. P. 774-784.

98. Sebeok T.A. Perspectives in Zoosemiotics. The Hague: Mouton, 1972. 188 p.

99. Sebeok T.A. Biosemiotics: Its roots, proliferation, and prospects // Semiotica. 2001, 134(1/4). P. 61-67.

В.Л. Каганский

Институт географии РАН

ПУТЕШЕСТВИЯ ТЕОРЕТИКА

Сокращенная журнальная версия (глава из одноименной книги)

Введено представление о ранее неизвестном способе (жанре) исследования, одновременно и теоретического и полевого — путешествия теоретика. В методологическом эссе представлены его профессиональные и личные основания, личностное знание, техники путешествия и умозрения, особенности креативности и результативности, специфика маршрутов и работы с местами и концептами, основные типы результатов. Эскизно приведены примеры концептуального чтения конкретных мест.

Ключевые слова: *географ, географ-теоретик, Земля, знание, идея места, ковер культурных ландшафтов, культурный ландшафт, ландшафт, ленточные боры, место, познание, познавательное путешествие, полисеть, путешествие, содержание, специфика, теоретизирование, теоретическая география, теоретическая работа, теоретическое полевое исследование, умозрение, умозрение ландшафта, уникальность, форма. Россия, Северная Евразия, Подмоскowie, Камчатка, Агрыз, Красноярск, Байкал, Арзамас-16, Санкт-Петербург, Ветлуга.*

V.L. Kaganski

Institute of geography, Russian Academy of Sciences

TRAVEL THEORIST

Introduced the idea of previously unknown method (genre) of the study, both theoretical and field — travel theorist. Methodologically, the essay presents his professional and personal Foundation, personal knowledge, equipment and journey of speculation, the causes of creativity and effectiveness, logistics, and working with places and concepts, the main types of results. Sketched examples of conceptual readings of specific locations.

Keywords: *geographer, geographer and theorist, Earth, knowledge, idea places, the carpet of cultural landscapes, cultural landscape, landscape, ribbon forests, place, knowledge, learning journey, Poliset, travel, content, specificity, theorizing, theoretical geography, theoretical work, the theoretical field study, speculation, speculation, landscape, uniqueness, form. Russia, North Eurasia, Moscow, Kamchatka, Agryz, Krasnoyarsk, Baikal, Arzamas-16, Saint Petersburg, Vetluga.*

Географ¹, ведя полевые исследования, работая «в поле» ищет и исследует такой материал, который нельзя найти нигде иначе. Материал для географического постижения и исследования распределен по всей поверхности Земли. Он не может быть достаточно содержательно и полно представлен лишь коллекциями, базами данных, корпусами карт и снимков etc. *Необходим прямой распределенный доступ* в соответствии с формой того, что именно постигается. Ведут полевые исследования и путешествуют представители многих разных профессий, часто это атрибут и

существенный компонент профессиональной деятельности и жизни. Поскольку выделение специфики **путешествия** ранее уже проведено², *акцентирую специфику путешествия*

¹ Ключевые понятия выделены **полужирным шрифтом**, новые вводимые понятия **подчеркнуты**, ключевые суждения даны *курсивом*.

² Путешествие — активное включенное постижение разнообразия ландшафта путем движения в трех сопряженных пространствах: ландшафта, личностном и когнитивном, имеющих общие узловые точки. Движение в среде без взаимодействия с ней, с внешней утилитарной целью, хаотические, случайные, стандартные, дискретные перемещения — не путешествия. Путешествие — не пассивное отражение мест: перемещение исключительно ради поглощения или порождения потока образов — не путешествие, как и туризм. Собственно путешествия — лишь один из многих типов перемещений, однако оно семантически и культурно выделено. Путешествия необратимы (и личностно и когнитивно), безвозвратны, невозпроизводимы, полионтичны (полиреальны), полимасштабны, открыты. Перемещения по мере ради постижения разнообразия ландшафта, личное непосредственное переживание, познание и выражение специфики мест, прямое сравнение, динамическая экспертиза, способ постижения в широком смысле. Именно путешествия обеспечивают непосредственный контакт с ландшафтом лицом

© Каганский В.Л., 2018

Каганский Владимир Леопольдович,

к. геогр. н.,

старший научный Института географии РАН, г. Москва, kagansky@mail.ru

ния **географа-теоретика**. Теоретик — любой исследователь — явно либо неявно опирается на неопределенно-широкий массив своего личностного знания. Только это доказывает необходимость путешествий. Но непосредственно концепции-то (теории, спекуляции) он выращивает, исходя из немногих априорных постулатов, очень отдаленно и опосредованно связанных с эмпирической реальностью. Путешествие ради проверки концепций? — но путешествие для этого вряд ли подходит, и это отнюдь не дело теоретика — проверять концепции. Теоретический и эмпирический равно реальны и равно презентуют реальность, хотя и совсем по разному; они равноправны. В силу тех же причин теоретик-в-путешествии не ищет обычный материал.

Разумеется, путешествие — креативное состояние, уточнение и углубление реального и мысленного взора; у теоретика они слиты: *зрение географа-теоретика* — **умозрение ландшафта**. Теоретизирование осуществляется прямо и непосредственно в ходе самого путешествия, это не два разных компонента одной деятельности — но два её аспекта — **теоретическое полевое исследование**³. Это исследование — путешествие, и одно из его пространств — теоретический мир, **пространство теоретических объектов**. Маршрут такого путешествия в идеале определяется теоретическим ландшафтом и проецируется на реальный. Но теоретическая работа во всей полноте не осуществляется непосредственно в ходе самого путешествия. Теоретизирование в полном объеме, с развертыванием и эксплицированием понятий и концепций — работа творческая и одновременно очень кропотливая. Допускаю однако, что она может осуществляться прямо в ходе путешествия, хотя примеров не знаю. Даже совершавшие многолетние путешествия А. Гумбольдт и П. С. Паллас (немного прошел его путями) материалы обрабатывали по возвращении. Вряд ли возможно совместить напряженное всматривание в ландшафт с «теоретическим реагированием», трудный, хлопотный походно-полевой быт — с теоретизированием в полном объеме. Дело еще и в том, что излишнее воодушевление вредит кропотливой камеральной теоретической работе; воодушевление неизбежно и желательно при рождении исходной идеи — потом же требуется еще и иное... Впрочем, этот очерк имеет главным основанием собственный опыт на фоне опыта и рефлексии иных путешественников. *Путешествия теоретика* — *теоретическая работа, но отнюдь не вся теоретическая работа*. Привозишь / приносишь не законченные концепции, а точки, почки роста, зерна и зародыши концепций, эвристики,

концептуальные образы и метафоры, яркие живые фрагменты. Груз идей — самая приятная и ценная часть багажа, его распаковка — труднейшая часть работы по возвращении: тут и радости успешной работы мысли и глаза, и сетования об упущениях и когнитивный диссонанс.

Привозишь и просто нетривиальные наблюдения — в силу самого состояния путешественности, ведь оно дает неожиданный угол зрения, расширение поля наблюдения, и — что не менее важно — обширные поля интерпретаций. *Именно за счет концептуального видения как системы вопросов и концепций как вариантов ответа на них*. Видишь, вернее — усматриваешь — часто (не всегда!) то, что можешь хоть как-то почувствовать, выразить, зафиксировать, интерпретировать, понять, вербализовать, категоризировать, вставить/вживить в контекст — *но теория и есть открытая и открывающаяся по-новому в каждом месте система интерпретаций*; по крайней мере, такова теоретическая география. Теория, концепция, спекуляция — это еще и огромный комплекс категорий, понятий, концептуальных метафор, логических связей, рассуждений etc. Этот комплекс — хорошо и полиаспектно связанный, прошитый «разноцветными» смысловыми нитями; живое тело, пронизанное «сосудами и нервами». Именно этот живой концептуальный комплекс и помогает *увидеть и осмыслить виденное*; помогают всматриваться — тем самым давая иногда *увидеть*. Но чаще привозишь из путешествия вопросы, вызовы и проблемы, а не вопросы; *теоретик и видит / мыслит / ландшафт вопрошениями*; *географ-путешественник — мыслящий-в-движении сгусток ландшафта*. Эти вопросы не изолированы, это единое связанное концептуальное поле. Кстати, это объясняет и то, что путешествия, столь влекущие, приятные и воодушевляющие, особенно в юности, собственно продуктивными нередко становятся позднее, в зрелости, когда это концептуальное живое тело уже семантически объемное и сложное. По крайней мере у меня путешествия в первом периоде профессиональной жизни выращивали это концептуальное тело, но сама креативность, рождающаяся в состоянии

к лицу, работа во всем спектре масштабов, основа для интерпретации разнообразных материалов. Путешествия дают новые идеи и эвристики, уникальные наблюдения, креативное состояние, продуктивное в разных сферах и достаточно долгое и устойчивое. См: *Каганский В.Л. Путешествие в ландшафте и путешествие в культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001, вып.2.; Путешествия и границы // Культурное пространство путешествий. — СПб., Центр изучения культуры: 2003 г. Чем именно является путешествие и что путешествием не является? // Труды межд. конф. «Власть маршрута» <http://kogni.ru/konf/kagansky.rtf>. Наука странствий // Знание-сила, 2014, 7. Путешествие и туризм // География и туризм. Пермь, 2014. Вып. 13.*

³ Впервые — *Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛО, 2001.*

путешественности провоцировала творческую фантазию и впоследствии, и это «тело» срабатывало позднее. Нередко смысл конкретного путешествия является себя нескорю, даже спустя десятилетия⁴. Географические открытия рождаются и в путешествиях — *теоретические географические открытия рождаются и из духа путешествий*. Но важнейшее открытие минувшего века — система срединно-океанических хребтов была открыта камерально.

Теоретик может любить «свое место», тип ландшафта (и у меня это есть) и всё путешествовать и путешествовать там — желая «обрести вдохновение», предаться рекреации. Но что же здесь специфичного, чтобы было можно заявлять об особом жанре «путешествие теоретика». Нот дело в том, что такими местами путешествия теоретика такими местами ни в коей мере не ограничиваются.

Бывает, что теоретик участвует в обычных научных экспедициях, других специальных обследованиях мест, туристских походах, романтических путешествиях, перемещается с журналистскими целями, для чтения лекций, консультаций etc — все это у и меня бывало. Но и в этих случаях видение и взгляд теоретика особый.

Разумеется, теоретик, как всякий путешественник, шествует сквозь мир феноменов (или это феномены шествуют сквозь путешественника), и материал восприятия неизбежно «оседает» в путешественнике⁵. С таким материалом приходится работать — специально и существенно иначе, нежели в экспедициях или туристических странствиях. Нельзя попасться к этому (любому) материалу «в плен» или пойти на поводу пусть у его ярчайшего фрагмента. Нередко этот обретенный материал служит ресурсом для представления знаний, концептуальных схем, идей; яркая, сочная ландшафтная конкретика — материал не столько для концепций, сколько репрезентирующие их риторические средства, особо точные и /или яркие примеры, концептуальные метафоры; просто «голос ландшафта». Но иногда, заметно или незаметно, этот материал преобразуется, нередко очень косвенно, в концептуальные схемы.

Ландшафт путешествия — вызов для путешественника и особенно теоретика! Грандиозный вызов — сам культурный ландшафт России в целом, Северной Евразии.

И много есть еще разного — как и для чего, с какими результатами путешествует теоретик. Но как же именно путешествует теоретик, когда у него нет внешнего задания, когда его не ждет по возвращении пустое пространство листа, когда нет спутника, коего надо вести, постоянно на что-то указывая и что-то разъ-

ясняя. Etc. Чистый случай — «бесцельное» путешествие — *без внешней цели*. Такие путешествия не целеориентированы, но ценностно-ориентированы, не ролевая игра, не функционирование, не выполнение функций самодвижущегося прибора — а жизнь.

Теоретик живет в реальности своих (реже — чужих, но тогда внутренне «омоенных», интериоризированных) концепций разной степени законченности, он живет в состоянии концептуального генерирования, постоянной готовности к вспышке идей и схем, усмотрения новых понятий, улавливания или опознания закономерностей; однако большинство из них потом безжалостно, совершенно безжалостно бракуется и отбрасывается. Неизбежно он и всё вокруг в состоянии путешественности видит концептуально. Двойное зрение! *Все органы чувств, особенно зрение, неразделимо слиты у путешествующего теоретика с умозрением*. Но есть и путешествия с акцентуацией иных органов чувств.

Теоретик видит не «реки, селения, горы» — их склейки с теоретическими концептами. Не просто место — специфичный рисунок ландшафта, реализация закономерностей, центральное место, центр узлового района или кромку однородного, результат интерференции нескольких систем зональности, комплексы и переломы характерных направлений, реализация — или нарушение — регулярностей, симметрий, результат позиционной или статусной детерминации... *Конкретное место теоретик видит как реализацию концептуальной схемы, многих схем — или вызов им!* Реальные места и объекты всегда заведомо даны не изолированно, а как узелки полимасштабной ткани ландшафта — это **реализации идеальных форм**. Такой взгляд богаче — по-моему, да... Он беднее и суше — и это, очевидно, так... Важно, что этот взгляд *иной*.

Я уже говорил о важности контекста для постижения специфики конкретного места — так вот, *концептуальный мир и есть такой громадный и упорядоченный контекст, на фоне которого специфика даже заурядного места видится и понимается глубже, обширнее и ярче*. Опыт показывает, что проходя множества пройденными путями, теоретическое умозрение путешествия позволяет понять и нечто иное.

Теперь завершу это затянувшееся введение и систематически займусь феноменологией путешествия теоретика. Справедливости

⁴ Внутреннюю Периферию знаю с 1970-х — уяснил концептуально в 1990-х (Внутренняя периферия: новая растущая зона культурного ландшафта России // Изв. РАН., сер. Географ., 2012, №6, с. 23-33); дачный бум — с конца 1960-х, понял к 2000 (Дачный бум // Русский журнал http://old.russ.ru/culture/20040706_kag.html), уясняя до сих пор и т.д.

⁵ Некоторые интимные стороны своих путешествий я раскрыл в интервью в журнале «Rīgas Laiks»; выдет к моменту публикации статьи.

ради подчеркну, что хотя я уверен в общности выводов, выстраиваются эти наблюдения, рассуждения и принципы исходя из общих представлений и проживания собственного опыта. Впрочем, отсутствие универсальности меня как автора ничуть не смущает; при всей принудительной логической достоверности выводов теоретической работы ее личностные и деятельностные основания дело приватное, глубоко личное и даже интимное.

Исходная позиция — *ситуация путешествия как теоретизирования*. Они могут реализоваться и по-отдельности — это очевидно. Однако в разделяемом мною подходе к географии, ландшафту, теоретической географии эта склейка атрибутивна. Это суждение и автобиографическое и методологическое.

Что такое теоретическая география? Кто такой теоретико-географ?

Охарактеризую путешествующего теоретико-географа. **Теоретически-познающее путешествием живое разумное существо, теоретически-мыслящий сгусток ландшафта.** Географ-теоретик в современной России — адепт некоей версии теоретической географии. Выскажусь о ней предельно кратко⁶.

Мир земной поверхности — не склад, свалка или смесь отдельных предметов и мест в пустом, бесформенно-безразличном или враждебном фоне, а сплошная многослойная ткань, целостный закономерный ковер культурных ландшафтов, сопрягающих природные и культурные компоненты. Места — узелки ковра со сложным закономерным рисунком; места осмыслены лишь как детали этого рисунка. Такова исходная предпосылка географии, условие ее осмысленности, основание предмета. Именно потому ландшафт, яркое и манящее пространство для путешествия — его невозможно постичь без путешествий.

Теоретическая география — общегеографическая теоретическая дисциплина, малая. Теоретических географий возможно много, и принимаемая здесь версия, маркируемая именами В.П. Семенова-Тян-Шанского, Б.Б. Родомана и В.Л. Каганского — **теоретическая география ландшафта** (не пространства!). Это — *общегеографическое теоретизирование, в идеале завершающееся предъяснением системы общегеографических принципов и закономерностей*. Не входя в тонкости методологии, укажу, что рассматриваемое теоретизирование — теоретизирование в полной мере и смысле, но не физикалистское; точнее — **спекулятивное теоретическое умозрение**.

Подход представляет *ландшафт как сплошную физически и семантически территориальную «ткань – сеть – ковер» мест*

и природных и культурных компонентов; рисунок такого ландшафта закономерен и теоретически объясним; нередко буквально наблюдаем — непосредственно в путешествии прямо на местности и с высоты / самолета / вертолета и на географических картах и аэрокосмических снимках. Ландшафт представляется как ковер / сеть мест; но и такова и форма концепции. Проблема **линейных и сетевых концептуальных пространств** не уводит в сторону, ведь именно путешествия — в немалой степени в дисциплинарных, социальных и персональных пространствах науки — и явили мне **сложно полисетевую форму знания**. Да имей оно иную форму — я бы не мог там путешествовать... *Возможность путешествия — комплексный индикатор типа пространства [1].*

*Рисунок ландшафта видится и трактуется как выражение сущности, смысла и специфики ландшафта как такового и ландшафта конкретного места. Теоретическая география — **концептуальная морфология культурного ландшафта**.* Познавательную традицию географии теоретическая география не отбрасывает и не преодолевает — ей наследует. Теоретическая география — не оголтелый модернизм, но **творческий консерватизм** — теоретическое воспроизведение и развитие сердцевины географического профессионализма. Теоретико-географ не манипулирует когнитивно данными — и не играет произвольно образами: он осознанно и творчески **живет в ландшафте**⁷.

Зачем теоретико-географу путешествовать?

Зачем же теоретико-географу путешествовать? *Сообщество географов — и пересекающееся сообщество путешественников — племя, которое может жить, только перемещаясь и «питаясь» разнообразием ландшафта.* Можно сказать иначе: разнообразие ландшафта — необходимый, существенный и ничем незаменимый креативный ресурс, не только и

⁶ Родман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999; он же География, районирование, картоиды: Смоленск: Ойкумена, 2007. Каганский В.Л. Пространство в теоретической географии школы Б.Б.Родомана // Известия РАН, сер. географ., 2009, № 2. Он же. Развивающая критика теоретической географии Б.Б.Родомана // Проблемы теоретической и гуманитарной географии. Сб. научн. ст., посв. 80-летию Б.Б.Родомана. — М.: Ин-т наследия, 2013.

⁷ Этот образ жизни вдвойне специфичен. Образ жизни географа в среде «Большой Науки» очень малоизвестен и непонятен; даже само наличие научной географии неочевидно. Образ жизни теоретико-географа до сих пор проблематичен для самих географов, как и сама возможность теоретической географии как общегеографического теоретизирования. То и другое приходится разяснять или даже отстаивать не без издержек. Сообществу неясен или неприемлем статус теоретической работы: принципиальное равноправие с эмпирической, самостоятельность результатов и приложений, особая теоретическая достоверность, равная достоверности эмпирического исследования, но иная; от концепций требуют эмпирических оснований и подтверждений; концепции путают с моделями; едва ли не порицается самостоятельная ценность работы с понятиями; путешествие не принято как особый жанр полевого, но не экспедиционного исследования.

не столько профессиональный, но и жизненный. Путешествия неизбежны; теоретическая география — систематизированный и рафинированный дух путешествий; лишенный путешествий географ чахнет, деградирует и мучительно умирает — или умирает как географ. Непутешествующий географ — не-географ; коллекционер мест — не путешественник.

Основной мотив путешествий теоретика — реализация теоретической работы во всей ее полноте. Дополнительный мотив — познание ландшафта, когда познание иными способами невозможно или крайне затруднено. К примеру, нет эмпирии вообще или нет данных в ином смысле — «данные» несовместимы с концептуальными построениями, невлажны в наличные комплексы понятий. Говоря проще, эти «данные» не могут быть поняты и потому не превращаются в знания; нередко это опасный семантически и психологически мусор⁸. *Ситуации практической невозможности эмпирического исследования целой сферы реальности — не редкость, но для методологии науки это нонсенс. Именно таково советское пространство, весь советско-постсоветский ландшафт Северной Евразии и его социокультурная среда. Они доступны как целые — по крайней мере, сейчас — лишь в теоретическом умозрении и даны в техниках путешествий [2].*

Описательные дисциплины столь переполнены массивами данных, что даже их хранение стало проблемой; подавляющая их часть не обработана. Это могут быть и отчеты иных путешествующих профессионалов, а не просто какая-то статистическая или картографическая эмпирия. Но я убежден, что *концепции любой степени общности выращаются на ограниченных, но лично-концептуализированных массивах материала.* Эти массивы могут быть весьма различны по объему, но они всегда сомасштабны или даже соприродны личности исследователя.

В отличие от путешественников-экстремалов теоретик нередко следует по освоенной местности. Тропы-то пройденные — но маршруты как движение по семейству мест иной; каждое место — особенная позиция. *Даже идя ранее пройденными путями, путешественник прокладывает свой и потому новый маршрут.*

Где путешествует теоретик?

Места путешествия теоретика (это во многом относится и к путешествию как таковому) должны обладать, по меньшей мере, двумя взаимосвязанными особенностями.

Во-первых, они должны быть *насыщены содержанием*, хотя для путешествий — в отличие от иных способов перемещений *любое*

место насыщено содержанием в силу самого понятия путешествия, а ландшафт — в силу самого феномена ландшафта.

Во-вторых, иметь *яркую специфику* вплоть до уникальности. Любой ландшафт насыщен содержанием, но дана эта насыщенность и специфика обязательно и в теоретическом мире; теоретик может стремиться в такое отвечающее этим требованиям место, которое неинтересно для экспедиции, а турист его брезгливо обойдет. Дело в наличных способах усмотреть эту специфику, но это отнюдь не объективная интерперсональная универсалия. *Различу для места насыщенность содержанием и экзотичность.* Для жителя Средней России однообразные равнины почти сплошь распаханного лесостепного юга Сибири весьма экзотичны, но плотность их содержания мала; они интереснее в мелком масштабе, где читается четкий рисунок ландшафта на субконтинентальном уровне. Для наземного географа еще экзотичнее открытое море. Оно может вызывать яркие эмоционально-когнитивные состояния абсолютной несхожестью с сушей, генерировать ассоциации и креативные метафоры, но содержания он здесь не видит. Но для теоретика-океанографа, растящего морфологию морских волн содержание очень обильно. Это неизбежно — *у каждого разряда путешественников и конкретных персон свои тематические акцентуации.*

Именно они вместе с особыми объектами — реалиями феноменологически данного и одновременно «теоретического ландшафта» и определяют пространственный выбор маршрутов.

Не разворачивая представления об уникальности, скажу, что смысл понятия уникальность, хотя последняя обычно и сопутствует редкости — иной. *Уникальны именно и только те места / отдельности, которые сходны (сопоставимы) с несходными (несопоставимыми) между собою объектами.* Отсюда и их редкость. Это обеспечивает очень значительное, нетривиальное и необычно организованное содержание таких объектов. Всех тянет на Камчатку в силу яркости и богатства ее ландшафтов. Но Камчатка, если не сводить ее к небольшому рою туристических объектов — долина Гейзеров (в прошлом), Авачинская бухта, долина Паратунки с горячими источниками, действующие вулканы — это край, у которого немало аналогов разной степени общности. Вулканизмом **Камчатка** сродни Исландии (еще и отдаленностью и тем, что Камчатка транспортно — остров), таежными среднегорьями — Восточной Сиби-

⁸ Особенно опасна «государственная статистика» (ей питается вся отечественная «социально-экономическая география»), опросы «общественного мнения» и т.п.

ри, стянутостью человеческой жизни к приграничному побережью — советской Восточной Пруссии (на Камчатке и свой янтарь есть), ультраконцентрацией человеческой жизни в одном-единственном городе — Центру России... Список открыт. Но можно ли сформировать однородный класс сходных объектов, содержащий Исландию, Восточную Пруссию, Восточную Сибирь, Подмоскowie?!?

Теоретик сам генерирует суждения о сходстве и сравнимости мест, нередко нетривиальные; сравнимы могут быть и несходные места. В этом и состоит ландшафтная специфика Камчатки — огромная «густая» внешняя география; туристическая аттрактивность — это следствие. Как же именно устроен культурный ландшафт в таком уникальном месте — вот вопрос, вот загадка, вот проблема... Кажется бы, в таком месте сами контуры управления должны быть особо тонко и чутко вписаны в ландшафт, а рисунок культурного ландшафта должен воспроизводить — а то и утрировать — уникальную природную основу. Ничего подобного. Обычное советско-постсоветское российское пространство. Это тоже вывод, сильный. **Подмоскowie** демонстрирует тот же парадокс «равнодушия» властного и обыденного пространства к уникальному месту. Даже в самосознании жителей Камчатки (лето 1993 года) не было ничего своеобычного — ощущение заброшенности, шок покинутости (центральной властью), синдром периферии, чувство рушащегося советского бастиона — опять сходство с советской Пруссией. Такой ландшафт вдвойне интересен для постижения — не только и не столько самого региона — сколько России в целом. Репрезентация многих разных несходных мест + тривиальная антропогенная трансформация уникальной природной основы.

Уникальные объекты привлекают двумя связанными атрибутами — они *сверхнасыщены содержанием и репрезентируют огромные массивы объектов (мест)* [3]. Это именно такие объекты, для которых особенно ярко выполняется закон прямого соотношения объема и содержания (собирательного) понятия [4]. Не входя в тонкости теории классификации, укажу, что *нетривиальный объем места — совокупный объем всех мест, соотносимых с данными местом* [10]. Телесно очень малое уникальное место имеет огромный объем и еще большее содержание в силу обширного пространственного положения и/или широкого поля репрезентации.

Иной, пропущенный мною любимый край — **Байкал**. Пребывающий в его середине остров Ольхон — яркая иллюстрация указанных черт уникального объекта — и яркость самого ландшафта с резкими контра-

стами, насыщенность, и громадное разнообразие и огромное поле репрезентации; еще и очень креативное место [5].

Именно комплексы уникальных объектов репрезентируют огромные территории, во-первых, ярче и, во-вторых, что существенно для путешествий с их ограничениями — гораздо экономнее. (Относится это и вообще к уникальности). Весьма важно и то, что именно уникальные места — наиболее сильный вызов и из-за названных особенностей чрезвычайно креативны, продуцируя острое состояние путешественности. Это тут случай, когда путешественного теоретика и рафинированного туриста может тянуть в одну сторону и приводить в одно место. *Работа с концептами мест также во многом строится как путешествие в концептуальном пространстве. Возникает парадоксальный тезис о настоящем путешествии как **полупутешествии**.* Все семейство мест, связанных, сравнимых и соотносимых с конкретным местом — его **внешняя география**, тогда как «обычная» география — **внутренняя география**⁹. Уникальные объекты тогда могут быть интерпретированы как объекты с богатой взаимной проекцией внешней и внутренней географии. Именно внешняя география и актуализируется в концептуальном путешествии. Уникальные объекты с огромной насыщенной внешней географией (не только географией) и структурируют и земное и концептуальное пространство, требуя для его постижения именно путешествий и, в свою очередь, предполагая именно путешествия¹⁰.

Желанные теоретику места уникалами не исчерпываются, тем более что сосредотачиваться исключительно на них лично и познавательно опасно из-за экзотизации впечатлений и концепций; перегруженное уникалами личностное знание теряет адекватность. Не менее важны **особые места** — *существенные в логическом смысле, то есть такие без которых вмещающее целое не может быть представлено и мыслимо как целое.* Для всего бывшего СССР, Северной Евразии и России (Россий) именно таков **Московский регион** [6]. Это яркое конкретное воплощение архетипа российского имперского пространства и его генератор. Это место — концепция в точном смысле, но в теле ландшафта; дело «лишь» в том, чтобы ее извлечь и облечь в понятия. Не одна географическая концепция вырос-

⁹ Отношением корреспондирует с отношением «внутренняя – внешняя система» (Шрейдер Ю.А., Шаров А.А. Системы и модели. — М.: Радио и связь, 1982.

¹⁰ Подробный анализ такого места — Казанский В.Л. Ленточные боры равнинного Алтая глазами путешественного теоретико-географа // Изв. АО РГО. 2017. №2 (45); пример жанра, выработанного для представления результатов путешествий теоретика.

ла из этой почвы. Даже концепция природного ландшафта в московской университетской транскрипции разработана на материале именно этой, самой освоенной зоны ландшафта России; и, кстати, встретила огромное сопротивление со стороны материала иных территорий и их концептуальных интерпретаций. Сама теоретическая география Б.Б. Родомана в сильном огрублении — теоретический портрет Большого Подмосковья, приложимый к неопределенно-широкому кругу мест; портрет потому с широчайшим полем репрезентации, что теоретически точный [7]. Вряд ли привлечет туриста этический, экологический антропологический кошмар Норильского Промышленного района, но существенно звено современной РФ, яркое и типичное; туристские же угодья не так далеко.

*Важны места, притягательные типичной обыденностью, хотя скорее непривлекательны в обыденном смысле; могущие быть с этой точки зрения отвратительными. Это — дополняющий уникамы полюс; вместе взятые они и могут дать достаточно полное представление о большом целостном районе. Такова сейчас самая большая на планете зона руин культурного ландшафта — Внутренняя Периферия России — и даже внутренняя периферия больших городских агломераций. Если уникальные и особые места — это фокусы ландшафта и маршрута путешествия, то зоны обыденности — это его **ландшафтный фон**. Без обращения к нему сами фокусы непостигаемы. Без фона постижение неизбежно экзотизируется, с одной стороны, и резко огрубляется и обедняется — с другой. Общей картины не возникает. Популярны в «экспертном сообществе» картинки России — да и всех мест — именно таковы, их простота и тенденциозная неполнота карикатуры совершенно закономерны.*

Подобно тому, как создавший и резко трансформирующий огромное подвластное пространство Московский регион теоретичен, концептуально аттрактивен и места, туриста отталкивающие. В моих путешествиях таков ныне зовущийся Саровым **Арзамас-16**, первый советский закрытый (буквально) атомный город. Уже разработанная концепция советского пространства оказалась менее яркой и сочной, а может быть — и менее точной, нежели чем это, казалось бы, эмпирически данное (почти никому и никак не данное) место; но вполне его охватывала. *Концентрация содержания Аразамаса-16 делала его чище и ярче обычного концептуального объекта, это **объект=концепция**. Это тоже особые точки — таково, кстати, и яркое самоощущение (не самосознание) обитателей [8].*

Коль скоро этот очерк от первого лица, то нужно упомянуть и места и типы ландшафтов,

где хорошо думается, **лично-специфичные креативные ландшафты**. Какая удача, если они на маршруте вместе с фокальными местами. Для меня такие ландшафты, совмещенные с уникалами — сокращающиеся фрагменты Подмосковья и Центральной России, среднегорья (уточнение неуместно); некогда — чудные национальные парки Балтии.

Для маршрута теоретика важны не только внешне (культурно) заданные места, но и места заданные внутренне, концептуально. Концепции поляризованного ландшафта и советского пространства придают особую роль стыкам регионов — медвежьи углы: позиционные антонимы обычных центров, особо теоретически и символически значимые. Эта метафора не раз овеществлялась — именно в таких местах Средней России и обнаруживались остатки популяции медведей и медвежьи охоты. А летом 2014 г., в год моего юбилея в Мордовском заповеднике именно в таком месте мне вдвойне повезло — я встретил медведицу с медвежатами (расстояние 5.2 м — последующий промер следов) и мне посчастливилось уйти живым. Иные такие места — **стык/пересечение природных и культурных границ**. Велика ценность заповедников и вообще особых природных урочищ — не только в прямой функции, но и культурно-символического (и духовного?) полюса ландшафта, дополняющего административные и культурные центры.

Интерес представляют и места с богатым и парадоксальным географическим положением, их можно числить как отдельно, так и как обширную подгруппу предыдущего. Летом 2013 г. я знакомился с Агрызом и его округой. Парадоксальность его положения в том, что самый отдаленный райцентр Татарии — почти пригород центра иного региона (Удмуртия) — Ижевска. Причем Агрыз еще и буквально расположен на границе регионов (и «выплескивается» за эту границу), занимая в своем административном районе предельно эксцентричное положение. Сложность положения усилена тем, что Агрыз — узел на общероссийской и трансконтинентальной железнодорожной магистрали. Какая «география» (пространственная форма) здесь сильнее — административная или социально-экономическая? что более значимо — общее географическое положение? положение прямо на пороговой и одновременно экстремальной границе с высоким градиентом? техническая роль в системе железных дорог? административный статус? каково наполнение границ и их функции?

Очень интересны места *смены типов ландшафта как смены разных типов регулярностей, проявляющиеся яркими границами и*

особенно *узлами границ*. Таковы и линии и переходные зоны *смены закономерности*. А как ярко **линии смены ведущих, характерных направлений** — удаляясь от центра узлового района с доминантой антропогенного характера направления «центр — периферия» всегда оказываемся в области доминирования природных (природно-аграрных) «фоновых» характерных направлений, напр. зонального «север — юг», попадаем в иной мир. Но и при спуске с гор пересекаешь именно такую линию — вначале, наверху существенно и определяющее вертикальное направление, внизу — горизонтальное, широтное. Аналогична и граница поймы большой реки. Список открыт... *Это своего рода границы «фазовых переходов» в ландшафте; линии смены доминирующе-фоновых закономерностей.*

Интересны и существенны места с быстро меняющейся ландшафтным положением и ситуацией, с трансформацией и географического положения и институционального статуса — напр. бывшие внутренние границы СССР, ставшие внешними границами РФ; ландшафт на переломе; таковы и трофейные регионы.

Разумеется, важно интересно продуктивно (но и утомительно), когда эти типы мест нанизаны на один маршрут. Такой маршрут выдался у меня в 1997 г:

➤ Красноярск с большим уникальным географическим положением:

- природно-географическое — яркий четкий стык трех огромных природных стран с существенно и визуально различающимися ландшафтами,

- пересечение субконтинентальной магистральной «великой реки» Енисей и степной субконтинентальной этнокультурно-контактной зоны,

- транспортно-географическое, «месторазвитие» предопределившее большой город,

➤ ярчайшие, уникальные ландшафтно Красноярские столбы,

- весьма креативный ландшафт,
- локус особой субкультуры («столбизм»),
- фокус культурного самоопределения большого пространства

➤ Красноярск, сверхтипичный большой советский «город», сочетание огромной промышленности и недоразвитых центральных функций в огромной территории,

➤ близость к топографическому центру территории РФ,

➤ Красноярская ГЭС с уникальным гидротехническим сооружением — судоподъемником (на его монтаже работал и мой отец);

➤ объект = концепция Норильск¹¹.

Список концептуально выделенных мест открыт...

Теоретик может путешествовать по столь большим пространствам, что они не могут быть пройдены никакой серией конкретных маршрутов. Я сам путешествовал и путешествую по России в целом, а не только по ее фокальным точкам — и даже по странам, где вовсе не бывал, если мне удастся представить их как концептуальное целое и встроить в свой концептуальный контекст.

Как именно путешествует теоретико-географ?

Но как же именно путешествует теоретико-географ? Мы видели, на что он смотрит. А видит-то что? Тут я не буду делать различий между разными путешествиями теоретика, тип взора которого хотя и не неизменен, но сохраняет свое ядро в любом путешествии.

Видение путешественника-теоретика едино — он видит всё не по-отдельности, изолированно, как отдельные фрагменты некие комплексы природных и культурных тел в их местной конкретности — и еще более отдельно сообразные им теоретические конструкции. Здесь нет ни временной последовательности, ни процедуры совмещения, ни логического или эмпирического вывода одного из другого. **Одновременно, одномоментно теоретик видит конкретное место как место концептуальное. Визуальное зрение ландшафта и есть его умозрение.** Но необходимо расчленение этих синтетических объектов при необходимости. Принципиально, что *путешествия и концептуальные конструкции эффективно дополняют друг друга, будучи, во-первых, иногда слитными, а иногда и относительно независимыми видами работы, во-вторых, будучи достаточно многочисленными, и, в-третьих, будучи дополненными междисциплинарными представлениями.*

Проходя по опушке, по стыку леса и поля или луга, как ходит всякий путник, теоретик шествует по пороговой границе Бориса Родмана, контактной границе Владимира Каганского, границе-экотону Дмитрия Люри. Он идет по земле и движется в пространстве теоретической районистики и лимологии. Он следует по обычной для опушки тропе или лесной / полевой дороге, и одновременно шествует по тому идеальному ландшафту, где трассы привязаны именно к границам этих типов, и в его упругих шагах являет себя теоретический парадокс, что граница такого типа суть трасса. Подходя же к реке, он входит не только в воду или на мостик, но и в теоретическое суждение о том, что кажется противоположным сказан-

¹¹ Подробнее Каганский В.Л. Енисейский дневник // 7 искусств, 2017 (в печати).

ному — трасса есть граница. Если он захочет, он сразу перейдет к границе города как пологой, контактной границе — концентратору сообщений и линейному полюсу активности. Так лесная опушка в сотнях километров от Москвы, МКАД и граница России явят свое единство в одном теоретическом концепте; топографически они далеки друг от друга, но концептуально это разные транскрипции одного и тоже феномена. А привал этот путник, короткую остановку или лагерь для ночлега разобьет именно на опушке или на берегу реки или озера и непременно у ручья. На больших опушках, стыках ополей и полесий, пересеченных реками вставляли старые русские города. Так теория позволяет перебрасываться из места в место, потому что только в эмпирическом ландшафте это разные, далекие и несравнимые места, а в теоретическом умозрении — это разные реализации одной и той же не слишком сложной закономерности.

Живя долгу — если повезет — жизнь теоретик путешествует не просто по меняющемуся ландшафту (ныне очень быстро и существенно меняется культурный ландшафт всей Северной Евразии) — он *путешествует по процессам*. «Мой» процесс инверсии контактной и барьерной функции границ (и вообще инверсии всей структуры советского пространства) или принятия на себя центром главных функций границы — реальные сейчас процессы превращения Москвы в главный медиатор-посредник всей Северной Евразии и остального мира, а равно и более интересное приобретение Большой Москвой функции транзитной границы «Евразия / Европа». Когда я писал первый вариант, диалектика центра и границ воплощалась в Сочи на зимних олимпийских играх 2014: российская «Центральная Граница» исторически на мгновение стала временной столицей России и мирового зимнего спорта; летняя столица северной России оказалась мировой зимней столицей etc; одновременно и сопряженно шли пространственные и временные инверсии. Сделанный 15 лет назад анализ ландшафта Украины предусмотрел и нынешнюю ситуацию и процессы в этой стране.

Маршруты такого путешествия могут отличаться еще и особыми приемами. Мало следования по характерным линиям — их еще надо обнаружить, мало комплексировать эти линии — их надо создавать. Если обычное экспедиционное сканирование — это реализация одномерного профиля или разреза, то маршрут теоретика многомерен. Он нередко меняет направления, и для него направления не менее важны, чем расстояния.

Прибегая к метафоре, наш путешественник движется в кентавр-ландшафте — сочленении конкретного, данного, местного телесного

ландшафта и открытой совокупности его теоретических презентаций, открытой в том смысле, что концепции не локализованы, подобно телесным проявлениям ландшафта. Причем одна часть этого тела, с которым сливается теоретик — локальна и привязана к месту, а другая — концептуальная — нелокализована.

Взгляд путешествующего теоретика беднее взгляда обычного хорошо подготовленного экспедиционного исследователя-профессионала за счет теоретической идеализации, концентрации, акцентуации, генерализации, «отбрасывания» каких-то черт — осуществляется теоретическая сепарация, с молока обычного ландшафта снимаются сливки чистых концептуальных форм, генерируется концептуальное масло — эвристики и теоретические идеи; обрат — так обрат... В представленном енисейском маршруте можно было увидеть и многое другое. Но одновременно взгляд теоретика и много богаче, поскольку он видит *иначе* и потому видит *иное*. Сформулирую это аккуратнее. Во-первых, за счет этой компаративной волны *он видит конкретное место, насыщенное содержанием всех тех иных мест, что соединены общей теоретической идеализацией, видит в одном месте открытое множество иных мест*. Во-вторых, теоретик достраивает видимое до идеальной формы, видит его как реализацию более общей и более богатой концептуальной структуры.

В определенном смысле *теоретик и путешествует в пространстве чистых концептуальных форм*. Это было бы определением просто теоретической работы (возможно, любой теоретической работы), если бы эти формы не были воплощены в материале ландшафта, смешаны, деформированы, наложены одна на другую и т.п. *Теоретик видит в ландшафте теоретическую возможность полноты и чистоты форм ландшафта, генерирует — в том числе и визуально — архетипы*.

Теоретик и обедняет ландшафт «отбрасываемая» теоретически нерелевантная — и обогащает, дополняя эмпирическое содержание до теоретически полного. Путешествующий теоретик спонтанно достраивает ландшафт до идеального и творчески его созерцает. Присущие ландшафту особенности и не отбрасываются и не искажаются — они теоретически рафинируются. За счет концептуального соотношения с аналогами конкретный объект насыщается иными, становится полнее, а иногда и чище формой.

Как и что видит и постигает путешественник-теоретик?

Места, конкретные места он видит / чувствует / понимает как идеи мест. Идея места —

его особый компонент. Но так бывает и у мест, созданных как воплощение определенных идей. Тогда идея места — это наложение концептуальной волны на конкретное место, их синтез. Можно в путешествии познавать конкретный Нижний Тагил, а можно увидеть это место как воплощение ландшафтной идеи старого уральского города (с разворачиваем ее в закономерную территориальную форму), и еще идеи советского индустриального города и второго города большого постсоветского региона. *Теоретик видит место как идею места в ее конкретности.* Иногда это очень большая содержанием идея (комплекс идей) — таков Петербург.

Вот здесь возможен переход от видения идеи места к идее, его породившей. «Византийское наследство» наложилось, даже впечаталось в ландшафт нашей страны не непосредственно (хотя во многом и буквально), а посредством букета идей и ценностей. Поэтому теоретик путешествует и в том секторе мира идей, которые, будучи спроецированы в план земного ландшафта, воплотились в конкретных местах и создали эти места; иногда это большое открытое семейство мест. Петербургский стиль, позже деградировавший до схем ленинградских «зодчих», больше, нежели стиль, эта внешняя форма, наложившаяся на ландшафт — и читается чуть не по всей Северной Евразии. Не только регулярность, но и обустройство места наперекор внутренней исходной форме ландшафта; Петербург в дельте Невы с неизбежными наводнениями. Именно антиландшафтная регулярность Норильска, минутами в году читаемая как парадность, особенно усугубляет там условия жизни. Для теоретика эти идеи не менее реальны, нежели конкретные места, но он не подменяет историка или культуролога — он прочитывает изумительное богатство идей места Петербурга, но не занимается рецепцией идей Великого посольства и их градостроительного воплощения. Комплекс (полный комплект?) идей Петербурга, его архетип как мирового города = центра — концептуальный охват большого пространства множеством идеальных форм с неограниченной открытой сферой влияния вплоть до экстерриториальности, транслокальности. Но есть и упрощенное и локально конкретное воплощение архетипа Петербурга — Оренбург.

Идеализация возможна не только в мире понятий. *Видение путешественника превращает реальное эмпирически место в идеальное.* Всякое место можно трактовать как наложение разных идеальных форм и сопряженных с ними регулярностей, которые то обогащают друг друга, то мешают друг другу полностью воплотиться. Центральное положение Москвы в Волго-Окском междуречье и узловое место

на берегу Москвы-реки взаимно усиливают потенции центра; но идеальная симметрия трансформирована анизотропностью среды, появились выделенные направления. Логика развертывания потенций московской агломерации вширь, во все стороны, связанная с наземным транспортом отеснила иную логику — развертывания агломерации вниз по течению квазипараллельных рек — Клязьмы и Москвы. Вот эти чистые формы ландшафта, «замутненные» при воплощении и видит теоретик. Например, чистую радиально-концентрическую форму большого города, требующую пространства плоской большой равнины без помех, то есть симметричную; эмпирическая Москва несколько — и все больше — иная. Иногда эта «московская» радиал-концентричность внезапно воплощается в месте совсем неподходящем — в приморском Петербурге. Идеи сами путешествуют, а здесь развертывание потенции архетипа центрального места «притянуло» кольца, изначально чуждые Питеру в дельте. Париж и Москва оказываются одним местом, местом одной и той же идеи, разными эмпирическими референтами одного теоретического концепта [9]. Но и Москва и Петербург — реализации одного архетипа «Центр Большого Имперского Пространства». Но Москва воплотила много и иных ландшафтных идей, а некоторые не реализовались, хотя потенциально были присущи местоположению. Признанное выдающимся географическое положение Москвы беднее изначально, нежели у Коломны: все то же самое, только еще вторая большая судоходная река — но вокруг Коломны труднее было развиваться симметрично-полирадиальной структуре. Владивосток в бухте Золотой Рог так и не стал тихоокеанским Константинополем. Характерно, что в обильной литературе по Москве полный список идей ее места не представлен, архетип не описан. Тому есть объяснение. Большое место — большой букет идей — большой комплекс личностного знания — крупная личность...

Здесь диалектика: *места прочитываются как идеи мест — идеи воплощены в местах.* Так Норильск — дерзкий вызов создания и поддержания большого поселения в нечеловеческой зоне (стоивший жизни сотням тысяч жертв), «город» наперекор природе, как и все советское пространство. Тут налицо важная интересная проблема — своей сделанностью, надландшафтностью, имперскостью советское пространство — грубый шарж на питерскую парадигму; эта связь смысловая или генетическая? И вообще советское пространство — извращенно-превращенное московское или новгородско-питерское? Ландшафт, генерированный сверху для решения определенных

задач, то есть периферия и даже ультрапериферия. Читается несколько идей, реализацией которых предстает конкретное место. *Антиландшафт* наперекор всем закономерностям нормального (полноценного) культурного ландшафта.

А вот в примечательном городе **Ветлуга** (ветшающем, как все города Внутренней Периферии) читается *идея города на своем месте*. Немалая река Ветлуга (левый приток Волги длиной 900 км), судоходная в прошлом на 700 км, высокий сухой правый берег, место удобное для переправы, поселения и центра округа, живая сельская округа, промыслы, лесное дело — былая скромная состоятельность и самостоятельность. Но вначале железные, а потом и автомобильные дороги трансформировали ландшафт, реки потеряли и теряют свое значение — и Ветлуга пала жертвой этих трансформаций. Ветлуга при росте пароходного сообщения наращивала размер, полноценность социальной и культурной жизни местного сообщества, функции и сферу влияния — при вытеснении судоходства наземным транспортом она все это почти утратила. Это звено большой волны концентрации, деконцентрации и реконцентрации населения. Вот так в конкретном городе прочитывается несколько больших глобальных процессов — смена не просто транспортного каркаса в вековой перспективе — смена каркаса расселения и всего культурного ландшафта, уход России (только ли России) от своих рек и запустение приречных территорий. Читается в Ветлуге и упущенные / упускаемые возможности места, и потеря краем своей идентичности, и утрата социального контроля околота. Так, невдалеке вырос экстерриториальный индуистский поселок Дивья Лока, но без всякой связи с городом (по последним сведениям поселение ликвидировано; достоверной информации нет; на космоснимке — антропогенный ландшафт). Ландшафт, по умолчанию сплошной и цельный, здесь и вообще сейчас в России фрагментируется на несвязанные и безразличные друг другу места. *Уж не путешествия ли их сейчас единственно и связывают...*

Теоретическая полнота видения идеальной формы места, его «идеи» — видение и всего спектра возможностей, всего пространства возможных состояний. Конкретное место в путешествии теоретика превращает конкретную реализованную форму в более богатую потенциальную. **Теоретическое путешествие — пребывание во всем пространстве ландшафтных возможностей места.** Такое путешествие — одновременно путешествие по пространству ландшафта и по пространству его возможностей; конкретное место видится

как место и в пространстве возможностей, что существенно расширяет контекст. При этом наблюдаемо и **пространство упущенных возможностей**, они очень ярко меняют ландшафт (не только); сюжет для нашей страны актуальный.

Но не сводится ли таким образом вся теоретическая и даже исследовательская и даже «постижительная» деятельность к путешествию — нет, но в ней являет себя значительный компонент путешествия, коль скоро знание (и сфера познания) являет (предъявляет?) себя как пространство, некоторая сложная сеть; утверждения и модели когнитивистики и искусственного интеллекта¹²). Но почему же не путешествовать по пространству сети? И каким же образом я путешествовал по междисциплинарному пространству с центром в теории классификации?

Что именно дали мне путешествия?

Идеи / эвристики / наблюдения / концепты / интерпретации

I. Теоретические концепты

путешествие как особый образ жизни и деятельности

- различие «путешествие — туризм»
- различие «экспедиция — путешествие»
- путешествие как обязательный компонент нормальной жизни
- путешествие как тип и способ познавательной жизни
- путешествия теоретика как жанр и вид теоретической работы
- путешествие теоретика как особый вид полевого исследования

II. Общие положения концепции ландшафта

- различие антропогенного и культурного ландшафта
- ландшафт как проективный тест для культуры
- «чтение» культуры по ландшафту
- неоднозначная связь с природной основой

III. Состояние и процессы в российском ландшафте

- культурная реабилитация ландшафта в Северной Евразии,
- «восстановление» и автономизацию ландшафта,
- возобновление спонтанного действия «логики ландшафта»,
- статусная детерминация постепенно замещается позиционной,

¹² Поиск в Интернете на «знание сеть» выдает миллионы ответов, но поиск на «знание как сеть» не дал ничего!

- но! ресоветизация ландшафта
- важные особенности современной российской культуры / общества
- редкость полноценного культурного ландшафта на территории РФ
- открытая проблема: приближается ли пространство РФ к (полноценному) культурному ландшафту или удаляется от него?
- сохранность досоветской культурной почвы и ее вариантов,
- явное византийское наследие в российском ландшафте,
- имперскость ландшафта,
- новая резчайшая поляризация пространства РФ на всех уровнях,
- тотальная фрагментаризация ландшафта, сопряженная с фрагментаризацией «общества», бум создания внутренних телесных и символических границ,
- мания огораживания ячеек всех типов, размеров и уровней,
- инверсия внешних и внутренних границ,
- поведение в ландшафте массовых групп населения;
- реальное отношение масс к ландшафту, в т.ч. к особо ценным местам
- пространственная невменяемость
- фактический ландшафтоцид и экоцид
- экоцид, переходящий в массовое суицидальное взаимодействие с ландшафтом посредством уничтожения вмещающего ландшафта
- тотальная ксенофобия, «ландшафт посторонних»
- ландшафтофильные и ландшафтофобные группы;
- сакрализация ландшафта
- новое ландшафтное язычество
- ценностно-символическая поляризация ландшафта
- бурная мифологизация ландшафта,
- бурная псевдосакрализация и сакрализация ландшафта,
- и уже его клерикализация
- дачный бум и формирование нового пригородного ландшафта,
- пригороды как вместилище взаимно-антагонистических групп и ландшафтных практик
- массовость спонтанной ренатуризации ландшафта
- спонтанная эконетизация ландшафта
- плакоризация антропогенной сферы
- спонтанная эконетизация рек
- реальное — острое и бурное — самоопределение мест,

- краеведческий и музейный бум
- становление новых пространственных идентичностей
- на основе новых и старых границ и центров

IV. Места, типы мест и ландшафтов

- обнаружение и уяснение нетривиальных и неизвестных (малоизвестных) типов, состояний и процессов культурного ландшафта,
- современная российская Провинция
- специфика, закономерность, массивность, рост Внутренней Периферии;
- синдром периферии
- новая формация ландшафта «русская саванна» (с Б.Б. Родоманом)
- природные заповедники как фокусы культурного ландшафта;
- реальный бум и специфика приграничных территорий;
- трофейные ландшафты,
- бум «вторых городов»;
- (список открыт).

Библиографический список

1. Каганский В.Л. Постмодерн. Ландшафт. Россия // Лабиринт <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/07/Kagansky.pdf> (7 ссылка)
2. Каганский В. Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта (электронная книга) // <http://fanread.ru/book/10364634/?page=1> (10 ссылка)
3. Каганский В.Л. Родник планеты и сакральный locus // НГ-экология, 2017, № 1. (11)
4. Каганский В.Л. Классификация, районирование и картирование семантических пространств // Научно-техническая информация, серия 2, 1991, № 3. (12)
5. Каганский В.Л. Байкал как глобальная проблема // Экологический риск. Мат-лы IV Всерос. научной конф., Иркутск, 2017. (14)
6. Каганский В.Л. Природно-государственный ландшафт Северной Евразии: теоретическая география // Социально-экономическая география: традиции и современность. М. — Смоленск: Ойкумена, 2009. (17)
7. Каганский В.Л. Развивающая критика теоретической географии Б.Б. Родомана // Проблемы теоретической и гуманитарной географии. — М.: Ин-т наследия, 2013. (18)
8. Каганский В. На чем Москва стоит. Особая точка // Неприкосновенный запас, 5, 1999. (19)
9. Каганский В.Л. Россия=Франция // География. 2002. № 29. [http // geo. 1september.ru](http://geo.1september.ru). (21)
10. Чебанов С.В. Мерономия С.В. Мейена: к 40-летию формулирования // ЛЕТНАЕА ROSSICA. РОССИЙСКИЙ ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2017, т. 14. (13)

Б.Б. Родоман

Институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва

ЭТИЧЕСКИЕ УРОВНИ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ЛАНДШАФТУ В СФЕРЕ ДОСУГА

Разные виды деятельности людей в ландшафте рассматриваются как стадии и уровни культурного развития личности. Та или иная местность используется посетителями как: 1) источник материальный благ; 2) убежище от повседневной среды обитания; 3) комфортное пространство для оздоровления и социального самоутверждения; 4) спортивный снаряд для преодоления трудностей и препятствий; 5) музей, выставка драгоценностей, раритетов, достопримечательностей; 6) сплошной ландшафт как источник духовного обогащения и вдохновения, объект сакрального отношения.

Ключевые слова: *природа, ландшафт, досуг, рекреация, личность, типы, стадии, уровни.*

B.B. Rodoman

Institute of Cultural and Natural Heritage. D.S. Likhachev

ETHICAL LEVELS OF THE RELATIONSHIP OF MAN TO LANDSCAPE IN THE SPHERE OF LEISURE

Different types of activities of people in the landscape are considered as stages and levels of cultural development of the individual. One or other place is used by visitors as: 1) the source of material goods; 2) a refuge from the everyday habitat; 3) comfortable space for recovery and social self-affirmation; 4) sports equipment to overcome difficulties and obstacles; 5) museum, an exhibition of rarities, sights; 6) a continuous landscape as a source of spiritual enrichment and inspiration, an object of sacred relation.

Keywords: *nature, landscape, leisure, recreation, personality, types, stages, levels*

Урбанизация привела к тому, что кратковременное общение с «природой», периодическое пребывание вне города стало естественной потребностью большинства горожан. Вместе с тем, огромная масса людей, желающих путешествовать и отдохнуть среди природного ландшафта, очень неоднородна и распадается на слои и группы, которые мало соприкасаются и не пользуются взаимопониманием. Эти группы различаются по отношению человека к среде и к другому человеку, в них вырабатываются разные моральные нормы. Для разных людей загородная природная среда выступает в следующих ролях.

1. Склад продовольствия и сырья.

Для многих, если не для большинства жителей нашей страны, загородные леса и воды — места сбора грибов и ягод, рыболовства, а также охоты или, нередко, её имитации — прогулок и баловства с охотничьим оружием. Эти заня-

тия отделились от традиционной хозяйственной деятельности и стали преимущественно рекреационными у жителей больших городов и густонаселённых районов. В традиционной деревне, в Сибири, на Крайнем севере это прозаический и тяжёлый труд — заготовка «даров леса» для себя и на продажу. Рекреационный эффект нередко привлекается для оправдания собирательства, если добыча невелика. «Пусть я ничего не поймал, — говорит неудачливый рыбак, — зато хорошо отдохнул». Он по-прежнему считает себя серьёзным деятелем, презирает праздные прогулки, но по своей объективной роли в сфере досуга он уже рекреант. Однако подход к среде у него односторонний, узкий, по-своему утилитарный, а эстетические требования к ландшафту почти отсутствуют. В межличностных отношениях добытчиков господствуют индивидуализм и конкуренция. Самодеятельная любительская эксплуатация даровых природных ресурсов в России достаточно престижна, пользуется всеобщим пониманием и сочувствием и объединяет людей с различным социальным положением.

© Родоман Б.Б., 2016

Родоман Борис Борисович,д. геогр. н., профессор
bbrodan@mail.ru

2. Изолированное помещение. Леса, луга, берега привлекают многих не красотой, чистым воздухом, дикими плодами, а возможностью уединиться, спрятаться от чужих и не симпатичных людей, освободиться от повседневной регламентации и контроля поведения, добровольно общаться с избранными приятелями. Эстетические требования к природной среде в этом случае слабы и неотделимы от оценивания площадки по её механическим свойствам — требуется лишь удобное место для пикников, игр, занятий любовью, для установки палатки. Расстояниями или кустарником заменяются стены. Люди приходят на «клоно природы» с ролями и отношениями, сформировавшимися в повседневной жизни, чтобы их реализовать и усилить; внимание направлено на человека (партнёра), а не на среду. Нужна также некоторая изоляция от соседних групп. Найдя удобное место, пара или группа обычно не покидает его до конца пикника. В «стационарном туризме» проявляется не любовь к природе и ландшафту, а любовь друг к другу и социальная автономия молодёжи, стремление подростков пожить без взрослых. Многие рекреанты отказались бы от прогулки, если бы имели удовлетворяющие их квартиры, дачи, комнаты в гостиницах возле водоёмов и пляжей, но некоторые, имея всё это, охотно идут в лес и ищут красивые и уединённые места.

3. Кабинет физиотерапии. «Солнце, воздух и вода укрепляют организм» — этим лозунгом выражается отношение к среде в данном случае. Рекреант намеренно дозирует используемые им вещественные и энергетические рекреационные ресурсы, когда купается, загорает, бежит; при этом он в равной мере обращает внимание на своё тело и одежду, на рекреационные ресурсы и на других людей. Эстетические требования к ландшафту выше, чем в предыдущих двух направлениях природопользования, но подчинены комфорту и физиологическому рекреационному эффекту. При пляжно-курортном образе жизни быстро завязываются знакомства, меняются роли в неустойчивых, расплывчатых коллективах, компаниях, куда рекреанты вливаются поодиночке или в составе пар и малых групп. Предпочтения к людям, вещам, занятиям охотно демонстрируются и нередко служат средством саморекламы. В сближении людей большую роль играет внешнее обаяние. Доступность, комфорт, престижность гостиниц, ресторанов, баров, дискотек и т.п. способны полностью отвлечь рекреантов от природного ландшафта.

4. Спортивный снаряд. Преодоление расстояний и трудностей для повышения самооценки, для спортивного самоутверждения свойственно альпинизму, отчасти горнолыж-

ному и водному спорту. В СССР был широко развит спортивный походный туризм — передвижение пешком, на лыжах, на гребных и парусных судах, плотам по лесам и горам, лишённым колёсных дорог, по рекам, нередко порожистым, по бурным озёрам. Этот вид туризма отделился в 30-х годах XX в. от военно-спортивной подготовки молодёжи, унаследовал военную терминологию (поход, привал, лагерь и т.п.), но стал самостоятельным и мало управляемым общественным движением. Ради спортивных результатов жертвовали комфортом, иногда рисковали жизнью. Высокие, но не высказанные явно эстетические требования предъявлялись только к «дикой природе», которая при отсутствии видимых следов человеческой деятельности выглядела прекрасной как бы автоматически; антропогенные компоненты среды игнорировались. Нередко ландшафт воспринимался узко топографически (километраж, проходимость), как дискретный набор преодолеваемых препятствий (перевалов, переправ, порогов) и ночёвок в экстремальных условиях. Постоянное внимание участников такого похода направлено на чёткое выполнение необходимых действий, на технику передвижения и бивуачного быта. В людях ценятся общительность, выносливость, неприхотливость, полезные бытовые навыки, трудолюбие, скромность, коллективизм, а в критических ситуациях — находчивость, мужество. Среда благоприятствует зарождению романтической любви, но сдерживает её проявления. Предпочтения и симпатии не афишируются. Выражение индивидуальных вкусов и влечений, эгоцентризм и многословие не одобряются. Господствуют конформизм и скрупулёзная уравниловка в быту. Престиж туристских походов, особенно пеших, в глазах широких масс населения низок, но он резко повышается, если туристы пользуются моторным транспортом и оснащены какой-либо аппаратурой, если поход называется научно-спортивной или спортивно-охотничьей экспедицией, опекается престижными военными или спортивными организациями, заинтересованными в рекламе спонсорами, освещается на телевидении. Турпоходы в чистом виде считаются в нашей стране делом несерьёзным и потому нуждаются в некоторой маскировке. Нередко самостоятельные туристы выдают себя за исследователей, журналистов или выполняющих «спецзадание», чтобы не раздражать местных жителей и пользоваться их гостеприимством. Человек, который идёт по лесу с большим рюкзаком, но ничего не собирает, кажется инфантильным чудаком, слегка сумасшедшим.

5. Музей. Теперь мы рассмотрим тот случай, когда люди ездят ради познавательного осмо-

тра отдельных объектов, ценность и красота которых обычно ассоциируется с редкостью или древностью и подтверждаются авторитетами. У большинства таких объектов имеются «открыватели»: 1) первичный, который обнаружил явление и оценил его значение для науки, искусства, культуры; 2) вторичный, который разрекламировал объект перед широкой публикой, придал ему престижность, наклеил на него ярлык. Так, остров Кижи, хорошо описанный ещё в «Истории русского искусства» И.Э. Грабаря, стал известен «народу» и посещаем толпами после публикации статьи с фотографией в газете «Правда». Внимание к памятникам культуры проявляется исторически раньше и распространено шире, чем неподдельный интерес к природным объектам. Влечение к произведениям искусства у многих людей граничит с алчностью, с любовью к роскоши, к дорогим вещам. Для понимания биоценозов у культуры, основанной на присвоении и обладании, нет традиционной базы. Осмотр архитектурных и (гораздо реже) природных раритетов, рассеянных по стране, обычно сопровождается безразличием к окружающему ландшафту. Большинство экскурсантов не привыкло внимательно смотреть в окно автобуса и самостоятельно замечать что-либо без подсказки гидов; многие пассажиры заняты разговорами или дремлют в ожидании, когда их разбудят и что-то им покажут. Такое перемещение вряд ли можно называть путешествием. Отдельные лица, не удовлетворённые массовым туристско-экскурсионным обслуживанием, стараются сблизиться с профессионалами — художниками, архитекторами, искусствоведами, историками, или с эрудированными любителями. Эрудиция, увлечённость, оригинальность мнений, талант рассказчика открывают путь к лидерству в неформальном коллективе туристов-экскурсантов. К сожалению, роль биологов, экологов, географов-ландшафтоведов и ландшафтных архитекторов (больших общественных пространств) в организации массового туризма крайне ничтожна. Такие специалисты изредка водят экскурсии на студенческих практиках и для научных конференций. Но и для участников элитарных интеллектуальных симпозиумов обычно заказываются тривиальные экскурсии, на которых слушателей развлекают мифами и легендами, народной этимологией при объяснениях топонимов и т.п.

6. «Храм», «сакральный» источник вдохновения. На высшем уровне восприятия окружающей среды единственным, но всепоглощающим объектом осмотра является весь ландшафт. Его воздействие на человека трудно передать словами и разложить на компо-

ненты. Путешествие стимулируется поисками гармоничных природных и антропогенных ландшафтов, «визуальных симфоний», способных духовно обогатить и вдохновить. Синкретическое восприятие ландшафта помогает усвоению идей экологии, макроландшафтной архитектуры, формированию географического мышления. В нашей стране всё это свойственно пока лишь узкому кругу людей, большей частью соприкасающихся с ландшафтом в профессиональном и любительском творчестве. Есть слабая надежда, что к такому восприятию среды приобщится и более широкая публика, но неизбежна профанация, вульгаризация, снижение до уровня самого непритязательного массового потребителя. Судя по поведению людей и следам на местности, большинство россиян не замечает ландшафта и в его красоте не нуждается.

Мы перечислили шесть типов отношения людей к окружающей среде, которые считаем и этическими уровнями культурного развития. На каждом уровне возникают, проявляются, ценятся разные человеческие качества и различные отношения между людьми.

В типах 2 и 3 ценятся физическая сила и ловкость, общительность, привлекательная и модная внешность, обладание и пользование вещественными средствами рекреации (например, дачей, автомобилем, яхтой); в типе 3, кроме того, престижные свидетельства повседневного высокого качества жизни. В трудных походах (тип 4) моральная красота важнее физической, а социальные различия и внешность несущественны. В типах 2 и 3 обостряются и сглаживаются повседневные отношения и роли. В типе 4 люди подвергаются серьёзному моральному испытанию и обнаруживают скрытые качества, устанавливают новые соотношения ролей, резко отличные от повседневных, даже казавшиеся невозможными в обычной жизни, как это бывает в тюрьме, в армии, на полярной зимовке или в плавании на плоту через океан; появляются дополнительные возможности выдвинуться в лидеры, чувствовать себя полезным, но и наоборот, стать «последним», лишним в коллективе [2, 3].

Типы 3 – 5 способствуют завязыванию знакомств, продолжающихся в повседневной жизни. Тип 3 легко сближает людей с вещно-потребительской ориентацией, 4 — с морально-этическими идеалами, 5 — стремящихся жить в атмосфере искусства. Типы 1, 4, 5 порождают хобби, нередко приводящие даже к смене профессии. Устойчивые группы людей в типах 4 и 5 иногда меняют свои функции: например, компания туристов превращается в клуб самодеятельной песни и всё чаще выступает в городских залах. Один инженер

благодаря походному туризму сделался профессором географии, другой стал известным певцом, третий — конструктором туристского снаряжения и владельцем мастерской для его изготовления [4].

В ряду типов от 1 до 6 вещественное потребление среды сменяется информационным, расширяется диапазон занятий и используемых компонентов ландшафта, повышаются требования к среде и спутникам, усиливается эстетическая сторона, общение людей становится менее функциональным и более личностным, а число приверженцев у последних типов меньше, чем у первых. Преобладающие в каждом типе рекреационные занятия явно различаются по степени духовности — вовлечённости положительных эмоциональных, моральных, эстетических, интеллектуальных пластов личности, и по степени человечности — наличию чисто человеческих влечений и занятий, отличающих нас от остальных животных. Высшие животные не только используют природные ресурсы, но и исследуют местность, обладают любознательностью, способны учиться и делиться опытом, но, вероятно, лишены религиозно-бескорыстного, квазисакрального отношения к ландшафту. Всё это позволяет нам рассматривать вышеперечисленные типы не только рядом один с другим, но и как этажи некоторой пирамиды — разные уровни использования окружающей среды, достигаемые отдельными людьми и группами по мере своего культурного развития. В перечне и таблице типы расположены по степени интеллектуальности. По моральным и эмоциональным признакам четвёртый тип пришлось бы поместить выше пятого. На низших уровнях рекреационная деятельность вырастает из утилитарной; на высших она переливается в профессиональный творческий труд. Когда главный признак вынужденного труда — отрицательные эмоциональные затраты — исчезает, то стирается и различие между работой и рекреацией. Увлечённый художник или учёный часто забывает о досуге или вообще в нём не нуждается, размывая понятие «отдых», выработанное в индустриальном обществе применительно к массовому наёмному труду.

Можно ли согласиться с таким положением, когда на низшие уровни поставлено активное отношение к окружающей среде, а на высшие — пассивное, созерцательное? Да, такая эволюция неизбежна, если пространство и ресурсы ограничены, а число деятелей растёт. При вовлечении новых территорий и ресурсов появляются новые возможности для активизации утилитарной и рекреационной деятельности. Но Земля в целом не безгранична. Выход людей в космос, быть может, позволит занять-

ся механическим и энергоёмким преобразованием среды и грандиозным строительством на других планетах и в околопланетных пространствах; Землю же с её уникальной и уязвимой естественной биосферой придётся беречь ещё больше, даже превратить в сплошной заповедник. Кроме того, созерцательное отношение к природе и ландшафту «в поле» может стать катализатором для активных камеральных занятий.

Соответствия между уровнями использования среды и видами рекреации не однозначны. Например, «стационарный туризм» (проживание на одном месте в палатке, шалаше в окружении природного ландшафта, со спортивно-туристским бивуачным снаряжением) может отвечать всем шести типам использования среды, но в массовых масштабах связан лишь с первыми тремя. На четвёртом уровне этот образ жизни может быть экспериментом по выживанию, самообеспечению и самообслуживанию в условиях «робинзолады»; на пятом — средством систематического наблюдения за некоторыми природными объектами путём ежедневного обхода одних и тех же точек; на шестом — психологической рекреацией, стимулирующей творчество. В конце недели многие горожане надевают штормовки и рюкзаки, идут пешком или на лыжах и обедают в лесу у костров, но тяготеют к разным полюсам туризма. В одних группах рассматривают при этом архитектурные объекты и рассуждают об искусстве; в других молчат, но любят быструю ходьбу и тяжёлую физическую нагрузку.

Новые отношения к среде, зарождаясь у элитарной творческой интеллигенции в больших городах и «развитых» странах, распространяются затем волнами моды на другие социальные слои. Человек, достигший нового уровня, обычно не теряет вкуса к старым типам использования среды, но отводит им подчинённое место. В любом типе заложены пути выхода на высшие уровни. Если охота и рыболовство развили у горожанина синтетический взгляд на природу, он не поедет ради обильной и лёгкой добычи в неинтересный, не вдохновляющий район. Любитель морских купаний с высокими экологическими запросами потратит на ходьбу или езду драгоценные утренние часы, будет меньше купаться, но не остановится в безобразной местности на слишком многолюдном пляже.

Во всех видах рекреации большое значение имеют осознанные или неосознанные мотивы самовыражения, самоутверждения, повышения самооценки, поиски одобрения, завоевание престижа, стремление руководить и учить или быть руководимым и обучаемым, взять на

себя ответственность или избавиться от неё, и т.п. Люди с разным образом жизни, с различными физическими и психическими склонностями как бы инстинктивно находят для своего оздоровления различные занятия, а для занятий нужна подходящая среда. Таким образом, устанавливается соответствие между свойствами человека и свойствами среды через рекреационную деятельность (см. таблицу) [2].

Общественно-личностные уровни использования окружающей среды в сфере досуга

РОЛЬ СРЕДЫ	ТРЕБОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА			
	К СРЕДЕ	К ЧЕЛОВЕКУ		
6. Храм, сакральный источник вдохновения	Гармония Естественность	Творческие способности	ДУХОВНАЯ КРАСОТА	
5. Музей, выставка	Экзотичность Редкость Древность	Интеллект Эрудиция		
4. Спортивный снаряд, стадион, спортзал	Дикость Труднодоступность Препятствия	Самоотверженность Выносливость Дисциплина		
3. Кабинет физиотерапии, модный курорт	Modernity Комфорт	«Приличный» жизненный уровень Общительность		ТЕЛЕСНАЯ КРАСОТА
2. Изолированное помещение, убежище	Изоляция Площадка	Согласие Единомыслие		
1. Склад продовольствия и сырья	Наличие «даров природы»	Сноровка		

В приведённой таблице предпринята попытка сопоставить требования человека к среде с требованиями человека к человеку. Для эстетических требований точно указаны этажи, на которых красота считается существенной. Прочие качества отражены иначе: каждое упомянуто на том уровне, где оно впервые (в процессе возвышения потребностей) приобретает большое значение. Таблица читается по строкам снизу вверх.

Некоторые термины из таблицы нужно пояснить. *Modernity* — это положительное соответствие внешнего облика среды представлениям среднего, массового рекреанта о современной космополитичной архитектуре, искусстве, моде, мировых уровнях комфорта и сервиса. «Естественность» ландшафта (не

только природного, но и антропогенного) в несколько специфическом понимании — это обилие бессознательно воспринимаемых морфоанатомических черт, присущих биоценозам и живым организмам (иерархичность, ярусность, расплывчатость границ, наличие ячеек, ядер, центров, сосуществование старого и нового при постепенном обновлении по частям и т.д.). По-видимому, именно эти черты придают ландшафту красоту и делают привлекательными старинные города и традиционную сельскую местность.

Эволюция отношения людей к окружающей среде в сфере досуга упрощённо повторяет историю использования среды в материальном производстве и в профессиональном труде. Вещественно-энергетическое, ресурсно-сырьевое потребление дополняется и заменяется познавательным-информационным, эмоционально-эстетическим. Привлекательные фрагменты окружающей среды — природные и антропогенные ландшафты — становятся важным средством и катализатором общения.

Любые частные рекреационные ресурсы можно заменить искусственными средствами: солнце — лампами, море — бассейном, натуральный пейзаж — слайдами, пересечённую местность — тренажёрами. Незаменим только ландшафт в целом, если он не осматривается извне и пассивно, через окно, иллюминатор транспортного средства, а ощущается изнутри и активно пешеходом, лыжником, пловцом, полагающимся на свои силы. Лишь такое рекреационное общение с природой заслуживает уважения и сохранения. Для комфортной физиотерапии и развлечения толпы под открытым небом нужна не дикая природа и устроенные на её остатках национальные парки, а новые искусственные парки и водоёмы, полученные путём рекультивации малоценных и испорченных земель и устойчивые к большим нагрузкам.

При рекреационном использовании природного ландшафта три главные функции рекреации — оздоровление, познание и общение — неравноценны. Знакомство с дикими слонами или следами динозавра почти не влияет на повседневную жизнь. Оздоровляющее действие горного воздуха и солнца, аромата и фитонцидов сосен на взморье нередко подавляются алкоголем, табаком, излишествами в питании, транспортной усталостью, шумом и суетой. Только общение людей в формах, отличных от повседневных, имеет решающее значение для большинства рекреантов, обладает наибольшим терапевтическим эффектом. Не атмосферный климат курортов должен нас волновать более всего, а социально-психологический климат повседневных человеческих

отношений. В избавлении от вынужденного, монотонного, нетворческого труда и слишком похожего на него стандартного досуга, в освобождении от архаических форм общественных отношений следует искать действенную замену массовой рекреации. Повседневная жизнь человека должна быть так сбалансирована, чтобы он не нуждался в длительном периоде ремонта, в рискованных встрясках и до-пингах, подобно тому, как овцы, из молока которых делается сыр «рокфор», жуют влажную траву и не нуждаются в водопое. Не в лесах национальных парков, а под крышами домов и фабрик, в помещениях офисов располагаются действенные средства для уменьшения нагрузки рекреантов на природную среду.

На пляжах и лужайках, на туристской тропе и на пикнике у костра решаются те же социальные задачи, что и на балах и турнирах, в барах и дискотеках. Пир рыцарей в зале с гранитными стенами не означал, что рыцари любили гранит. Игра в бадминтон в лесу не значит, что игроки любят лес. Бедняга-природа тут не причём, ею пользуются как фоном и интерьером, попирают её, не замечая [4].

Настоящая любовь к природе начинается там, где её воспринимают и изучают активно и по внутреннему побуждению, идут для этого на жертвы. Чрезмерная доступность объекта уменьшает удовольствие от контакта с ним. Надо всемерно сохранять труднодоступность экстремальных природных объектов, чтобы предотвратить их обесценивание. Не ко всем привлекательным горным хребтам и вершинам надо протягивать автодороги и подъёмники, не через все бурные реки строить мосты. Лишь при сохранении препятствий люди будут счастливы от своих достижений. В идеале мы должны научиться приходить на «клоно природы» без одежды и вещей, т.е. на короткое время, пусть в виде игры и спорта, превращаться в животных и в первобытных людей, для оздоровляющего контраста с повседневностью, а уж если охотиться, то с примитивным оружием, чтобы дать человеку и зверю равные шансы.

Вышеописанные уровни использования среды можно назвать *общественно-личностными*, потому что они отражают возможную эволюцию и личности, и групп и социальных слоёв. Различаются, кроме того, и *чисто личные* стадии отношения к окружающей среде, которые отдельный человек в идеальном случае может пройти по мере накопления опыта и в процессе своего духовного развития.

1. Присвоение вещей: рассматривает среду как кладовую, из которой можно кое-что унести, увезти домой; собирает растительное сырьё, образцы минералов и пород, охотится, ловит животных, покупает или делает из до-

бытого материала сувениры, превращает своё жилище в музей и склад трофеев.

2. Присвоение информации, точнее, изготовление или присвоение вещественных средств отражения среды и своего с нею контакта: накапливает фотоснимки, слайды, книги, буклеты, карты, дневники и в конце концов тонет в своём информационном потоке.

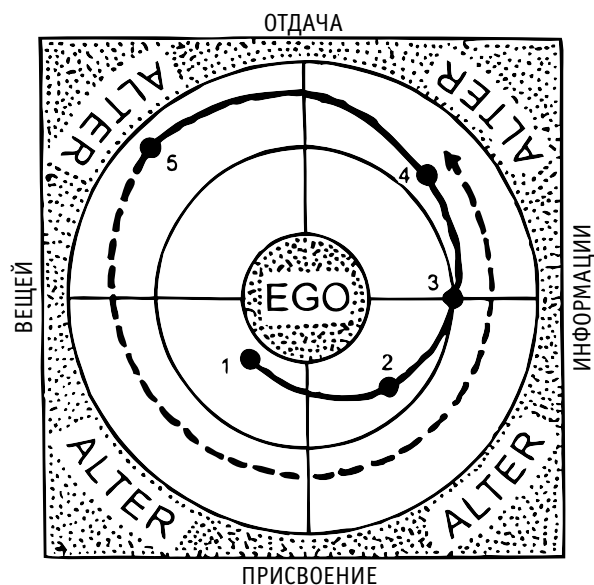
3. Потребление событий: забросив коллекционирование, получает удовольствие от непосредственного и неповторимого постижения окружающей среды, без помех и озабоченности, без попыток унести с собой материальные следы и свидетельства восприятия.

4. Отдача информации: не удовлетворённый индивидуальным, эгоистическим потреблением впечатлений, организует прогулки и путешествия для других, новых людей; использует свой туристский опыт в педагогической работе, в научном, литературном, художественном творчестве.

5. Отдача вещей: коллекции и архивы, ценные для общества, дарит научному учреждению, музею или частным лицам, способным их лучше сохранить.

б и др. Сопереживание: вместе с младшими товарищами, учениками, слушателями, спутниками, детьми снова переживает пройденные стадии, в какой-то мере участвуя в соответствующих занятиях.

Развитие личности в сфере досуга изображено спиралью (см. рисунок).

Личностные стадии (уровни) отношения людей к окружающей среде [3]

- 1) Присвоение вещей, 2) присвоение носителей информации, 3) ощущение без присвоения, 4) отдача информации, 5) отдача вещей; первичное переживание, - - - - - сопереживание.

Человек как бы плывёт в лодке по кольцевому пруду, удаляясь от островка эгоизма и приближаясь к внешнему берегу альтруизма. Сплошная кривая линия соединяет стадии первичного переживания от 1 до 5; прерывистая кривая — сопереживание без разделения на стадии. Сопереживание может начаться и до того, как пройдены все стадии первичного переживания. Внутренняя зона «пруда» — преобладание эгоизма, внешняя — альтруизма. В этой схеме жизненные пути многих людей обобщены и как бы спроецированы на одну линию. Далеко не каждый человек проходит все стадии. Их может пройти и ряд поколений.

Переход личности на другую стадию нередко сопровождается своего рода кризисами. Обозначив косой чертой границу между пронумерованными стадиями, укажем местоположения кризисов: 1/2 — кризис стяжательства; 2/3 — информационный потоп; 3/4 — кризис эгоизма; вся стадия 3 может рассматриваться как сплошной кризис 2/4; далее 4/5 — продолжение кризиса 1/2. Таким образом, прямые, разделившие пруд на четыре сектора (квадранта), пригодны для обозначения кризисов.

Внешним поводом для выделения личностных уровней послужило учение С. Кьеркегора, различавшего три «стадии жизненного пути» человека: 1) эстетическую — наслаждение жизнью для себя, погоню за внешним и блестящим; 2) этическую — жизнь для ближних, регулируемая их оценкой, поисками одобрения, стремлением поступать «хорошо»; 3) религиозную — жизнь для Бога (а в атеистической интерпретации — служение сверхъестественной идее, высшему благу человечества и т.п.), регулируемую совестью, даже вопреки давлению окружающих [1]. В приведённой здесь градации от кьеркегоровского прототипа сохранилось немного. Учтена возможность вторичного подключения к низшим уровням при сопереживании, поэтому траектория развития личности сделана спиральной. Общественно-личностные уровни и всё остальное содержание настоящей статьи почерпнуто из личного опыта автора и наблюдений за спутниками и товарищами по туристскому образу жизни, без использования научной литературы.

Распределение людей по уровням и стадиям использования среды зависит от образования, профессии, возраста, степени urba-

низации повседневного быта и образа жизни и т.п., что подлежит выявлению и проверке социологическими исследованиями. Замена низших уровней суррогатами и альтернативными занятиями могла бы уменьшить грубый напор рекреантов на природу, но увеличить число её менее корыстных потребителей. Надо дискредитировать хищнические виды рекреации и повысить престиж информационно-эстетического туризма. Одна из главных задач экологического воспитания — *переводить людей на более высокие уровни отношения к ландшафту*; приглашать подняться самостоятельно, но не поднимать на лифте и не тянуть за уши. За «дефицитное» общение с природой надо платить. Пусть будут такой платой не только деньги, но и собственные усилия по совершенствованию тела и духа. Этические аспекты социальной экологии надо учитывать для дифференцированного подхода к людям при проектировании основных и вторых жилищ, общественных зданий, поселений и транспортных средств, в курортологии, при организации путешествий, походов, экскурсий, в воспитании и обучении, в пропаганде идей охраны природы и памятников культуры, при долгосрочном прогнозировании туризма и рекреации.

Несколько поколений наших соотечественников воспитывались крылатой фразой, которую И.С. Тургенев вложил в уста своего героя-нигилиста: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Настало время сказать наоборот: «Природа Земли — не мастерская, а храм, и бескорыстная любовь к ней сродни религиозным чувствам».

Библиографический список

1. *Быховский Б.Э.* Кьеркегор (1813 — 1955). — М.: Мысль, 1972. — 240 с. (Мыслители прошлого).
2. *Родоман Б.Б.* Уровни использования окружающей среды и общение людей в сфере досуга // Рекреация и охрана природы. — Науч. тр. по охр. природы, вып. 3. — Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 495, 1981, с. 15-21.
3. *Родоман Б.Б.* Ландшафт и личность (Отношение людей к окружающей среде в сфере досуга) // Наука о культуре. Итоги и перспективы (Приложение к «Панораме культурной жизни стран СНГ и Балтии»), вып. 3. — М.: Рос. гос. биб-ка. Информкультура, 1995, с. 19-31.
4. *Родоман Б.Б.* Поляризованная биосфера: Сборник статей. — Смоленск: Ойкумена, 2002, 336 с.

Т.И. Герасименко

Оренбургский государственный университет

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЛАНДШАФТ: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Роль ландшафтов в формировании этнической культуры, внутриэтнических различий и межэтнического сходства не отрицают даже «геонигилисты», разногласия касаются степени влияния. Не только этносы, характеризующиеся «жесткими» связями с природной средой, адаптируются в ландшафтах и видоизменяют их, формируя сложнейшую систему связей с природой. Культурные ландшафты имеют этническую окраску и в сходных природных условиях в мультикультурных регионах. Вместе с тем, в однородном ландшафте неизбежна конвергенция культур. Изменчивость этнокультурного пространства под влиянием ландшафтов проиллюстрирована конкретными примерами.

Ключевые слова: *этническая культура; адаптация в ландшафте; конвергенция культур.*

T.I.Gerasimenko

Orenburg State University

ETHNIC CULTURE AND LANDSCAPE: ASPECTS OF INTERACTION

The landscapes role in shaping the ethnic culture, internal ethnic differences and ethnic similarities is recognized by researchers in different directions. The controversy relates to the degree of it influences in this processes. Not only ethnic groups that characterized by «hard» connections with the natural environment, adapt to the landscape and alter them, forming a complex system of relations with nature. Cultural landscapes also have ethnic overtones also in similar natural conditions in multicultural regions. However, in a homogeneous landscape the convergence of cultures is inevitable. The variability of ethnic-cultural space under the influence of the landscape is illustrated by concrete examples.

Keywords: *ethnic culture; adaptation in the landscape; the convergence of cultures*

Роль ландшафтов в формировании и развитии этносов и этнических культур признается многими исследователями [10, 11, 15, 16, 18, 26 и др.], многочисленные споры вызывает лишь степень его влияния. Не имея возможности в рамках статьи проанализировать все точки зрения, остановлюсь коротко лишь на некоторых. На крайних полюсах — сторонники геодетерминизма, в рамках которого первоначально складывалась культурная география, и культурного детерминизма, одно-сторонне рассматривающего преобразующее влияние культурных факторов на природу; между ними — умеренные взгляды possibilistов. Существование разных, зачастую противоположных концепций взаимодействия

культур и ландшафтов предопределено сложностью объекта исследования.

Так, согласно гипотезе жестких культурных границ в рамках концепции изоляционизма [6, 14, 24], культура привязана к определённым ландшафтам, а роль природных факторов в дифференциации культурного пространства и формировании ценностных различий — определяющая. На детерминированность культуры природными особенностями указывают многие авторы.

Особое значение взаимодействию этносов с ландшафтами, наряду с межэтническим взаимодействием, придавал Л.Н. Гумилёв [5]. Вслед за ним его последователи [21, 9 и др.] жестко привязывают этносы к ландшафтам, считая, что существование популяции вне зоны немыслимо, а все прецеденты это редкие исключения. Так, К.П. Иванов утверждал, что ландшафт действует на этнос принудительно, а смена ландшафтов приводит к смене стереотипов поведения и возникновению новых суб-

© Герасименко Т.И., 2018

Герасименко Татьяна Ильинична,
д. геогр.н., профессор,
зав. кафедрой географии и регионоведения,
Оренбургский государственный университет
tanyag26@yandex.ru

этносов или даже этносов. Этот автор приводит многочисленные примеры этнической трансформации в результате влияния ландшафтов (и других этносов). Так, долгане образовались на Таймыре в результате смешения северных якутов, «объядученных» тунгусов (эвенков) и старожильческого русского населения. По его мнению, современная промышленная цивилизация обречена и не исчезает лишь из-за беспрецедентных темпов ограбления накопленных биосферой ресурсов, а этнос «...не есть общность духовная или политическая, это общность природная». В продолжение темы С.Б.Потахин замечает, что уничтожение этносами «вмещающего ландшафта» или войны ведут к полному исчезновению этноса, ассимиляции, миграции, смене этнического типа природопользования [17].

Многие культурные особенности россиян определяет нулевая изотерма января, которая отделяет Западную Европу от России и представляет собой границу качественного скачка в климате, детерминировавшего разные формы адаптации. У этой точки зрения есть сторонники. По сути дела продолжает развивать идеи Л.Н.Гумилева автор теории рубежной коммуникативности В.А.Дергачев [7]. Он считает маргинальные зоны граничные поверхности интенсивного взаимодействия природных, экономических, этнических и информационных процессов важными элементами, развитие которых приводит к изменению «пространственной организации земной поверхности». Фактически речь идет об этноконтактных зонах, в пределах которых происходит наиболее интенсивное взаимодействие. По мнению этого автора, географические условия, наряду с другими процессами, способны влиять на ход исторических событий, характер законов общества, нравы людей, род их занятий и т.д.

Известны концепции связи этногенеза с тектонической активностью геологических структур [23], с природными ритмами. Перечень взглядов на данную проблему можно было бы продолжить.

Сторонники геодетерминизма подчеркивают важность разнообразия ландшафтов для этногенеза, утверждая, что зарождение этносов и исторические судьбы человечества связаны лишь с сочетанием ландшафтов (по терминологии Ф.Клементса с экотонами). Народы, населяющие монотонные ландшафты, стабильны и в этническом, и в социальном плане. В региональных экотонах рождаются новые культуры и новые государства. «...Монотонный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный — стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этниче-

ских образований» [5, с. 192]. Есть мнение, что культура этносов, обитающих в контрастных условиях, более восприимчива к новациям, лояльна к образу «иных». К примеру, хакасы, обитающие в контрастных условиях, использовали новации пришельцев как толчок для собственного развития. Верно и обратное — однородные условия формируют неприятие «других».

С особенностями ландшафтов связывают стереотипы поведения этносов. По образному выражению Н.А.Бердяева, немец всюду видит и ставит границы, русская душа «ушиблена природой» и безграничностью, а китаец всюду видит китайца [1].

А. Тойнби [21] и П.А.Сорокин [20] — сторонники взглядов на культурное пространство как более подвижное и динамичное, не столь жестко привязанное к ландшафтам и не ограниченное жесткими барьерами. По А. Тойнби, цивилизация в принципе может зародиться в любых природных условиях, а стимулом для ее развития может быть «неблагоприятное окружение», поскольку прогресс связан со способностью находить ответы на разного типа вызовы, в том числе вызовы суровой природы.

Можно дискутировать по каждой из этих точек зрения. Бесспорно одно: весь уклад жизни любого этноса так или иначе связан с ландшафтами. Следует признать, что для традиционных сообществ ландшафт — действительно мощный фактор формирования. Однако для техногенных цивилизаций его роль не так велика. В современных условиях интернационализации и массовых миграций связь между этносом и ландшафтом опосредована, а смена ландшафтов не обязательно ведёт к этнокультурной трансформации и смене этнической идентичности. Тем не менее, сохраняющееся этнокультурное разнообразие в значительной степени обусловлено спецификой природных условий.

Этносы адаптируются к природной среде, преобразуя её и формируя сложнейшую систему связей — особую в каждом регионе, что и является одним из важнейших факторов формирования региональной этнокультурной специфики и региональной идентичности. Это особенно важно для этносов, отличающихся «жесткими» связями с природной средой, но проблема шире. Корректно говорить не о детерминизме, а о взаимном влиянии этносов и природной среды, к которой они адаптируются. На зональность и региональность этого сложнейшего процесса указал, например, Ю.Д.Дмитревский [6].

Ландшафты определяют многие черты культуры этноса (следует различать это понятие с этнической культурой: культура

этноса имеет заимствования и региональную специфику). Так или иначе, связан с ландшафтами весь уклад жизни населения. Природные условия и природные материалы оказывают влияние на все составные части культуры: артефакты, социофакты и ментифакты. Они во многом предопределяют архитектурно-планировочные традиции и градостроительные особенности (те же луковичные купола в России вместо заимствованных сферических из Византии, не выдержавших «испытания осадками»), предметы быта, пищевой рацион, одежду, моду, орудия труда, характер землепользования, специализацию хозяйств, сезонность работы, системы жизнеобеспечения, особенности воспитания, менталитет, миропонимание, этнонимы и топонимы, восприятие пространства, национальный характер, религиозные воззрения и т.д. (см., в частности, [3]). Разумеется, детерминированность более всего прослеживается в сельской местности, но и городским жителям не удастся избежать влияния природной среды. Это выражается не только во внешнем облике поселений, особенностях кухни и одежды, даже моды (в Сибири зимой предпочитают изделия из длинного меха не из прихоти, меховую одежду носят не только обеспеченные жители), но и в образе и укладе жизни. К примеру, оренбургские чернозёмы и климатические условия «приучили» жителей всех национальностей и социальных слоев (как селян, так и горожан) к возделыванию садово-огородных участков.

Сформированные под воздействием ландшафтов черты довольно устойчивы: в результате перемещения в иные ландшафты частей того или иного этноса их традиции природопользования долгое время сохраняются. Но со временем происходят заимствования и приспособление к новым условиям даже стабильных экистических особенностей и хозяйственных навыков. В итоге границы архитектурных групп определяются не этническими, а природными различиями (например, «степная» и «лесостепная» традиции).

Проиллюстрирую выше сказанное на примере этнокультурного Оренбургско-Казахстанского (ныне трансграничного) региона. Он формировался в процессе колонизации в маргинальной (контактной) зоне, на стыке культур (кочевой и оседлой; исламской и христианской), ландшафтов (лесных, степных и полупустынных; пойменных и водораздельных; равнинных и низкогорных) на протяжении длительного временного периода. Формы колонизации предопределялись географическими условиями и межэтническими контактами колонистов и автохтонных этносов, которые неизбежны даже в случае изоляцио-

нистской политики той или иной этнокультурной группы. Яркие примеры — безуспешная попытка немцев-меннонитов и староверов сохранить свою культуру путем изоляции. Процесс формирования этнокультурного региона происходил вне «месторазвития» (родины) колонистов, что и послужило главной причиной региональной этнокультурной специфики каждого из проживающих здесь этносов (т.е. региональных этнокультурных общностей), общих региональных культурных черт, а также ярко выраженной, наряду с этнической, региональной идентичности.

Наличие региональной идентичности в России ставится под сомнение некоторыми авторами. Однако идея аспатиальности российского пространства [19] не отражает реальной ситуации. Региональная идентичность в России не демонстрируется, как во многих зарубежных странах, где укорененность сопровождается патриотизмом, любовью к малой родине и гордостью за нее и за региональные бренды. Во многих странах мира в каждом городке и даже на каждой ферме жители гордятся своей принадлежностью к этнокультурной группе, местности и искренне считают производимые у них вино, сыр, мёд и пр. лучшими в мире. В России нередко люди стесняются своего провинциального, особенно сельского, происхождения и стараются не афишировать региональную, профессиональную, этническую и другую идентичность. Это не означает её отсутствия, а связано с усиливающейся поляризацией российского пространства по линии центр-периферия (на разных уровнях) и расслоением российского общества, приводящим к перемещению больших масс населения, а также с ксенофобией и снобизмом, которые, к сожалению, являются реальностью российской действительности. Региональная идентичность — это отражение территориальной структуры геопространства, и, как положительный либо отрицательный образ территории, она обусловлена экономико-географическим положением — столичностью, периферийностью, маргинальностью, приграничностью. Она сформирована там, где есть для этого территориально (само)организованная основа — например, единый этнокультурный территориальный комплекс (ЭТК) в Оренбургско-Казахстанском регионе [4].

Варианты и специфику взаимодействия этносов, толерантность среды формирующейся региональной культуры и территориальную структуру региональной общности предопределяет знак комплиментарности (плюс или минус). Комплиментарность (от фр. *compliment* — похвала, лестное выражение) — по Л.Н. Гумилеву, подсознательное ощущение взаимной симпатии или антипатии и общно-

сти людей, определяющей деление на «своих» и «чужих». Это понятие следует отличать от понятия «комплементарность» (от латинского complementum — средство пополнения), или взаимодополняемость, используемого, например, в биологии. Благодаря контактам и взаимодействию культур даже при простом сосуществовании этносов и отсутствии насильственных действий неизбежны заимствования и сближение этнических культур. Этнические общности сформировали мироощущение на основе отношения к соседним народам как к равным. Положительная комплементарность явилась причиной формирования дву- и многонациональных поселений. Для них характерны нейтральные этнические контакты при сохранении своеобразия («ксения» по Л.Н. Гумилеву) либо взаимополезные («симбиоз»). Примером ксении могут служить взаимоотношения между башкирами и русскими, а симбиоза — между башкирами и немцами-меннонитами. Русские, украинцы, казахи в ряде случаев селились в одних населенных пунктах. Башкиры хорошо уживаются с немцами и русскими, но дистанцируются от татар, резонно опасаясь ассимиляции с ними. В результате межэтнического взаимовлияния и взаимодействия с ландшафтом образуется региональная динамическая этноландшафтная система, лежащая в основе ЭТК. Новое качество населения приводит к трансформации идентичности.

Современные этнокультурные ареалы формировались в ходе синхронного и диахронного взаимодействия этносов. Контакты культур первоначально были нерегулярными или стихийными (войны). Часто происходила ожесточенная борьба за земли, ресурсы, господство в регионе. В определенные периоды с территории исчезали целые народы, однако они так или иначе влияли на культуру современных этносов и оставили культурный след в облике территории и топонимии. Постепенно обстановка стабилизировалась. Этносы рассматриваемого региона не были несовместимыми, и в этом заключалась важная причина того, что этнокультурная среда на протяжении всей истории в маргинальной этноконтактной зоне была толерантной. Взаимодействие, взаимопроникновение и взаимовлияние происходили на протяжении всего длительного и сложного процесса формирования этнокультурной географии политэтнического региона, для которого были характерны разные формы взаимодействия, в том числе (по П. Хаггету [25]) ассимиляция (поглощение), амальгирование (смешение, наложение), нивелирование, сосуществование и сотрудничество культур, что способствовало формированию общих культурных

черт и регионального самосознания населения.

Со временем региональные этнические контакты интенсифицируются, в том числе межпоселенные, это приводит к образованию устойчивых пространственных связей. Усиливаются ассимилятивные процессы и метисация, следствия межэтнических браков, а в ряде случаев происходит слияние этнокультурных групп, но это скорее исключение, чем правило. Наличие региональной идентичности и региональной культуры отнюдь не предполагает слияния этносов, напротив, они сохраняют различия и этническое самосознание. Переселенцы остаются в орбите своей культуры, но приобретают региональные и локальные особенности. Трансформируется и культура автохтонных народов. В конечном итоге формируются региональные культуры. Кроме того, идентичность имеет несколько иерархических уровней позиционирования: глобальный, цивилизационный, страновой, региональный, локальный.

Конвергенции этнокультурных групп способствует необходимость адаптироваться в ландшафтах и приспосабливаться к политической и бюрократической государственной системе. В историко-географической ретроспективе межэтническое взаимодействие во все периоды сопровождается адаптацией в этногенезе (по Л.Н. Гумилеву — приспособлением этноса к ландшафту) и происходит по схеме этнос – ландшафт или этнос – этнос ландшафт, что оказывает влияние на стереотип поведения и идентичность. Этносы вне ландшафта и без адаптации в нем не формируются, поэтому схема взаимодействия по типу этнос – этнос возможна лишь в случае, если речь не идет о конкретной территории. Следует, в частности, сделать поправку в связи с развитием современных средств коммуникаций и глобализацией мирового пространства, результатом чего становятся внепространственные процессы и заимствования, проявляющиеся главным образом в распространении технических достижений современной цивилизации, моды, попкультуры. Жилища берберов в пустыне Сахара, сохранившие традиционный вид (будь то пещеры в Матмате либо глинобитные дома без окон в Загуане, более всего приспособленные к знойному климату), оснащены компьютерами, телевизорами, мобильными телефонами и прочими маркёрами западной цивилизации, не говоря уже об автомобилях и иных современных средствах передвижения.

Есть все основания утверждать, что «отношения» между этносами и ландшафтами регулируются комплементарностью, по аналогии с отношениями между этносами. Это важно учитывать при смене

Рис. 1. Жилище берберов в Матмате (Тунис)

Рис. 2. Жилище берберов в Матмате

Рис. 3. Использование камыша в качестве строительного материала, аул Хан Ордасы, Западно-Казахстанская область

вмещающего ландшафта. Если этнос и новый ландшафт несовместимы, то этнос либо трансформируется и ассимилируется (и перестает существовать), либо уходит с этой территории. В этой схеме знак комплиментарности облегчает либо усложняет адаптацию. Ландшафты в значительной степени предопределяют или корректируют особенности и динамику быта, экологической, экономической и духовной культуры, представления о времени и пространстве, жизни и смерти.

Попытки переселения горцев Кавказа в советский период на равнину не дали результатов, поскольку они не смогли адаптироваться к новому ландшафту, так же как жители тундры не смогли прижиться в урбанистических или лесных регионах. А вот оренбургские и казахстанские степные и лесостепные ландшафты оказались приемлемыми не только для южнорусских и украинских «степняков», но и для жителей лесной зоны, где складывалась культура большей части колонистов Оренбуржья. В степи, представляющей собой пояс кочевых культур, они вынуждены были приспособляться не только к особенностям проживания рядом с иными культурами, но и к иным ландшафтам. К примеру, переселенцам из лесной зоны пришлось искать новые для себя способы строительства и новые строительные материалы (Рис. 3, 4).

Первоначально они сплавляли по рекам бревна, однако постепенно перешли на саманные постройки, распространенные среди местных жителей, позже — на кирпич. Некоторые этнокультурные группы не смогли адаптироваться в суровом ландшафте сухих и солончаковых степей. Например, евреи, переселённые в регион в годы Второй

Рис. 4. Дом из Самана. Оренбургская область

мировой войны в аул Хан Ордасы нынешней Западно-Казахстанской области, погибли в суровых для них условиях. Представители других этносов сумели приспособиться (Рис. 5).

Комплиментарные отношения многих этносов со степью не случайны. Степь была заселена раньше, чем лесная зона, что доказано современными археологическими находками. Степь обеспечивала древних людей всем необходимым для жизни. Лёссы были пригодны для сооружения пещер, овраги защищали от внешних опасностей, биологические ресурсы обеспечивали пропитание (люди занимались собирательством и охотой).

В арабских и других восточных источниках степь от Днепра до Западной Сибири и Казахстана с XI по XV в. называется Дешт-и-Кыпчак (Великая Степь, или Степь кыпчаков). В русском языке слово «степь» появилось уже после монголо-татарского периода, до этого степь называли Диким полем, а кыпчаков — половцами. Степь — беспредельная, загадочная для россиян, до XVIII в. малоизученная, представляет собой месторазвитие автохтонных этносов, которые вели кочевой образ жизни.

Лесные пространства были так же загадочны, непонятны и сложны для жизни степняков, как и степь для лесных жителей. Зимой они жили в аулах, а в летний сезон откочевывали вместе со стадами, используя все преимущества степи. Места кочевий этих народов обычно не пересекались, благодаря чему они избегали столкновений.

Рис. 5. Феодориди, грек, живет в ауле Хан Ордасы

Степь — это вмещающий ландшафт многих современных народов и фактор существенного отличия региональных культур от культур этносов, обитающих в других природных зонах. Степь во многом сформировала региональные этнокультурные особенности и черты сходства обитающих здесь этнокультурных групп. Заимствования элементов культуры, в первую очередь бытовой и экономической, неизбежны в сходных природных условиях. Конвергенция культур — это географическая реальность, несмотря на то, что селились мигранты в разных экологических нишах: оседлое русское и другое земледельческое население — в долинах рек, казахи и башкиры, занимавшиеся кочевым скотоводством, на водоразделах, что отражено в топонимии. Вдоль Урала среди деревень

Рис. 6. В казахстанской степи

Рис. 7. Лошади после тебенёвки

Рис. 8. Поселение немцев меннонитов озеленены.
Красногвардейский р-н, Оренбургская обл.

с типично русскими названиями неожиданно (на первый взгляд) встречаются казахские и башкирские.

Образ жизни кочевников формировал особый менталитет и накладывал отпечаток на все элементы и особенности их культуры. Зимой они жили в аулах, в примитивных жилищах, ведя полуголодный образ жизни. Табуны лошадей отпускали на тебенёвку в открытую степь, где они добывали траву копытами из-под снега. За лошадьми на это место гнали рогатый скот, верблюдов, затем баранов. Весной лошади сами возвращаются домой не в полном составе, а в летний сезон люди откочевывают вместе со стадами скота, используя все преимущества степи и ощущая себя ее хозяйками. В настоящее время во многих хозяйствах степных районов Казахстана лошадей, как и раньше, выпускают на зиму пастись в степь.

В Оренбуржье и соседних районах Казахстана ландшафты по обе стороны российско-казахстанской границы сходные, но при продвижении на север степь сменяется лесостепью и лесом, в южном направлении ковыльные степи сменяются полынными и солончаковыми. Степной ландшафт нарушается Рын-Песками, ещё южнее степи сменяются полупустынями и пустынями. многообразие природных условий, проявляющееся в особенностях орографии, климата, гидрографического режима, почвы, растительного покрова, природной зональности и т. п., в значительной степени оказывает влияние на систему расселения и этические особенности, проявляется в выборе места для поселения, определяет набор строительных материалов, планировочные решения, характер застройки. При единой административной системе двух ныне суверенных госу-

дарств действие ландшафтного фактора сглаживалось, однако после делимитации постсоветского пространства всё больше проявляется различий. Активно в качестве строительного материала применяется саман, из которого строится каркас дома, сверху каркас обмазывается глиной и обкладывается разнообразными отделочными материалами (выбор которых зависит от состоятельности семьи — сайдинг, кирпич, глина). В Казахстане для строительства домов, заборов и надворных построек используют камышовые плиты, представляющие собой натянутые на каркасную основу и связанные между собой стебли камыша, в большом количестве произрастающего на местных озёрах.

Изменения пока мало коснулись крупных населённых пунктов, сохранившихся с советских времён: ведь основные фонды меняются медленно. Принцип регулярной планировки казахских поселений в первую очередь связан с относительно небольшим возрастом населённых пунктов, в момент их возникновения уже был выпущен ряд указов о перестройке деревень, в которых улицы предполагалось делать прямыми и правильными. Однако в Казахстане растёт число дисперсных поселений, что отражает происходящие экономические изменения (развитие фермерства, отгонно-пастбищное животноводство). В некотором роде это — возвращение к прежнему образу жизни.

Не только ландшафты оказывают влияние на формирование этнической культуры, но и этносы видоизменяют их. Этносы вписаны в ландшафт, адаптируются в нём, преобразуют его. Это отражается в специфике культурных ландшафтов, которые, с одной стороны, различаются в зависимости от природной зоны даже в пределах одного этноса. Вместе с тем они имеют этническую окраску в пределах одной зоны даже при наличии сходных природных условий и одного природного материала. Татарские, башкирские, русские, немецкие и другие селения имеют существенные различия в планировке улиц и усадеб, застройке, озеленении. Планировка старинных поселений татар издавна имела узкие кривые улицы с неожиданными поворотами, кучность и гнездовую застройку, что объяснялось обычаем родственников селиться рядом. Для более поздних поселений татар стала уже характерна правильная уличная планировка, однако в ряде мест сохранились прежние традиции. Татарская усадьба была ориентирована входом на восток, а дома ставились внутри двора. Позиции мусульман в регионе были достаточно сильными, поэтому здесь сохранилось обилие восточных декоративных деталей и элементов.

Русские и мордовские селения отличались более правильной планировкой, чем татар-

ские, чувашские и марийские. Неотъемлемой частью мордовского села, так же как и русского, была православная церковь. Чуваши-язычники селились в лесистых местах, позволяющих иметь там свои святилища. Села осевших казахов были небольшими, создавались вблизи пастбищ. В планировке отражалась любовь кочевника к простору и скотоводческая специализация индивидуальных хозяйств: большие приусадебные участки, стога заготовленного сена. Казахские поселения по большей части не озеленены, древесной растительности крайне мало, приусадебные участки в южных районах отсутствуют вовсе, что связано с засушливым климатом. Внутри двора, как правило, располагаются надворные постройки (загоны для скота, бани, туалеты, сараи), расположенные по периметру. До настоящего времени в казахских селах отсутствуют четкие улицы и озеленение. Украинские поселения, напротив, утопают в зелени палисадников, садов и огородов. Селения немцев-меннонитов строились по определенному плану, со стоящими строго по линии в 25 метрах от дороги домами, палисадниками с цветниками и деревьями, защищающими жилище от пыльных бурь.

Обязательны сады и скверы, ухожены поля. А построенные рядом с ними башкирские села имеют улицы (влияние тех же немцев), но в них нет четкости, порядка и зелени.

Культуры в современном мире переплелись и, взаимодействуя, сформировали новое качество антропосферы, мировую цивилизацию, пеструю и мозаичную. В результате сложнейшего взаимодействия «этнос-ландшафт» и «этнос-этнос-ландшафт» сформировались этнокультурные регионы разного иерархического уровня. Среди многочисленных факторов формирования этносов и этнических культур важнейшими являются сходство вмещающих ландшафтов и особенности межэтнического взаимодействия, или, по Ф. Ратцелю, воздействие природной среды и характер сношений [27]. К. Леви-Стросс подчёркивает две противоположные тенденции современного общества: сохранение и даже акцентирование особенностей, и стремление к конвергенции и уподоблению характерны для человеческих общностей. [13, с. 327-238].

Резюмируя выше сказанное, подчеркну еще раз, что ландшафт и культура — две взаимосвязанные, неразрывные сущности, две стороны одной географической реальности. Ландшафт — это условие возникновения этноса, его функционирования, а также формирования региональных культур и поликультурных территориальных комплексов. В свою очередь, культура — мощный фактор образования и трансформации культурных ландшафтов.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. О власти пространства над русской душой // Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. — М., 1997.
2. Витевский В.Н., Неплюев И.Н. и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1-2. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1897. 630 с.
3. Гладкий Ю.Н. Евразийское «неудобье» как индикатор природной и социально-экономической специфики России // Изв. РГО. 1998. Т. 130. Вып. 1. С. 21-27; Т. 130. Вып. 2. С. 6-12
4. Герасименко Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. СПб., 2005. 235 с.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990. 528 с.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. — 574 с.
7. Дергачев В.А. Рубежная коммуникативность // Изв. РГО. 1999. Т. 131. Вып. 3. С. 70-76.
8. Дмитриевский Ю.Д. Об эволюции этноэкологических процессов // Изв. РГО. 1998. Т. 130. Вып. 2. С. 52-54.103
9. Иванов К.П. Проблемы этнической географии / под ред. А.И. Чистобаева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 216 с.
10. Исаченко Г.А. «Окно в Европу»: История и ландшафты. СПб: Изд-во СПбГУ, 1998. — 476 с.
11. Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты. // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С.14-43.
12. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
13. Леви-Стросс, К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001 — 510 с.183, с 327
14. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992.
15. Мягков С.М. Социальная экология: этнокультурные основы устойчивого развития. М.:НИИПИ экологии города, 2001. 190 с.
16. Петров К.М. Экология человека и культура. — СПб: Химиздат, 1999. — 384 с.
17. Потахин С.Б. Этнические традиции природопользования // Изв. РГО. 2000. Т.132. Вып. 4. С. 76-79. Потахин С.Б. Этнические традиции природопользования // Изв. РГО. 2000. Т.132. Вып. 4. С. 76-79.
18. Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным): Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Н. Богораз, Л.П. Потапов. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. — 263 с.
19. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: Изд-во МОНФ, 1999. С. 108-115.
20. Сорокин П.А. [Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Прогресс, 1992. — 543 с. 306.
21. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. — М.: Прогресс — Культура, 1996. — 480 С.327
22. Чистобаев А.И., Хрущев С.А., Громова Ю.В. Л. Н. Гумилев и этноценозы Российского Севера // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. 1994. Вып. 2. С. 40-45.
23. Ширинкин П.С. Географическое исследование этнических систем и этносоциальных процессов в биосфере планеты: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Пермь, 2000. — 19 с.
24. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Ч. 1. Гештальт и действительность. — М.: Мысль, 1993. — 663 с.
25. Хаггет П. География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. 684 с.
26. Cashdan E. Ethnic diversity and environmental determinants: effect of climate, pathogens, and habitat diversity // Amer. Anthropologist. — Wash., 2001 — Vol. 103. № 4. p. 968-991.
27. Ratzel F. Anthropogeographie. Stuttgart: J. Engelhorn, 1912.

ЛАНДШАФТ: СМЫСЛЫ И СТРАТЕГИИ

А.И. Зырянов

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЕКТАХ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ТУРИЗМА

Географические технологии помогают значительно улучшить процесс туристско-рекреационного проектирования в регионе. В проекте «Пермь Великая» географические подходы позволили выдвинуть ряд новых принципов развития туризма и туристской индустрии, осуществить поиск мест для ключевых объектов, определить их функции.

Ключевые слова: *инфраструктура туризма, проект «Пермь Великая», туристский кластер, туристский район, Пермский край.*

A.I. Zyrianov

Perm State National Research University

GEOGRAPHICAL TECHNOLOGY IN THE DEVELOPMENT PROJECTS OF TOURISM INFRASTRUCTURE

Geographical technology helps to significantly improve the tourist and recreational design in the region. In the project «Perm, The Great» geographic approach has highlighted a number of new principles for the development of tourism and the tourist industry, to search places for dominant objects, to determine their function.

Keywords: *tourism infrastructure, the project «Perm? The Great» tourism cluster, a tourist area, The Perm region.*

Пространственная организация туризма является фактором развития современного общества. Туристская индустрия превратилась в неотъемлемый элемент потребительских моделей и влияет на поведение значительной части населения. Создание объектов туристской инфраструктуры стало творческим процессом. Повысилась ценность концепции объекта. Географические особенности места во многом определяют достоинства туристско-рекреационного объекта, поэтому при проектировании исключительно важно учитывать географическую или, как принято говорить среди проектировщиков, локальную ситуацию. При этом анализ локальной ситуации не должен сводиться только к изучению мнений экспертов и маркетингу, а необходим комплексный анализ геоситуации. Кроме

того, проект только выиграет, если это исследование не будет пространственно ограничено локальной ситуацией, а распространяется на региональную и даже макрорегиональную композицию.

Туристско-рекреационная деятельность формирует на территории сеть объектов инфраструктуры, которые, развиваясь, могут изменять хозяйственную специализацию и образ территории. Главной задачей является высокая и длительная эффективность создаваемого объекта. При этом востребованы те объекты, которые «вырастают из территории», обоснованы не только в маркетинговом отношении, но и в географическом плане, «направлены» на достижение своеобразной синергии пространства [1].

Предприятия туризма и рекреации по сути своей и даже технологии географичны, они органически вписаны в территорию и отражают ее своеобразие. Именно географические особенности дают наиболее полное представление о конкурентных туристских

© Зырянов А.И., 2018

Зырянов Александр Иванович, д. геогр. н., заведующий кафедрой туризма; Пермский государственный национальный исследовательский университет
zyrianov@psu.ru

преимущества района. Географическая специфика позволяет определить точку опоры при формировании стратегии туристского развития. Немаловажны для туризма исторические особенности и некоторые другие составляющие региональной самобытности. Все это позволит оценить достоинства территории [2].

Каждый регион своеобразен, своеобразно и каждое место. Поэтому географическая составляющая с необходимостью должна присутствовать в технологии туристско-рекреационного девелопмента. Более того, она должна быть первой, базовой. В практике девелопмента идея предприятия рождается благодаря экономическому исследованию рынка. Однако все специалисты отмечают важность изучения локальной ситуации, которая серьезно влияет на работу по проекту. При этом локальную ситуацию обычно анализируют только маркетинговыми методами. Иногда в этом случае разработчики полагаются на консультации местных экспертов, что усложняется ввиду конфиденциальности идеи на начальном этапе рождения предприятия.

Наша практика показывает, что предваряющий девелоперский проект — концепт предприятия должен иметь географическую основу. Это особенно важно при проектировании объектов туристско-рекреационного профиля. Если географически аргументированно обоснован концепт предприятия, процесс его создания (инвестирование, строительство) проходит быстрее и эффективнее.

Постараемся показать применение географических подходов при разработке проекта развития туризма «Пермь Великая». Он создан на основе предварительных исследований Пермского края: изучения туристских ресурсов, потенциала городов и муниципальных районов, конкурентных туристских преимуществ края, уровней развития видов туризма, маршрутной структуры, инвестиционных вопросов. На основе этого, проведено районирование, рассмотрена сложившаяся структура туристских кластеров. Это методологически подготовило идею проекта.

Современная структура туризма Пермского края достаточно широка, сложилось много видов этой деятельности. Виды туризма в Пермском крае находятся на разных этапах жизненного цикла (табл. 1).

Оценим перспективную роль городов Пермского края в качестве ключевых точек в будущей региональной организации туризма. Основную узловую роль будет выполнять Пермь как центральный город края. Это связано с въездным туризмом, поскольку Пермь — главный транспортный узел региона. Важнейшую роль играет Пермь и во внутреннем

Таблица 1.

Стадии развития видов туризма в Пермском крае

СТАДИЯ РАЗВИТИЯ	ВИДЫ ТУРИЗМА
Стадия зарождения	Сельский туризм Культурно-событийный туризм Туризм на снегоходах и другие экстремальные виды
Стадия роста	Велотуризм Экологический туризм Паломнический туризм Событийный туризм Познавательный туризм
Стадия расцвета	Горнолыжный туризм Автотуризм
Стадия насыщения	Деловой туризм Водный спортивный туризм Рыболовный туризм Охотничий туризм
Стадия стагнации	Бальнеологический туризм
Стадия спада	Речные круизы Спелеотуризм Пешеходный туризм Лыжный туризм
Стадия исчезновения	Конный туризм

туризме, поскольку и генерирует потоки в регион, и привлекает жителей края. В настоящее время город Пермь — самое аттрактивное из общедоступных мест для жителей Пермского края.

Рассмотрим географический потенциал городов. Примем во внимание ряд свойств, отражающих существенные, базовые преимущества, которые способны работать на большую перспективу и действовать многогранно. Не будем учитывать сервисные туристские характеристики (количество туристских компаний, средств размещения, питания) и статистические показатели (прибытия, доходы). К базовым факторам туристского развития города отнесем следующие.

Транспортный хаб — важный узел в транспортной системе региона с точки зрения перемещения прежде всего пассажиров. Предпочтение следует отдавать пересечениям важнейших автодорог и функции связывания большого района. Расположим города в порядке убывания роли транспортного хаба. При этом не важно это узел туристских потоков или просто пассажиропотоков. На первом и втором местах оказались Кунгур и Чусовой, Далее следует Березники — главный северный транспортный узел.

Транзитное положение — это значит, что город находится на важнейшей сквозной для региона автодороге или полимагистрале, или располагается в непосредственной близости от транзитной дороги высокого значения. На первое место претендует Кунгур, но город все же не на дороге, а вблизи ее. Первое место отдано Очеру.

Ворота в район активных путешествий — фактор ключа к районам природного туризма. Лидером следует считать Красновишерск. Высокое значение имеет этот фактор для развития туризма в Чусовом и Чердыни, Соликамске и Горнозаводске.

Ворота в район с древним архитектурно-историческим наследием — фактор ключа к местностям с туристски привлекательной древней историей. В этом направлении особенно велика роль Чердыни.

Ворота в этнически интересные районы — это вход в территорию компактного проживания коренных национальностей края, прежде всего коми-пермяков и татар. Лидером можно считать Кудымкар. Барда играет эту роль, но не является городом. Функцию туристского входа в этнический район может играть и Оса, так как город находится практически по пути из Перми в Бардымский район.

Комфортная для пребывания и пешеходных прогулок среда города — важная особенность, которой обладают города края, но в разной степени. На наш взгляд лидерами в этом отношении могут быть Чайковский с хорошей планировкой и санитарным состоянием, с ухоженной береговой линией. Лысьва и Александровск — машиностроительные города разного размера в гористой местности с большими прудами но с особым колоритом. Оса и Чердынь — малые города с хорошо сохранившейся исторической застройкой.

Экскурсионные историко-культурные объекты в городе — свойство особенно проявляющееся у Соликамска, Чердыни и Усоля, поскольку речь идет о древнейшем архитектурном наследии в крае.

Музеи в городе — фактор необходимый, который трудно оценить, поскольку конкурируют много городов. Во-первых, в ряде городов сильные и яркие краеведческие музеи, во вторых в последнее время созданы и развиваются специальные музеи. Тем не менее по совокупности музейной деятельности в городах лидером можно считать Соликамск, Кунгур, Очер, Осу, Чердынь и Лысьву.

Близость к городу природных экскурсионных объектов — важна особенно и наиболее проявляется у Кунгура. Эта особенность характерна для Красновишерска и других городов.

Эстетичность окружения, обзорные точки — фактор особенно красивого окружения города. Это следует отметить у таких городов, где из города видны интересные природные объекты привлекающие внимание гостей, или у городов, которые благодаря широким акваториям Камы открывают вдохновляющие дальние горизонты. Лидером считаем Чердынь, не раз отмеченная писателями и другими творческими людьми как гармонично вписанная в северный ландшафт.

Пруды и горнозаводские памятники — фактор развития туризма и рекреации — наиболее ярко представлены в Очере, Александровске, Нытве.

Объекты образования и высокой культуры — прежде всего имеются в виду учреждения высшего и среднего специального образования и театры — фактор мобильности населения и экскурсионного интереса непосредственно связанный с развитием туризма. Выделяются Чайковский, Соликамск и Кудымкар.

Размеры города влияют на общие возможности развития, поэтому этот фактор надо принять во внимание. По этому показателю впереди Березники, Соликамск, Чайковский.

Присвоив баллы за каждый показатель получим итоговые значения туристского потенциала городов Пермского края (Кунгур (19 баллов), Соликамск (18), Чайковский (16), Чердынь (15), Березники (13), Красновишерск (13), Очер (13), Чусовой (12), Кудымкар (10), Лысьва (10), Оса (10), Александровск (6), Барда (4), Нытва (4), Губаха (3), Добрянка (2), Горнозаводск (1,5), Кизел (1).

Таким образом, выделяются несколько групп городов лидеров по совокупности факторов. Первую группу составляют Кунгур и Соликамск, вторую — Чайковский и Чердынь. Отметим, что лидером является Кунгур, а в тройку самых главных перспективных в туризме городов входит Чайковский. Чердынь — хоть малый город, но полноправно должен рассматриваться как ключевая точка роста. В третью группу входят Красновишерск, Березники, Очер и с несколько меньшим баллом Чусовой. Четвертую группу составляют Кудымкар и Оса.

Пермский край имеет топологические, природные, историко-культурные и социально-экономические предпосылки развития туризма, которые в той или иной степени реализуются на протяжении более чем ста лет. К достоинствам следует отнести то, что регион формирует значительные внешние туристские потоки, выделяется высокими потребностями во внутреннем туризме и спросом на услуги рекреации.

Многие регионы Сибири и Дальнего Востока не менее природно-аттрактивны, чем Прикамье. Однако, Пермский край расположен более выгодно по отношению к густонаселенным ареалам страны, где проживает основное количество потребителей туристско-экскурсионных услуг. Регионы, которые пространственно ближе к центру европейской части, часто уступают Пермскому краю по разнообразию природных туристских объектов.

Особенно важным обстоятельством является ландшафтная контрастность и пограничное расположение Пермского края. Ландшафтные и культурологические рубежи разнообразны. Граница Европы и Азии, граница планетарного Севера и средних широт, стык Русской равнины и Уральских гор, тектонические и геологические пороги, граница главной полосы расселения, стык Урала и Поволжья, граница таежной зоны и пояса благородных сельскохозяйственных почв, соседство финно-угорской, тюркской и славянской культур способствуют формированию большого разнообразия туристских ресурсов. Бассейновость региона, его речная сеть увеличивают разнообразие и являются объединяющим компонентом географической композиции. На этом понимании может формироваться основной концепт туристской политики региона. На основании такого подхода можно выделить в крае достаточно самобытные территории по разной специфике и тематике.

Отметим основные конкурентные туристские преимущества Пермского края и обозначим территории, где они проявляются наиболее ярко. Природные достоинства — это среднегорные ландшафты (бассейн Вишеры), останцовые низкогорья (Горнозаводский Урал), горные и предгорные реки (Бассейны Вишеры, Яйвы, Косью, Чусовой), акватории водохранилищ (Камское и Воткинское водохранилища), карст и геология Пермского периода (Предуралье, Горнозаводской Урал), большая высота снежного покрова зимой (Северный и Средний Урал), лес, ресурсы тайги (Коми-Пермяцкий округ, Колва и Вишера). Среди культурно-исторических и социально-экономических достоинств края выделяются древние города (Чердынь, Соликамск, Усолье), история добычи соли (Березниковско-Соликамский промышленный узел), горнозаводское наследие (Горнозаводской Урал), узловое транспортное положение (Пермь, Кунгур, Чусовой), возможности событийного и делового туризма (Пермь, Березники, Соликамск). культурно-этнографические особенности (Коми-Пермяцкий округ, Бардымский район), многочисленные учреждения образования (Пермь), санаторно-курортные учреждения (Пермский, Суксунский, Добрянский районы).

Систематизация туристско-географической таксономии помогает в туристском проектировании, планировании туристских потоков, инфраструктурного развития, формирования соответствующих сервисов.

Туристско-географическая таксономия дает лучшие ориентиры при стратегическом планировании туристского развития малых и средних городов. Некоторыми из таксонов (туристское местечко, место, центр, зона, пояс, узел, район) можно охарактеризовать пермские пункты. Ту-

ристские местечки есть практически во всех муниципальных районах края. Туристские места единичны. Если сомнений нет в том, что Кунгур и Соликамск относятся к категории туристского места, то следующие по возможностям города Чердынь и Чайковский к туристским местам можно отнести с определенными оговорками. Это свидетельствует о том, что при целенаправленной работе города могут вполне закрепиться в региональной организации туризма края на уровне туристских мест. Следующие по возможностям города (Красновишерск, Березники, Чусовой и Очер) попасть в категорию туристского места могут, но с очень серьезными усилиями. При этом, Кунгур и Соликамск могут поставить себе стратегическую цель выйти на уровень туристских центров и работать в этом направлении. Пермь назвать туристским центром было бы неправильно, однако, скорее всего, такого уровня город достигал в июне 2012 и 2013 гг во время городских фестивалей «Белые ночи». Туристские зоны в Пермском крае складываются в летнее время вдоль рек с популярными водными маршрутами (Усьва, Койва, Чусовая, Вишера). Туристским поясом можно назвать горноуральский пояс, который захватывает северо-восток и восток Пермского края.

Под термином «региональная организация туризма» мы понимаем отраслевую и территориальную структуру туризма в регионе. Это понятие ассоциируется с изучением туристских ресурсов, маршрутов, центров и зон, с туристским районированием.

При туристском районировании Пермского края должны быть интегрированы подходы и принципы природного и социально-экономического районирования. Должны учитываться зонирование и районирование компонентов ландшафта (рельеф, климат). Необходимо принимать во внимание подобластное административное деление и транспортные связи. Важно учесть границы исторического административного деления, территории уездов. В районировании должна быть принята во внимание такая особенность Пермского края, как бассейновость региона и большинства его частей. Кроме того, специфика туризма как деятельности способствует тому, что районы будут сохранять свои географические названия, исторически принятые и известные и понятные людям, географически верные.

Если разделить Пермский край на специфические в природном, историческом и хозяйственном отношении территории, имеющие и свой особый туристский потенциал и направления его реализации, то можно выделить шесть особенных частей — туристских районов: Вишеру с Колвой, Горнозаводское Прикамье, Парму, Предуралье, Среднекамье и Нижнекамье (рис. 1).

Туристско-географическое районирование Пермского края

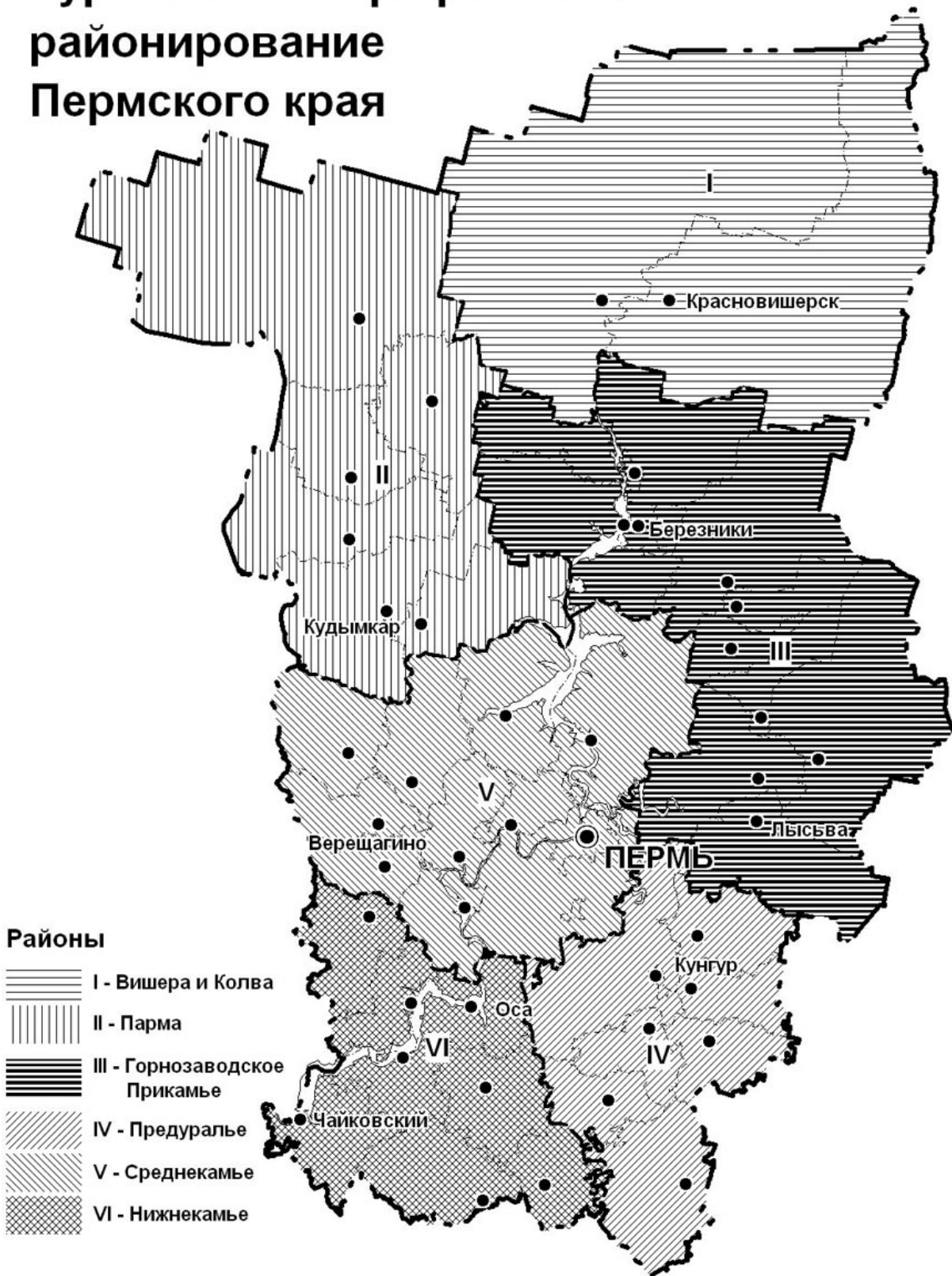

Рис. 1.

Территории в административном отношении представляют собой группы муниципальных образований и автономный округ. Они могут рассматриваться как туристские районы, сочетая в себе свойства и дестинаций (с качествами специализации), и свойства управляемых территориальных образований (с завершенностью системы маршрутов).

Туристское районирование показывает современную сложившуюся систему кластеров, их профиль, положение ключевых ядер. Для создания укрупненного регионального проекта необходимо понимание современной системы региональной организации и процессов кластеризации.

Туристский кластер и туристский район являются разнонаправленными понятиями. Район — понятие территориальное, географическое. Кластер — понятие из сферы бизнеса, при этом имеющее яркий территориальный смысл. Это понятие и экономическое, и географическое. Туристский кластер как понятие отличается от туристского района тем, что район — это территория, а кластер — не территория, а совокупность предприятий на территории.

Территории туристских кластеров в Пермском крае соответствуют туристским районам за исключением Горнозаводского Прикамья, который разделен на два, это кластеры: Вишера с Колвой, Парма, Соль Камская, Среднекамье, Горнозаводской Урал, Предуралье и Нижнекамье [3].

Кластеры, как и туристские районы, можно представить группами муниципальных образований и автономным округом. Кластеры в территориальном отношении разделяются на три зоны. Первая — центральная зона, ядро, своеобразный генератор туристских инноваций, распределитель туристских потоков. Вторая зона базовая, опорная. Это территория концентрации основных туристских объектов и маршрутов. Третья зона — ареал перспектив туристского бизнеса. Третья зона кластера может выходить за пределы территории Пермского края, охватывая территории межрегионального туристского сотрудничества. Это дальняя зона влияния кластера, распространяющаяся на области перекрытий с соседними подобными системами. Среди районов края, только территория Александровска входит сразу в два кластера.

Прежде, чем выразить главную идею регионального туристского проекта подведем итоги первой части работы. Они в самых основных позициях заключаются в следующем.

В Пермском крае сложилась территориальная организация туризма с шестью туристскими районами, на основе которых сформировались или формируются семь туристских

кластеров. Туристские районы и туристские кластеры географически соответствуют гравитационным особенностям системы расселения, своими маршрутными рисунками и характером деятельности повторяют транспортно-расселенческую структуру края.

Главными узлами современной территориальной организации туризма являются значительные города региона, своим уровнем туристского развития создавая более централизованную (Пермь, Кунгур, Соликамск, Чусовой) или менее централизованную (Чайковский, Кудымкар, Очер, Чердынь, Красновишерск) туристско-рекреационные системы.

Несмотря на то, что туристский ресурсный потенциал муниципалитетов и городов края высок, функциональная (видовая) структура туризма развита, сложились крепкие рекреационные традиции населения, а все туристские районы по содержанию самобытны, современная территориальная организация туризма в регионе, ориентированная на иерархичную сеть городов, препятствует развитию туризма в Пермском крае. Это приводит к постепенному развитию туризма лишь как вспомогательной отрасли, способствует перегрузке городских транспортно-расселенческих инфраструктур, сжатию экономического пространства, социально-экономическому опустыниванию удаленных от городов мест. Несмотря на градоориентированную систему, туризм играет в пермских городах подчиненную роль и не почти профилирует их во всероссийском масштабе. Из 25 городов края нет ни одного города, достигшего уровня туристского центра, и лишь 2-3 могут претендовать на уровень туристского места.

При сохранении сложившихся условий, туристская отрасль и далее будет за исключением единичных мест лишь фоном промышленного развития, не работая креативно на российском и мировом уровнях.

Такая тенденция хозяйственно-побочного развития туризма, по-видимому, будет сохраняться и далее, если не пересмотреть логику развития туризма в Пермском крае. В связи с этим планировать туристское развитие следует так, чтобы включить иные территории, и, прежде всего, внегородское пространство в туристскую динамику.

Необходимо определить новые доминанты, которые способны в будущем изменить территориальную структуру туризма. Доминанты должны по возможности не входить в ядра существующих кластеров и создавать своим появлением возможности туристского развития природных территорий. Тем не менее, доминанта должна выразить сложившуюся

туристскую специализацию существующего кластера, но являться совершенно новым объектом. На доминанты ляжет роль узловых точек новой маршрутной сети, которая децентрализует региональную систему, дополнив ее, придав ей сильный импульс развития. Вынося доминанты за город, мы должны понимать, что это не местные туристские объекты с локальными задачами, а будущие «хабы» региональной системы.

Проект «Пермь Великая» направлен на развитие въездного и внутреннего туризма в Пермском крае. Проект направлен на увеличение числа посещений региона, на создание инфраструктуры туризма, включение в туризм внегородских территорий. На основе изучения ресурсов и традиций края, анализа опыта туристского проектирования в лидирующих российских регионах удалось разработать и начать реализовывать региональный проект на совершенно новых принципах.

Основной принцип проекта — развитие туризма на всей территории Пермского края.

Традиционным и практически незыблемым подходом в развитии туризма в регионах России и зарубежных стран является выбор отдельных наиболее потенциальных мест, признание их туристскими точками роста и их особая поддержка. Все субъекты Федерации действуют в собственных туристских программах принципами концентрации ресурсов и созданию полюса (чаще одного, реже двух-трех полюсов) роста. Однако ряд важных факторов, а именно уникальные размеры нашей страны, пространственная дисперсность туристской сферы, особенно в ее глубинных регионах, большие возможности саморазвития этой отрасли и риски в предсказуемости туристского спроса позволили нам выдвинуть новый принцип в региональной туристской политике и считать его более реалистичным, более эффективным экономически и более этичным в общественном отношении.

Этот принцип состоит в том, что туризм развивается на всей без исключения территории края, включая краевой центр, ближние и дальние города и муниципальные районы. Это стало возможным благодаря разработке новых методик анализа туристского потенциала территории и разработкам технологий пространственного туристского проектирования, исследованию возможностей Пермского края.

Основа проекта стала формироваться более 10 лет назад, когда сотрудники кафедры туризма Пермского университета сосредоточились на определении географических мест, обладающих наибольшим потенциалом. Нужен был проект, который бы поставил туристскую от-

расль края в один ряд с теми регионами страны, где туризм — отрасль специализации, а туристские ресурсы мирового уровня.

Над проектом и его отдельными элементами работало много людей. Его база — весь активно развивающийся туристский мир Пермского края. В идеологии и реализации проекта особая роль принадлежит к.э.н., архитектору А.А. Зотову, рано ушедшему из жизни. Именно он выдвинул многие основные принципы проекта, концептуально и архитектурно подготовил ряд основных объектов, вошедших в проект, предложил общее название проекта. Над проектом работали д.ф.н. профессор В.В. Абашев, к.г.н., доценты Мышлявцева и А.В. Фирсова, к.э.н., доцент Н.В. Харитоновна, К.С. Новопашин, И.Ю. Стороженко и многие другие специалисты.

В течение десятилетней полевой и аналитической работы определены географические места нескольких доминант, туристские кластеры, которых способны тематически покрыть всю территорию Пермского края. Четыре из доминант-парков в настоящее время находятся на разной стадии реализации, пятая — задача будущего.

В 2014 году Министерством физической культуры Пермского края было принято решение попытаться войти с проектом «Пермь Великая» в федеральную «Программу развития внутреннего и въездного туризма России». Проект стал концептуальной основой работы с инвесторами и нашел отражение в документах для Ростуризма, которые были представлены и защищены публично.

Суть проекта состоит в следующем.

В Пермском крае создается сеть уникальных рекреационных объектов в виде тематических парков, связанных общей историко-культурологической концепцией.

Парки в перспективе становятся межрегиональными центрами отдыха и входят в число объектов международного культурного туризма.

Специфика каждого парка определяется его географическим месторасположением и характером культурно-исторического наследия, сосредоточенного в окрестностях парка.

На основе парков складывается новая пространственная организация туризма в крае с новыми векторами туристских потоков.

Парки, являясь новыми туристскими доминантами, образуют развивающиеся туристские кластеры, которые охватывают всю территорию Пермского края.

Создание парков, как ключей к территориям, дает импульс существующим туристским объектам края, которые развиваются синхронно и равнозначно.

Маршрутная туристско-экскурсионная сеть с помощью парков становится более полицентрической и эффективной. Парки направляют потоки на развивающиеся объекты, которые обеспечиваются необходимой инфраструктурой.

Одним из основных шагов предлагаемого проекта состоит в поиске, определении и развитии доминант будущей туристской сферы, которые своим развитием сформируют новую пространственную организацию туризма Пермского края. Доминанты, по нашему мнению, должны обладать следующими характеристиками:

- являться объектом туристской (индустрии) инфраструктуры,
- территориально не входить в ядро или, по крайней мере, в центральный город существующего туристского кластера,
- иметь профиль, соответствующий специализации туристского района,
- логистически (транспортно и маршрутно) иметь возможности формирования туристско-экскурсионного «хаба»,
- иметь самобытный профиль туристско-рекреационных занятий, дополнять другие доминанты концептуально,
- обеспечить круглогодичные рекреационные занятия в климате Пермского края,
- являться местом не только индивидуального, но и массового туризма,
- преимущественно располагаться в депрессивном, маргинальном, заброшенном населенном пункте для решения задач оживления и социально-экономического развития данного локального места.

Как показано в предыдущих разделах, туристский район как современный кластер или протокластер имеет определенную зональную структуру. Мы считаем, что для развития этого района необходимо ввести на территорию (спроектировать и создать) некую туристскую бизнес доминанту в форме какого-либо объекта с новой функцией: туристского комплекса, горнолыжного центра, тематического парка и т.п. Эта доминанта, будучи пространственно синергетична, должна привести современную сложившуюся совокупность туристских предприятий без выраженного взаимодействия в некое профилированное, ассоциированное и взаимодополняющее объединение, а именно в эффективную туристско-рекреационную систему. По-видимому, дополняющие доминанты районы будут территориально отличаться от территорий современных кластеров, т.е. сформируется новая пространственная организация туризма края, развивающаяся по-новому сложившиеся центры и зоны. Важно, чтобы все доминанты были согласованы между собой и

представляли собой некую сеть. Все доминанты должны быть в будущем связаны между собой туристскими потоками.

Как выделить объект, имеющий возможности туристской доминанты? Как определить географическое место этого объекта, его эффективный профиль, создать его концепт и проект?

Подход с позиции кластеров и доминант имеет эффективное применение при решении проблем развития туристской сферы в регионе. При этом роль географических исследований первична, так как связана со всеми этапами работы: определением конкурентных преимуществ региона, районированием на основе преимуществ, планированием кластеров, их зонированием, поиском и проектированием кластерных доминант, и формированием туристских маршрутов и потоков.

Отличие данного подхода от распространенных методов в том, что не выделяются приоритетные города и районы как полюса роста, не предпринимаются попытки обозначения единичных географических мест и конкретных туристских объектов для государственной поддержки и частных инвестиций. Суть идеи в том, что регион должен целиком позиционировать себя в туристском движении. Все его территории, являясь ареной формирования туристских кластеров, взаимодополняя и взаимопродвигая друг друга, посредством реализации главных ресурсов и взаимосогласованного легендирования, с помощью проектирования доминант создают активно работающую региональную туристско-рекреационную систему.

Исследования потенциала края провели нас к мысли о том, что система туристских доминант, способных создать новую пространственную организацию туризма в регионе, значительно увеличить въездные и внутренние потоки и вывести отрасль на более высокий уровень должна представлять собой сеть тематических парков.

Тематические парки будут узлами новой территориальной организации туризма, поэтому своим появлением они будут создавать новую сеть маршрутов, туристские потоки и новые кластеры. Покажем в виде абстрактной модели строение кластера парка.

Кластер парка пространственно охватывает разнообразные туристские объекты и туристские территории далеко за пределами парка на расстоянии до 200-250 км, которые:

- могут быть связаны единой маршрутной сетью;
- объединены концептуально, тематически;
- территориально близки.

Кластер парка в пространственном плане, и особенно, в технологии туристско-экскурсионной деятельности состоит из четырех зон.

Зона 1. — территория непосредственно парка, где создана система размещения, питания, развлечения и выражены основные рекреационные занятия и соответствующая инфраструктура. Она охватывает туристские деревни, подъемники и другие сооружения, соответствующий оптимально преобразованный ландшафт. Здесь туристы располагаются стационарно и могут даже на этой территории относительно разнообразно проводить значительное время до нескольких дней.

Зона 2. — территория охватывает такие объекты, которые можно посетить, остановившись в парке и не меняя дневного распорядка питания, т.е. и обед, и ужин осуществлять в парке. Это такие объекты, которые потребуют времени до 4-х часов.

Зона 3. — территория с объектами, для знакомства с которыми потребуется целый день и придется отменить обед на территории парка и организовать его на выезде или выходе. Эти объекты потребуют до 9 часов.

Зона 4. — территория с объектами, удаленными или трудно достижимыми. Для посещения их из парка потребуется время более 24 часов и ночевка или более за пределами парка.

Рассмотрим в географическом отношении одно из определенных в проекте и развивающихся мест, которые планируется как будущая туристская доминанта.

Предложим туристскую доминанту в «Горнозаводском Прикамье». В каком географическом месте она должна находиться и почему? Какова должна быть ее основная специализация? Как доминанта должна способствовать развитию дополняющего района? Каков дополняющий район по размерам и составу? Эти и многие другие вопросы возникают, прежде всего, еще до разработки проекта. Выбор места расположения объекта туристской инфраструктуры является очень важной задачей. По нашему мнению, именно география будущего туристского объекта является определяющим компонентом его концепции.

Место нового ключевого туристского объекта, а именно поселка Усьва, было определено теоретически, а затем проведены многочисленные полевые исследования. Опишем ход поиска и принятия решения относительно выбора места.

В Горнозаводском Прикамье среди рекреационных занятий вне городов можно уверенно говорить существовании двух давно сложившихся традиций: это традиция горных лыж в холодный период года и сплавов

по рекам — в теплый. Есть и немало других достаточно популярных рекреационных традиций в этом районе: посещение пещер, пешеходные путешествия, скалолазание, поиск минералов и т.д., но два первых названных занятия намного превышают все остальные по массовости. Более того, они давно сложились не только как региональные рекреационные, но и как туристские коммерческие виды деятельности с широкими географическими рынками.

Рассматривая расположение существующих горнолыжных предприятий на западном склоне Урала в Пермском крае, можно заметить их тяготение к самому западному меридиональному поднятию, причем самые значительные и успешные горнолыжные базы находятся там, где этот западный уральский увал пересекается значительными реками. Такое месторасположение характерно для горнолыжного комплекса «Губаха» с перепадом до 240 м. высоты, где река Косьва прорывается через это поднятие с горой Крестовой. Такое расположение имеет и горнолыжный комплекс «Такман» с перепадом до 150 м., где высокий увал касается реки Вильва и комплекс «Огонек» с перепадом около 130 м. — вблизи долины реки Чусовой. Далее далеко на север это поднятие представлено горой Полюд (525 м.), венчающей долину Вишеры при выходе из зоны гор.

Начиная от Лысьвы и Чусового на север по Среднему Уралу и Северному Уралу тянется пояс с обильным снежным покровом зимой. Это одна из самых снежных территорий России, где на высотах 400-500 м. в феврале стабильно снежный покров достигает более 1 м. снега, а чаще всего около 150 см. В этом отношении Горнозаводское Прикамье выигрывает у Свердловского и Челябинского Зауралья, где высота снежного покрова снижается. Может быть, и благодаря этому фактору район Горнозаводского Прикамья стал выделяться горнолыжной туристской специализацией не только на карте региона, но и Урало-Поволжья.

Горные лыжи в Пермском крае, чаще всего, это береговые лыжи, в связи с тем, что наибольшие перепады в поверхности и значительные по протяженности склоны располагаются на хорошо дренируемых участках берегов значительных рек. Описанная закономерность расположения основных горнолыжных предприятий края ориентирует на то, чтобы искать подобное или еще более рельефно выраженное место в пределах западно-уральского поднятия и прежде всего там, где оно пересекается значительной рекой. Таким местом является поселок Усьва в Гремячинском районе. Здесь зону западного поднятия представляет хребет

Рудянский Спой с абсолютными высотами до 526 м, а река Усьва, пересекая хребет создает скульптурную долину, которая значительно петляя увеличивает возможности поиска удобных для горнолыжной деятельности мест на ее берегах. В отличие от Губахи и реки Косьва, это место выигрывает по чистоте атмосферного воздуха, по ненарушенности ландшафта и лесистости.

Горные лыжи в климатической зоне Среднего Урала в Пермском крае по ветровому режиму и снегонакоплению, наиболее комфортны и удобны не на открытой местности, а в лесном окружении, в этом отношении трассы среди леса предпочтительны, чем среди лугов. Однако перепады высот не такие значительные — от 150 до 250 м, и создание серии отдельных предприятий на относительно локальной территории позволяет создать единую или согласованную зону катания для необходимого разнообразия трасс и сервисов, для более насыщенных и полных впечатлений от ландшафтов.

Таким образом, в отношении зимнего периода в Горнозаводском Прикамье есть все основания ориентироваться на горнолыжную специализацию. Создание возможностей полноценной и разновозрастной зимней рекреации — является основной задачей в Пермском крае при развитии туризма, поскольку в летом число возможных рекреационных занятий неизмеримо больше и организовать поток рекреантов куда-либо летом на порядок проще. Центральное географическое место Усьвы между Кизеловско-Губахинским и Лысьвенско-Чусовским промышленными узлами и агломерациями и между главными объектами этой отрасли также положительно скажется на ее центральной роли в горнолыжной ассоциации работающих предприятий. Появление нового крупного горнолыжного объекта расширит узнаваемость всего района по этому профилю, привлечет в район посетителей не только из близких регионов, но и более далеких, увеличит объемы деятельности всех существующих горнолыжных комплексов и баз. Таким образом, с горнолыжных позиций место поселка Усьва является очень перспективным.

Поселок Усьва является важным местом для рекреационных занятий и летом. Это одна из самых популярных пермских рек для сплава на надувных или каркасных судах, обычно катамаранах и байдарках. В весенний период сплав начинается в верховьях и поселок Усьва оказывается в важном месте по середине главного маршрута или его завершением. Летом сплав, как правило, начинается от поселка Усьва или же в 10-20 км выше его и заканчивается в поселке Мыс Чусовского района. Уча-

сток в 36 км от Усьвы до Мыса — один из самых массово посещаемых участков сплавных пермских рек. Прежде всего, это связано с красотой берегов и скал, с удобством подъезда и выезда, с близостью к Перми и уральским городам. Выше поселка Усьва, где выбрано место для размещения планируемого рекреационного объекта — тематического парка — располагается знаменитый Усьвинский порог — важный объект на маршруте сплавов.

Горнолыжный и водно-туристский потенциал не исчерпывает возможности рекреационных занятий района поселка Усьва. Несколько ярких объектов вблизи поселка, располагающихся по основному маршруту, сами по себе символизируют особые виды туризма. Это скалы Усьвинские Столбы — объект горных экскурсий и скалолазания, это привершинные останцы хребта Рудянский Спой — Каменный Город — объект популярнейшей природной экскурсии и пещера Геологов — объект спелеотуризма.

В связи с этим поселок Усьва располагает многими замечательными возможностями и явными преимуществами для создания ключевого туристско-рекреационного объекта всезонной деятельности с ролью доминанты большого рекреационного района.

Таким образом, одним из перспективных мест для создания яркой рекреационной территории в виде крупного горнолыжного комплекса и тематического парка в Пермском крае является поселок Усьва. Этому способствует ряд факторов, выявленных и изученных в ходе полевых и камеральных исследований. Это, прежде всего:

1. Рельеф с точки зрения крутизны и протяженности склонов.
2. Снеговая обстановка в зависимости от абсолютной высоты и экспозиции.
3. Сравнение многолетних климатических характеристик по метеостанциям аналогичных местностей.
4. Социально-экономический профиль территории.
5. Состояние экономики и социальная ситуация в поселке Усьва.

Ниже раскроем специфику поселка Усьва и его окрестностей в контексте выражаемой идеи. В концепте доминанты необходимо учесть следующие особенности и достоинства места, на которых надо основываться в формировании профиля деятельности, которые могут быть использованы в легендировании и продвижении проекта. Образно обозначим главные качества места, где располагается парк «Усьва» и его окружение.

Скульптурные долины. Изюминкой уральских рек являются долины, украшенные

береговыми скалами — камнями, бойцами, утесами. Река Усьва известна Усьвинскими Столбами — одной из наиболее впечатляющих групп скал на Урале. Усьвинские Столбы, располагающиеся вблизи поселка Усьва по известности и туристской популярности входят в пятерку самых выдающихся речных утесов Пермского края.

«Каменные города». Уникальными ландшафтами Среднего Урала являются скалистые лабиринты, украшающие многие вершины лесистых гор. Это так называемые каменные города или «чертовы» городища. Один из самых живописных скальных городов находится на хребте Рудянский Спой рядом с поселком Усьва.

Весло в руке. Горные реки Урала известны во всем мире как эталон для путешествия с семьей и друзьями. Невысокая трудность, хорошая транспортная доступность, красота горной тайги на границе Европы и Азии и эффективный отдых делают речные сплавы самым популярным и наиболее заманчивым видом туризма в Пермском крае. Река Усьва одна из наиболее привлекательных сплавных рек. Ее бассейн и окружение — уральский чемпион по числу и плотности популярных рек для активного отдыха. Из двух порогов на реке Усьва один находится почти в пределах поселка.

Пещерное царство. Этот район необычайно насыщен пещерами. Кизеловская и Мариинская, Геологов и Чаньвинская, Пашийская и Чудесница и многие другие. Здесь же находятся и самые характерные геологические разрезы и напоминания Пермского периода.

Горнозаводский Урал. Поселок Усьва располагается в пределах Горнозаводского Прикамья — одного из районов Горнозаводского Урала — пояса городов и поселков, которые выросли благодаря добыче разнообразных полезных ископаемых. Это пермский аналог Бажовских мест с историями подобными рассказам о малахитовой шкатулке и хозяйке Медной горы.

Горнолыжная страна. Современная непроизводственная специализация горнозаводских районов Пермского края активно формируется в виде горнолыжного отдыха. Губаха и Кизел, Чусовой и Лысьва зимой притягивают многочисленных отдыхающих. Значительные перепады высот поверхности (до 200-300 м.), хорошая инфраструктура, большая высота снежного покрова, высокий спрос способствуют развитию этого вида деятельности в горах Среднего Урала в Пермском крае. Поселок Усьва по сочетанию природных, экологических, инфраструктурных, топологических факторов не только для горнолыжного отдыха, но и для

комплексной рекреации, будет достойно представлять этот уже сложившийся горнолыжный уголок Урала. При этом поселок Усьва располагается в сердцевине существующего ареала горнолыжных предприятий.

Возможная туристско-рекреационная специализация предлагаемой доминанты комплексная. Она включает горнолыжный отдых, речные сплавы, спелеологию, пешеходный туризм, лыжный туризм, геологические экскурсии.

Доминанты, по проекту, должны способствовать созданию кластеров, которые будут опираться на районы. Таким образом, определится новое туристское районирование Пермского края. Интересно, что доминанты создадут сетку районов по таким принципам, которые еще не применялись в географической науке. Поясним этот тезис.

Какие принципы районирования классически применяются в географии? В физической географии и ландшафтоведении основой районирования является принцип однородности. Применяется еще ряд принципов, в частности, бассейновый. В социально-экономической географии основными принципами районирования являются принцип специализации (ведущей функции), принцип транспортной связности, принцип гравитации (ядер тяготения) и ряд других. В туристском районировании проекта «Пермь Великая» ни один из указанных принципов не используется в явном виде. Районы создаются полем доминант.

Кластеры в проекте «Пермь Великая» названы по имени доминантного объекта. Это название распространяется на всю территорию кластера в виде нового туристского района. Юг Пермского края называется на карте «Ашатли», а восток «Усьва». Идея в том, что доминанта планируется как крупный и образцовый с точки зрения концепции работы и поставленного сервиса туристский объект, который будет и дестинацией, и туристским «хабом», и образцом для подражания для большой окружающей его территории. В дальнейшем планируется соединение разно-тематических парков и их кластеров в единую маршрутную систему.

Библиографический список

1. Зырянов А.И. Географические технологии туристского проектирования. Перм. ун-т. Пермь, 2010. 119 с.
2. Зырянов А.И., Мышлявцева С.Э. Технология развития туризма в новом районе // «Региональные исследования» № 4 (34), 2011, с. 49-56.
3. Зырянов А.И., Мышлявцева С.Э. Туристские кластеры и доминанты (на примере Пермского края) / Известия РАН. Серия географическая, 2012, №2, с. 15-22.

П.С. Ширинкин

Пермская государственная академия искусства и культуры

О НЕКОТОРЫХ ЭВОЛЮЦИОННЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ И ВНЕДРЕНИЯ ТУРИСТСКОГО ЛЕГЕНДИРОВАНИЯ В РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье представлен обзор некоторых эволюционных аспектов в сфере разработок и исследований по гуманитарной географии, в части географического образа и символических ресурсов. Представлены некоторые разработки в сфере составления образно-географических карт, в частности, концепция «когнитивных» тоннелей и карты образно-географического рельефа (на примере Пермского края). Рассмотрены прикладные аспекты применения туристского легендирования для развития туризма в названном регионе. Наконец, тезисно представлен опыт внедрения двух дисциплин «Туристское легендирование» и «Символические ресурсы в социально-культурной деятельности» в практику работы высшей школы.

Ключевые слова: гуманитарная, имагинальная и культурная география, культурный ландшафт, образно-географические карты, карта образно-географического рельефа, туристская легенда, легендирование, символические ресурсы, дисциплины для высшего образования.

Shirinkin P.S.

Perm State Academy of Art and Culture

SOME EVOLUTIONARY ASPECTS OF THE USE OF SYMBOLIC RESOURCES AND INTRODUCTION OF TOURIST LEGENDIROVANIYA IN THE DEVELOPMENT OF REGIONAL TOURISM AND EDUCATIONAL ACTIVITIES IN HIGHER SCHOOL

The article presents an overview of some of the evolutionary aspects of the developments and research in human geography, in terms of geographical image and symbolic resources. Presented some developments in the compilation of vividly-geographical maps, in particular, the concept of «cognitive» tunnels and maps imagery and geographic relief (on the example of Perm Krai). Considered applied aspects of tourism legendirovaniya for the development of tourism in the region. Finally, the thesis presents implementation experience of the two disciplines «Tourist legendirovanie» and «Symbolic resources in socio-cultural activities» in the practices of higher education.

Keywords: humanitarian, imaginally and cultural geography, cultural landscape, imagery and geographic maps, map imagery and geographical terrain, Hiking legend, legendirovanie, symbolic resources, discipline for higher education.

В последние годы в России отмечается рост интереса к исследованиям в сфере гуманитарной географии и образов географического пространства. Причина кроется в проникновении всей систе-

мы массовой культуры в общественное и индивидуальное сознание, приводящее к переосмыслению на всех возможных уровнях (от научного до бытового) окружающей «пространственной» реальности, воспринимаемой в виде череды множественных образов.

Корни «мифологизации пространства» в сознании человека исследуются в философии, психологии, культурологии и находятся в смысловой специ-

© Ширинкин П.С., 2018

Ширинкин Павел Сергеевич, к. геогр. н., зав. кафедрой социально-культурных технологий и туризма; Пермская государственная академия искусства и культуры
ethnic1@yandex.ru

ифике мифотворчества архаичных народов. Речь идет о «психо-социальном» механизме на индивидуальном и массовом уровнях сознания, характерных как для исторических, так и современных народов.

Проводимые сегодня тематические опросы постоянно фиксируют различного рода архаичные представления в виде полиморфных когнитивных конструкций [30]. Такие представления продуцируются не только коренными субэтническими сообществами, проживающими во многих регионах РФ, но и в целом населением страны. Речь идет о части восприятия окружающего мира постинформационным обществом, полученного, в основном, в процессе воспитания и образования, в том числе обретения этнического стереотипа поведения через общение с предыдущими поколениями. Через сказки, рассказы старших, притчи и догмы, отрывки религиозных и архаичных представлений, с самого детства большинство представителей современного общества обретает чрезвычайно устойчивую когнитивную платформу, так что последующее развитие личности, образование, социально-экономическая среда обитания индивидуума сложно преломляет ее, придавая черты некоего гуманитарного «клада», прорастающего корнями в «память предков» и в разнообразные схоластические представления об окружающей действительности.

Человек воспринимает окружающий мир в виде образов различной сложности, в которые вплетаются древние и современные мифы. Вместе с восприятием когнитивных образов и конструкций, отражающих попытку осмысления человеком явлений и процессов окружающего мира, отмечается сравнительно незаметное проникновение в картину мироздания современников различных мифов и легенд из существующей на данной территории обывательской (а иногда и архаичной) системы восприятия окружающего мира и исторического прошлого. В переломные эпохи «деформации» смыслов, идеологии, верований и идеологических учений люди стремятся найти информацию, которая ими воспринимается не по критерию «объективный/ субъективный», а по принципу психологического гомеостаза. Отмечено, что люди начинают чаще обращаться к различным схоластическим системам в кризисные и переходные эпохи. Сегодня в старинных мифах и легендах люди ищут новую, более комфортную и безопасную методологию жизни и этническое самоопределение, пытаются выработать механизмы противодействия или гармонизации своего «Я» с массовой культурой [30].

«Бытие культуры в географическом пространстве неотделимо от процесса символизации среды, неотъемлемо присущего человеческому сознанию, и выражается, прежде всего, в осмыслении пространства (в его абстрактном, космическом или географическом понимании) и осмыслении своего места в нем» [17]. «Пространство и время в современном гуманитарном знании рассматри-

ваются как теоретико-познавательные категории» [15]. О.А. Лавренова считает, что осмысление пространства имеет много уровней: от ассоциативного до сакрального, в результате чего складываются устойчивые представления о географических объектах или устойчивые культурно-значимые символы, имеющие разную степень пространственных коннотаций. По мнению этого автора, культура есть универсальный объект семиотики, в данном случае рассматривается как субъект семиотизации географического пространства, выражающийся в наследуемых и постоянно возобновляемых «рамках», возникших в результате этого непрекращающегося процесса, истоки которого лежат в глубокой архаике. «Как свидетельствует современная антропология, в архаичных культурах осмысление пространства приравнивается к его освоению, превращению дикой, неконтролируемой среды в знаковую систему, где та же физическая неконтролируемость превращается в знак, обретает свое фиксированное место в картине мира, становится подконтрольной на смысловом уровне. Те же семиотические процессы выявляются и в современных культурах» [17].

Географические образы, взаимосвязанные между собой, могут формировать целые когнитивные системы (метасистемы), из которых генетически формируется культурный ландшафт, а в содержательном плане — локальные, пространственные мифы. Можно сказать, что туристы сегодня едут не на строгую и фактологически доказанную историко-культурную информацию о туристских объектах, а, скорее, на привлекательные географические образы, отражающие феномены интересующей их культуры. Здесь находится источник формирования базовых туристских мотивов. Именно на систему географических образов, связей между ними, выраженных, например, в мифах и легендах, можно привлечь сегодня значительное число туристов. В этом аспекте речь идет не только об особых, в чем-то виртуальных, туристских ресурсах, но и о конкурентном преимуществе территории.

Понятие «географического образа» в сфере гуманитарной географии рассматривалось в работах таких исследователей, как Г.М. Лаппо, Р. Джонстон, Д.Ж. Голд, Л. Голлидж, Ю.А. Веденин, О.А. Лавренова, Р.Ф. Туровский, В.А. Колосов, Д.Н. Замятин и др. Между тем, большинство отечественных географов пока не принимает термин «гуманитарная география» и, по сути, Д.Н. Замятин в своих работах, продвигая данное направление (часто утверждается, что исследователь предлагает когнитивную географию), создает своеобразный методологический вызов. Ю.Н. Гладкий понимает под гуманитарной географией зарубежный аналог общественной географии и предлагает понятие «общественно-гуманитарной» географии [4].

Остается спорным предмет гуманитарной географии и его соотношение с культурной географией. Предмет гуманитарной даже шире, чем культурной

географии. К научно-идеологическому ядру гуманитарной географии исследователи относят: культурное ландшафтоведение; образную (имагинальную) географию; когнитивную географию [10]; мифогеографию [21] и сакральную географию [7].

М.С. Уваров предлагает различать в отечественной науке два уровня исследований в направлении культурной географии. М.С. Уваров преодолевает замечания Ю.Н. Гладкого и переводит гуманитарную географию Д.Н. Замятина из разряда научной школы в ранг перспективного научного направления [28]. К фундаментальным исследованиям предлагается относить работы следующих авторов: Б.Н. Лотман, В.Н. Топоров, Р.О. Якобсон, Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, М.С. Каган и др.; исследователи по культурной и гуманитарной географии: Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский, Б.Б. Родман, В.Л. Каганский, В.Н. Калущков, А.Г. Дружинин, Д.Н. Замятин, В.П. Максаковский, М.В. Рагулина и др. Среди монографических исследований можно назвать имена: Г.Д. Гачев, О.А. Лавринова, В.В. Абашев, Е.Г. Трубина, А.М. Лидов, Д.Н. Замятин, О.В. Лысенко [19] и др. Так или иначе, гуманитарная география немыслима без термина «культурный ландшафт». Определения ему давали Ю.Г. Саушкин [24], В.П. Семенов-Тянь-Шанский [25], В.Л. Котельников [16], Д.В. Богданов [1], А.Г. Исаченко [13], Ф.Н. Мильков [20]. Свои определения культурного ландшафта давали Н.Ф. Реймерс, В.А. Николаев, Б.И. Кочуров и др. Однако перейти к существующей сегодня концепции культурного ландшафта смогли не географы, а культурологи: Ю.А. Веденин [2], Р.Ф. Туровский [27], В.Н. Калущков [14] и др.

Как специалисту, так и обывателю, пространственный образ становится понятнее при его графическом отображении. Сегодня достаточно много способов фиксации образов в виде так называемых ментальных и когнитивных карт [9]. Существуют даже предложения искать способы фиксации других информационных сигналов, даже таких как звуки и запахи. [36]. Более того, классические образно-географические карты уже в полной мере не отражают накопившейся череды образов по отдельно взятой территории и требуют новых способов отображения, например, трехмерных, объемных карт, когда можно отобразить еще и иерархию [35].

Символизм знаков и знаковых систем находит свое отражение в формировании географических образов. Типичной следует признать ситуацию, когда человек (в нашем случае, турист) никогда не бывал в интересующем его регионе или не смог охватить за время своего путешествия все интересующие его пункты и территории, — в этом случае, не располагая достаточно объективными и фактологичными знаниями, он формирует свои представления за счет образов, знаков и символов, полученных исключительно из сферы массовой культуры, и в частности, средств массовой информации [5].

И.И. Митин предлагает продуктивный симбиоз географии и мифогеографии, относя к мифоге-

ографическим исследованиям гуманитарно-географические разработки, связанные с изучением пространственных представлений и мифов, географических образов и любого другого рода интерпретаций пространства и места. Основной акцент мифогеографии, по мнению И.И. Митина, может быть смещен в пользу умения выделить особенный автономный контекст, который мог бы сформировать одну из множественных реальностей места, ориентируясь на свою доминанту. В рамках мифогеографии предлагается разработка модели системы пространственных смыслов — палимпсеста [21].

В структурно-семиотическом подходе миф может рассматриваться как древнейшая знаковая форма. Мифы и легенды конкретной территории не только значимая часть символических ресурсов, но и возможность ориентироваться на группу потенциальных потребителей, и в том числе, в туризме. Мифогеография дает множество возможностей в вопросе интерпретации пространства и места, социокультурного проектирования и многих прикладных сфер деятельности [22], в том числе в туризме.

Несмотря на критику со стороны ряда специалистов, считаем, что работы Д.Н. Замятина и И.И. Митина сегодня наиболее оптимальны для дальнейшего развития этого направления, в том числе и в прикладном, региональном аспекте.

Мифы, легенды и сказки, сегодня, как и во времена становления туризма, остаются чрезвычайно важной основой для зарождения туристского мотива и совершения путешествий. При этом, туристская легенда, взятая «на вооружение», часто превосходит по своей значимости реальную туристскую привлекательность территории.

Хотя официальная наука всегда подчеркивает, что практически любая легенда может не иметь под собой достоверных фактов, в туристике важно совсем другое: любая легенда — есть важнейший инструмент привлечения потенциального туриста. Именно в ней, зачастую, скрыты привлекательные образы географического пространства. Изначально у человека возникает интерес, который в итоге обретает контуры потребности, а затем потребность обретает очертания туристского мотива. Это как раз нужно для того, чтобы потенциальный турист стал реальным для конкретной территории [36].

* * *

Под термином «легенда» традиционно принято понимать синонимы «миф» и «вымысел». Обычно это эпический рассказ о каких-то далеких, необычайно интересных и привлекательных событиях, которые, конечно, могли никогда не происходить. В свою очередь, туристское легендирование — это создание легенды и доведение ее, посредством инструментов маркетинга, рекламы и PR, до потенциального туриста [36]. Цель туристского легендирования состоит в подготовке благоприятных условий для решения административных и пред-

принимательских задач в достижении желаемых результатов — развития регионального туризма. А.И. Зырянов отмечает: «...особенность каждого района должна выразиться в тематике турпродуктов и продукции туристского сервиса. В связи с этим возникает одна из генеральных задач — задача туристского легендирования территории» [11]. Если легенды и мифы территории являются своеобразным когнитивным ядром символических ресурсов территории, то ресурсное легендирование — это инструмент выделения легенд и доведения их до потенциальных и реальных потребителей.

Легенда является, по сути, отдельным важнейшим турресурсом, пусть не осязаемым, но не менее значимым, чем природный или культурный объект, который непосредственно может использоваться в туризме [36]. Сегодня можно наблюдать появление многочисленных электронных путеводителей и современных книжных изданий, использующих QR-коды, посвященных сказкам, путешествиям литературных героев, местам съемок популярных художественных фильмов и т.п. [6].

Туристская легенда может сочетать в себе как объективные (исторически достоверные) так и вымышленные сведения. По типологии принято выделять *реальные, исторические и футуристические* легенды. Однако применительно к самому термину «легенда», как разработчику, так и потенциальному потребителю следует понимать, что речь в итоге идет не о значительной доле вымысла, а художественно-литературной обработке. Это нисколько не умаляет значения и качества созданной легенды, поскольку туристу не столько нужны факты, сколько «удобное» их восприятие.

Выбор определенного типа легенды или их сочетания зависит от конкретных условий туристской территории и ожидаемого потребительского сегмента. Не маловажное значение имеет мнение специалистов: следует заметить, что историки, краеведы и экскурсоводы зачастую не воспринимают легендирование и туристскую легенду в частности, — им кажется, что это псевдоистория, обман, в котором мало фактов. Однако при внимательном анализе оказывается, что многие факты в рассказах историков и экскурсоводов (особенно советского периода) давно являются вымыслом в политических, социальных, гуманитарных и других целях. Мифологизация и некоторая недосказанность в рассказе экскурсовода — это еще и хороший образовательный мотив к самообразованию [36].

Любой территориальный туристский бренд должен быть подкреплен, как своеобразный стержень, базовой легендой или даже комплексом легенд. В структуре туристской легенды можно попытаться выгодно показать отличительные качества, туристский профиль и конкурентные преимущества территории. В итоге непротиворечивый легендарный образ туристской территории сформирует ее положительный образ и укрепит заявленный бренд.

В процессе работы над созданием легенды следует принимать во внимание и последовательность имеющихся турпродуктов и маршрутов. Здесь могут возникнуть новые взаимосвязи и инновационные идеи.

Важно, чтобы базовая туристская легенда была написана интересно, оригинально, а главной проверкой на качество будет рождение туристского мотива и увеличение туристских потоков, после ее обнародования в Интернете, буклетах и туристской литературе.

Результатом успешно проведенной профессиональной деятельности по разработке и созданию легенды является рост внешней заинтересованности потенциальных туристов, рост официальных турпотоков и доверие у потенциальных инвесторов [36].

Хорошая легенда становится эффективным конкурентным преимуществом, способным принести существенный материальный доход, так как любая коммерческая деятельность в значительной мере основана на влиянии человеческого фактора (общественного мнения, репутации, имиджа и т.д.).

Наконец, туристская легенда становится хорошим механизмом развития внутренней среды туристской территории, локалитета или кластера в части позиционирования туристского продукта и корректировки менталитета местных жителей, которые традиционно негативно реагируют на большинство легенд, поскольку считают, что они не связаны с реальной действительностью, а главное способны «навлечь толпы туристов». Об этом моменте нужно сказать особо: это одна из основных причин, блокирующих развитие туризма в муниципалитетах РФ. Пока местное население не видит прямо пропорциональной взаимосвязи между развитием туризма, увеличением турпотоков и своей собственной выгодой, ни в личных доходах, ни в оптимизации окружающей инфраструктуры и собственно культурного ландшафта [36].

Таким образом, *туристская легенда (миф)* — это управляемый и динамичный комплекс маркетинговой информации, разработанный на основе имеющихся туристских ресурсов территории, истории ее формирования и развития, эпосов, фольклора, культурных ландшафтов, которые продуцируют образы географического пространства и типичные метасистемы, воспринимаемые большей частью населения и вызывающие в совокупности устойчивый туристский мотив, на основе которого достигается конкурентное преимущество территории и обеспечивается привлечение в регион потенциальных туристов и обретение им в перспективе статуса бренда.

Туристская легенда — это значимый и в то же время малозатратный маркетинговый способ по приглашению туристов в регион как в целом, так и для проведения массовых туристских и социокультурных мероприятий. В первом приближении затратность и сложность продвижения территории с помощью туристских мифов и легенд не многим превышает использование для этих целей социальных сетей [40].

Туристская легенда — это своеобразный культурный «стержень» или «ось», на которую можно «наносить» все культурно-туристские события в регионе, а они, в свою очередь, поддерживаются подключающимися предпринимательскими сообществами и организациями разного типа. Туристская легенда способна придавать всем событиям в регионе необходимый социально-экономический «окрас» и тематическое русло.

Туристская легенда выступает отдельным и особым туристским (символическим) ресурсом территории, даже если в основе легенды нет объективно доказанных фактов или реально происходивших событий. Эффективно проведенное туристское легендирование выполняет и мощную инфраструктурно-созидающую функцию [40].

Туристская легенда способна быстро и весьма доступно в финансовом отношении создать красивый, притягательный и запоминающийся образ туристского кластера или локалитета. «Формирование эффективной туристской легенды является важной основой многообразной проектной туристской работы в районе» [11].

Туристское легендирование представляет собой прикладную часть культурной (гуманитарной) географии, как дисциплины и научного направления. Туристское легендирование — комплексная междисциплинарная прикладная дисциплина, занимающаяся сбором, обработкой туристских легенд и мифов с целью создания на их основе привлекательных образов географического пространства. Образ лежит в основе базовых туристских мотивов, а значит туристское легендирование — методика, способная выделить перечень базовых туристских легенд, играющих значимую роль в росте туристской привлекательности территории. Базовые легенды должны находиться в основе ведущих туристских брендов, разработанных в целях продвижения туристской территории [39].

Туристское легендирование имеет в основе материнский географический базис, поскольку практически каждый миф и легенда привязаны к конкретной территории и группе туристских ресурсов (природного и культурного плана). Туристское легендирование может реализовывать свои функции на всех иерархических уровнях географического пространства: от локалитета до туристского кластера, региона, страны и даже континента [39].

В любом регионе, муниципалитете, туристском локалитете и даже поселении, уголке природы, как говорит А.И. Зырянов, — «местечке» [12] могут найтись свои, пусть скромные, но уникальные мифы, легенды, аттрактивные образы, свои «манящие заречья» [23]. Это существенным образом меняет стратегию развития туризма в этих территориях. Одним качеством сервиса и гостеприимства в сфере услуг и социокультурной сфере вообще не добиться привлечения туристов. Современному потребителю нужен еще и сакральный, тайный мотив, который как раз может находиться в сфере туристского легендирования.

По аналогии с идеей Ю.А. Веденина [3] отметим, главная задача туристского легендирования заключается не столько в том, чтобы найти и описать новые туристские легенды и образы в местах, до сих пор не освоенных туристской отраслью, а обогатить туристский потенциал уже освоенных мест, обустроенных туристскими учреждениями, доступными для потенциальных туристов.

Туристские легенды должны рассматриваться как важнейший фактор развития туризма в территории и как обязательная составная часть туристского продукта. Специфика, состав и образы, формируемые под влиянием туристских легенд региона, должны определять особенности и структуру регионального туристского продукта. Туристские легенды способны определять специфику и тематику развития туризма в регионе, влиять на формирование приоритетных направлений инвестиционной политики. Туристское легендирование способно определять состав, структуру, границы и нейминг туристских кластеров; направления и развитие ведущих туристских маршрутов. Каждому региону России и муниципалитету важно составлять кадастр туристских легенд, который в дальнейшем может стать объективной основой для разработки региональных долгосрочных концепций и программ по развитию туризма; краткосрочных стратегий по разработке эффективных туристских продуктов.

Туристская легенда — это значимый и в то же время малозатратный маркетинговый способ по приглашению туристов в регион как в целом, так и по календарному плану туристских и социокультурных мероприятий.

Легендирование — это средство для эффективного «усвоения» туристской информации, а значит, может считаться сферой интересов социокультурной инноватики и туристского маркетинга.

Легендирование — эффективный механизм борьбы с черным пиаром и черными легендами региона, которые в силу организации человеческой психики запоминаются лучше, чем позитивная информация [39].

Результатами эффективного легендирования для территории могут быть [39]:

- рост туристских потоков;
- положительный и привлекательный туристский имидж территории;
- формирование ведущих туристских брендов;
- появление эффективного маркетингового механизма, который можно использовать в качестве основы для разработки концепции, программы, а также стратегии и тактики по развитию туризма;
- рост числа информационных поводов и упоминаний территории в СМИ;
- увеличение числа рабочих мест и занятых в индустрии туризма, сервиса и гостеприимства;

- улучшение качества и безопасности жизни местного населения;
- обретение территорией конкурентного преимущества в социально-экономическом плане;
- развитие социокультурной сферы;
- рост инвестиционной привлекательности территории;
- снижение конфликтности и национально-этнической напряженности среди населения территории и т.д. и т.п.

* * *

Практически любая территория обладает целой системой разноплановых символических ресурсов, но далеко не каждый образ может быть использован для целей туризма. Отобрать и сконструировать позитивную систему образов, на основе которой могут быть составлены привлекательные образно-географические карты, путеводители, а в перспективе, разработана и стратегия социально-экономического и туристского имиджа территории, способно прикладное направление гуманитарной географии — туристское легендирование [38].

Поскольку туристская легенда — это значимый символический ресурс территории, то легендирование — это процесс внедрения этого ресурса в социокультурное и туристское пространство территории. Легендирование является эффективным маркетинговым инструментом, играя важную роль в успешной коммерческой деятельности; ему придается весомое значение в вопросах брендинга и продвижения. Способствуя желаемому позиционированию на рынке, оно относится преимущественно к ресурсам интеллектуальной собственности, тесно связано с понятиями «имидж» и «репутация» территории, что позволяет в итоге достичь весомых материальных преимуществ [36].

Объектами легендирования в туризме могут становиться не только овеянные объекты *природного* (скалы, вершины, пещеры и т.п.); *социокультурного плана* (архитектурные объекты, культурные артефакты); *исторические события*, не оставившие своего материального следа и даже вновь создаваемые современные *туристские мероприятия* и *информационные проекты* (ярмарки, выставки, туристские фестивали и т.п.) [36].

Потенциальные туристы перед принятием решения о путешествии, как правило, внимательно изучают предстоящую к посещению территорию, знакомятся с отзывами на ведущих туристских сайтах, консультируются на форумах и турагентствах. Важнейшими аргументами, зачастую, являются данные предоставленные в Интернет или в СМИ, поэтому притягательная легенда — чрезвычайно важный козырь к принятию покупочного решения.

Если туристская территория пока не обладает строго определенным имиджем и туристским брендом, то всего одна значимая легенда способна стать для них хорошей основой. Легендирование — это

отличный маркетинговый ход для туризма. От него можно начать шаги по разработке фирменного стиля в отельном и ресторанном деле [36]. Туристские легенды, связанные, например, с тематикой Ермака или хождением Святого Трифона Вятского далеко выходят за пределы одного муниципалитета и даже федеральной единицы, — это отличная основа для межрегионального взаимодействия и создания туристских продуктов федерального значения.

Туристское легендирование — это прикладное направление в территориальном маркетинге и гуманитарной географии, представляющее собой процесс сбора, обработки, подготовки тематической информации, проведения анкетирования с целью выявления в конкретной территории туристской легенды (комплекса легенд), в качестве особого туристского (символического) ресурса, продукта и конкурентного преимущества [40].

Основными понятиями туристского легендирования являются базовые понятия гуманитарной географии: географический образ; культурный ландшафт; этнокультурный ландшафт; мифологизация пространства; метасистема; пространственный или локальный миф (региональная мифология) [40].

По виду легенды, лежащей в основе процесса легендирования, можно говорить об *историко-культурном, геополитическом, экологическом, этноконфессиональном, топонимическом, туристском* и другом легендировании.

Туристское легендирование — комплексная междисциплинарная прикладная дисциплина, занимающаяся сбором, обработкой туристских легенд и мифов с целью создания на их основе привлекательных образов географического пространства и туристских брендов. Образ лежит в основе базовых туристских мотивов, а значит, туристское легендирование способно выделить перечень базовых туристских легенд, играющих значимую роль в росте туристской привлекательности территории. Базовые легенды должны находиться в основе ведущих туристских брендов, разработанных в целях продвижения туристской территории [30].

Концепция культурного ландшафта сегодня активно развивается не только в географии и культурологии, но и в прикладных направлениях туристской науки. По сути, культурный ландшафт является своеобразной квинтэссенцией образов и интереса туристов к конкретной территории. О.А.Лавренова рассматривает культурный ландшафт как целостную и территориально-локализованную совокупность природных и социокультурных явлений, а также как информацию в пространстве и о пространстве, возникающую в процессе жизнедеятельности культуры, как составную часть семиосферы и семиотическую систему [17].

Известно, что среди разнообразных мнений по выделению групп ресурсов территории, используемых для целей туризма, обычно называют обширные природные и социокультурные группы, в то время

как в ключе географии образов назрела острая необходимость выделить еще одну не менее значимую группу, которую предлагаем обозначить как «символические ресурсы» [36].

Уже в процессе работы по внедрению туристской легенды в методологию науки, практику турбизнеса и легендирования, как прикладной дисциплины, пришлось столкнуться с междисциплинарной коллизией: модная и молодая туристика и ее сближение со stagnирующей сегодня «советской» социально-культурной деятельностью привело к спорам о взаимной иерархии и о том, что «первично». Полагаем, что туризм это один из методов социально-культурной деятельности, поэтому стало очевидным, что предложенные словосочетания «туристская легенда» и «туристское легендирование» не совсем удачно сформулированы для расширения использования в междисциплинарном взаимодействии. Поэтому более перспективным, а к тому же и более емким нам кажется термин «символический ресурс», и значит и «символическое ресурсоведение». Такие формулировки сравнительно легко встраиваются в систему социально-культурной деятельности.

Сегодня в социокультурной сфере все больше нужно уделять внимания роли символических ресурсов и их значению в социокультурном проектировании. Феномен пространственного образа и полиморфность пространства изучают и продвигают сразу несколько научных направлений: философское, гуманитарное, географическое, естественнонаучное и т.п. Не должна отставать в этом направлении и социокультурная деятельность [37].

Важно сказать о прикладном аспекте туристского легендирования. С точки зрения туриста, привлекательность территории заключается не столько в количестве отелей, ресторанов и «списка» достопримечательностей, сколько в туристском образе территории, который формируется не без участия легенд и мифов. В нашем случае, речь идет о потребителе, которого должны не только заинтересовать и смотивировать, но и создать для него настолько привлекательную систему легендарных образов географического пространства конкретной территории или туристского кластера, чтобы турист из потенциального гостя стал реальным [18].

В настоящее время наблюдается парадокс: с одной стороны, это значимые в историко-культурном плане символические ресурсы Пермского края, которые пока слабо вовлечены в туристские продукты, а с другой стороны, существующие туристские легенды, по своему содержанию не уступающие любым известным всемирным туристским легендам, но все это на фоне многолетней стагнации развития регионально-го туризма. Однако именно туристские легенды Прикамья, выйдя далеко за пределы его мыслимой «оикомены» могут «переломить» ситуацию с развитием внутреннего и въездного туризма в крае [36].

Так, туристская легенда и легендирование, становятся не только значимым мотивом к осуществлению

турпоездки, но и базисом для развития туристского бизнеса в муниципалитете. Это настоящая отраслевая экономическая диалектика, неизбежно приводящая к коммерческому успеху: туристы всех категорий и возрастов — самая востребованная аудитория для легенд и сказок любой тематики.

Легенда становится самым «удобоваримым» для всех категорий туристов материалом, который легко усваивается и запоминается. Это хорошая основа для будущего развития так, что реальная туристская территория или кластер могут по своей официальной истории и эволюции развития серьезно отличаться от более перспективной для развития туризма легенды. В этом смысле слово «легендирование» становится не просто некоторым определенным набором легенд, которые возможно декламировать экскурсоводам для туристов и посетителей, а ценным и законченным маркетинговым механизмом, имеющим четкую структуру и последовательность функционирования. Территория может создавать этот «механизм» из пошагового осмысления своей истории и формирования своего легендарного туристского образа.

Насколько эффективна и перспективна туристская легенда (символические ресурсы) для территории? Разработка туристской легенды способствует решению как долгосрочных, так и краткосрочных туристских задач территории: определенное восприятие туристской информации; повышение лояльности потребителей туристского продукта; расширение рынка туристских услуг; увеличение объемов продаж турпродукта; формирование благоприятного образа туристской территории и ее репутации; лучшей запоминаемости, узнаваемости в туристских СМИ и последующей образной идентификации туристской территории [36].

В условиях современной конкуренции, на рынке регионального туризма, легендирование приобретает особое значение, выступая в качестве конкурентного преимущества в попытках опередить уже известные туристские регионы и переключить их турпотоки на себя [29].

Обязательно необходимо проведение анкетирования по установлению не только туристских, но и национально-этнических, ментальных, образных ожиданий, чаяний и мотивов местного населения. Именно такая работа покажет наиболее гармоничные, бесконфликтные вложения государственных средств и приведет к эффективной культурной, национально-этнической и туристской политике в регионах. Можно с уверенностью утверждать, что в числе наиболее повторяющегося выбора местного населения станут национально-этнические праздники, традиции, ремесла, а следом за ними будут вовлекаться конкретные географические объекты и связанные с ними мифы и легенды [30]. Только в такой последовательности действий можно выходить на объективное брендинг. Г.Л. Тульчинский пишет: «Бренд города [мы расширим до террито-

рии] будут разыгрывать прежде всего его жители... Бренд города [территории] должен стать их мечтой тоже» [26].

Интересы населения необходимо учитывать как первостепенный приоритет. Именно здесь кроется основа ухода от социальной напряженности и вовлечение населения в социально-экономические реформы поселений и территорий. Абсолютно верной является мысль, что у каждой территории, центра, населенного пункта должна быть мечта. Это своеобразное древко для наверхшия, конечника, бренда. Тогда легендирование и мифологизация пространства территории станут своеобразной благодатной почвой для этого процесса [26].

В имажинальной географии базовым методом считается образно-географическое картографирование, и здесь можно наблюдать большое разнообразие терминов, используемых сегодня специалистами: культурный ландшафт (этнокультурный ландшафт), ментально-географическое пространство, мета-пространство, пространственный миф, более известное в обращении «гений места» и даже гетеротопия. В рамках данной работы наиболее перспективным показался термин «географический образ» — «система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну)» [7]. Д.Н. Замятин считает географический образ центральным понятием имажинальной географии [8].

В общей тематике имажинальной географии принято использовать термин «география воображения» — это удобный термин для различных дисциплин и направлений: туристской науки, филологии, психологи и даже политологии. Этому посвящены работы Ю.А. Введенкина, Дж. Голд, В.Л. Каганского, О.А. Лавреновой, Б.Б. Родомана, В.Н. Стрелецкого, Р.Ф. Туровского и др.

Однако попытка понять, как же именно человек усваивает образы пространства, приводит к выявлению очень непростого когнитивного механизма, описать который считаем необходимым аспектом. Путешествующий с туристскими и познавательными целями, может пользоваться для этого различными маршрутами и видами транспорта (автомобиль, автобус, плавсредство, поезд, самолет, вертолет и т.д.) и перемещаться пешком. Каждый способ передвижения накладывает разного рода ограничения на систему восприятия человека. Во всех случаях, независимо от выбранного маршрута и стиля передвижения, из пункта А в пункт Б, путешественник формирует свои внутренние пространственные образы, исходя из весьма ограниченного восприятия окружающего пространства (вперед, влево, вправо, по ходу движения). От этих ограничений у путешественника обязательно будет формироваться мнение о полном отсутствии пространства и времени, равно как и их исторической динамики. Однако домысливаться не-

осязаемое пространство будет субъективно индивидуально. В пределах самого когнитивного коридора можно усилить восприятие через специальный показ и позиционирование нужных тематических образов, так, если бы все легенды, мифы и образы территории, через которую пролегает трансфер, были «сконцентрированы» на экскурсионном маршруте [32].

Исходя из этого предложена новая когнитивная образно-географическая концепция: Прикамье, как туристский регион, с точки зрения специфики и последовательности восприятия образов, «вытянутых», «длительных» в хронологическом плане вдоль трансферов превращается в своеобразный и строго определенный «когнитивный скелет», состоящий из туристских центров, отдельных объектов показа и соединяющих их туристских путей, в основном автодорог и фрагментов водных маршрутов, которые предлагается считать «коридорами» или «тоннелями» восприятия [32].

Таким образом, когнитивные «коридоры» или «тоннели», совпадающие в Прикамье с основными туристскими маршрутами по автодорогам, водным артериям железнодорожным линиям, могут стать важнейшими оптимизационными направлениями в развитии туризма. Это путь к эффективному использованию финансовых средств, заложенных в Программу по развитию туризма. Турист должен видеть только те образы, которые будут «работать» на общую туристскую концепцию и имидж конкретной территории (муниципалитета). В качестве таких «коридоров» («тоннелей») будут использоваться лишь *фрагменты* авто- и ж/д дорог, и участки рек, где окружающие ландшафты, соединяющие турцентры и дестинации, в совокупности «обязанные» создавать необходимые гостям образы. Они должны быть оптимизированы и приведены в тематическое соответствие и представлены в качестве серии образно-географических карт [32].

Базовый набор туристских легенд Пермского края и тематических направлений изображены с использованием картографического метода, в виде сегментированных диаграмм типичные туристские легенды, характерные для данного муниципалитета на месте административных центров [39].

Выше уже отмечалось, что классические образно-географические карты уже не всегда отражают весь комплекс символических ресурсов, поэтому ниже предлагается концепция образно-географического рельефа [35].

Представим территорию Прикамья в виде особого трехмерного (объемного) ландшафта, — рельефа пространственно-географических образов, созданного метасистемами мыслительных конструкций, порождаемых сознанием человека, перемещающимся в пространстве и ищущим познавательную «опору» в историческом, геокультурном и туристском потенциале территории.

Рельеф пространственно-географических образов Пермского края, как очерченного в своих гра-

ницах пространственно-смыслового кластера, будет серьезно отличаться от общепринятого понимания рельефа с его относительными и абсолютными высотами, хотя смысловая логика останется прежней.

В карте образно-географического рельефа будут такие же формы: хребты, вершины, плоскогорья, водоразделы, низменности и т.п., созданные не формами земной поверхности, а группами пространственных образов и легенд. Несомненно, будут и «белые пятна», осмысление которых через создание новых образов и их продвижения, может дать путешественнику новые открытия или повод для посещения отдельных территорий.

В практике путешествия Прикамье познается лишь там и в таких «объемах», которые позволяют туристу транспортные условия. Вся же остальная территория, находящаяся за пределами обзора, — домысливается и становится достоянием лишь субъективно «достроенных» географических образов, т.е., что там, за этим лесом, горизонтом, есть только то, что нам обещает карта, путеводитель или экскурсовод. Поэтому в карте образно-географического рельефа (в данной статье не представлена) совокупность пространственно-географических образов и легенд в пределах одного муниципалитета предлагается изображать одноцветной цветовой гаммой [32].

Используя картографический метод и традиционную для отображения рельефа цветовую гамму, было представлено образно-географическое восприятие пространства Пермского края туристами и гостями в виде **карты образно-географического рельефа Прикамья** [32].

С точки зрения географических образов можно говорить о существовании в разрезе нескольких культур и достаточно длительном периоде времени своеобразной «пермской цивилизации», которая создала и транслирует в информационное поле своеобразные образно-географические пространства, которые можно попытаться отобразить на карте и создать карту образно-географического рельефа Прикамья. Тогда, увидев все образы в виде картографической модели, можно говорить о разработке перспективных географических образов с использованием «послойной» окраски: не только отдельных объектов, но и целых, весьма обширных территорий Прикамья, «относительная высота» которых будет определяться количеством общеизвестных мифов и легенд, в итоге ассоциируемых с конкретным муниципалитетом [31].

Карта образно-географического рельефа может стать основой для новых, более подробных, систем районирования, которые, возможно, будут нарушать установленные административные границы районов и позволять более эффективно вкладывать средства в развитие туризма. Карта образно-географического рельефа может стать основой для разработки перспективных путеводителей, в основе которых будет не география места и связанные с ними культурно-исторические события, а именно география образов, порождающая основные туристские мотивы.

Появляется возможность управлять территориальной системой географических образов, не позволяя «образам» и «смыслам» развиваться самостоятельно, иначе можно «потерять» в лице гостей и туристов, привлекательный образ Прикамья. Каждый городской округ и муниципалитет может приступать к образно-географическому строительству — наращиванию своего культурного и туристского потенциала, а здесь — показателя «рельефа».

Карта образно-географического рельефа не предназначена для «химизации» пространства, не отражает «ложные» культурные ландшафты Прикамья и не создает у туристов образы, не имеющие под собой объективной историко-культурной информации, — отнюдь, — предлагается, с опорой на объективный культурно-исторический базис и легитимную информацию, создать у каждой территории (а значит и у Прикамья в целом), участков автодорог, идущих к туристским центрам и этапов водных маршрутов (где бывают туристы), привлекательные, позитивные, а главное мотивирующие к путешествию туристские образы с анимацией и новыми арт-объектами.

Вся система разнообразных пермских образов, мифов, легенд «во многом базируется именно на географическом (пространственном) воображении, причем процесс разработки, оформления локального мифа представляет собой, по всей видимости, «полусознательную» или «полубессознательную» когнитивную «вытяжку» из определенных географических образов, являющихся неким «пластом бессознательного» для данной территории или места» [7].

В сознании и пространственном восприятии человека, формируется «внутренняя география пространства, в которой сами образы, символы, мифы пространства конструируются, размещаются, соотносятся в метапространстве, создавая все новые и новые метапространственные конфигурации» [7].

Полиэтническая и многовековая история, эволюция культур в Прикамье продуцирует чрезвычайно сложную, разветвленную и продолжающую развиваться, образно-географическую и одновременно когнитивную систему [33]. Более того, эта пермская система «образов» и «смыслов» более чем готова, для восприятия туристами и гостями края.

В настоящее время в Прикамье можно констатировать целую систему пространственных образов, в самых различных аспектах восприятия: психологических, социальных, культурных, этнических и, безусловно, географических. И главное, речь не идет только об осмыслении окружающего пространства специалистами, — все это скорее метасистема, воспринимаемая обычными людьми — жителями Прикамья и его гостями. «Культура, для того, чтобы осмыслить собственное пространство, а также пространства других культур, должна выработать механизмы образной интериоризации пространства. В ходе такого когнитивного процесса происходит своего рода «внеположение» пространства как бы за

пределы самой культуры, глазами наблюдателя или исследователя, работающего и живущего в данной культуре» [9].

Нельзя не сказать о необходимости доведения предлагаемых концепций и наработок в практику работы повышения квалификации для чиновников, профильных специалистов и предпринимателей, а также подготовки бакалавров, магистров высшей школы и практиков туризма.

С 2013 года в вариативный блок дисциплин рабочего учебного плана по направлению подготовки 43.03.02 Туризм, реализуемого в Пермском государственном институте культуры, была введена дисциплина «Туристское легендирование». Предлагается методологическая и методическая системы и сферы гуманитарной, имагинальной и культурной географии, где одно из центральных мест занимает понятие «культурный ландшафт». В процессе изучения этой дисциплины обучающиеся усваивают базовые аспекты современных и быстро меняющихся туристских мотивов в части когнитивных образов; получают практические навыки «легендирования» любой туристской территории [34].

Дисциплина является своеобразной диалектикой понимания триединой взаимосвязанной сущности: «туристская территория и ее ресурсы — турист и его потребности — практика и туроперейтинг» [34].

В структуре дисциплины «Туристское легендирование» рассматриваются: теоретико-методологические основы туристского легендирования; понятийно-терминологический аппарат; эволюция развития культурологических и географических подходов к пониманию «культурного ландшафта»; развитие культурной, имагинальной и гуманитарной географии, феномены туристских легенд и мифов, генезис их происхождения и методология использования в туристской науке; виды и типы туристских легенд; структура и последовательность разработки туристской легенды; типология и классификация туристских легенд; подходы к районированию территории с точки зрения легендирования; география легенд и мифов отдельных дестинаций и локалитетов; тематическое легендирование; построение образно-географических карт и схем и т.д. [34].

Современные социокультурные исследования все чаще проходят на междисциплинарном базисе. Своеобразным стержнем этих исследований является изучение восприятия современным потребителем пространственных образов, которые можно зафиксировать путем проведения анкетирования. Предлагаемая идея носит не только теоретический, но и прикладной характер, поскольку наиболее часто повторяющиеся образы и их конструкции (когнитивные «метасистемы») могут быть использованы в учебном процессе, в социокультурной деятельности в региональном аспекте в целом. Полагаем, что образно-географическую тематику культурной географии перспективно рассматривать и в социокультурной деятельности [37].

Символические ресурсы в социально-культурной деятельности имеют в основе географический базис, поскольку практически каждый миф и легенда имеют привязку к конкретной территории и группе ресурсов (природного и культурного плана). Символические ресурсы в социально-культурной деятельности могут реализовывать свои функции на всех иерархических уровнях географического пространства: от локалитета до культурного кластера, региона, страны и даже континента [37].

Большинство существующих методик гуманитарной (и культурной) географии, за редким исключением, носит весьма теоретизированный и обобщенный характер, в то время как современные проблемы и потребности практики социокультурной деятельности требуют оперативного внедрения прикладных аспектов дисциплин, с целью обучения молодых специалистов и повышения квалификации профессионалов.

Символические ресурсы должны рассматриваться как важнейший фактор развития культуры и туризма в территории и как обязательная составная часть культурного продукта. Специфика, состав и образы, формируемые под влиянием мифов и легенд региона, должны определять особенности и структуру регионального культурного продукта. Мифы и легенды способны определять специфику и тематику развития культуры в регионе, влиять на формирование приоритетных направлений инвестиционной политики. Символические ресурсы в социально-культурной деятельности способны определять состав, структуру, границы и нейминг культурных кластеров; направления и развитие ведущих культурных проектов. Каждому региону России и муниципалитету важно составлять кадастр символических ресурсов, который в дальнейшем может стать объективной основой для разработки региональных долго-срочных концепций и программ по развитию культуры и туризма; краткосрочных стратегий по разработке эффективных социокультурных продуктов [37].

Главной проверкой качества вовлечения символических ресурсов в социально-культурную деятельность и выбранных базовых мифов и легенд будет зарождение потребительского мотива и увеличение туристских потоков на конкретную территорию. Символические ресурсы в социально-культурной деятельности — это средство для эффективного «усвоения» культурной информации, а значит, может считаться сферой интересов социокультурной инноватики и культурного маркетинга.

Одним из таких методических инструментов может стать прикладная дисциплина «Символические ресурсы в социально-культурной деятельности» [37].

С 2016 года дисциплина «Символические ресурсы в социально-культурной деятельности» была введена в учебный план по направлению бакалавриа-

та «Социально-культурная деятельность», профили «Социально-культурная анимация и рекреация» и «Менеджмент в социально-культурной деятельности», реализуемым в Пермском государственном институте культуры. Практически любой социокультурный проект или мероприятие строится на тематической идее или миссии, в основе которых лежат символические ресурсы, характерные для конкретной территории. Поэтому эта дисциплина в равной степени может использоваться для обучения бакалавров и магистров социокультурной сферы.

Символические ресурсы в социально-культурной деятельности — это прикладная дисциплина и одновременно процесс сбора, обработки и подготовки тематической информации, с целью разработки для конкретной территории базовой (-ых) культурной легенды, в качестве особого культурного ресурса и конкурентного преимущества [37].

Цель дисциплины «Символические ресурсы в социально-культурной деятельности» — подготовка благоприятных условий по созданию когнитивной платформы, эффективно усваиваемой современными потребителями, для решения реальных управленческо-административных задач, связанных с развитием культуры на конкретной территории, а также зарождению у потенциальных потребителей (гостей, туристов) устойчивого потребительского мотива.

Главная задача дисциплины «Символические ресурсы в социально-культурной деятельности» заключается в том, чтобы собрать и описать основные символические ресурсы территории и обогатить культурный потенциал уже освоенных мест, обустроенных учреждениями культуры, расширив тем самым их социокультурный потенциал.

Объект дисциплины «Символические ресурсы в социально-культурной деятельности» — культурный ландшафт территории, пространственные и мифологические образы им продуцируемые. При этом символическим ресурсам отводится приоритетная роль в культурном потенциале территорий, которые должны использовать культурные ресурсы и инфраструктуру, связанные с легендами, в тематическом соответствии.

Предмет дисциплины «Символические ресурсы в социально-культурной деятельности» — символические ресурсы и их роль в совокупном культурном потенциале территорий. Важнейшие характеристики и разновидности символических ресурсов, а также совокупность методов их поиска, разработки и описания, применительно к культурным условиям конкретных территорий. Особое внимание уделяется символическим ресурсам и образам, имеющим приоритетное, брендовое значение для развития культуры [37].

Таким образом, в завершении статьи можно отметить, что работа с географическими образами, спецификой их восприятия в научном и прикладном аспектах продолжается.

Библиографический список:

1. Богданов Д.В. Культурные ландшафты долин Северо-западного Памира и возможности их преобразования / Д.В. Богданов // Вопросы географии. — 1951. — Вып. 24. — С. 300-321.
2. Веденин Ю.А. Динамика территориальных рекреационных систем / Ю.А. Веденин. — М.: Наука, 1982. — 190 с. Веденин, Ю.А. Очерки по географии искусства / Ю.А. Веденин. — СПб.: Д. Буланин, 1997. — 212 с.
3. Веденин Ю.А. Мифология туристских ресурсов и эволюция представлений о ресурсном потенциале территории // Известия РАН. Сер. геогр. — 1998. — № 4.
4. Гладкий, Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация / Ю.Н. Гладкий. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. — С. 34-38.
5. Голд Дж. Психология и география: основы поведенческой географии. Пер. с англ. / Дж. Голд. - М.: Прогресс, 1990. — 304 с.
6. Горбунов Н. Дом на хвосте паровоза. Путеводитель по Европе с Казках Андерсена. — Москва: Лайвбук, 2016. — 432 с.
7. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. — 2010. — № 4. — С. 126-138.
8. Замятин Д.Н. Имагинальная (образная) география: материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. — Вып. 4. — М.: Институт наследия, 2007. — С. 291-296.
9. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. — М.: Знак, 2006. — 488 с.
10. Замятина Ю.Н. Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований / Ю.Н. Замятина // Известия РАН. Сер. геогр. — 2005. - № 2. — С. 32-37.
11. Зырянов А.И. Географическое поле туристского кластера / А.И. Зырянов // Географический вестник. — Пермь: ПГНИУ, 2012. — С. 96-98.
12. Зырянов, А.И. Проблемы развития регионально-го туризма / А.И. Зырянов // Современные проблемы туризма и гостеприимства. (Материалы профессорского лектория в рамках международного научно-практического форума «Сфера туризма и гостеприимства в эпоху глобализации»). (Пермь, 15-17 мая 2013 г.): учебное пособие. — Пермь: ПГАИК, 2013. — С. 151-163.
13. Исаченко А.Г. Основные вопросы физической географии / А.Г. Исаченко. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1953. — 391 с.
14. Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения / В.Н. Калуцков. — М. Изд-во МГУ, 2000. — 94 с. Калуцков, В.Н. Проблемы исследования культурного ландшафта / В.Н. Калуцков // Вестник МГУ. Сер. 5. География. — 1995. - № 4. — С. 16-21.
15. Касавин И.Т. Пространство: бытийственная основа знания // Эпистемология & Философия науки. — № 4. — 2008. — С. 5-15.

16. Котельников В.Л. Задачи советского ландшафтоведения в связи с участием географов в выполнении сталинского плана преобразования природы / В. Л. Котельников // Вопросы географии. — М.: Мысль, 1950. — Вып. 23. — С. 144 — 157.
17. Лавренова О.А. Стратегии «прочтения» текста культурного ландшафта // Эпистемология & Философия науки. — Т. XXII. — № 4. — 2009. — С. 123-141.
18. Лисенкова А.А. Управление территориальным брендом как основа инвестиционной и туристической привлекательности региона / Лисенкова А.А. // Сфера туризма и гостеприимства в эпоху глобализации. Материалы международного научно-практического форума (15-17 мая 2013г.) / Перм. гос. академия искусства и культуры. — Пермь, 2013.
19. Лысенко О.В. «Патриоты» и «Прогрессоры»: конфликт как способ конструирования локальных дискурсов // Лабиринт. — 2015. — № 1. — С. 91-119.
20. Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты. Очерки антропогенного ландшафтоведения / Ф.Н. Мильков. — М.: Мысль, 1973. — 223 с.
21. Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. — Смоленск: Ойкумена, 2004. — 160 с.
22. Митин И.И. Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности / И.И. Митин // *Communitas*. — 2005. - № 2. — С. 12-25.
23. Родоман Б.Б. Вдохновляющие заречья (начало) // География. — 2010. — № 13. — С. 3-12; Родоман, Б.Б. Вдохновляющие заречья (окончание) // География. — 2010. — № 14. — С. 12-20.
24. Саушкин, Ю.Г. Культурный ландшафт / Ю.Г. Саушкин // Вопросы географии. — 1946. — Вып. 1. — С. 97-106. Саушкин, Ю.Г. К изучению ландшафтов СССР, измененных в процессе производства / Ю.Г. Саушкин // Вопросы географии. — 1951. — Вып. 24. — С. 276-299.
25. Семенов-Тянь-Шанский, В.П. Район и страна. — М. : ГИЗ, 1928. — 312 с.
26. Тульчинский Г.Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013.
27. Туровский, Р.Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития / Р.Ф. Туровский // Культурная география. — 2001. — С. 10-94.
28. Уваров, М.С. Научно-аналитический обзор источников по теме «Культурная география». — 35 с.
29. Ширинкин, П.С. К вопросу о разработке региональной программы по развитию туризма: «дорожная карта» (на примере Пермского края) / П.С. Ширинкин // Современные проблемы туризма и гостеприимства / Материалы профессорского лектория в рамках международного научно-практического форума «Сфера туризма и гостеприимства в эпоху глобализации», Пермь: 15 -17 мая 2013: учебное пособие. — Пермь, Перм. гос. акад. искусства и культуры, 2013. - С. 163-213.
30. Ширинкин П.С. К вопросу об использовании символических средств и ресурсов в развитии гуманитарного потенциала территории // Человек. Культура. Образование. — Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина. — 2016. — С. 84-95.
31. Ширинкин П.С. Карта образно-географического рельефа как способ отражения символических ресурсов (на примере Пермского края) // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. Коллективная монография по материалам V Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 27-28 октября 2016 года / Отв. ред. В.П. Соломин, Н.О. Верещагина, А.Н. Паранина. — СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. — С. 396-401.
32. Ширинкин П.С. Концепция образно-географического рельефа (на примере Пермского края) // Географический вестник = Geographical bulletin. — Пермь, ПГНИУ. — 2016. — № 4 (39). — С. 13-20.
33. Ширинкин П.С. Книга легенд. Туристские легенды Пермского края. 3-е изд., испр. и доп. — Пермь: Пресстайм, 2015.
34. Ширинкин П.С. Новая дисциплина «Туристское легендирование» в учебном плане бакалавров по направлению Туризм // Сервис в России и за рубежом. — Москва. — 2016. — Том 10, №3 (64). — 16 с. — http://electronic-journal.rguts.ru/index.php?do=cat&category=2016_3.
35. Ширинкин, П.С. Образно-географические карты Прикамья и города Перми: проблематика разработки и составления // География и регион: материалы Международ. науч.-практ. конф. (23-25 сентября 2015 г.): в 6 т. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2015. — Т. VI: Туризм. — С. 301-311.
36. Ширинкин П.С. Проблемы и перспективы вовлечения символических ресурсов в сферу туризма (на примере Пермского края) // Современные проблемы сервиса и туризма. — М.: РГУТИС. — 2016. — Том 10. — № 3. — С. 99-107.
37. Ширинкин П.С. Символические ресурсы в социально-культурной деятельности: аспект вузовской подготовки кадров // Культура и образование. — М.: МГИК. — 2016. — № 4 (23). — С. 69-75.
38. Ширинкин П.С. Туристское легендирование как метод использования символических средств и ресурсов в развитии гуманитарного потенциала территории / П.С. Ширинкин // Философские науки. — № 4. — 2016. - С. 103-113.
39. Ширинкин П.С. Туристское легендирование как метод развития территории // Диалоги о культуре и искусстве: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Пермь, 26-27 октября 2016 г.). В 2 ч.: ч. 1 / отв. ред. А.В. Макина; ред. кол.: А.А. Лисенкова; Я.А. Афанасенко, Е.В. Баталкина-Корнева, А.В. Бушмаков, М.М. Чудинова; Перм. гос. ин-т культуры. — Пермь, 2016. — С. 210-222.
40. Ширинкин, П.С. Туристское легендирование: региональные аспекты (Пермский край): учебное пособие. — Перм. гос. акад. искусства и культуры. — Пермь, 2014. — 260 с.

А.В. Фирсова

Пермский государственный национальный исследовательский университет

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: СТРУКТУРА И ВОЗМОЖНОСТИ

Культурный ландшафт в силу его наглядности, доступности и семантической насыщенности, востребован в туризме как особая образовательная среда. В ландшафте выделяются визуальный и содержательный планы, которые могут быть изучены в ходе образовательных путешествий. В педагогической традиции путешествие является одним из действенных методов познания. На примере организации экскурсий для иностранных студентов в Пермском крае показано, как сочетаются принципы путешествия и задачи педагогики, как формируются общекультурные представления и профессиональные навыки студентов.

Ключевые слова: *культурный ландшафт, образовательная среда, путешествие, познание, образовательный туризм, экскурсия, Пермский край*

Firsova A.V.

Perm State National Research University

CULTURAL LANDSCAPE AS EDUCATIONAL ENVIRONMENT: STRUCTURE AND OPPORTUNITIES

Due to its visibility, accessibility and semantic saturation, the cultural landscape is in demand in tourism as a special educational environment. There are visual and informative aspects in the landscape that can be studied during educational trips. In the pedagogical tradition, traveling is one of the effective methods of cognition. The example of the organization of excursions for foreign students in the Perm region shows how the principles of travel and the tasks of pedagogy are combined and how are the general cultural ideas and professional skills of students formed.

Keywords: *cultural landscape, educational environment, travel, cognition, educational tourism, excursion, Perm territory.*

Культурный ландшафт (далее — КЛ) и его компоненты востребованы в туризме как минимум в трех аспектах: это место сосредоточения туристских ресурсов; это полигон проектирования маршрутов и социально-культурных событий, это символ и бренд территории (рис.1).

В первом случае, мы говорим о том, что в пределах того или иного КЛ сосредоточены ресурсы, которые способствует развитию определенного вида туризма: в литературных усадьбах (Михайловское, Тарханы, Мелихово и др.) развивается туризм культурно-познавательный, экскурсионный; в монастырских комплексах (о. Валаам, Троице-Сергиева Лавра, Дивеево) — туризм паломнический и религиозно-педагогический; в территориях промышленных,

техногенных (зоны отчуждения Чернобыльской АЭС, поселки Горнозаводского Урала, бывшие военные городки, секретные базы военной техники) — туризм индустриальный, приключенческий; в ландшафтах природных, контрастных, с своеобразной историей освоения (Куршская Коса, озеро Байкал, река Чусовая), развивается рекреационный, природно-ориентированный и активный туризм. Во втором случае, КЛ является полигоном *туристского и социально-культурного проектирования*: так сеть исторических городов вокруг Москвы была осмыслена полвека назад как ландшафтно-историко-архитектурное единство и стала самым узнаваемым туристским продуктом страны — «Золотым кольцом»; Имеретинская низменность и поселок Красная Поляна преобразованы в два олимпийских кластера со спортивно-событийной специализацией. Деревня Никола-Ленивец на реке Угре в Калужской области стала местом арт-резиденций и парком современного ис-

© Фирсова А.В., 2018

Фирсова Анастасия Владимировна, к. геогр. н., доцент кафедры туризма, доцент кафедры русской литературы ПГНИУ
firssowa@mail.ru

кусства. Третий аспект — визуальные образы культурного ландшафта становятся *символом и брендом территории*: разводные мосты над Невой, замок Ласточкино гнездо, храмы о. Кижи и другие знаковые объекты культурного наследия — иконические знаки, растрованные в сувенирной продукции. Они отсылают нас к конкретному туристскому месту и работают на его продвижение.

В феномене КЛ содержится важное свойство — его наполненность разнообразными смыслами — от мифологических до естественно-научных, от историко-культурных до утилитарных. Семантическая насыщенность КЛ, его осязаемость, наглядность, сбалансированность или, напротив, дисгармония позволяет рассматривать его как особую образовательную среду — наглядное пособие, на примере которого возможно наблюдать, понимать и изучать те или иные явления местной истории, культуры, экономики. В данной статье мы рассмотрим культурный ландшафт как основу образовательного туризма, остановимся на его структурно-семантических характеристиках, выявим особенности образовательного путешествия и приведем примеры организации образовательных маршрутов в Пермском крае.

Структура культурного ландшафта

Категория культурного ландшафта обладает содержательной и эвристической ценностью, поскольку позволяет описывать сложные комплексы явлений, которые складываются на земной поверхности [13]. Термин «ландшафт» заимствован из общелитературного языка, где он был связан прежде всего с визуальным впечатлением от местности. Рассматривая историю становления понятия «ландшафт», В.Н. Калуцков отмечает, что впервые термин встречается в политической практике IX в. и обозначает земли и их население. В XVI-XVII в. понятие «ландшафт» определяло жанровую разновидность искус-

ства — ландшафтная (пейзажная) живопись в эпоху Возрождения — способ визуализации местностей, средство создания образов стран и городов. В художественной литературе XVIII-XIX вв. среди писателей романтического направления отдельные ландшафты становятся топосом художественных произведений — местом вдохновения, размышления, мечтания, страдания лирического героя [8, с.14-19].

Русское слово «ландшафт» немецкого происхождения и состоит из двух значащих компонентов: *Land* — корень со значением 'земля, страна' и *-schaft* — суффикс со значением 'оформлять, собирать'. Первым из русских географов термин КЛ использовал Л.С. Берг, при том он сразу ввел представ-

ление о природном и культурном ландшафте: «Под именем географического ландшафта следует понимать область, в которой характеры рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, населения и, наконец, культуры человека сливаются в единое гармоническое целое...» [8, с.44]. В определение географического ландшафта включается шесть компонентов: два культурных (население и культура) и четыре природных (рельеф, климат, растительный покров, животный мир). Несмотря на преобладание природоцентричного подхода, в этот период уже формируется представление о ландшафте как о природно-культурном комплексе.

В 1940-60-е годы происходит натурализация и дегуманизация ландшафтной концепции, формируется представление о собственно природном ландшафте и ландшафте антропогенном — окультуренном хозяйственной деятельностью человека. Понятие «культурный ландшафт» приобретает значение «хороший», гармонично спроектированный, в отличие от «плохого» — акультурного. При антропогенном понимании ландшафта исчезает гуманитарная сторона — социальная, этническая, языковая, профессиональная [8, с.50].

Рис. 1. Культурный ландшафт в туризме

Структура культурного ландшафта [15]

Уровень восприятия и осмысления КЛ	Составляющие КЛ		Объекты восприятия/осмысления
	план выражения	план содержания	
Визуальное	видимый ландшафт	—	Пейзаж Искусство, связанное с преобразованием ландшафта: градостроительство, архитектура, садово-парковая культура
Эстетическое	Видимые объекты (пейзаж) и представления о них в сознании, в языке, в культуре (смыслы и образы места)		
Смысловое	—	научные представления и культурные образы	Геология: тип ландшафта, его морфология, полезные ископаемые Этнокультура: образы мифологии, фольклора, религии; Историческая память: история заселения, знаменитые люди, сюжеты исторических событий; Искусство, формирующее отношение к ландшафту: художественная литература, живопись, музыка

Возрождение концепции культурного ландшафта, как самоценного объекта и поля междисциплинарных исследований, происходит вначале 1990-х гг. В отечественной гуманитарной географии учение о КЛ и его структуре представлено целым спектром отечественных работ, которые условно можно отнести к следующим направлениям: 1) этнокультурное (В.Н. Калуцков, А.А. Иванова, Р.Ф. Туровский); 2) культурологическое (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, О.А. Лавренова, Д.Н. Замятин, Н.Ю. Замятина, И.И. Митин); 3) феноменология и герменевтика ландшафта — концептуальное «чтение» физического пространства (В.Л. Каганский).

Третий подход важен для нас, он позволяет рассматривать ландшафт как текст, доступный прочтению, и даже как интертекст, в котором постоянно происходят процессы письма и считывания информации. Применение концепта «текст» в отношении КЛ характерно для работ В.Л. Каганского: «Мысля культуру в ландшафте, мы видим его текстом, один слой которого — культура <...> это пространство одновременно цельно и дифференцированно, освоено утилитарно семантически и символически» [5, с.134]. Подход Каганского — это активное «чтение» ландшафта (пространства), ориентированное на концептуальное освоение его своеобразия [6, с. 7]. Иначе чем через разнообразие мест, ландшафт прочитан быть не может. Практик и теоретик путешествий, он сосредоточен на поиске фокальных мест — концентраторов смыслов, мест, насыщенных содержанием. Герменевтика Каганского опирается на теоретическую географию Б.Б.Родомана, согласно которой ландшафтное пространство — это «произведение» общества. Соответственно мы можем «читать» общество по его ландшафту, хотя «чтение общества» по текстам — художественным, философским привычнее и комфортнее [6, с.15].

В то же время, будем помнить, что одна и та же территория охватывается множеством нарративов (рассказов о ней): от геологической характеристики пород, ее слагающих, до фольклорных образов места. Подобное смешение текстов мы нередко встречаем в путеводителях, где за геологической характеристикой следует история заселения, особенности административного деления, данные статистики, а далее — упоминание о выдающихся личностях («гениях места») и яркие культурные ассоциации, бренды территории. Поэтому в табл. 1. при описании структуры КЛ, мы развели объекты материальной и нематериальной природы и представили КЛ как единство плана выражения (ПВ) — видимый ландшафт и плана содержания (ПС) — мысленный или чувственный образ. При полноценном восприятии местности (т.е. восприятию подготовленным путешественником или в сопровождении квалифицированного проводника) эти планы слиты, ландшафт воспринимается как семантическое единство внешнего (План выражения) и внутреннего (План содержания), в этом случае он вызывает эстетическое переживание.

Первичным способом ознакомления с ландшафтом является прогулка, экскурсия, экспедиция, иными словами — движение внутри ландшафта.

Движение как способ познания

В какой момент люди начинают воспринимать ландшафт как особую среду, требующую понимания? Наверное, с момента пробуждения сознания. Но если говорить именно о педагогической ситуации, то здесь необходимо вспомнить Аристотеля и школу перипатетиков в Ликее (греч. *peripatetikos* — прогуливающийся, Ликей — пригород в Афинах). Аристотель предлагал своим ученикам

прогулку как форму занятий. Прогулка обостряла *чувственное восприятие*, которое философ считал основным и исторически первым уровнем познания. Прогулка как способ оживить мысль, вести интеллектуальный разговор, прогулка как духовная практика, направленная на раскрытие чувственной и интеллектуальной сферы. Процесс познания по Аристотелю выглядит следующим образом: посредством чувств человек познает конкретное бытие — «первые сущности», от элементарных чувственных ступеней переходит к предельно абстрактным. *Чувственное восприятие и движение — исходные условия для прохождения первых ступеней познания.* Движение вещей и движение самого субъекта, и прогулка как форма движения рассматриваются философом в самой общей характеристике как неотъемлемая форма бытия, способ осуществления сущего, переход возможности в действительность. Аристотелю принадлежит разработка первого в истории философии учения о формах движения (возникновение, гибель, увеличение, уменьшение, перемена и изменение места) и о движении как универсальном свойстве сущего: «жизнь требует движения» [14].

Опыт аристотелевской педагогики был воспринят просветителем XVII в. Я.А. Коменским — основателем теоретической педагогики. В его системе первая ступень обучения базируется на чувственном опыте и наглядность становится важным принципом. Исходя из положения эмпиризма о том, что ничего не может быть в сознании, что ранее не было дано в ощущении, Коменский разрушает рамки схоластического урока и вводит в методичку преподавания использование различных видов наглядных пособий — естественных (растения, животные, деревья, кустарники, почвы); экспериментальных (явления испарения, изменение диаметра древостоя и т.д.); изобразительных (картины), графических (чертежи, схемы, карты, таблицы) и, наконец, смешанных. *К смешанному способу (виду) наглядности относится прогулка, она позволяет узнать о вещах то, «что должно быть преподаваемо посредством самих вещей»* [12]. Во время прогулки вещи максимально открыты для созерцания, осязания, слушания, обоняния. Чувственное восприятие здесь — это первая ступень обучения, за ним следуют словесные пояснения учителя, сравнения, обобщения, абстракции — вторая ступень. На третьей ступени ученик должен действовать самостоятельно — выполнять упражнения и использовать знания на практике. Благодаря трудам Коменского, рекомендации о проведении школьных экскурсий нашли отраже-

ние в Российском «Уставе народных училищ» (1786 г.) и в «Школьном уставе» (1804 г.), где указывалась необходимость проведения прогулок в природу, а также посещения мануфактур, мастерских ремесленников и других предприятий.

Не только малые, но и большие путешествия в эпоху Просвещения мыслились в категориях развития личности. Философы Френсис Бэкон, Джон Локк, Жан Жак Руссо доказывали необходимость и важность дальних поездок для правильного воспитания человека. Ф. Бэкон в своем очерке «О путешествиях» писал: «В юности путешествия служат пополнению образования, в зрелые годы — пополнению опыта». В том же очерке встречаем рекомендации по планированию осмысленного путешествия: вести дневник систематических наблюдений в путешествии, изучать основные фразы на чужом языке, иметь при себе «наставника в деле», «карту» и «книгу» с описанием страны. Рекомендации по маршруту: не находиться долго в одном городе, и даже в одном городе переезжать с квартиры на квартиру в разных его концах. Дальнейшей поездке должен предшествовать самостоятельный умственный труд: знакомство с культурой страны, изучение карт, проектирование маршрута [4].

Построенное таким образом путешествие способствует развитию личности и освоению ею многообразия мира, а в итоге приводит к формированию культур-ориентированной модели образования. В такой модели особое значение приобретают способность личности к поиску собственных смыслов бытия, созданию целостных образов мира из фрагментов знаний, овладение способами освоения мира и навыками существования в нем [9].

Концепция образовательного путешествия

Огромный вклад в развитие техники познавательных путешествий внесла отечественная экскурсионная школа начала XX в.: И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, В.А. Герд, Г.Э. Петри, Б.Е. Райков. На рубеже XIX-XX вв. получили развитие основные направления школьной экскурсионной работы: учебные экскурсии, образовательные экскурсии по родному краю, дальние путешествия. Краеведение и экскурсионная работа приобрели характер просветительского движения. Экскурсионные станции появились в центральных городах и провинциях, кружки изучения регионов — при университетах. Вот как писал о взаимосвязи исследовательской и экскурсионной деятельности И.М. Гревс: «Краеведение и экскурсоведение — родные

братья. Краеведение — более оседлое экскурсоведение, экскурсии — более странствующее краеведение» [2]. В 1910-е гг. в академических кругах экскурсионный метод начинает внедряться в учебные программы вузов. Наиболее активно этот процесс происходил на историко-филологическом факультете С.-Петербургского государственного университета, где под руководством И.М. Гревса работал семинар по изучению культуры античных городов. Ученый обосновал важность экскурсий в преподавании истории и организовал ряд — «образовательных путешествий» во Флоренцию и Афины. Участниками семинара была сформулирована важная для развития экскурсионного туризма идея: не только отдельный памятник природы или архитектуры, не только предприятие или музей, но и город в целом является основным и многоплановым объектом экскурсионного анализа.

Каждый из видов экскурсионной деятельности и в городе, и в природном ландшафте обладал собственной спецификой и логикой развития. Школьная экскурсионная работа превратилась из бессистемного осмотра достопримечательностей в целенаправленный педагогический процесс. К началу 1920-х гг. на стыке экскурсоведения и краеведения появился новый педагогический феномен — *метод образовательного путешествия*. Основу экскурсий того периода составили следующие идеи и положения:

- целостное восприятие действительности: каждое конкретное путешествие — это незаконченный, но целостный фрагмент многогранной картины бытия, реконструируемой путешественником;
- наличие единой темы путешествия: тема определяет выбор объектов показа и последовательность их восприятия (маршрут);
- непосредственное соприкосновение с реалиями жизни: выбор подлинных и доступных памятников природной и культурной среды в их естественном окружении, освоение новых пространств, преодоление больших расстояний;
- освоение различных способов познания мира: визуального, моторного, когнитивного и эмоционально-ценностного.
- первичность наблюдения и опыта по отношению к знанию: процесс познания, построенный от частного к общему, учет особенностей юношеского восприятия — конкретность, наглядные образы, субъективный опыт.
- результат путешествия — это личностный рост каждого, сообразно его силам и возможностям.

В наши дни вопросам теории и практики путешествий посвящены работы В.Л. Каганского [5, 6, 7]. Путешествие рассматривается им как движение в трех сопряженных пространствах: ландшафта, личностном и когнитивном. Путешествие становится актом познания и имеет свои результаты — личностное знание; нетривиальные образы мест; соотнесения и сравнения мест; описания; концептуализации [7].

В концепции современного личностно-ориентированного образования путешествие становится необходимым педагогическим приемом, поскольку в нем реализуются следующие принципы: 1) первичность личных наблюдений и переживаний по отношению к рассказу и объяснению; 2) многообразии окружающего мира, возможность выбора предметного материала в соответствии с приоритетами личности; 3) отсутствие заранее спрогнозированных конечных результатов путешествия, ситуация непредсказуемости, необходимость открывать и изучать окружающий мир вместе с учащимися, атмосфера творчества, свободы и поддержки.

В то же время практика образовательных экскурсий и их тематика помогает выявить и охарактеризовать исторически сложившиеся туристские места. За каждым туристским местом стоит определенный тип культурного ландшафта, который используется во время экскурсий в качестве образовательной среды.

Культурный ландшафт как образовательная среда

Комплексная природа КЛ — его «сплошность» и его дискретность, его смысловая наполненность, позволяют рассматривать данный объект и в синхроническом, и в диахроническом аспектах, соединять географические и историко-культурные характеристики. КЛ сравнимы с таксонами микро- и топоруровня. Микро-уровень — муниципальное образование (город, район), топо — отдельные микрорайоны города, улицы, урочища, дома и маршрут, соединяющий их. Однако, при изучении специфики КЛ, его хозяйственной функции, его культурной идентичности мы неизбежно выходим на мезо-уровень — оцениваем роль данного ландшафта в развитии региона, в некоторых случаях на макроуровень — видим значение места в контексте развития страны и даже в мировой истории. Каждый регион — это мозаика культурных ландшафтов и, соответственно, множество вариантов их прочтения.

Для того, чтобы ландшафт предстал как образовательная среда, прежде всего необходимо определить *тематику* путешествия,

например, геологическая история региона. Далее происходит *выбор локации*, например, туристский район «Предуралье» — район карста. На следующем этапе необходим отбор объектов, раскрывающих тематику в разных аспектах. Ареалом горных пород и карста является Кунгурский район и его туристские места: город Кунгур, Ледяная гора, Кунгурская Ледяная пещера, село Филипповское, Заказник «Предуралье», камень Ермак. Город Кунгур становится «воротами» туристской территории. Его географическое положение на судоходной Сылве, на Сибирском тракте предопределило развитие ремесел и торговли в XVII-XIX вв. Купеческое наследие сформировало локальный образ «Старина Кунгур», он запечатлен в архитектуре и кинематографе. Невысокая застройка города, количество и качество сохра-

нившихся исторических зданий объясняется природными условиями (карст) и исторической эпохой (купечество XVIII-XIX вв.). Четыре самых ярких геологических объекта: Кунгурская Ледяная пещера, Филипповский карьер, камень Ермак и река Сылва находятся в совершенной взаимосвязи друг с другом. Для туриста это выглядит как прогулка в недрах земли, по ее поверхности и над землей. На обнажениях камня Ермак можно проследить историю рифообразования в пермском периоде, т.е. около 280 млн. л. назад. Скалы в долине реки, нередко именуемые Сылвенскими рифами, являются замечательным музеем под открытым небом, а заказник Предуралье — традиционным местом проведения геологических, географических и биологических учебных практик. В пещере турист наблюдает геоморфологические процессы, в районе Филипповского карьера изучает стратотип филипповского горизонта нижней перми, на камне Ермак наслаждается пейзажами Преу-

ралья. Построенная таким образом экскурсия охватывает основные структурные элементы КЛ — План выражения и План содержания, соединяет геологическую историю с особенностями местного пейзажа, природный ландшафт — с хозяйственной деятельностью, с историей заселения, топонимикой, историческими событиями, культурными героями и, наконец, с образом места, ментальными представлениями о нем.

В процессе образовательных экскурсий КЛ становится своеобразным «учебным пособием» [11]. При его «изучении» проявляются географические принципы:

- уникальности/типичности места (уникальные черты изучаемого ландшафта определяют его универсальную значимость для местного населения);

- принцип холизма (ландшафт рассматривается как це-

лостная геосистема, жизнь социума вписана в местный ландшафт, определяется им);

- принцип рефлексии и обратная связь — анализ опыта взаимодействия человека и ландшафта (оценка типа ландшафта через систему заданий, кейсов, проблемных вопросов, воспитание «чувства ландшафта», умение «видеть» и «читать» ландшафт.

Также реализуются принципы педагогические:

- принцип расширения образовательной среды;

- творческо-созидательный принцип, формирующий самостоятельность в процессах планирования социально-культурной деятельности в ландшафте;

- принцип открытости образовательной среды.

Культурный ландшафт открыт, не замкнут физически, не имеет функциональных ограничений. Любопытно, что открытость ландшафта сопоставима с архитектурной

Рис. 2. Компоненты культурного ландшафта в образовательной экскурсии

тенденцией — создавать учебные заведения с максимально открытой средой, с условным зонированием пространства [19]. Открытая образовательная среда, в которой человек не стеснен ограждением, способствует творческому развитию.

Культурные ландшафты Пермского края и опыт образовательных путешествий

Образовательный туризм¹ в вузовской среде развивается пропорционально развитию международного межвузовского обмена. Для иностранных студентов путешествия внутри региона предпринимаются и с общекультурными, и с профессиональными целями. Путешествия предполагают погружение в языковую среду, расширение словарного запаса, формирование представлений о национальной культуре, религии, быте, изучение природных ресурсов, промышленных технологий и др. [1, 18].

В Пермском госуниверситете (ПГНИУ) деятельность в сфере образовательного туризма осуществляется специалистами международного отдела и сотрудниками кафедры туризма. Адресатами образовательных путешествий являются студенты из вузов Китая (Институт иностранных языков Шандуньского государственного университета; Китайский нефтяной университет Хуадун; Нанчанский университет, Аньхойский университет); Македонии (Университет им.св. Кирилла и Мефодия); Нидерландов (Свободный университет Амстердама); Норвегии (Норвежский естественнонаучный университет); Польши (Университет г. Ополе); Словении (Люблянский университет).

В 2014 году была реализована программа «Культурные ландшафты провинции» для группы китайских студентов из Шандуньского и Нанчанского университетов. Цикл образовательных экскурсий был построен как знакомство с различными видами культурных ландшафтов [15].

Первый маршрут: «Геологическая история Урала» представлял собой природно-ориентированную экскурсию, во время которой студенты познакомились с геоморфологическим памятником природы — Кунгурской ледяной пещерой, получили представление о пермском геологическом периоде.

Второй маршрут: «Белогорский Свято-Николаевский монастырь» предлагал религиозоведческую экскурсию в монастырь, именуемый «Уральским Афоном», который расположен в Предуралье, на вершине Белой горы. История монастыря отражает трагические события XX века (гражданская война,

репрессии, эвакуация в период Великой Отечественной войны). Архитектурный облик и интерьер собора раскрывают основы христианской символики; природный ландшафт отсылает к символическому образу Голгофы.

Третий маршрут: «Традиционная культура народов Прикамья»: (архитектурно-этнографический музей «Хохловка») — экскурсия этнографической тематики, во время которой студенты знакомятся с традиционной крестьянской культурой русских и коми-пермяков (бытовой, праздничной, промысловой, хозяйственной); узнают принципы деревянной архитектуры жилых, культовых и служебных зданий. Музей Хохловка — оптимальный ландшафт для проведения традиционных календарных обрядов: Масленица, Троица, Иванов день, Яблочный Спас, Праздник хлеба, Покров день [17].

Четвертый маршрут: «По следам доктора Живаго»: литературные прогулки по Перми — литературная экскурсия, построенная на интерпретации локального текста. Туристы узнают культурные образы города, сформированным под влиянием путевых очерков и мировой литературы — произведений Б.Л. Пастернака, А.П. Чехова, М.А. Осоргина, А.Н. Радищева, А.И. Герцена, В.В. Каменского [16].

Пятый маршрут: «История освоения Прикамья»: Усолье — Соликамск — Чердынь — двухдневная экскурсия исторической тематики, во время которой туристы знакомятся с этапами освоения западного Урала, посещают исторические провинции и первые столицы Перми Великой Чердынь и Соликамск. Изучают памятники архитектуры допетровской Руси, солеваренные комплексы, музеи. В туристской системе этой территории выделяются древние города Чердынь (1451 г.), Соликамск (1430 г.) и Усолье (1606 г.) и современный г. Березники (1932 г.).

Шестой маршрут: «Горнозаводское Прикамье»: Чусовой — Кизел — Александровск — Всеволодо-Вильва — Пермь — кольцевой однодневный маршрут, во время которого студенты посещают ряд горнозаводских поселений Прикамья: Чусовой, Губаху, Кизел, Александровск, Всеволодо-Вильву. Туристы наблюдают предгорья среднего Урала и промышленные предприятия на границе краевого прогиба и начала Уральских гор («Чусовской металлургический завод», химическое предприятие «Метафракс»), природные ландшафты в окрестностях Баской,

¹ Образовательный туризм — такой вид туризма, в котором получение образования и обучение являются главной целью поездки, а возможность исследования предмета в его естественных условиях — главное преимущество этого метода обучения, по сравнению с методом классическим, аудиторным [18].

Усьвы, Всеволодо-Вильвы. Литературная тематика, представленная в экспозициях музеев В.П. Астафьева и Б.Л. Пастернака, существенно разнообразит маршрут.

Предложенные маршруты охватывают пять туристских районов Пермского края: «Предуралье», «Среднекамье», «Соль Камская», «Верхнекамье», «Горнозаводской» и знакомят иностранных студентов с геологическим, этнографическим, историческим, промышленным и литературным наследием Прикамья. Представленная таким образом территория региона выглядит как мозаика природных, этнических, сакральных и промышленных ландшафтов, позволяет моделировать разноплановые образовательные путешествия.

Библиографический список:

1. Глухова Т.П. Коммуникативные практики международной социальной коммуникации в высшем образовании // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Педагогические науки». 2012. № 7. С.90-94.
2. Гревс И.М. Краеведение и экскурсионное дело // Вопросы экскурсионного дела. По данным Петроградской экскурсионной конференции 10-12 марта 1923 г. Ред. Б.Е. Райкова. Культурно-просветительское кооперативное товарищество «Начатки знаний». Пг., 1923. С.3-25.
3. Зырянов А.И., Зырянова И.С. Технология планирования самостоятельного путешествия / «Географический вестник», № 2 (25) 2013, С.99-103.
4. Зырянов А.И. Зырянова И.С. Туристская актуальность инструкций Фрэнсиса Бэкона // География и туризм: сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2015. — Вып. 14. С.3-11.
5. Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. №1. С.134-146.
6. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сб.ст. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с.
7. Каганский В.Л. Путешествие и туризм // География и туризм: сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2014. — Вып. 13. С.3-13.
8. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии / В.Н. Калуцков — М.: Новый хронограф, 2008.
9. Коробкова Е.Н. Образовательное путешествие как педагогический метод / Автореф. Дисс. на соиск. уч. степени к.пед. н. СПб., 2004. 24 с. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-obrazovatelnoe-puteshestvie-kak-pedagogicheskiy-metod>
10. Лавренова О.А. Междисциплинарное поле мысли: культурный ландшафт // Проблемы теоретической и гуманитарной географии: сб. науч. ст., посв.80-летию со дня рождения Б.Б. Родомана / сост., отв.ред. Д.Н.Замятин. М.: Ин-т Наследия, 2013. С.209 - 250.
11. Мартилова Н.В. Ландшафтно-средовой подход и принципы его реализации в профильном географическом образовании Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Вып. № 74-2 / 2008 С. 192-194. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/landshaftno-sredovyy-podhod-i-printsipy-ego-realizatsii-v-profilnom-geograficheskom-obrazovanii>
12. Нипков К.Э. Ян Коменский сегодня / К. Э. Нипков.- СПб.: Глаголь, 1995. 250 с.
13. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998.
14. Философское учение Аристотеля. URL: <http://www.ayurvedaplus.ru/articles/29895/254687/> (Дата обращения: 15.09.2014)
15. Фирсова А.В. Методы культурной географии в экскурсоведении // География и туризм. Сб.научн.тр. Пермь, 2010. Вып.9. с.33-41.
16. Фирсова А.В. Роль художественной литературы в моделировании географических образов (на примере Перми) // Географический вестник. Научный журнал. Пермь, Типография ПГНИУ, Выпуск 4 (35) / 2015. С. 53-57.
17. Фирсова А.В. «Белая гора — сакральный ландшафт Пермского края». // Река и Гора: локальные дискурсы. Сб. материалов междунар. научн. конф. «Урал и Карпаты: локальный дискурс горных местностей» (Пермь, 29-30 октября 2009 г.) / отв. ред. В.В.Абашев; Перм. гос. ун-т; Лаб.политики культурного наследия Перм.гос.ун-та; Пермь, 2009. — С. 35-43.
18. Фирсова А.В., Мышлявцева С.Э. Образовательный туризм в Пермском крае: учеб.-метод. пособие / А.В. Фирсова, С.Э. Мышлявцева; Перм. гос.нац. иссл.ун-т. — Пермь, 2014. — 149 с.
19. Чирков А. Образовательный ландшафт. URL: (<http://www.archplatforma.ru/?act=1&nwid=2927>) (Дата обращения: 17.09.2014).

И.В. Фролова

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ОБРАЗНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ

Представлены образы ландшафта в студенческих работах. Объемное (образное, геометрическое) видение изучаемого объекта, в данном случае — ландшафта как научной категории, позволяет выявить фоновые ландшафтные знания и когнитивно-географическое значение «ландшафта».

Ключевые слова: *ландшафт, образ, воображение, технологии обучения.*

Irina Frolova

Perm State National Research University

IMAGINATIVE TECHNOLOGIES IN EDUCATION

Presents images of the landscape in student papers. Volume (figurative, geometric) representation of the studied object (the landscape as a scientific category) allows to identify the basic landscape knowledge and cognitive and geographical significance of «landscape».

Keywords: *landscape, image, imagination, learning technologies.*

Роль воображения сводится к тому, чтобы поставлять нашему сознанию возможно полные, живые и верные отражения действительности.

Л.И. Мечников
«Гигиена души» (1878) [8]

Необходимость внедрения и развития образных технологий обучения в вузе для студентов естественнонаучных факультетов обусловлена многими причинами. Среди них можно выделить такие, как изменение тематик современных ландшафтных исследований, выделение среди них гуманитарного направления, переход от главенствующей роли природного ландшафта к природно-антропогенному (культурному) ландшафту в современном ландшафтоведении [1, 3, 6, 7, 11–13 и др.], что должно быть отражено и в содержании учебной дисциплины; изменение требований к организации и проведению учебного процесса, внедрением активных (интерактивных) методов обучения, позволяющих студентам самостоятельно решать профессиональные задачи; переход к антропоцентричной модели образования (дисциплина подстраивается под студента) и др.

По нашему мнению, образные представления о ландшафте, территории, стране по-

зволяют качественно улучшить процесс усвоения знаний в области современного ландшафтоведения, расширить представления о других возможностях изучения культурного ландшафта (не географические науки и научные направления), конструировать и моделировать локальные географические образы для профессиональных целей. Л.И. Мечников в своей работе «Гигиена души» (1878) [8], посвященной социально-философским вопросам его научных увлечений, писал: «...*Пора убедиться, что продукты воображения столь же вещественны и реальны, как и всякие другие человеческие отправления*». Его слова, вынесенные в эпиграф этой статьи, также отражают сущность образных технологий в образовательном процессе: образ как отражение действительности, образ ландшафта как знание о нем, знание о территории.

Существует связь между понятиями «образ» и «образование», т.е. формирование образной картины мира через географическое знание и географические образы. По мнению Г.А. Исаченко [2], роль образов в географии и роль географии в формировании образов можно определить в трех основных аспектах: 1) познавательный, 2) образовательный, 3) информационно-прикладной.

Цель проведенных нами педагогических экспериментов — выявить различия между «учебным» толкованием «ландшафта» и его пониманием студентами. И на этой основе определить наиболее эффективные мето-

© Фролова И.В., 2018

Фролова Ирина Викторовна, к. геогр. н., доцент кафедры физической географии и ландшафтной экологии ПГНИУ
frolova@psu.ru

дики обучения студентов образно-географическому восприятию окружающей действительности.

На географическом и биологическом факультетах Пермского государственного национального исследовательского университета студенты разных направлений обучения слушают дисциплины «География», «Землеведение», «Ландшафтоведение», содержание которых позволяет использовать образовательный контекст «образа». Решаемые задачи просты: от выявления фоновых или остаточных географических знаний студента, понимания сложного материала учения о ландшафте до конечного результата — успешного освоения дисциплины.

В 2008-2010 гг. уже проводился подобный оригинальный педагогический эксперимент по выявлению вербального и изобразительного образа ландшафта среди студентов-географов 2-4 курсов [14]. Студентам было необходимо выполнить задание, состоящее из двух частей: написать определение «ландшафта» или ключевые слова-ассоциации к нему и нарисовать «ландшафт», как они его представляют. В результате полученные рисунки ландшафта были разделены на 5 групп по наиболее часто изображаемым элементам природного и культурного ландшафтов: 1) «горный ландшафт»; 2) «обустроенный ландшафт»; 3) «экотонный ландшафт»; 4) «ландшафт как пиктограмма»; 5) «ландшафт как система».

В 2012-2014 гг. программа эксперимента поменялась: решались задачи, во-первых, определения фоновых географических знаний, понимания изучаемого предмета (ландшафтоведе-

Модель ландшафта (работа студента 1 курса)

Модель ландшафта (работа студента 1 курса)

Модель ландшафта (работа студента 1 курса)

Пейзаж-ландшафт (работа студента 1 курса)

Пейзаж-ландшафт (работа студента 1 курса)

Пейзаж-ландшафт (работа студента 2 курса)

ния), во-вторых, выявления конечного результата — образа ландшафта как объемной «живой» конструкции, как научной категории, как результата личных путешествий и самообразования.

Студентам 1 курса направлений «Экология и природопользование» и «Гидрометеорология» по дисциплинам «География» и «Землеведение и ландшафтоведение» была предложена самостоятельная работа «Образ/модель ландшафта («мое представление о ландшафте»)», а именно нарисовать/начертить ландшафт «в цвете» (с помощью цветных карандашей и красок) как его понимает обучающийся на листе белой бумаги стандартного формата А4 (причем допускалось изменение формата в сторону его увеличения). На эту работу отводилось четыре недели и в течение этого периода студенты слушали лекции и выполняли практические задания по теме «Учение о ландшафте». В итоге, мы получили 70 изображений ландшафта.

Студентам 2 курса направления обучения «География» на первом практическом занятии по дисциплине «Ландшафтоведение» было предложено аналогичное задание, менялись только количество времени, отводимое на работу, и средства выражения: нарисовать ландшафт на листе белой бумаги А4 формата простым карандашом в течение 90 мин (время одной «пары») (получили 20 изображений ландшафта) (рисунок).

Выполненные работы студентов первого и второго курса имели как сходные черты, так и принципиальные различия, которые были обусловлены временем и средствами выполнения задания, а также уровнем профессиональных географических знаний. Рисунки ландшафтов простым

карандашом не дают объемного изображения и качества, по словам самих студентов — «не отражают задуманное». Толкование представленных образов-моделей ландшафта вызвали затруднения, решаемые впоследствии в беседе с самими студентами, которым нужно было рисунок сопроводить и вербальной, словесной моделью ландшафта.

Вербальная модель ландшафта у обучающихся связана, в первую очередь, с пониманием природного ландшафта как взаимосвязанной системы геокомпонентов. Как проблеме можно выделить «центричность» природных компонентов в понимании ландшафта у студентов не географических направлений обучения.

В большинстве работ представление ландшафта студентами связано с освоенными территориями (*культурным* ландшафтом (благоустроенным) (62% из общего количества работ). Обязательно на рисунках есть три элемента: рельеф, растительность, вода и четвертым элементом выступают результаты деятельности человека (здания, малые архитектурные формы, обработанные поля, пешеходные мостики через небольшие речки и т.п.).

Для студентов-первокурсников ландшафт представляется чаще всего как пейзаж, который имеет три проявления: пейзажи, которые их окружают (чаще всего ландшафт их малой родины: лесная опушка, берег реки, обработанные поля, деревья-аттракторы (в основном, это березы) и др.); пейзажи тех стран и территорий, где они не были, но хотят побывать (например, горы, берег моря, европейские города и т.д.); «ментальный пейзаж» и «модель ландшафта в сравнении/аналогии с понятными предметами (книга, пицца и др.)» (ментальное изображение ландшафта, которое требует комментария самого студента).

Студенты 2 курса мыслят уже научным пониманием ландшафта (по Л.С. Бергу, Н.А. Солнцеву, А.Г. Исаченко) как системы и комплекса, имеют опыт учебных выездных практик, «видения» и «чтения» ландшафта. Поскольку время выполнения работы было ограничено, не все задуманное студентами получилось. Также возникла трудность — переложения ментального образа в изобразительный, не хватало навыков отображения мысленной идеи на бумаге, и здесь можно говорить о недостаточности гуманитарного (искусствоведческого) образования у студентов-географов. Все полученные работы относились к пейзажным образам с обязательным присутствием человека (результатов его деятельности). Можно согласиться,

что «...массивы природного ландшафта часто существуют как компоненты культурного ландшафта...» [4].

При анализе образов ландшафта, выполненных студентами, можно руководствоваться двумя подходами, один из которых географический, другой — когнитивно-графический. При географическом подходе каждое изображение ландшафта, выполненное студентами, можно воспринимать как картоид по Б.Б. Родману [10] (типологический либо индивидуальный), выделять его научные и образовательные функции. При втором подходе, когнитивно-графическом, на основе анализа и ранжирования рисунков ландшафта можно решать следующие задачи [9]: создание таких моделей представления знаний о ландшафте, в которых была бы возможность однообразными средствами представлять как объекты, характерные для логического мышления, так и образы-картины, с которыми оперирует образное мышление; визуализация тех знаний о ландшафтах, для которых пока трудно подобрать понятные текстовые описания для разного уровня обученности студентов.

Независимо от подхода образ ландшафта, изображенный студентом, — это индивидуальная интерпретация окружающей действительности, его видение мира, его видение человека в ландшафте. Задача преподавателя — не ломать первоначальные конструкции ландшафтного образа, а корректировать на основе общепринятых положений классического и современного ландшафтоведения, дать почувствовать студенту «вкус» увиденных и услышанных **лично** ландшафтных представлений своего края, страны, других регионов мира, развить стремление к путешествиям. «*Когда человек сталкивается с ярким ландшафтом ... это сопровождается трансформацией его личности, когда возникают новые знания — хотя бы в виде образов, гипотез, метафор, озарений...*» (по [5]).

В результате проведенных экспериментов мы попытались сформулировать понятие «образные технологии обучения», под которыми понимаем совокупность методов и средств применения «образов» конкретных объектов, процессов и явлений в учебном процессе в качестве носителей географической информации. Их внедрение в учебный процесс увеличивает качество освоения учебной дисциплины, формирует, развивает, дополняет объемное мышление, позволяет улучшать культуру речи (необходимо комментировать рисунок ландшафта), расширяет интерактив в общении со студентами, и,

в конечном итоге, объединяет ландшафтоведение и искусство, выделяя еще один аспект «человека в ландшафте».

Библиографический список

1. Григорьев Ал.А., Паранина Г.Н. Культурная география: шаг к истокам? // Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2011. Вып. 3. С. 60–72
2. Исаченко Г.А. Образное восприятие в географическом познании мира // Изв. РГО. 2001. Т. 133. Вып. 3. С. 24–33.
3. Исаченко Г.А. Ландшафт между реальностью и конструкцией (размышления по поводу статьи Е.Ю. Колбовского) // Изв. РГО. 2014. Т. 146. Вып. 2. С. 46–66.
4. Каганский В.Л. Пространственные закономерности культурного ландшафта современной России: Автореф. дис. канд. геогр. наук. Москва, 2012. 26 с. URL: <http://igras.ru/files/f.2012.02.02.12.53.43..4.pdf> (дата обращения: 19.06.2015).
5. Каганский В. Наука странствий: корни и перспективы // Знание — сила. 2014. № 1. С. 21–29.
6. Колбовский Е.Ю. Существует ли природный ландшафт: эпистемологический анализ феномена // Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 49–66.
7. Кочуров Б.И., Бучацкая Н.В., Ивашкина И.В. Оценка эстетических свойств городских ландшафтов // Проблемы региональной экологии. 2011. № 4. С. 143–151.
8. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников; [предисл., комментарии В.И. Евдокимова.] М.: Айрис-пресс, 2013. 320 с. (Библиотека истории и культуры.)
9. Психологос. Энциклопедия практической психологии. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/kognitivnaya_grafika (дата обращения: 01.06.2015).
10. Родоман Б.Б. Научные географические картоиды // Географический вестник. П., 2010. № 2(13). С. 88–92.
11. Соколова А.А. Виртуальное освоение и виртуальные образы региона (по данным GOOGLE EARTH и PANORAMIO) // Изв. РГО. 2010. Т. 142. Вып. 6. С. 31–40.
12. Соколова А.А. Еще раз про ландшафт, культурную географию, этнокультурное ландшафтоведение и лингволандшафтоведение // Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2011. Вып. 1. С. 114–123.
13. Тютюнник Ю.Г. Пролиферация понятия «ландшафт»: почему она происходит и как относится к ней географам? // Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 66–78.
14. Фролова И.В. Образные технологии в формировании профессионального мышления студента-географа // Географический вестник. 2010. № 3(14). С. 27–32.

И.В. Прокошева

Государственный природный заповедник «Вишерский»

НУЖНА ЛИ ЗАПОВЕДНОСТЬ ВЕРХОВЬЯМ РЕКИ ВИШЕРА?

(Проблемы этики в отношениях человека к заповедному ландшафту)

В статье даны краткие сведения о Вишерском заповеднике. Рассмотрены нравственные аспекты отношений человека и природного, в частности заповедного, ландшафта.

Ключевые слова: *заповедность, охрана, познавательный туризм, управление, природное и антиприродное мышление.*

Prokosheva I.V.

State Nature Reserve «Vishersky»

IS THERE NEED FOR RESERVE FOR THE UPPER REACHES OF THE VISHER RIVER ? (THE PROBLEMS OF ETHICS IN HUMAN RELATIONS TO THE RESERVE LANDSCAPE)

The article gives brief information about the Visher Nature Reserve. Moral aspects of human and natural relationships, in particular the reserved landscape are considered.

Keywords: *reserve, protection, cognitive tourism, management, natural and anti-natural thinking.*

Заповедник «Вишерский» расположен на западном макросклоне Северного Урала, в Красновишерском районе Пермского края, на крайнем северо-востоке. Охватывает бассейн верховья реки Вишеры. Его площадь 241,2 тыс. га (1,5 % территории Пермского края). По размерам он шестой в Европейской части России и один из десяти крупнейших ООПТ Европы. Заповедник удалён от населённых пунктов, ближайший посёлок Вёлс находится в 30 км к югу от его охранной зоны.

Государственный природный заповедник «Вишерский» создан в 1991 году как научно-исследовательское и природоохранное учреждение с целью изучения и сохранения экосистем горно-таёжной территории Пермской области, согласно ФЗ №33 «Об особо охраняемых территориях». Заповедник является важным звеном в цепи уральских особо охраняемых природных территорий: в 25 км к юго-востоку начинается ГПЗ «Денежкин Камень», а в 40 км к северу — Печоро-Ильчский заповедник, а до него — Уньинский заказник.

С верховьев Вишеры в северном направлении вдоль Уральского хребта начинается крупнейший в Европе массив первозданных лесов. 76% территории занято лесом, из них 68% - темнохвойными породами [2]. Здесь же находится высшая точка Пермского края — главная вершина Тулымского Камня высотой 1469, 8 м над у.м. Перепад высоты на территории достигает 1 000 метров. Рельеф — среднегорный. Крайний северный рубеж заповедника — вершина горы Саклаим-Сори-Чахл (высота 1128,1 м), является пересечением административных границ Пермского края, Свердловской области и республики Коми. Уникальность точки в том, что это единственный на Урале водораздел бассейнов трёх великих рек: Волги, Печоры и Оби. Хотя вернее сказать: не Волги, а Вишеры.

Самая протяжённая река заповедника — Вишера, она протекает с севера на юг по всей территории, вбирая притоки справа и слева: Хальсория, Ниолс, Лопья, Мойва, Лыпья и Вёлс. Все реки имеют горный характер. В водах Вишеры и её притоков обитает 6 видов рыб, самыми ценными из которых являются хариус европейский и крайне редкий сибирский таймень. Уже по прилагательным видно, что Уральская гряда является естественным рубежом расселения европейских и сибирских видов. Здесь

© Прокошева И.В., 2018

Прокошева Ирина Владимировна, научный сотрудник
Государственного природного заповедника «Вишерский»
halsori@yandex.ru

живут бок о бок сибирский соболь и европейская куница. Нигде в Европе, кроме как здесь, не встречаются крохотная пеночка-зарничка или соловей-красношейка (сибирские виды). Названия доминирующих пород деревьев говорят сами за себя: ель сибирская, пихта сибирская, сосна сибирская (кедр) лиственница сибирская, можжевельник сибирский. А территория находится в Европе. Здесь же на южной границе своего ареала находятся многие виды животных и растений — северян, из Субарктики. В горах растут карликовая и извилистая берёзы, в тундрах встречается арктоальпийский (дриасовый) флористический комплекс, гнездятся белая и тундряная куропатки, лапландские подорожники, золотистые ржанки, живут лемминги и северные олени — типичные полярные жители.

На территории заповедника хорошо выражены четыре пояса растительности - таежный (240-600 м), подгольцовый (600 до 800-900 м), горно-тундровый (900 до 1000-1100 м) и холодногольцовопустынный (свыше 1000-1100 м) [2].

Общее число видов сосудистых растений заповедника составляет 602. Количество редких видов сосудистых растений — 164, из них особо редких — 60. Общее число видов мхов и печеночников — 422. Здесь самая богатая бриофлора и лишенофлора Пермского края. Общее число видов лишайников в заповеднике — 344. Общее число видов агариковых грибов в заповеднике — 335 [2].

Общая численность видов птиц — 169, из которых 123 вида гнездятся. К редким видам относятся: скопа, беркут, орлан-белохвост, черный аист. Список видов млекопитающих включает 43 вида [3].

Ландшафты заповедной территории уникальны, очень красивы и привлекательны. Этот район всегда посещался так называемыми неорганизованными туристами: и пешеходниками, и водниками. И изымать его из сферы интересов путешественников печально. Другой привлекательной и болезненной темой является рыбалка в верховьях Вишеры.

Перейдём к этической стороне отношений человека и заповедного ландшафта. Известно, что в бассейне горных верховьев реки формируется генофонд хариуса, популярного у рыбаков. И если его не трогать, то рыба всегда будет на всём протяжении реки и её притоков. Местные жители хорошо знали это и никогда не перелавливали рыбу и не трогали её в нерестовый период. Да и не было раньше такой техники, моторов, как сейчас, вверх ходили на шестах. Подход к природным ресурсам был разумный. Как говорят вёльсовцы (Вёльс — самый последний населенный пункт на северо-востоке края), когда не было ни заказника, ни заповедника, рыбы было вдоволь.

После создания заказника стало похуже, но достаточно. А уж после объявления заповедника с рыбой стало плохо. Понятно, что появились мощные моторы, а в стране начался бардак, называемый перестройкой, и рыбу стали вылавливать никак не разумно. Либерализация привела к сильному спаду уровня жизни, в том числе и уровня сознания людей. В то же время, на территорию заповедника стали пускать ВИП-персон, выгодных для начальства, на водомётах, на вертолётах, причём в самые верха, где недопустимо ловить рыбу. А также беспрепятственно туда заезжал криминалитет. Это было и есть при всех директорах. Для местных тоже есть льготы на рыбалку на заповедной территории, но пониже. Запуск «особо приближённых» в места формирования генофонда хариуса — это узаконенное браконьерство, это преступление администрации заповедника, это коррупция, однозначно! Такая политика очень развращает инспекторов охраны заповедника и местных жителей. Они тоже стараются «урвать» побольше. Если побывать в центре заповедника, на устье реки Мойва, то никак не сказать, что это охраняемая территория, тем более Особо Охраняемая, настолько она загажена рыбаками. И так на всех стоянках вдоль Вишеры. Хищнический и мстительный подход местного населения выражается и в охоте на лосей и оленей, и в разорении токовищ [4].

Вернёмся к туризму и его совместимости с понятием заповедности. Этот вопрос всегда остаётся спорным. Слово «заповедник» чисто русского происхождения и его нет в других языках. Там: National Park, Conservation area, Reservation. Понятие «заповедание» возникло ещё во времена Ведической Руси, когда славянские народы жили в согласии с природой. И корень слова «заповедник» — ведать, знать. Поведать — рассказать, донести Знания. На Руси всегда существовали священные рощи, целебные источники, озёра, примечательные скалы, древесные патриархи, куда люди приходили молиться, исцеляться, получать сокровенные Знания. Эти места были неприкосновенны: никто не мог там ни охотиться, ни рыбачить, ни срубить дерево.

Как известно, первым государственным в России считается Баргузинский заповедник, созданный в декабре 1916 года. Идея заповедности исключала туризм полностью! И представители научной общественности и самих заповедников продолжают на этом настаивать.

С 2011 года на заповедники бросили свой взгляд высшие руководители страны и заявили, что их территории должны быть доступны для людей с любым уровнем дохода. Этим самым было подчеркнута, что индивидам с высоким уровнем дохода эти запретные места давно доступны. Тут и появилось понятие «познавательного туризма». Около 80% заповедников объявили о своём инте-

ресе к экологическому туризму. Законодательно он был закреплён ФЗ №406 от 28 декабря 2013 года, где утвердили взимание платы с физических лиц за посещение в целях познавательного туризма. И стали выделяться немалые финансовые средства из госбюджета для развития инфраструктуры туризма тем заповедникам, которые успешно провели презентацию своих красот. Вишерский в этом отношении, конечно, прошёл и четвертый год получает миллионы на развитие. И это замечательно! И можно, казалось бы, радоваться, что государство финансирует забытые, жившие в бедности охраняемые территории.

Директора по-разному отнеслись к возможности развивать туризм на заповедной территории. К примеру, в ГПЗ «Денежкин Камень», имеющем такие же ландшафты Северного Урала, вход туристам строго воспрещён. И средства на научные исследования находятся.

Но посмотрим, как распределяются получаемые многомиллионные средства. Благоустраивается только та часть заповедника, где развивается туризм. Вся остальная территория остаётся без ухода и развития. Без элементарного и очень необходимого ремонта остаётся центральный кордон Мойва — основная база для научных исследований. Избушки, оставшиеся от геологов и охотников, также необходимые для маршрутов исследователей и инспекторов охраны, заваливаются и становятся непригодными. На приборы и оборудование для научных целей деньги не выделяются, слышна всегда одна фраза: на науку денег нет. С огромным трудом выпрашиваются «копейки» на оборудование, чтобы не прервался ряд наблюдений. Зарплата научного сотрудника 9-10 тыс. рублей, как была с конца 2008 года, так и осталась до сих пор.

Всё однобоко идёт на развитие туризма, а равноправные и даже первоочередные задачи: охрана и научный мониторинг, стали третьестепенными. И таким образом, встаёт вопрос: нужен ли заповедный режим верховьям Вишеры, если он там не соблюдается? Он служит кормушкой для отдельных индивидов, облечённых властью. А сохранение вверенной им территории не выполняется.

На 20-летию заповедника (2011 год) директор отмечает: «К сожалению, ныне кардинально меняется отношение государства к ООПТ — объявлен курс на формирование «туристского продукта», который нужно продавать. Поэтому сегодня заповедная система находится под угрозой исчезновения и нынешний юбилей заповедника имеет горьковатый привкус» [1]. Про горький привкус — это лукавство. Директор наш рьяно и вкусно развивает туризм. Кабинеты конторы заполняются менеджерами по туризму, по общественным связям. А средний возраст научного отдела давно перевалил за пенсионный. Происходит замещение профессиональных кадров непонятно кем, но

служащим определённым интересам, отнюдь не интересам заповедной территории. И в этом проблема — в отсутствии квалифицированных профессиональных кадров: и в управлении, и в сфере экотуризма. Туризм-то должен быть познавательным, а не просто прохождением нитки маршрута.

И всё это идёт от крайне неэффективного государственного управления этими территориями. От его очевидной деградации на протяжении последних лет, девальвации накопленного отечественного опыта и игнорирования международного, пренебрежительного отношения к профессионализму.

Туризма на привлекательной территории не избежать. Только нужно изменять подход к развитию туризма, расширяя своё сознание, не причиняя ущерба Природе, выполняя строго задачи охраны видов живого мира и непрерывного научного слежения за жизнью дикой природы. Всё в головах нужно менять: потребительское антиприродное отношение — на природное воспитательное и созидательное!

Пока видна только эксплуатация природного ландшафта, вверенного на сохранение и приумножение, и накопленного интеллектуального потенциала.

Феликс Штильмарк предлагает: «Возникает даже странная на первый взгляд мысль: если слово «заповедник» так уж привлекает к себе людей и стало синонимом парков и спецхозяйств, то в интересах охраны природы и науки надо предложить новую форму ООПТ, новый термин, обозначающий неприкосновенные природные территории» [5].

По большому счёту, и по моему мнению, заповедники в современном статусе не нужны, если бы люди были *Homo sapiens*, а не *Homo erectus*, имели здравомыслие, честь и совесть. А Заповедные места в исконном значении, как места Силы и Знания, необходимы Людям всегда!

Библиографический список

1. Бахарев П.Н. К 20-летию юбилею заповедника «Вишерский» // Особо охраняемые природные территории в жизни региона: материалы межрегион. конф. (16-18 февраля 2011 г., Пермь) / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011. С. 14-17.
2. Белковская Т.П., Бахарев П.Н., Переведенцева Л.Г., Прокошева И.В., Селиванов А.Е. Сосудистые растения, грибы и лишайники Вишерского заповедника. Соликамск, 2015. 360 с.
3. Колбин В.А., Семёнов В.В. По Вишерскому Уралу. Том 1. Очерки о животных. Соликамск, 2012. 400 с.
4. Семёнов В.В. Долговременные территориальные привязки некоторых видов охотничье-промысловых животных, выявленные на землях заповедника «Вишерский» // Особо охраняемые природные территории в жизни региона: материалы межрегион. конф. (16-18 февраля 2011 г., Пермь) / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011. С. 151-153.
5. Штильмарк Ф.Р. Историография Российских заповедников. М., 1996. 340 с.

Safaryan A.A., Aleksanyan G.P.Perm State National Research University,
Yerevan State University

LANDSCAPE PREREQUISITES AND SOME PROBLEMS OF ECOTOURISM DEVELOPMENT IN ARMENIA

Some problems and features are discussed for tourism development in the Republic of Armenia (RA) in this article. It is emphasized that RA is predominantly covered by mountains that why the research of landscape is very important for tourism development. The boundaries of water and forest landscapes are suggested and proved to be the most attractive natural areas for tourism development in the country. Unfortunately, some of these places are under the danger degradation because of economic situation, locals and mining. Some suggestions also have been given for solving these problems.

Keywords: Armenia, landscape, ecotourism, Sevan

А.А. Сафарян, Г.П. Алексанян

Пермский государственный национально исследовательский университет,
Ереванский государственный университет

ЛАНДШАФТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОТУРИЗМА В АРМЕНИИ

В статье обсуждаются некоторые проблемы и особенности развития туризма в Республике Армения (РА). Подчеркивается, что РА имеет преимущественно горную поверхность, и из-за этого значение исследования ландшафта для целей туризма необходимо. В соответствии с этим, границы водных и лесных ландшафтов рассматриваются и утверждаются как наиболее привлекательные природные территории для развития туризма в стране. К сожалению, некоторые из этих мест находятся под угрозой потери своей естественной привлекательности. Главная причина этого — экономика, местное население и горнодобывающие промышленность. В исследовании предложены пути для решения этих проблем.

Ключевые слова: Армения, туризм, экотуризм, Севан

Armenia is a mountain country (80% of the territory) where the horizon is always bounded by a mountain or hilly landscape. If mountain landscapes are common throughout the territory, it is logical to assume that there are places more or less attractive by nature. What is the reason that one landscape much more attractive than another?

© Сафарян А.А., Алексанян Г.П., 2018

Сафарян Азат Арменович, к.г.н. Пермский государственный национально исследовательский университет
azatsafaryan@mail.ru

Алексанян Гор Парсаданович, к.г.н., доцент, Ереванский государственный университет
goraleksanyan@ysu.am

This depends on the presence of water objects and the boundaries of the water areas in the mountain regions. The significance of this has long been proven by the high attractiveness of the sea shores. Because there is no sea in Armenia, this function processes throw lakes and rivers. This kind of resource in Armenia is the Lake Sevan, which sometimes is compared to the sea by locals. The importance for the recreation of the boundary between water and land is enhanced by aridity in most of the territory, due to the situation of the country in the belt of subtropics and the continental nature of the climate.

The forest areas are also unique. Climate is more moderate in the hot season in these places which attracts people. The forests occupies only

Pic. 1. Shaki waterfall in high water and low water

9% of the RA territory. Most of them are located on the southeastern and north-eastern parts of the country. The main part of the forests is located in the territory of the SPNA (specially protected natural areas), according to the law, the cutting of forests takes place only for sanitary purposes. We will examine these groups of resources more detailed according to peculiarities of tourism development.

Water resources as a factor of tourism development

Sevan Lake. Sevan Lake has a unique importance for Armenia. The water level is at an altitude of about 1900 m. Lake Sevan — the only major source of fresh water in the country, the largest in the Caucasus and the Middle East. It occupies 5% of the territory of Armenia. The area of the lake's mirror is 1250 km². The maximum depth is 80 m, the average depth is 27 m. The water volume is 32 billion m³.

Sevan is characterized by a significant variety of climatic conditions in different parts. In the lake basin, the average January temperature varies from -4 to -8°C, and the average July temperature ranges from +10 to +22. The maximum temperature in the summer reaches +32°C.

The water temperature reaches 21°C, in winter the lake is covered with ice [1]. It is well known, that Sevan is one of the locomotives of the Armenian economy. The lake is used as a recreational area, a source of electricity, and also the basis of the irrigation system and fishery place in the country. The lake is one of favored places of the population of Armenia. Because of the decline in water levels in the 60's, there are some environmental problems. As a result, it has been decided to create a national park «Sevan» on the lake basin, which is a prerequisite for the development of ecotourism in

the region [2]. In this regard, gold, which is mined in the southeastern part of the basin, is processed away from the lake, in c. Ararat. We can assume that the water and air pool of the lake is environmentally minimally polluted, and Sevan becomes more attractive for tourism and recreation

Forests surround the lake and make it more attractive from the recreational point of view. The advantage of the Sevan National Park is location; it is only 60 km far from Yerevan. Sevan has always been a preferred holiday destination, fresh mountain air, an abundance of sunny days, cold fontanelles, excellent mineral water, therapeutic peat — the basis of resort and recreational resources of the park.

Sevan has a considerable importance from the point of view of historical and cultural tourism. There are 22 churches, 6 monasteries, 12 castles, 14 places for khachkars (cross-stone), a museum, ancient bridges and cemeteries and one well-preserved caravansary. [4] Archaeological research showed that 3500 years ago the main part of the Sevan was occupied by land, where there were many settlements, the population was engaged in agriculture and cattle breeding

To conclude the basin of Lake Sevan has a great tourist potential, which is not used today. There are several reasons for this: insufficient investment and undeveloped infrastructure. To use the potential, it is possible to solve some of the most important problems of the region with the help of local and foreign tourists. In addition to traditional destinations, there are resources for the development of pedestrian and bicycle tourism. Many churches and monuments are in hard-to-reach places and therefore can be a real areas for lovers of active recreation.

Rivers. The rivers of Armenia mainly originate in the highlands, so they are characterized by a sharp drop and a high flow velocity. This explains the emergence of unique natural phenomena (waterfalls Shakinsky, Jermuk, Kasakh, Trchkan). It's no secret that such kinds of attractions cause a great interest among tourists. However, due to the improper use of rivers (energy, mining and other industries), most of them lose their natural beauty. There is a clash of interests related to the use of river resources.

The territory of Armenia, as is typical for mountainous countries, has an uneven water system. Most of the rivers of Armenia are small mountainous and fleeting. The speed of the rivers reaches their maximum in the spring period due to the melting of snow.

The rivers of Armenia belong to the Araks (76% of the territory) and the Kura (24% of the territory) basins. In the republic there are 380 rivers longer than 10 km; the largest of them: Akhuryan, Debet, Hrazdan. The average density of the river system is 0.31 km/km², it increases in the area of folded mountains. Alimentation of the rivers is different: snow, underground, rain. The most full-flowing rivers are Dzoraget, Akhstev, Marmarik, Vardenis, Argichi, Voghji. With the exception of Metsamor, the rivers have a very uneven run of water over the seasons. The mineralization of the rivers is small and medium [5].

Preservation of the majority of rivers (their present natural qualities and attractiveness) becomes problematic due to haphazard use in the energy and metal industries. Mining enterprises do not sufficiently purify the water used in the processing of ore; such water is discharged into rivers. As a result, dirty water pollutes the clean water 20 times its volume. The most polluted rivers are Hrazdan, Debit and Voghji. Because of pollution, harmful substances appear in the rivers, metals, which call into question their suitability for agriculture. In summer, bathing in rivers below industrial centers is impossible. The recreational area shifts to the channel, and sometimes the displacement is impossible because of the relief, as a result, we lose the river as a recreational object.

The problem of using river waters for energy production remains a topical issue. Of course, for Armenia, a country that does not have natural reserves of fuel resources hydropower plays a very important role, not only from an economic point of view, but also from a strategic one.

A wave of dissatisfaction raised a new project for the development of hydropower in Armenia [6]. The program plans to build several large and 150 small hydropower plants (HPPs) for strategic purposes. Many HPPs are already at the con-

struction stage, and several have already been built [6]. As a result, there will be changes in the use of rivers, this applies to the appearance of rivers, as well as consumers, possibly a clash of their interests. This will affect the ecological state.

Waterfalls. The most attractive and large waterfalls in Armenia are Shakinsky (18 m) on the Shaki River, Trchkan (22.5 m) on the Chichkhan River, is located in the north-western part of the country; Jermuk (68 m) on the Arpa River and Kasakh (70 m) on the Kasakh River (pic. 1.) [1]. Waterfalls are one of the most attractive and special phenomena of the region. The construction of hydropower plants on rivers where there are waterfalls, regardless of their size, is fraught with negative consequences. In the course of hydro-engineering the river can change its appearance and as a result the waterfall can simply disappear along with its micro-landscape

According to above mentioned, it can be concluded; First it is not sustainable to use river only for one propose, for example only for making electricity. It is necessary to calculate all the undesirable consequences.

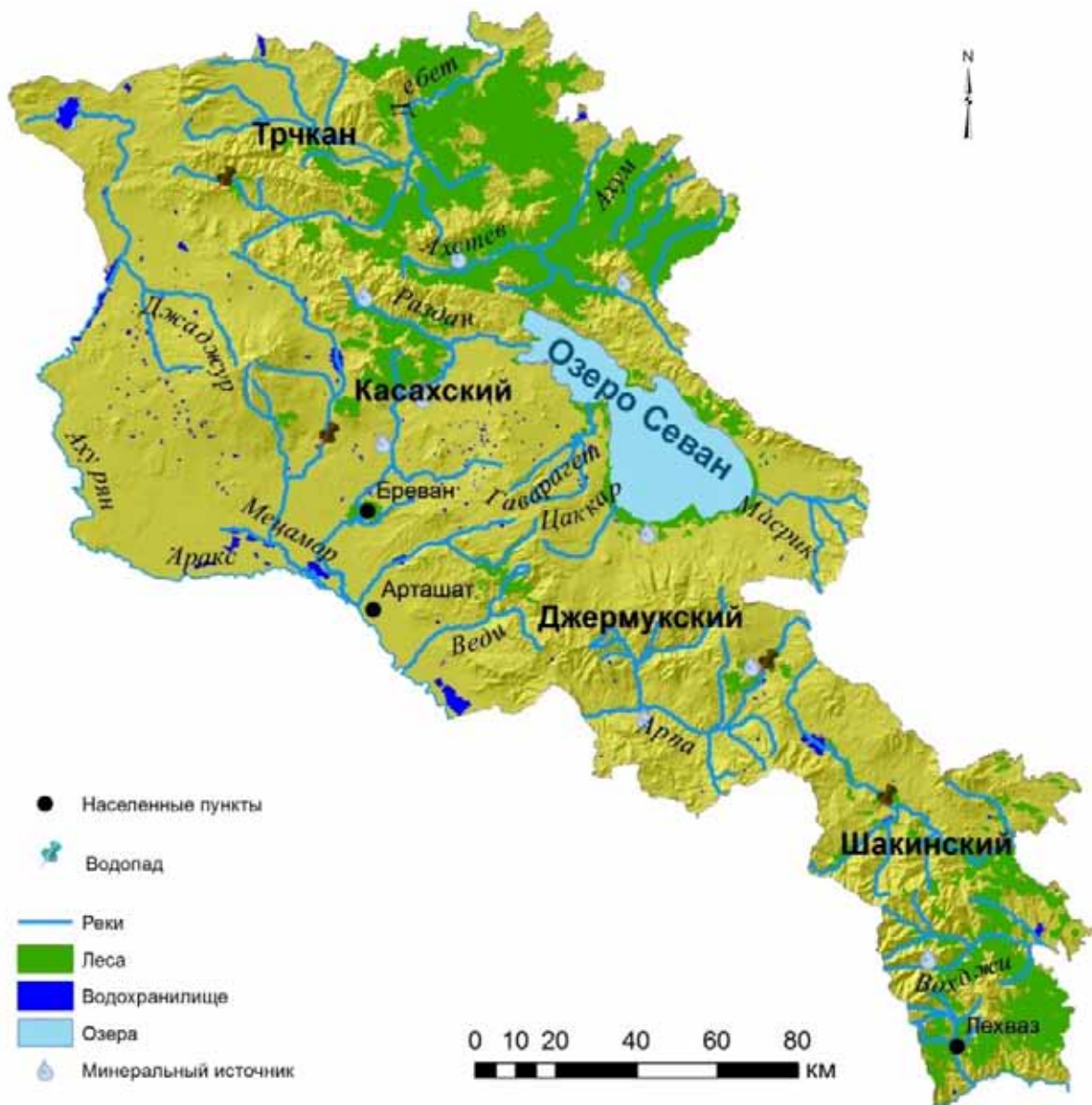
When confronting the interests of consumers, the advantage should be given to agriculture, to avoid migration from villages and create a comprehensive program for the use of rivers.

The combination of small energy and recreational development of these territories can be a significant plus for tourism in Armenia. For example there is a practice of a multifunctional approach to the usage of territories; hydroelectric power stations become an attractive place, and around them whole tourist centers are built. Hydroelectric power stations become an attractive place, and around them whole tourist centers are built. We believe that the approach to the development of these territories should be modern and rely, among other things, on the Western countries experience. The transformation of the territory is a complex process that must combine evolutionary, engineering and administrative approaches.

Also, natural sources of water for the development of tourism are sources of mineral waters. Such objects attracted a large number of tourists in the Soviet Union from other Soviet republics. The most popular among them are Jermuk, Dilijan, Ankavan, Arzni, Bjni.

The role of forest resources in the development of ecotourism on the example of Dilijan National Park

As it was already mentioned, the forests have a great importance for recreation and tourism in the RA, and the boundaries of forest areas are

Pic. 2. Natural tourist and recreational resources of the Republic of Armenia

the most attractive places in the landscapes of the country and protection and preservation of forests is extremely important. In this regard, we consider ecotourism as a way of solving both economic problems and the problems of forest conservation. One of the promising for the development of ecotourism, in our opinion, is the Dilijan national park in Armenia (pic .2)

Due to prolonged human exposure, the pristine nature has been severely damaged, especially forest tracts. The Dilijan National Park has relatively rich forest areas and, from our point of view, the greatest potential for ecotourism development.

The protected status of the natural territory does not guarantee a correct attitude towards it. The problem is that the state cannot properly protect the territory from poaching and hunt-

ing because of a shortage of staff and money. Meanwhile, this territory is one of the favorite recreational places among the local population. Often, due to unorganized, excessive visits and unsecured behavior, the national park is harmed.

Dilijan National Park is one of the most beautiful places in Armenia. It was established as a SPNA in 2002 before that it was a wildlife sanctuary. The park is located less than an 2 hour's drive from Yerevan. The area of the park is great — 33,765 hectares, of which almost three quarters are covered with forests. Particular beauty is created by the forest covered undulating terrain. One of the unique natural touristic resource of Dilijan SPNA are karst formations, especially caves.

Across the central part of the park, the Akhstev River flows, and from the south it flows into

the Ghetik tributary. The rivers are mountainous, with steep and beautiful valleys, crystal clear water. The park is rich in numerous sources of mineral waters. One of them has a production value and is sold under the name «Dilijan» [3]. The park is rich in wonderful lakes. In the park there are many architectural attractions. These are the monasteries Haghartsin, Goshavank, small old chapels, khachkars, castles.

The Dilijan National Park has sufficient potential to become a center of ecotourism. The park, firstly, is located near the capital, and secondly, close to Lake Sevan which became a mandatory place to visit most foreign tourists. In our opinion, the development of ecotourism in the Dilijan national park will help improve the economic situation both for the administration, and for residents located near settlements and there should be paid attention to some of the obstacles:

1. Due to insufficient funding, the national park cannot ensure the proper preservation of the animal and plant life. For example, instead of a few foresters who are supposed to carry out round-the-clock supervision, works alone and without sufficient technical support. For the same reason, there are difficulties with the organization of ecological recreation in the park, and the number of vacationers is already great.

2. Residents of the nearest settlements due to economic problems are engaged in poaching, sometimes realizing that they are causing serious harm to the ecology of the park, but they have no other choice. Restoring the same ecological situation after that will require much more money received from poaching.

So, we can say that with the development of ecotourism it will be possible to solve such problems: organization of recreation, protection of the park by the administration, prevention of harmful impacts on forests by local residents. We believe that the following steps should be taken:

First step. The National Park should attract investments and form a budget, which will be directed to the development of ecotourism in the territory of Dilijan Park. Investors can be: state, the municipality of Dilijan, because tourists will make a profit to the city; tourist companies, focused on ecotourism, whose participation can be manifested not only in the form of money holiday homes that already operate in

the territory and are interested in increasing the number of guests.

Second phase. It is necessary to conduct a scientific survey of the park in terms of ecotourism, identify more and less attractiveness for this place, develop ecotourism routes with different themes create an infrastructure, focusing on the latest developments, to prepare specialized personnel.

The third stage. Last but not least. It should be arranged PR-action in order to attract tourists, without which the first two stages will be useless. Advertising and other ways to attract tourists should be used not only in Armenia, but also in other countries, for example Ecotourism organizations, tour operators should be involved in cooperation

Conclusion. Armenia can use natural beauty for attracting more tourists. Because of this there is a big demand of research in purpose to look at the area from the perspective of guests. Due to mountain relief different landscapes are playing important role for appreciating the natural beauty of country. It follows from the above that most important preconditions of nature-based tourism development are water objects borders and forests in Armenia.

There is a big problem to save the ecological conditions of these areas and to preserve them. The only solution is to find a consensus between stakeholders and a nature conservation programs.

Библиографический список

1. Акопян Т.Х. Историческая География Армении // 5-ое издание Ереван, 2007. 520 с.
2. Веденин Ю.А. Динамика территориальных рекреационных систем. М.: Наука, 1982. 190 с
3. Галян Ж.А. Экотуризм в особо охраняемых участках природы Армении. Ереван, 2007.
4. Генеральная Ассамблея ООН // Всемирная туристская организация. URL: <http://media.unwto.org/ru/press-release/2013-01-09/generalnaya-assambleya-onn-ekoturizm-imeet-vazhnoe-znachenie-dlya-iskorenen> (дата обращения: 11.12.2013).
5. Мнацаканян Б.П. Бассейн Севана (Природа Климат и воды). Ереван , 2007 , 190 с.
6. Национальная программа экономии энергии и возобновляемой энергетики Республики Армении. Ереван, 2004.

ИМЯ И МЕСТО

Е.К. Созина

Институт истории и археологии УрО РАН

ИМЯ И МЕСТО: БИАРМИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ XX В.

В статье воссоздается история содержательного наполнения одного из древних сакральных топов — Биармии, предположительно размещавшейся в северо-западной части Европейской России. Рассматривается ряд произведений авторов XX в., сделавших Биармию местом действия и предметом художественного осмысления. «Мифография» Биармии начинается здесь с эпической поэмы коми писателя Серебряного века К. Жакова. Привлекаются также произведения других авторов, среди них В. Иванов, Е. Сойни, В. Тимин; указываются направления трансформации ими исходной мифологемы этой древней земли.

Ключевые слова: *сакральные топосы, мифопоэтика, мифологемы, символические образы*

Sozina E.K.

Institute of History and Archeology UB RAS

NAME AND PLACE: BIARMIA IN THE 20TH CENTURY FICTION UNDERSTANDING

The article attempts to reconstruct the semantic history of Biarmia — an ancient sacral place, which was presumably located in the north-western part of European Russia. There have been studied a number of the 20th century authors' works where Biarmia became the place of action and the object of artistic understanding. Here, the «mythography» of Biarmia starts from an epic by K. Zhakov, a Komi writer of the turn of the nineteenth century. Other writers' works have also been considered, including V. Ivanov, E. Soini, V. Timin. The author of the article finds out their ways of transforming the original mythologeme of this ancientland.

Keywords: *Sacred topos, mythopoetics, mythologems, symbolic images*

В ряду сакральных топов, т. е. мест, обладающих статусом священных и потому особенно притягательных для людей, кроме реально существующих — таких, как озера Иссык-Куль и Байкал, гора Белуха на Алтае, местечко Дивеево, освященное культом Серафима Саровского, древний протогород Аркаим в южноуральских степях и мн. др., есть целый ряд мест, чье реальное существование не подтверждено историей и археологией, а люди, тем не менее, не только допускают существование подобного рода мест, но и верят в них, слагают легенды, порой даже совершают туда паломничество. Имя-место подобного рода зачастую наделяет-

ся своей историей и географией, особенностями ландшафта и становится в полной мере «гетеротопией» (используя термин М. Фуко), т. е. местом памяти и утопии, заветного, желаемого и практически недостижимого. К числу таких воображаемых мест можно отнести Атлантиду, Гиперборею, град Китеж, Шамбалу и др. Чаще всего они воплощают утраченный идеал, в силу каких-то неверных поступков людей (мифологема грехопадения) утраченный ими. Обратим внимание — чаще это большие территории, целые земли, материки, хотя есть и более локализованные топосы — города, монастыри, даже капища. К этому разряду священных мест следует отнести и Биармию — это тоже целая страна, огромная территория, местоположение которой до сих пор не ясно, но которое, несомненно, связано с северными регионами России. Пожалуй, их всех перечисленных у-топов/гетеротопий Биармия

© Созина Е.К., 2018

Созина Елена Константиновна, д.филол.н., профессор, зав. сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН

elenasozina1@rambler.ru

наименее утопична, скорее, ее точное место «потерялось» в истории, но она, несомненно, существовала.

Как гласят многочисленные статьи в различных справочниках и энциклопедиях, Биармия — это «страна на крайнем северо-востоке Европейской части России, славившаяся мехами, серебром и мамонтовой костью; известна по скандинавским и русским преданиям IX–XIII вв.» [11] Однако более конкретное расположение Биармии до сих пор вызывает споры и разногласия: большая часть ученых и авторов иного рода считает, что эта территория связана с устьем Северной Двины (реки Вины по скандинавским источникам) и располагалась, следовательно, в нынешней Архангельской и Вологодской области, или в Заволочье, как называли прежде эту и прилегающие к ней территории. Иногда Биармию относят к Карелии и Кольскому п-ову; такие авторы как А.В. Галанин, а также А. и М. Леонтьевы полагают, что Биармия — это Беломорье, Русский Север, т. е. расширяют территорию побережья Сев. Двины [2], [6]. Известный историк Андрей Никитин, ожесточенно оспаривая эту точку зрения, размещал Биармию в стране ливов на Западной Двине [9]. Наконец, коми ученые и писатели считают древней Биармией свои земли, а кроме того, есть достаточно давняя позиция, идущая с XVII–XVIII вв. и связывающая Биармию с древней Пермью, с Прикамьем. Ее сторонниками были М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин и мн. др.; в основу отождествления Перми и Биармии было положено в первую очередь звуковое сходство слов (см. обзор этих позиций [6, с. 98–167]). В современной гуманитарной науке выразителем этой позиции стал В.В. Абашев, обосновавший присутствие «биармийско-чудского мифа» в составе «пермского текста» [1]. Ученые, занимавшиеся исследованием скандинавских, датских и др. источников, пришли к выводу о том, что каждый источник, взятый в отдельности, сообщал о «своей» Биармии. В течение IX–XVI вв. она «перемещалась» с востока на запад, от устья Северной Двины (согласно исландским королевским сагам IX–XII вв.) через Карелию на Кольский полуостров. А.В. Головнёв по поводу Биармии заключает: «Восточная Прибалтика, Кольский полуостров, Карелия, Верхнее Поволжье, Подвинье, Прикамье, Волжская Булгария — неполная панорама гипотетически отводимых для Бьярмии областей Северно-Восточной Европы. Судя по всему, давняя мечта исследователей приколоть Бьярмию к определенной точке на карте не исполнима. ...Для норманнов Бьярмия начиналась там, где завершался освоенный ими морской северо-восточный путь, а заканчивалась где-то за

пределами обитаемой земли, куда сходились пределы других необитаемых земель» [3, с. 8]. По-видимому, не менее прав и Н.М. Терехин, когда пишет: «“Бьярмаланд” скандинавских саг — это не какая-то географическая реальность, но обобщенный до стереотипа мифогеографический образ Севера, где лежат земли, населенные великанами и колдунами — финнами, где совершают свои подвиги герои скандинавского мифологического эпоса и волшебной сказки и, наконец, где расположена райская “страна бьярмов”, изобильная мехами и драгоценными камнями» [13, с. 264]. Иначе говоря, Биармия — это поистине воображаемое место, символическая реальность, помещающаяся между иллюзией и действительностью в пространстве «имагинативного абсолюта», открытого Э.Я. Голосовкером. Характерно, что в случае с Биармией более важным оказывается имя, нежели территория: имя оказывает мифопорождающее, магнетическое действие, оно является хранителем истории, человеческой памяти, выводит нас в иную реальность и заставляет искать себе место, ибо в нем отложились все те слои времени и воображения, что собирались в веках.

Тема Биармии имеет давние корни в литературе. В XIX веке она появляется в художественной литературе как край мечты и легенды, условная страна скандинавских саг. Так, у К. Батюшкова («Мечта»):

*Пал витязь знаменитый
Под тучей вражьи стрел!..
Ты пал! И над тобой посланницы небесны,
Валкирии прелестны,
На белых, как снега Биармии, конях,
С златыми копьями в руках
В безмолвии спустились!*

В записках путешественников, осваивавших просторы Севера во второй половине XIX в., также порой появляется имя Биармии — так называют северо-западные пространства России, в прежние времена населенные чудскими племенами. В описании К. Случевским путешествия с Великим Князем по Северу встречаем: «Вологодская губерния одна из частей древней фантастической Биармии, того Заволочья, от которого богател Великий Новгород, торгуя с Азией; это бывшее пепелище чуди, потомками которой являются зыряне...» [10, с. 186].

Но пик интереса к этой теме приходится, пожалуй, на наше время, когда тема Биармии перешла границы научного дискурса и стала предметом обсуждения в паранаучных кругах, превратилась в объект мифотворчества, литературного и исторического, а также в объект идеологических спекуляций (о чем еще в 1970-е гг. предупреждал А. Никитин): в поле этой мифологемы, символического топоса раз-

ворачиваются сегодня настоящие битвы, выстраиваются метаисторические конструкции, относимые к области фолк-истори. Здесь лишь упомянем, что и сегодня ряд авторов связывает Биармию с мифической Гипербореей или Арктидой, по преданию располагавшейся в районе Северного полюса и погибшей в результате глобальной катастрофы. Кроме того, Биармия, как ближайшее продолжение страны Золотого века Гипербореи, нередко объявляется родиной русов-славян, которые дали начало ариям¹.

Всплеск интереса к Биармии в XX в. следует, по-видимому, вести от эпической поэмы Каллистрата Жакова «Биармия», написанной этим известным в эпоху Серебряного века писателем коми в 1916 г., переведенной на латышский язык Янисом Райнисом и в 1924 г. опубликованной в Риге, а на русском языке — в авторском изложении — появившейся только в 1993 г., с параллельным текстом-переводом на коми.

Одной из своих задач в течение жизни К.Ф. Жаков полагал возрождение национального самосознания и культуры своего народа. Как показывает исследование П.Ф. Лимерова, он где записал, а где и написал нанове массу сказок, легенд, сказаний коми, и все его творчество в этом направлении завершилось созданием «Биармии» [7]. По замыслу автора, поэма является реконструкцией древнего Северного эпоса, точнее — эпоса народа Перми, родственного по языку и культуре всем народам, проживающим на обширной территории европейского Севера от Урала до Финляндии, с центральной областью — бассейном Северной Двины, — обозначенной в поэме как Биармия. Как писал сам Жаков, «Все то, что говорится в сагах о Биармии, имело место, как доказывают другие данные у вогулов, остяков и других финских племен Восточной России и Европы» [5, с. 6]. Одним из источников его произведения явились скандинавские саги, из них он взял не только имя Биармия и историю об ограблении викингами святилища бога Йомалы, но и ряд «бродячих» сюжетов, как, напр., сюжет женитьбы князя на иноземной принцессе. Однако, выстраивая картину гармоничной, исполненной поэзии жизни своих предполагаемых предков, Жаков размещает ее в пространстве, где реальная география мешается с мифологической, легендарной. В поэме «Яур, князь рыжебородый», «владелец» Джеджим-пармы, располагающейся «у верховьев быстрой Эжвы — Вычегды широкоструйной» [5, с. 35, 36] — отправляется в Биармию за невестой, синеглазой Райдой, и добывает ее вопреки сопротивлению отца, применив колдовство — усыпив стражей Райды. Столицей Биармии на-

зывается г. Кар-дор, скорее всего, нынешний Архангельск, описанный, согласно названию, как «красный город»: «Красным камнем среди топазов / Возвышался этот город / Над равниной травянистой, / Среди тундры, мхом обросшей, / Белым ягелем хрустящим» [5, с. 52]. Прочие же герои поэмы родом из лесных и речных мест, особенно подробно даны описания рек: «Локчим, Вишера за ними, / Сыктыв-ю из Пармы юга / Воды синие льют в Эжву; / И отсюда беспрерывно, / Горделиво катит волны / Вычегда рекой великой — / От востока вдаль, на запад. / Жаждет вод она слиянья / С черноглазою Двиною» [5, с. 39]. Далее в поэме упоминаются Печора, а также Кама, Тобол, Обь, т. е. реки выступают естественными ориентирами и разделителями пространства, как это было у разных народов в древности.

Ориентировочно центральные герои поэмы живут именно на территории нынешней республики Коми между Северной Двиной и Печорой, и, если судить строго, они не биармийцы, однако поэма называется именно «Биармия» — почему? Вероятно, Жаков следовал не только рассказам скандинавских саг, из которых европейцы узнали о Биармии, но и мифологическому представлению народов финно-угорских семьи о Биармии как древнем сильном и богатом государстве, размещавшемся к востоку от Северной Двины. Именно как «крайняя земля» присутствует Биармия у Жакова. Характерно, что он различает Пермь и Биармию: жителями древней Перми — «гористой Перми» — являются у него не биармийцы, а обитатели Джеджим-пармы, «стран Востока». Располагается «Пермь святая на увалах, / У истоков рек великих, / На узлах дорог Востока» [5, с. 50], т. е., более конкретно, в Уральском регионе. Чрезвычайно широко простирается этот мир на восток и северо-восток: за «Пермью гористой», владельцем которой выступает Яур, располагаются края вогулов, Югра с «самодеями», Сибирь с тунгусами и другими народами. Самой крайней землей с востока, упоминаемой в поэме, является Китай: сын Яура и Райды Югьдморт, попав в Сибирь, научился там читать «книги трудные Китая». А с запада граница мира поэмы опять-таки размыта. В «Биармии» Жакова упоминается также «Бог Юмала биармийцев», бог неба, он размещается в древнем «капище» среди других богов. На свадьбе дочери царь Биармии Оксор рассказывает, как однажды к нему в страну приплыли варяги: «Раз варяги появились / В светлом море, все викинги. <...>

¹ А.В. Галанин пишет: «Гиперборейцы, видимо, и есть древние русы, их далекие прапредки, которые жили в Беломорье» [2], причем Беломорье и Биармия для него выступают синонимами.

Стали грабить все кумирни» [5, с. 53], но он напал на них «темной ночью» и прогнал обратно в море. Земля, откуда приплыли «варяги», или «викинги», никак не именуется. Также не имеет названия и земля племени Роч, которое в обозримом будущем, согласно предсказаниям тунов, потеснит обитателей блаженной «гористой Перми» (под племенем Роч имеются в виду русские).

Весь этот особый историко-географический ландшафт Жакова может быть понят лишь исходя из целостного контекста его творчества. В книге «На Севере, в поисках за Памом Бур-Мортом» (1905) землей сакрального знания, памяти и отеческих корней является для героя-рассказчика *север*, а в странствиях Пама Бур-Морта (одного из двойников или ипостасей автогероя) север замещается *востоком*: в поисках истины жизни Пам Бур-Морт движется сначала к югу, а потом к востоку — «к концу земли». Восточное направление значимо своим метафизическим и мифологическим содержанием: там постигаются последние смыслы миробытия, поскольку *восток* — это утро жизни, которая еще не началась, которая всегда впереди². В этнографическом очерке Жаков писал, что одно из следствий «культурного влияния русских — это влечение зырянина “в широкие места, на юг, на восток”. На запад его мало тянет. Он стремится “в привольную, хлебобородную, с хорошими лугами Сибирь”» [4, с. 346]. Запад и юг как земли, давно освоенные цивилизацией и, по-видимому, достаточно чужие для северян — «первобытных» народов (по Жакову), опускаются им, но сама «лакуна» на их месте симптоматична. Викинги же, как и любые «варяги», а также племя Роч — завоеватели, поэтому они лишены родины, своей земли.

Время жизни героев поэмы и существования их совершенного мира представлено как уже близящееся к закату — финал его близок и ясен, ибо автор не скрывает, что это время мифического идеала, располагающегося в прошлом. Судьба Биармии печальна (хотя печали этой не испытывает ни автор, ни, тем более, герои поэмы): «Через век страна погибнет / У реки Двины прозрачной — / Биармия та исчезнет. / Парма Эжвы жить же будет / Долго, долго и прекрасно» [5, с. 180]. По сути, жизнь Биармии объявляется прекратившейся вместе со смертью «светлой Райды», о деяниях которой пишет на дощечках сам князь Яур, ее супруг. Биармия отождествляется с образом женщины: вероятно, здесь можно увидеть общие черты, связывающие Жакова с современниками, поэтами символизма, не лишним будет назвать здесь имя А. Блока, а также и его «вдохновителя» Вл. Соловьева.

Жаков задал наиболее широкий и интересный ракурс художественного изображения Биармии. В последующей русскоязычной литературе возобладала сюжетика, запущенная скандинавскими сагами, и утвердился детективно-приключенческий характер интерпретации этой темы. Таковы, напр., повесть Е. Богданова «Ожерелье Йомалы» (1966), или роман Валентина Иванова «Повести древних лет» (1955). Интересно, что история о вторжении викингов в Биармию и нападении на святилище Йомалы стала фабульной основой сюжета пьесы современной поэтессы из Карелии Е.Г. Сойни «Оставайся в Биармии» (1996), поставленной на сцене Петрозаводского национального театра как рок-опера. Герои пьесы столь же репрезентативны, как и у Е. Богданова: это викинг Харальд Серая Шкура (реальный персонаж скандинавских саг) и его сестра Рагни, биармийцы и новгородцы. Дополнительно автор вводит фигуру поэта — скальда Эйнара, ставшего спасителем биармийской девушки, а затем погибающего от руки своей соплеменницы Рагни. Пьеса носит синкретичный характер: используется скандинавская символика (викинги ассоциируются с волками, у Рагни есть ручные вороны, а биармийка Йоучен сравнивается с лебедем), героический, исполненный высокой и суровой поэзии мир викингов прославляет скальд, правда, его песни слегка напоминают тексты пьесы Н. Гумилева «Гондла», но в своем интервью автор не скрывала, что источников ее вдохновения было много, и среди них поэты Серебряного века, воспевавшие Север.

*Как похожи вы,
Белые птицы
С самых разных земных берегов,
Здесь, во льдах, среди вечных снегов
Что заставило вас приютиться?
Ни оттаять — короткое лето,
Ни согреться — остудят ветра.
Внемля зову рассвета,
Собираются чайки.
Пора.
В разных стаях отправятся снова
К берегам отдаленных морей.
Солнцем сдержанным,
Солнцем суровым
Напоследок их, Север,
Согрей [12].*

«Мне кажется, что именно через поэзию возродилась легенда, миф. Поскольку история Биармии была воспета, значит, события происходили. <...> В этом месте соединились все

² В этой связи можно вспомнить многочисленные мифологизации Востока в отечественной культуре XIX–XX вв., из наиболее близких Жакову — «свет с Востока» в поэтической философии Вл. Соловьева, воспринятой А. Блоком и другими символистами, а также построения евразийцев.

культуры: и финно-угорская, и скандинавская, и культура ильменских славян. <...> В результате своеобразного синтеза культур и родилась северная Русь» [12], — так осмысляла сама Е. Сойни мотивы, побудившие ее к созданию пьесы.

Все эти произведения на тему Биармии с обязательным сюжетом вторжения скандинавских викингов предваряются историческим романом Валентина Иванова «Повести древних лет», впервые вышедшем еще в 1955 г., но с тех пор пользующемся неизменным спросом читателей. Здесь дан обобщенный подход к теме Биармии, хотя центральной идеей произведения является мысль об особом пути России, в IX-X вв. отстоявшей свою независимость от нашествия скандинавских викингов. Древняя Русь для Иванова концентрируется в Руси северной, новгородской, ибо именно ильменские славяне вместе с биарами — жителями беломорского побережья и прибрежных лесов — отбросили назад войско Оттара, о завоевательном походе которого рассказывают скандинавские саги. Иванов представляет свою концепцию развития не только русской, но и европейской истории. Вопреки пессимистической оценке Чаадаевым истории России как изолированной от общей судьбы Европы Валентин Иванов видит преимущества Руси-России именно в ее отдельности (но не обособленности). Западная Европа покорилась норманнскому завоеванию — Русь выстояла и вырастила особую государственность, сплотив народы на шестой части земли. Скандинавские викинги рисуются в произведении писателя как кровожадные, непомерно жестокие, абсолютно безнравственные и расчетливо-прагматичные хищники, эксплуататоры всех покоряемых народов. Образ жизни Оттара, во главе которого стоит культ силы и личной выгоды, противопоставляется в романе жизни новгородцев, носителей великой Новгородской Правды, в первую очередь — тех, кто отселился на дальние земли к устью Северной Двины, начал осваивать новые пространства, и начал не с вражды, а с дружбы и братской взаимопомощи населению этих земель. Разрушение, эгоизм, бесчеловечность, культ смерти — и созидание, дух коллективности, любви и жизни: таковы антиномии западного и восточного мира, раскрываемые Ивановым через сюжетно-образную систему произведения.

Одна из заключительных на сегодняшний день художественных рефлексий на тему Биармии звучит из уст Владимира Тимина, писателя коми, чей роман «Викинг из Биармии» был опубликован в журнале «Арт-лад» в 2011-2012 гг. «Биармия, — пишет автор, — это наша северная Атлантида. <...> ...я всем своим су-

ществом, как говорится, сердцем — чувствую: дошедшие до нас сказания, сведения о Биармии — не досужий вымысел, но отражение чего-то реального, действительно бывшего. Более того, я уверен: в событиях той далекой эпохи можно угадать, отыскать и корни истории древних коми людей, а значит — и мои далекие корни» [14, 2011, № 3, с. 22]. Словно вторя Елене Сойни, писатель заключает: «...легенда, сказание бывают даже реальнее того, что мы называем историей (курсив наш. — Е.С.)» [14, 2011, № 3, с. 22]. Вымышленное повествование о мальчике народа коми, увезенном викингами с собой, из пленника и раба ставшего затем полноправным воином-викингом и вновь вернувшимся на родину, чтобы погибнуть, защищая святыню, а с ней и своих родных, предваряется документально подкрепленным введением, где рассказывается о давней (1966 г.) фольклорной экспедиции, в которой автор, тогда еще совсем молодой, был вместе с А. К. Микушевым, патриархом коми фольклористики, ныне широко известным ученым. И точная дата экспедиции, и имя Микушева, и названия деревень в Удорском районе «удостоверяют» рассказ, услышанный автором-рассказчиком из уст «информанта», старика Зосима. Нарратив идет как цепная реакция: старик рассказывает о том, как в окопах Первой Мировой он сдружился с французом, и тот рассказал ему историю, услышанную им от предков: «В нашем роду из поколения в поколение передается очень древнее предание о том, что один из предков в роду, выходец из норманнов, вообще-то родом из очень дальних земель, может быть, даже из Бьярмаланда» [14, 2011, № 3, с. 22]. Это предание и становится завязкой сюжета романа Тимина: писатель наполняет его плотью и дает свою версию истории мальчика Чож Ура, ставшего в стране викингов Бьярмой.

Таким образом, скандинавские предания и разнообразный исторический материал о Биармии в этом произведении интерпретируются с позиций народа, по праву считающего легендарную страну своей праисторической родиной. Биармия меняет облик: с ней происходит еще одна метаморфоза, и из морской страны она становится землей лесов и рек, сохраняя, однако, свою загадочность и конечную непостижимость наряду с чрезвычайной значительностью для судеб многих народов. Общефинский бог Йомалу, о котором говорится в скандинавских сагах, становится у Тимина Юмалой — главным богом преимущественно западных земель Биармии. На родине же Чож Ура, в восточных, т. е. зырянских землях главной богиней, защищающей людей и помогающей им, называется Зарань. При этом используется мифологема Золотой бабы, рас-

пространенная у коми, а также у их северных «родственников» вогулов. Именно ей поклоняются сородичи главного героя Бьярмы, ее спасает от кощунственного ограбления «викинг из Биармии», а затем о ее дальнейшей судьбе автор сообщает следующее: «После того случая Зарань в сопровождении значительной части коми общины была тайно отправлена к берегам Емвы, или, на местном наречии, Енвы (Енва — Божья река. — примеч. автора. — Е.С.). Обосновалась она на новом месте, как оказалось, надолго — до новых поползновений на ее всенародное уважение и поклонение. В золотом своем величии она ушла, а духовно осталась в этих землях вне зависимости от хода времен» [14, 2012, № 3, с. 59]. Богиня воплощает для автора душу коми народа, она — в центре его истории, и она столь же легендарна, как Биармия, вместе с которой она пришла в мир. Поэтому на миф о Биармии автор романа «нанизывает» важнейшие события из истории коми: миссионерство Стефана Пермского, который «...при поддержке стремительно растущей русской государственной машины кардинально изменил образ жизни и даже мышление сотен тысяч людей, чье национальное самосознание само по себе не успело к тому времени в полной мере созреть»; духовное сопротивление Пама «из рода древних князей Памов» — он «сразу же, как только почувствовал опасность, грозившую главной святыне пермян (понятие “Биармия” было уже искоренено) и всех родственных угорских племен, в сопровождении верных ему людей переправил золотую богиню за Урал. <...> Где именно сегодня Зарань?.. Об этом спрашивали и у хантов, и у манси, зауральских угров. Отвечали они всегда одно: “Про Зарань ничего не можем сказать. Столетиями люди об этом молчали, а мы что, самые болтливые?” Богиня Зарань на их языке — Сорни Най...» [14, 2012, № 3, с. 58]. Интересна состоявшаяся здесь «перелицовка» мифологемы Золотой бабы, которая в романах пермского писателя Алексея Иванова, например, имеет облик злобной идолицы, вредящей людям и внушающей непосвященным кромешный ужас. Что же касается ее путешествия в Сибирь, то это «общее место» сюжетов о Золотой бабе / Йомале / Зарань / Сорни Най (см. об этом [8]).

Следует также отметить принципиальное различие писателей в интерпретации и оценке как самих викингов, так и их завоевательных походов на Европу и на Русь / Биармию. Оценка эта определяется, в первую очередь, национально-этнической идентичностью автора. Русские писатели изображают викингов в достаточно неприглядном облике, наиболее резок и нетерпим здесь Валентин

Иванов («Повести древних лет»). Новгородцы (русичи) и коренные жители северных регионов биары (бьярмы, биармы, чудины и т. д.) способны к дружескому союзу, и только это может спасти их мир от порабощения грубой норманнской силой. Образы викингов у писателей, принадлежащих к исходно биармийским этносам, окрашены поэзией, несмотря на всю их жестокость и беспощадность. «Смелость, отвага, решительность, умение в совершенстве владеть своим оружием сделали их столь непобедимыми, что Европе пришлось жить под властью викингов целых триста лет. Они и внешне были заведомыми победителями...», — пишет Тимин [14, 2011, № 3, с. 22]. Облагораживание завоевателей происходит во многом благодаря образу скальда, который вводят и Е. Сойни, и В. Тимин: так, его мальчика из Биармии забирает от жестоких хозяев некий Хеймдалль скальд, мечтающий о том, чтобы увидеть далекую Биармию и заключить мир с ее жителями, он и обучает Чож Ура боевому искусству викингов. Мотивы действий конунга Эдвина Сильная Рука, с которым отправляется на родину достигший высокого статуса викинга Бьярма, одновременно расчетливы и благородны: «Находящийся на западе от него (Бьярмаланд) Гольмград (Новгород) расширяет свои владения, но к северу и северо-востоку преградой его притязаниям стоит Бьярмаланд. Конунги полагают, что постепенно Бьярмаланд будет терять свои замели, пока полностью не перейдет под руку многонаселенного Гольмграда. <...> Эта таинственная страна для нас может оказаться самой важной и ценной. Норманны по крайней мере готовы помочь Бьярмаланду, чтобы этот край не потерял своей самостоятельности, своего названия и значения» [14, 2012, № 3, с. 15]. Т. е. для этого автора из республики Коми спасением северных племен от колонизации со стороны сначала Новгородского, а затем Московского государства могло бы стать скандинавское владычество, которого, однако, в реальной истории не случилось.

«Мифография» Биармии обладает притягательной силой и, в качестве глобального пространственно-исторического мифа, впитывает в себя соседние, смежные и порой достаточно отдаленные мифологемы и концепты. При этом происходит естественная трансформация исходных мифов, и в поле художественного сознания того или иного автора актуализируется та мифологема, тот слой древних источников, который оказывается наиболее пригоден и причастен сегодняшнему дню. Но есть и великие поэты, в воле которых — не только продолжать, но

и запускать новые мифы, среди них — Каллистрат Жаков. Но, думается, история легендарной и поэтической Биармии еще не завершена.

Библиографический список

1. *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. — 404 с.
2. *Галанин А.В.* Vjarmland — Русь Беломорская // Арктика и Север. 2011. № 2 (май). URL: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?ELEMENT_ID=15746 (дата обращения 30.10.2015)
3. *Головнёв А.В.* Бьярмия: неоконченная сага о крайней земле // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2002. № 8. — С. 5-35.
4. *Жаков К.Ф.* Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания / сост., вступ. ст. и комм. А. И. Туркина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. — 464 с.
5. *Жаков К.Ф.* Биармия: коми литературный эпос / сост., предисл., комментарии А. К. Микушева; пер. на коми М. В. Елькина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. — 312 с.
6. *Леонтьев А., Леонтьева М.* Биармия: Северная колыбель Руси. М.: Алгоритм, 2007. — 256 с.
7. *Лимеров, П.Ф.* Поэма «Биармия» как итог исследовательской деятельности Каллистрата Жакова по реконструкции древнего мировоззрения коми-зырян, П.Ф. Лимеров // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2015. №1. — С. 110-116.
8. *Мароши В.В.* Использование мифопоэтического ресурса в современной региональной прозе охота за Сорни-Най // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 3: в 2 т. Екатеринбург: УрО РАН; ИД «Союз писателей», 2007. Т. 2. — С. 266–278.
9. *Никитин А.* Биармия / Vjarmland скандинавских саг // URL: <http://library.narod.ru/saga/osnova312.htm> (дата обращения 30.10.2015)
10. *Случевский К.* По северу России. Путешествие Их Императорских Высочеств Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 гг. Т. 1. СПб.: тип. Э. Гоппе, 1886. — 332 с.
11. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. Стлб. 396.
12. *Сойни Е.* Моя Биармия // URL: <http://knk.karelia.ru/2009/10/mnogie-godi-o-biarmii-pomnili.html> (дата обращения 30.10.2015)
13. *Теребихин Н.М.* Геокультурные и геоисторические образы Русского Севера (Поморья) — родины Ломоносова // Россия: воображение пространства / пространство воображения / отв. ред. И. И. Митин. М.: Аграф. — С. 262-267.
14. *Тимин В.* Викинг из Биармии: роман // Арт-лад. Сыктывкар, 2011. № 3. С. 14-45; № 4. С. 10-45; 2012. № 2. С. 20-55; 2012. № 3. С. 15-59.

Е.Г. Власова

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ЕРМАК КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ УРАЛЬСКОГО ЛАНДШАФТА (на материале сылвенского сюжета уральской мифологии о ермаке)¹

Статья посвящена геокультурным аспектам формирования уральского мифа о Ермаке. Отталкиваясь от наблюдения Д.Н. Замятина о том, что «гений в свою очередь является «произведением» места», мы показали, как культурная память локуса меняет пространственную и временную конфигурацию исторической личности, встраивая его в существующие геокультурные связи. Материалом исследования послужил сюжет о сылвенской зимовке Ермака как один из самых сложных для исторической идентификации. Появившись в местных преданиях и закрепившись в знаменитой Кунгурской летописи, этот сюжет получает развитие в локальной памяти, что подтверждается более поздними фольклорными и литературными материалами, прежде всего, путевой очеркестикой XIX века, послужившей основой литературного освоения местного пространства в перспективе формирования уральского текста русской культуры.

Ключевые слова: *культурный ландшафт, уральские травелоги XIX века, Ермак, уральская мифология*

Vlasova E. G.

Perm State National Research University

ERMAK AS A PRODUCT OF THE URAL LANDSCAPE (BASED ON THE MYTH OF ERMAK'S WINTERING ON THE SYLVA RIVER)

The article is devoted to the geocultural aspects of the Ermak's image formation as a part of the Ural mythology. We used D. N. Zamyatin's thesis that «genius, in turn, is a 'work' space» and showed how the cultural memory of the locus changes the temporal and spatial configuration of historical figures, integrating it into a full geocultural connection. The research is based on the story of Ermak's wintering on the Sylva river as one of the most difficult events for historical identification. This story appeared in local legends and entrenched in the famous «Kungur chronicle». Then it has been developing in local memory, as evidenced by the later folkloric and literary materials. The most significant source is the travelogue of the XIX century which formed the basis for the further literary development of local space leading to the formation of the Ural text in Russian culture.

Keywords: *cultural landscape, Ural travelogue of the XIX century, Ermak, Ural mythology*

Ермак занимает особое место в культурном ландшафте Урала, являясь одним из центральных героев местной памяти. Уральская мифология соединила в его образе два архети-

пических статуса — героя-завоевателя, покорителя новых земель, и трикстера: разбойника, алчность и жестокость которого были соразмерны его воинской доблести. Процесс формирования уральского мифа о Ермаке ярко демонстрирует механизм активного воздействия локального ландшафта на феноменологию и онтологию исторической личности, попавшей под прицел локальной памяти. В.В. Абашев, анализируя место Ермака в парадигматике пермского текста, поднимает проблему трансформации исторической личности в процессе

© Власова Е.Г., 2018

Власова Елена Георгиевна, к.филол.н., доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ
elena_vlasova@list.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта №15-14-59004 а(р) «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII - начала XX вв.»

локального семиозиса: «В пермский текст он входит не как реальное событие в его причинно-следственных связях и сопутствующих обстоятельствах, а в качестве суггестивно богатого словесно-визуального означающего, которое в процессе семиозиса отделилось от реального события и начало свою самостоятельную жизнь в истории» [1, с.46]. Учитывая отсутствие документальных свидетельств о личности Ермака и крайнюю мифологизированность обстоятельств его сибирского похода, «самостоятельная» жизнь мифа становится единственной реальностью, замещающей собой некогда произошедшие факты. Испытывая подобные трансформации, реальная личность превращается в персонаж, вписанный в локальное пространство и систему складывающихся в нем смыслов. Таким образом, человек теряет свою независимость от места: ландшафт входит в него, превращая в свою часть.

Взаимодействие человека с ландшафтом носит двусторонний характер. В размышлении Д.Н.Замятина о со-пространственности гения и места есть важное для нашего исследования наблюдение: «С нашей точки зрения, гений, в свою очередь является «произведением» места» [4, с 319]. В случае с культурным героем процесс влияния места на человека оказывается доминирующим, поскольку опосредован не столько конкретным опытом личности, сколько суммой смыслов, заложенных в самом ландшафте, и теми интерпретациями, которые оформили семиосферу культурного героя в процессе его вхождения в ландшафт.

Наполнение образа Ермака в уральской памяти складывалось как объединение разнородных фольклорных сюжетов. Так, знаменитый исследователь местной мифологии В.В. Блажес отмечает, что разбойничий мотив в уральских преданиях о Ермаке формируется по принципу притягивания уже существующих сюжетов разбойничьей вольницы. Ученый показал, что, несмотря на большое количество преданий о поволжских разбойниках, бытовавших еще до завоевания Сибири, в них нет упоминаний о Ермаке — каспийском пирате [3]. Только после сибирского похода и в связи с его описанием, которое восходит к народным преданиям, появляется образ разбойничьего предводителя Ермака. Комментируя это наблюдение исследователя, К.В. Анисимов отмечает: «Началось «стягивание» «воровских» мотивов к имени Ермака и оформление «канонического» образа завоевателя Сибири как бывшего разбойника, искупившего вину перед царем покорением вражеского царства» [2]. Получается, что семиотизация образа Ермака изначально была задана особенностями местной памяти и локальной самоидентификации, связанной, в частности, с

особым маргинальным характером уральского фронта.

Влияние геокультурного контекста на фольклорный образ Ермака отмечает и другой ведущий исследователь уральской мифологии В.П. Кругляшова, которая, характеризуя динамику уральских преданий о Ермаке, говорит о том, что со временем они все отчетливее попадают под влияние «активного по своим социальным устремлениям» горнозаводского фольклора Урала: «Традиционный для ермаковских преданий сюжет, раскрывающий Ермака, как завоевателя, изменился вследствие изменения характера образа. Основным содержанием стала борьба за социальную свободу, защита бедных, угнетенных людей, расправа с угнетателями. В зависимости от такого содержания наметилось сюжетное развитие преданий о Ермаке, большую роль в которых играли сюжеты разинского фольклора. Ермак в преданиях встал в один ряд со Степаном Разиным, с «вольными людьми» уральского горнозаводского фольклора» [5, с. 154]. Наблюдения В.П. Кругляшовой совпадают с логикой нашего размышления: геокультурный контекст оказывает самое непосредственное влияние на процесс семиотизации реалий локального ландшафта, в том числе семиотизации личности, связанной с ним.

Основной задачей нашего исследования является попытка выявления механизмов трансформации исторических реалий: героев и событий, — под влиянием геокультурных связей, складывающихся в ландшафте. На наш взгляд, моделью подобной трансформации может служить один из самых спорных сюжетов ермаковского мифа, связанный с преданиями о сылвенской зимовке Ермака.

Из всех дошедших до нашего времени летописей, повествующих о походе Ермака², только Кунгурская рассказывает о том, что, прежде чем отправиться в Сибирь, Ермак зимовал на Сылве. Следуя версии Кунгурской летописи, отряды Ермака «не попали по Чусовой в Сибирь и поплыли по Сылве вверх» [6, с. 249]. Здесь они зазимовали. Потом вернулись на Чусовую и по реке Серебрянке отправились на Тагильский волок. Во время зимовки Ермак основывает на Сылве новое поселение — Городище, где строит струги для похода в Сибирь и собирает провиант, совершая набеги на вогулов. После долгой зимовки часть отряда в поход уже не идет, поскольку казаки «...с женами и детьми навек поселились» [6, с. 251]. В летописи говорится также, что еще до начала похода

² Основными летописными свидетельствами похода считаются Есиповская, Стrogановская, Кунгурская и более поздняя — Ремезовская, которая в основном была построена на контоминации Есиповской и Кунгурской летописей.

в Городище возводится часовня во имя Николая Чудотворца, завершение строительства которой и определило начало ермакова похода.

Все другие летописи об этой зимовке не упоминают вообще. Историки в сылвенские плутания Ермака тоже не верили. Как отмечает автор обстоятельного очерка «Тропа Ермака» краевед Сергей Останин³, «версия о сылвенском житии Ермака не нашла поддержки ни у Карамзина, ни у Костомарова, ни у других российских историков» [10]. Вслед за С.Г.Скрынниковым, автор исследования полагает, что Кунгурская летопись не выдерживает историковедческой критики: военно-тактическая опытность казаков не позволила бы им заплутать или выбрать для зимовки место, так далеко отстоящее от намеченного пути. По мнению Останина, Кунгурская летопись стала результатом намеренного перелицовывания истории, совершенного кунгурскими священнослужителями, которые сделали Ермака крестителем края. Семен Ремезов, нашедший летопись во время своей поездки в Кунгур, быстро поверил этому документу: «Для него, человека набожного, воцерковленного, выдумки кунгурских служителей церкви о плутании Ермака по Сылве, искусно вплетенные в летописные своды, стали делом верным, состоявшимся. Как историк своего, средневекового времени, он воплотил их веру, замешанную на местническом расчете и эгоизме, в собственном историческом исследовании, придав этой вере видимость научного знания» [10].

Современные пермские историки называют другую причину для распространения рассказов о сылвенском походе Ермака: «Отряд Ермака продвигался по рр. Чусовой, Серебрянке, Сылвице (устье которой находится в верховьях Чусовой, близ устья р. Серебрянки. Сылвицу ошибочно отождествляют с р.Сылвой, отсюда фольклорная традиция, указывающая на пребывание Ермака в окрестностях совр. г. Кунгура), Баранче, Тагилу, Туре, Тоболу» [7, с. 42]. Могла ли топонимическая путаница стать причиной столь подробной и разветвленной истории, сказать сложно, важно, что версия о ней солидаризируется с мифологическим характером происхождения сылвенского сюжета.

В то же время нужно отметить, что доказательство Скрынникова-Останина в среде уральских историков и краеведов не является общепризнанным. Оно существует параллельно другой доказательной базе, представленной, например, в исследовании екатеринбургского историка В.А. Шкерина [12], который настаивает на реалистичности кунгурской зимовки Ермака.

Не смотря на сосуществовании разных версий, остается бесспорным тот факт, что вне зависимости от достоверности описываемых

Кунгурской летописью событий сылвенский сюжет стал важнейшей частью локальной памяти, закрепившись в местной топонимике, преданиях, а позднее и в литературных текстах. В этой связи особое значение приобретают исследования, посвященные характеристике повествовательной манеры Кунгурской летописи. Все ученые сходятся во мнении, что памятник принадлежит к особому роду сибирских летописей, основанных на пересказе устных преданий. Эта версия была введена в научный оборот С.В.Бахрушиным и поддержана Д.С.Лихачевым. В.В.Блажес отмечает: «Исследователи называют Кунгурскую летопись «единственным, сохранившимся до нас образцом казачьего летописания»; называют так потому, что она, во-первых, наиболее полно отразила народные воззрения на все, что связано с завоеванием Сибири и, во-вторых, донесла фрагменты и пересказы урало-сибирских преданий о Ермаке в наиболее чистом, неинтерпретированном виде» [3, с. 16]. Эти выводы являются на сегодня самыми точными из всех возможных исторических реконструкций. Главным источником для автора Кунгурской летописи послужили не столько официальные установки местных служителей церкви, сколько многочисленные и любимые народом предания о Ермаке. Это не исключает того, что инициатива по написанию летописи могла быть связанной с попыткой укрепления геополитического статуса местной власти и местного духовенства. Однако в конечном итоге Кунгурская летопись, вобрав в себя местные предания, послужила своего рода легитимизацией народной версии маршрута Ермака.

Сылвенская зимовка Ермака представляет собой устойчивый сюжет, возникший, скорее всего, до написания Кунгурской летописи, которая лишь подтолкнула его к дальнейшему развитию, зафиксировав в качестве исторического факта. По мере своего бытования этот сюжет обрастает историями, которые разворачиваются в местном пространстве, формируя собственную топографию. В.В.Блажес, изучив архив Н.Е.Косвинцева, пересказал несколько топонимических преданий, которые были зафиксированы этим уральским краеведом во время кунгурских экспедиций конца XIX века. Согласно этим записям ермаковцы приняли непосредственное участие в основании сылвенских деревень Ермаки и Кокуй. История деревни Петушки также была связана народной памятью с Ермаком: здесь жил разбоем один из

³ Сергей Вениаминович Останин — уроженец Кунгура, живет и работает в Москве военным обозревателем ИТАР-ТАСС; автор краеведческих книг «Блюхер в Кунгуре», «Пугачевщина под Кунгуром».

бывших соратников Ермака, а сохранившаяся часовня, возраст которой датируется XVI веком, была построена ермаковцами [3, с. 21]. Кунгурская летопись упоминает только одно поселение на Сылве, основанное Ермаком, — это Городище. Современные историки идентифицируют его по вершине горы Ледяной: на берегу реки Сылвы напротив села Филипповское. Остальные локусы, скорее всего, встраиваются в сферу влияния Ермака позднее, подтверждая общий механизм присвоения статусной личности. Даже если Ермак действительно зимовал на Сылве, локальная память интерпретировала этот факт в соответствии со своими «присваивающими» установками, которые значительно расширили место действия ермаковской дружины.

В процессе мифологизации расширяется не только география, но и время жизни исторической личности. Герой становится вместилищем общей памяти локуса, аккумулируя важнейшие события местной истории. Сылвенский сюжет мифа о Ермаке фиксирует процесс переноса героя вглубь веков, к первоистокам местной жизни — первым людям на Урале и обстоятельствам его русского освоения. Вас.Ив. Немирович-Данченко, побывавший на Урале в 1875 году, восклицал: «Расспросишь и окажется, что легендарный герой наш должен был жить по крайней мере триста лет» [9, с. 562].

Как утверждал В.В. Блажес, именно Кунгурская летопись ввела в круг преданий о Ермаке сюжеты, связанные с колонизацией коренного населения Урала — вогулов. «Другие летописи борьбы Ермака с вогулами на Урале вообще не освещают. Очевидно, это объясняется тем, что Кунгурская летопись создавалась на основе местных преданий. На Урале предания о том, как Ермак вогул «дубиной крестил», бытовали широко вплоть до XX века», — пишет исследователь [3, с. 22]. С течением времени этот сюжет соединяется с обширным циклом рассказов о легендарной Чуди. Устойчивость чудских сюжетов в преданиях о Ермаке зафиксировал, в частности, Немирович-Данченко, когда описывал свое путешествие по Сибирскому тракту — а значит, проезжал по местам «сылвенской зимовки»⁴.

Фольклористы оценивают текст Немировича-Данченко как один из самых точных и полных источников для изучения уральского фольклора того времени: «Добросовестный пересказ уральских преданий, многочисленные замечания о характере их бытования выдвигают очерки В.И. Немировича-Данченко в число основных источников, содержащих фольклорный материал о Ермаке», — пишет В.В. Блажес [3, с.11]. В очерках, посвященных поездке по

Сибирскому тракту, Немирович-Данченко пересказывает четыре ермаковских предания. Все они описывают битвы Ермака с коренным населением, которое именуется то немотой, то пермяками, то татарами, то чудью. Конечно, тема борьбы Ермака с автохтонами имеет вполне реальное основание — и Строгановы, и Москва, действительно, возлагали на Ермака задачи усмирения непокорных уральских народностей. Важно другое: в сылвенских преданиях о Ермаке происходит соединение истории Ермака и преданий о древней уральской Чуди, скрывшейся от первых русских колонизаторов внутри горы, или ушедшей под землю.

Вот один из разговоров путешественника со своим возницей по дороге из Кунгура.

«Где же Ермакова гора?»

— Да вон! Ишь, точно две срослись... Их две и было. Тут допреж разная неверная чудь жила. Шел Ермак и давай воевать ее. Бились они бились, — а там две горы стояли; промеж их и загнал Ермак неверного царя. А царь этот волшебный был: видит он — нет ему пути. Ни вперед, ни назад, конец неверной души приходит, и залял он эти горы. Лучше же, говорит, мне от горы пропасть, чем от меча христианского. Горы и навалились одна на другую. Там так и доселе чудской царь со своим воинством сидит». [9, с.534]

Своеобразная инициация Ермака в качестве культурного героя Урала происходит, на наш взгляд, в предании, которое рассказывает о смерти атамана на Ермаковой горе.

«Вон, на этой самой горе Ермаку снесла голову мурза татарская.

— Ого... Как же он потом Сибирь воевал?

— А у пермяков тогда волшебник оказался. Он и предложил, коли вы наших не тронете, в мире с нами жить будете, вам Ермака оживлю... И оживил.

— Как же это он ухитрился сделать?

— А так: забил его с головой в камень; через три дня и три ночи расколос камень и вышел оттуда Тимофеевич живым!

— Что же, пермяков не тронули? И посель живут?

— Где жить... И духу ихнего не осталось... Строгановы их разметали» [9, с.562].

Здесь важно и то, что Ермак в прямом смысле входит в землю, и то, что он становится преемником опыта, повторяя волшебное исчезновение Чуди в горе, и то, что, приняв этот опыт, Ермак больше не воевал с пермяками, очевидно, превратившись в одного из них.

⁴ Путевая очеркистика XIX века сыграла важнейшую роль в закреплении сылвенского сюжета как одного из ключевых мифов уральского текста русской культуры. П.И. Мельников-Печерский, П.И. Небольсин, и особенно Вас.Ив. Немирович-Данченко внимательно пересказали в своих уральских очерках все упоминания о Ермаке, в том числе и те, которые бытовали на Сылве.

Сегодня сылвенский сюжет ермаковского мифа активно продвигается в число важнейших брендов Кунгура: рядом с Ледяной пещерой открыта Ермакова деревня, деревянный крест посреди Крестового грота все чаще связывают с памятью о зимовке Ермака, по-прежнему популярным остается поездка на камень Ермак — один из самых живописных бойцов Сылвы, название которого хранит верность местной памяти старинным преданиям о Ермаке. В то же время чудская мифология — в основном благодаря историческим романам Алексея Иванова — локализовалась сегодня на чердынском севере и по реке Чусовой. Чусовая снова объединила разъятые советской идеологией мифологические линии — о Ермаке и Чуди, вернув глубоко укоренившийся в уральской геопоэтике сюжет об их органичной связи. Возможно, имиджмейкерам Кунгура тоже необходимо задуматься о возвращении чудской образности в сылвенскую часть ермаковского ландшафта.

Народная беллетризация сылвенской истории Ермака выявила механизмы присвоения личности ландшафтом и наделения ее ключевыми смыслами местной истории. Так Ермак становится покорителем древней Чуди, приобретая статус не только сибирского, но и уральского первопроходца. При этом сфера его влияния на Урале оказывается расширяющейся — места, расположенные по соседству с маршрутом Ермака, стремятся войти в поле его действия, повышая за счет связи с героем свой геокультурный статус. Во время подобного присвоения со всей очевидностью вскрываются глубинные мифологические связи местного ландшафта: отсутствие подтвержденных фактами мотиваций появления героя в данном пространстве компенсируется актуализацией базовых смыслов. В данном случае основой для присвоения образа Ермака послужила мифологема ушедшей под

землю Чуди, которая отсылает к истории заселения Урала, а значит, его рождения в пространстве русской культуры.

Библиографический список

1. *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Изд. 2-е, доп. Пермь, 2008. 496 с.
2. *Анисимов К.* Ермак в истории и литературе // Русский журнал. 2003. 19 февраля. URL: http://old.russ.ru/krug/20030219_anis-pr.html. Дата обращения 7 ноября 2015.
3. *Блажес В.В.* Фольклор Урала: Народная история о Ермаке (исследования и тексты). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 186 с.
4. *Замятин Д.Н.* Гений и место: в поисках сокровенных пространств // Проблемы теоретической и гуманитарной географии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию Б.Б.Родомана. Москва: Институт Наследия, 2013. С.308-332.
5. *Кругляшова В.П.* Жанры несказочной прозы Уральского горнозаводского фольклора: учеб. пос. по спецкурсу для студ. филол. фак-та. Екатеринбург: Издательство Уральского гос. университета, 1974. 166 с.
6. *Летопись Сибирская краткая Кунгурская* // Летописи сибирские / сост. Дергачева-Скоп Е.И. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. С. 249-265.
7. *История Урала до конца XIX века: учеб. пособие* / Г.П. Головчанский, П.А. Корчагин, А.Ф. Мельничук и др. Науч. ред. Г.Н. Чагин; Перм. ун-т. Пермь, 2007. 153 с.
8. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 879 с.
9. *Немирович-Данченко В.И.* Кама и Урал: (очерки и впечатления). Спб.: Тип. А.С.Суворина, 1890. 750, IV с.
10. *Останин С.* Тропа Ермака // Проза.ру. 2011. 16 июня. URL: <https://www.proza.ru/2011/06/16/729> Дата обращения: 12 ноября 2015 г.
11. *Скрынников Р.Г.* Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л.: Знание, 1982. 32 с.
12. *Шкерин В.* Золотая лодка на берегах Сылвы: Неизвестный поход Ермакова воинства // Родина. 2001. № 11. С. 34-36.

Н.Б. Граматчикова

Институт истории и археологии УрО РАН

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ЮЖНОГО УРАЛА В РАБОТАХ В. ЗЕФИРОВА И В. ЮМАТОВА (По материалам «оренбургских губернских ведомостей» середины XIX века)¹

Время пребывания И.П. Сосфенова на посту редактора неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей» (1845-1853 гг.) оказалось очень плодотворным: в газете были сформированы основные тематические блоки и создана сеть корреспондентов. Материалом статьи являются публикации этого периода двух из авторов ОГВ: одаренного литератора В. Зефирова и историка-любителя В. Юматова. Анализируется формирование основных концептов историко-культурного ландшафта Южного Урала Оренбургского края, определяются основные интонации описания местностей и исторических событий, выявляются «точки рефлексии». Концептуализация образов и сюжетов, важных для территории, становится одной из возможных форм репрезентации «гения места» / «памяти» / «голоса крови» в произведениях более позднего периода — романах А. Федорова и Н. Крашенинникова рубежа XIX-XX вв.

Ключевые слова: *Южный Урал, Башкирия, Оренбургский край, Оренбургские губернские ведомости, Уфа, «гений места», В. Зефиров, В. Юматов, А. Федоров, Н. Крашенинников, башкиры.*

Gramatchikova N.B.

Institute of History and Archeology UB RAS

THE SOUTHERN URAL'S HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE IN THE WORKS OF V. ZEFIROV AND V. UMATOV («ORENBURG PROVINCIAL GAZETTE» IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY)

Sosfenov's work as an editor of the unofficial part of the «Orenburg Provincial Gazette» (1845-1853) was very fruitful: main thematic blocks were formed and a network of correspondents was established. The publications written by two of the authors of the «Orenburg Provincial Gazette» during this period became the material of this article. These authors are the talented writer V. Zefirov and the amateur historian V. Yumatov. The formation of the main concepts of the historical and cultural landscape on the Southern Urals / the Orenburg region is analyzed, the basic intonations of the description of localities and historical events are determined, and «points of reflection» are revealed. Conceptualization of the important for the territory images and subjects becomes one of the possible forms of representation of the «genius of the place» / the «memory» / the «voice of blood» in works of a later period - in the novels of A. Fedorov and N. Krasheninnikov at the turn of the 19th and 20th centuries.

Keywords: *Southern Urals, Bashkiria, Orenburg region, Orenburg provincial news, Ufa, «genius of place», V. Zefirov, V. Yumatov, A. Fedorov, N. Krasheninnikov, Bashkirs.*

© Граматчикова Н.Б., 2018

Граматчикова Наталья Борисовна,
к.филол.н., сектор истории литературы Института истории и
археологии УрО РАН
n.gramatchikova@gmail.com

¹ Исследование выполнено в рамках работы по гранту № 16-04-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века».

Тема «родной крови» и — синонимичная ей — «родной земли», разыгрываемая на материале персонажей с бикультурной идентичностью, становится популярной в русской литературе на рубеже XIX-XX веков. Применительно к Южному Уралу «родная кровь» и «родная земля» могут выражать амбивалентные

комплексы чувств: от горячей любви к «малой родине» и своему народу до саморазрушительных психологических коллизий героя. В данном случае мы, прежде всего, имеем в виду романы А. Федорова «Степь сказалась» (1898) и Н. Крашенинникова «Амеля» (1915)². Не повторяя сделанных нами прежде выводов³, напомним, что в обоих романах главные герои оказываются в ситуации, когда их изначальная башкирская идентичность оказывается почти вытесненной приобретенной за годы учебы идентичностью «русской», ощущаемой как приобщение к «цивилизации» и городской культуре. Однако вернувшись в родные места и переживая состояние психологического кризиса (любовь-страсть Арсланова (у Федорова) и предполагаемое замужество Амели (у Крашенинникова), герои внемяют «зову крови» и возвращаются к своему народу, уходя в степь и растворяясь в ее мифологическом пространстве. В обоих романах проявляет себя как освобождающая сила «крови», так и ее хтоническая составляющая, выражающая себя в сверхчеловеческой разрушительной силе, сметающей не только сковывающие героя социальные условности, но социальность как таковую, «выбрасывая» героя в мир, где царит логика мифа. Неслучайно древнейший хтонический пласт концепта «гения места» («genius loci») отражен в его символическом представлении в виде змеи, что мы видим, в частности, в «Энеиде» Вергилия⁴.

Изучение региональной литературной традиции показывает, что для того, чтобы «гений места» мог начать свой диалог с героем, необходима предварительная «наработка» культурного слоя, скрывающего в своей глубине актуальные для данного места символы и образы. «Оренбургские губернские ведомости» (здесь и далее мы будем использовать сокращение ОГВ), выходящие в Уфе с 1838 года, были на Южном Урале единственным органом периодической печати, где происходил первый этап формирования историко-культурного ландшафта края. К 1847 году редакторская политика И.П. Софенова (1845-1853) привела к формированию в ОГВ сети корреспондентов, способных писать на темы, интересующие газету. Сеть эта была крайне нестабильна в силу разных причин, однако даже прерывистое развитие обеспечивало постепенный прирост тематизмов и авторского мастерства. В этот период интересующие нас процессы концептуализации геокультурного ландшафта Южного Урала с очевидной проекцией на тексты рубежа XIX – XX веков мы находим в текстах двух авторов: литератора Василия Зефирова и историка Василия Юматова. Историк-краевед М. Роднов именует их «звездами уфимского краеведения», отмечая высокий уровень публикаций⁵.

1. Очерки Василия Зефирова: оптика этнографа-«номада»

Василий Васильевич Зефиров, краевед и публицист, чей темперамент вполне соответствовал «ветреной» фамилии, выделяется в ряду корреспондентов ОГВ свежестью взгляда и эмоциональностью текстов. Первая его публикация в ОГВ — очерк «Конские черепа» (1847) [8] — интригующим заголовком, свободой письма, гибкостью интонаций диалога задает новую планку «провинциальной публицистики», формируя беллетристическую направленность документальных этнографических очерков⁶.

1.1. Путешествия как возвращение в детство

Природная живость и любознательность Зефирова во многом предопределили основную образность и интонацию его текстов. Если движение как таковое может быть рассмотрено в качестве одного из ведущих антропологических факторов [4], то тем более сложно переоценить вклад «охоты к перемене мест» в развитие этнографического дискурса. В этом смысле очерки В. Зефирова не являются исключением, их своеобразие составляет отразившаяся в них его беспокойная, ищущая приключений и тяготящаяся размеренной городской жизнью натура. Радость движения — основное чувство Зефирова-путешественника. Любая поездка дарит ему возвращение в детство, принося освобождение от рутинной повседневности и удовлетворение бесконечного любопытства: «Моя страсть, моё первое наслаждение бродить по горам...» [10, 30] (Здесь и далее все выделение в цитатах мои. НГ)⁷.

Обретение нового опыта в непривычной ситуации делает вполне естественным появление роли «ребенка», которую Зефирова-рассказчик,

² Вопрос о степени принадлежности Н. Крашенинникова уральской региональной литературе поднимала Л.Р. Клягина [18]. О романе А. Федорова как произведении, где большую роль играет ландшафтная и этнографическая составляющие — см. Работы Е.Н. Эртнер [23], [24, 20-21], а также Ю.Н. Сыровой [21].

³ О роли «гения места» в романе А. Федорова см. статью Н.Б. Граматчиковой [5].

⁴ Замер Эней. А змея, извиваясь лентою длинной, Между жертвенных чаш и кубков хрупких скользила, Всех отвела яств и в гробнице снова исчезла, Не причинивши вреда и алтарь опустевший покинув. Вновь начинает обряд в честь отца Эней и не знает, Гений ли места ему иль Анхиза прислужник явился [3].

⁵ М. Роднов относит к числу «звезд» также В. Лосиевского, считая его третьим членом «уфимской троицы» [19, 29-50]. Тексты В. Лосиевского анализировались нами в аспекте богатой представленности «низшей демонологии» [6].

⁶ О феномене этнографической беллетристики на материале уральских писателей-этнографов см. статью Е.К. Созиной [19].

⁷ В этом же тексте: «Срок моего пребывания в Табынске уже кончился, и я должен был спешить к месту, где необходимо было моё присутствие; но несмотря на всю важность этого дела, я никак не мог отказать себе в удовольствии посмотреть вблизи на громадное озеро Аккуль, и теперь не раскаиваюсь в том» [10, 28].

не смущаясь, многократно примеряет к себе. Подобное ролевое распределение, например, очевидно в сцене на озере, когда рассказчик впервые оказывается в лодке далеко от берега: «Никогда не бывавши на таких огромных водах, ни однажды не испытыв сжимающего сердце наслаждения — плавать в небольшой лодке над страшною глубиною, я был в каком-то детском восторге, и вероятно от того движения мои были уж чрез чур живы, когда рыбак просил меня сидеть но смиреннее. Я притих, и с любопытством следил за косными лодками, которые, сбросив невод, разъезжались в разные стороны» [10, 29]. Аналогичное перевоплощение происходит с ним и в горах: «Миниатюрно было это странствование, но удовольствие, доставленное им, неизмеримо велико. Как резвый ребёнок пустился я бежать по площадке, которою оканчивается гора и дико радовался, спугнув с вышины единственного её обитателя — огромного степного беркута» [11, 33].

Путешествие самим нарративом противостоит рутине городских будней: «Рассказ о пустынноике увлек меня в мир неуловимых мечтаний, а окружающая тишина дополнила очарование тех минут, которые так редко можно встретить в кругу людей, в кругу той жизни, где на каждом шагу сопутствуют тебе заботы, труды, усталость, огорчения, и редко, редко удовольствие» [10, 22]. Здесь Зефирова разделяет одну из основных оппозиций романтического сознания: противопоставление «прозябания в скучном городе» / «огромной пыльной тюрьмы» / «цивилизованной жизни» / «принужденности и искусственности» малейшей возможности выехать в степь / в деревню / на загородные прогулки, стоящие «неистового хлопотания»⁸. Страсть к движению, жажда нового, боязнь «страшного недуга» прозябания в городе роднят ребенка и степняка, кочевника, номада. Сопоставляя онто- и филогенез, Зефирова склонен осмыслять ностальгию по детским годам как желание возврата «к одной жизни с природой, к своей первобытной детской простоте», потому что «человек никогда не перестанет быть номадом» [11, 30-31].

Путешествия возвращают человека не только в его собственное детство, но и в вечно-длительное настоящее природы, во вневременную суть жизни, в вечность. В степи происходит встреча далеким прошлым, ибо время там движется по-иному: сопоставления кочевников-киргизов с библейскими персонажами — один из характерных литературных приемов Зефирова: на озере Ильмени «по всему прибрежью раскинуты были кибитки Киргизов, а окрестная степь покрыта табунами лошадей, баранов и верблюдов. Такова картина степной жизни номадов в настоящее время, такова

была она и во дни детей Иакова, блуждавших с своими стадами в пустынях Сирии» [13, 48-49]. Библейские сравнения актуальны для жителя южноуральского фронта Зефирова, ибо апеллируют к общему культурному багажу его и читательской аудитории, позволяя автору, с одной стороны, сделать увиденное понятным и представимым для читателя, а с другой, — вписать «диких детей степей» в «христианский код» русской литературы.

1.2. Василий Зефирова: публицист-медиа-атор

Зефирова, как никто другой, был ограничен в роли медиатора, знакомящего русскоязычную аудиторию с миром кочевников, ибо детство его прошло в степи⁹: пяти лет от роду Василий Зефирова уверенно держался в седле, вёл дружбу с киргизскими (казахскими) детьми, хорошо владел их языком: «...как уроженец Киргизской степи, имевший удовольствие быть взлелеянным на руках няньки-Киргиза, называвшегося Кубенькой, которому, при сей верной оказии, грехом считаю не испросить у Аллаха тысячу верблюдов и столько же баранов, если он жив; а если узенькие глаза его сомкнулись навеки и тёмно-бланжевое тело покоится во глубине песка, то да пошлёт ему Аллах такое же количество гурий, и да нянчится он с ними веки вечные с пучками крапивы в обеих руках, как нянчился он со мной при блаженной жизни своей» [13, 48]. Мир кочевников оказался не только близок ему душевно, но и хорошо знаком, родственен.

Выраженное желание «быть номадом» трансформируется в метафорику, композицию и проблематику текстов Зефирова. Очерки Зефирова, по преимуществу, изоморфны его поездкам: «С окончанием рассказа окончился и наш путь» [10, 29]. Окончательный разрыв с городом для него неактуален, скорее, в поездках в нем просыпается «азарт охотника», приносящего в «цивилизованный мир» свою «добычу»: впечатления от встреч, сведения о прошлом и настоящем Башкирии, рассказы жителей степи: «Не только в это блаженное время, но и на

⁸ Приведем важную для нас цитату целиком: «Скучно летом в городе. Пыльные улицы, каменные мостовые, хаотичные бульвары — всё это страшно надоедает, и как-то по неволе хочется убраться куда-нибудь подальше от этой огромной, пыльной тюрьмы, где всё напоминает несносные цепи цивилизованной жизни — принужденность и искусственность. И вот с конца апреля все, у кого есть на это маленькая возможность, хлопотливо оставляют душный город и с радостью отправляются в степь, в деревню. Как же завидуют им те несчастные, кого капризная судьба обрекла на вседневное прозябанье в городе; как тоскливо бродят они из улицы в улицу; как неистово хлопочут целое лето о загородных прогулках. Много лет был я жертвою этого страшного недуга; наконец терпение моё лопнуло, судьба улыбнулась, послала мне отрадное приглашение — побывать в деревне, и бросив всё и вся, я пустился странствовать по нашим степям» [11, 30-31]. Отметим, возможность/невозможность путешествия оценивается Зефировым в категориях судьбы (фортуны либо фатума).

⁹ Подробнее о биографии В.В. Зефирова см. в главе «Разыскания о биографии В.В. Зефирова» в книге М.И. Роднова [19, 7-19].

самом пути к нему, я так много встретил приятного, так часто восхищался чудно-прекрасной природой Оренбургского края, что утаить эти впечатления считаю страшною неблагодарностью к судьбе, так мило лелеявшей меня целое лето...» [11, 30-31].

Зефилов-рассказчик прихотливо-разнообразен в своих жизненных практиках и стратегиях: то бежит, спасаясь от взбесившегося верблюжьего стада, то внимает уроку киргизских детей (а также полученной от отца взбучке), запоминая правило степняков — брать из гусиного гнезда не более двух яиц; то умело манипулирует стариками-башкирами, зная, какие струны задеть, чтобы вызвать поток воспоминаний о старине, и где остановить повествование, избегнув соблазна «вынести сор из избы» и оставшись верным принесенным обетам дружбы [13, 45]. Воспетая к середине XIX века «вольная жизнь» степняков коррелирует у Зефилова с той гранью дилетантизма, присущего массовой этнографии середины XIX, что проявляет себя в отсутствии шаблонов и избирательности следования «пунктам программы» описания¹⁰.

Зная и любя культуру кочевых народов Урала, Зефилов всецело относил себя к представителям русской цивилизации. Однако его позиция чрезвычайно своеобразна на фоне других корреспондентов ОГВ: контакты со степняками, включая посещения башкирских кантонов с приемным отцом (священником Зефиловым), полны родственной теплоты («встречены были хозяином с патриархальным радушием дикого сына степей, со всею искренностью человека, который давно не видал ближайших своих родственников» [13, 49]). Прибегая к передаче иноязычной речи, Зефилов предпочитает прямые цитаты тюркских наречиях, вместо имитации искаженного русского языка в устах «инородцев»¹¹: «...говор несколько стих; почётнейшие из жителей, т. е. кто постарше и побогаче, пошли к нему на встречу, и началось обычное пожатие рук, с ласковым приветом: салям маликум, хазрет, исяммамс хазрет, и проч. и проч.» [12, 38]¹²; еще пример из детства автора: «Мне первому удалось найти гнездо гусиных яиц и радостным криком я призвал товарищей, желая разделить с ними добычу; но сбежавшиеся ребяташки страшным криком остановили меня: ика кукай ал, артык алма, атай кушми! (т. е. бери только два яйца, больше не тронь, отец не велит)» [13, 51-52].

Многочисленные сопоставления «города» и «степи» открывают в очерках Зефилова параллели этих двух миров, заметить которые, по мнению автора, несложно. Так, поведение казахской молодежи напоминает привычки модников-горожан: «молодое поколение, щеголявшее в сво-

ём натуральном костюме с тою беззаботностью и довольством, с которым щеголяют наши львы на городских тротуарах, отправилось вон из кибитки открыто наслаждаться своим блаженством и поддразнивать им товарищей» [13, 50]. Есть в степи и свои лакомства (каймак, неведомый большинству русских, — «вкусное, приятное и питательное лакомство Киргизов, которому едва ли не отдадут достойной хвалы и наши русские лакомки, бывавшие в степи» [13, 49]), и умелые «гастрономы» — «своего рода фокусники, подобные нашим кондитерам», которые «из всяких снадобий, составив на разные манеры козульки, продают их в стеклянных банках и за дорогую цену расстраивают желудки наших детей» [13, 49]. Восприятие и оценка традиций иного этноса — дело привычки. Так, например, в многоженстве Зефилов видит много плюсов, ведь большинство жен кочевников тихи и услужливы¹³; а детско-родительским отношениям казахов зачастую можно поучиться и русским (вспомним эпизод с разорением гусиных гнезд, когда подростком Зефилов набрал в камышах гусиных яиц столько, сколько мог унести в руках, и «с этой несчастной добычей вышел из камышей — по колени в грязи и с окривевшими руками, обрезанными осокой. В этом торжественно-гадном виде встретил меня отец мой. как сей час помню, три его самсоновские оплеухи далеко разнесли не благоприобретенную добычу и я в слезах и трепете должен был выслушать умную заповедь Киргизов детям своим: *Убей птицу, если ты голоден; но не зори гнезда; не бери из него больше двух яиц; дай созреть плоду и он принесёт тебе новую птицу со вторичею* (курсив автора — НГ). Жаль, что такого мудрого правила и с такою силою убеждения не внушают детям в наших родительских домах [13, 51-52]).

¹⁰ Впрочем, слабые стороны дилетантизма очевидны. Они проявляются, например, в очерке «Удряк-баш, или 22 августа в мещеряцком кантоне» (1852), где Зефилов тяготеет необходимостью описывать жизнь мещеряцкой деревни, кажущейся ему лишенной индивидуальности и привлекательности. Отметив, не без раздражения, «сонливость, какое-то физическое изнурение», которые «неживописно отпечатаны на физиономии почти каждого Мещеряка», удивившись их склонности к «беспрерывным жалобам и тяжбам» при потенциальных «источниках изобилия» больших, чем у русских крестьян, пожурив за неряшливость и отсутствие воли [12, 35-36], Зефилов желал бы избежать описания праздника, так как «Мещеряцкие праздники вообще бедны и ничего не представляют любопытного для наблюдения; это не более, ни менее, как жирное угощение обедом, с присовокуплением к нему большого количества кислого мёду, от которого охмелевшие головы поют свои родные песни, вот и всё» [12, 38]. Однако в общей композиции очерка эта вводная характеристика народа выполняет функции зачина, контрастного по отношению к средней части, где «дрема» мещеряков и «скука автора» разбиваются лицемерием скачек.

¹¹ О способах передачи русской речи в устах «инородцев» как проявлении тенденциозности этнографического повествования, см. на материале описания финно-угорских народов Севера России у С. Максимова [7].

¹² Впрочем, у Зефилова есть примеры и иного рода, обычно все же более мягкие, чем «в среднем» характерные для той эпохи: «...Восторженные клики спустились к тону обыкновенного татарского талалаканья» [12, 38].

¹³ «... Одна из жён старшины, выхватив меня из седла, утащила в кибитку и усадив на разостланный ковёр, подала в небольшой деревянной чашке лучшее киргизское лакомство — каймак» [13, 49].

В повествовании Зефиоров часто меняет дистанцию описания, чередуя как пристальный близкий взгляд (обнаруживающий, по большей части, его глубокое знание предмета и эмпатию к нему), так и «удаленную оптику», к которой он прибегает, прежде всего, как к точке зрения своего читателя, стремясь живее представить ему тот мир, который открывается в поездках по Уралу. В этом ряду находятся и ироническое именование проводника-башкира «чичероне» («Чичероне мой уговорил меня остаться ещё на день и быть свидетелем, и даже участником рыбной ловли на этом озере» [10, 28]¹⁴, и использование в качестве регулярного сопоставительного ряда библейские образы (Иаков, Иордан, «самсоновские оплеухи», «Вавилонские реки» и др.) и, шире, героев античности и всемирной истории: наиболее склонен Зефиоров к древнеримским параллелям¹⁵ (Капитолий, Сенат, Цицерон, Катилина и др.), однако есть и Колумб, и Сан-Сальвадор¹⁶. Подобные сравнения позволяют уфимскому литератору позиционировать «дикую степь» как составляющую мировой истории, в том числе апеллируя к опыту русской литературы. В этом смысле романтическая парадигма отношения к «вольным степным народам» оказывается соответствующей реальному жизненному опыту южноуральского корреспондента ОГВ, ощущающему больше родства с киргизами, чем с «европейцами»: «...Блуждая по степи по произволу вожака, нет наслаждения выше того, когда почувствуешь дым близкого аула, где кочуют Киргизы. При этом душа ваша мгновенно отдыхает; все огорчения, забыты и не испытанный европейцем восторг выливается только в короткой, ласковой просьбе вожаку: чап, чап! (скорее, скорее!). И вот чрез час из-за ближнего пригорка являются глазам вашим две, три красивенькие головки на длинных шеях верблюдов, обращённых на вас с видом величайшего удивления. Далее, по склону горы, разсыпаны многочисленные стада баранов и лошадей, и наконец, в глубине долины, на берегу реки раскинут Киргизский аул во сто, или двести кибиток. И здесь-то дикие сыны степей за чашкой кумыза толкуют о красоте своих коней и о наслаждениях дикой неги, как Черкесы Пушкина» [12, 47].

Масштабных этнографических полотен В. Зефиоров не оставил, его заметки, скорее, живописуют пеструю и эмоционально окрашенную картину настоящего и прошлого Башкирии и оренбургской степи. Установка на достоверность изображаемого прямо выражена в его текстах: «В одно прекрасное утро (поверьте, что это не из книги); я уж ручаюсь за правду...» [12, 40-41] В рамках тенденций XIX века, Зефиоров-литератор легко сравнивает народы, открыто и темпе-

раментно выражая свое мнение. Искренность и открытость Зефиорова придают личностную окраску всем его сочинениям. Например, популярную среди башкир борьбу он решительно не жалуется и не скрывает это: «Мне не нравилась эта скучная медленность, эти плутовские уловки и вообще поза борцов, по окончании которой, как на победителя, так и на побеждённого в равной степени жалко смотреть. По мне, т.е. по моей теории о борьбе, если уж пришлось иметь дело с противником, то, взвесив свои силы, по-русски, схватил его за шиворот, да и об пол, а в противном случае... моё почтение господу. А для народной потехи я уж никак бы не дал помять свой бока; да и перед добрыми людьми совестно» [12, 40-41]. Вообще, проза Зефиорова демонстрирует, что многолетняя жизнь бок о бок с башкирами, мешеряками, тептерями и другими народностями степи может строиться мирно только на принятии и практической выгоде¹⁷. Присутствие элементов манипуляции в отношениях ничуть не смущает его, обнаруживая себя в тексте в качестве не прямой зооморфной метафоры: Зефиоров вспоминает, как его отец, «с малолетства прилинейный житель, в совершенстве понимал характер Киргизов и, бывши священником, хотя не образованным по нынешнему, понимал цель своих обязанностей и знал, что после куска хлеба, брошенного голодной собаке, она не укусит, и после постоянной ласки, оказываемой Киргизу, он из хищного врага может сделаться верным другом» [13, 50]. Прагматизм становится лучшей опорой долговременного сотрудничества: «Руководствуясь этим правилом он приобрёл многих друзей из богатых ордынцев, имевших большое влияние на своих родичей и этим средством имел возможность делать добро своей духовной пастве — жителям крепости Орской» [13, 50]. Схожим образом поступает и сам Василий Зефиоров, когда хочет вывести стариков-башкир на открытый разговор. В тексте знаки искреннего расположения соседствуют с манипулятивными техниками: «напомнив старикам, что пора пить чай, я пригласил их в мой бедный приют. Здесь-то, на просторе, усадив дорогих гостей на нары с

¹⁴ В этих именовании Зефиоров не был уникален. Толковый словарь Ушакова, например, приводит значение слова «чичероне», сопровождаемое примером из Григоровича: «Джентльмен подкупает вас любовью своего обращения, он предлагает свои услуги, предлагает быть вашим чичероне» [22].

¹⁵ «Между тем Кантонный снял красную шаль, висевшую на шесте, и своими руками обвязал шею скакуна. Второй и третьей лошади было роздано по несколько аршин коленкора. Прочие уже не приближались к этому месту, к этому капитолию, где так торжественно венчали их счастливых товарищей; — им было стыдно» [12, 31]. «Полагаю, что речь Цицерона в Римском Сенате против Катилины была не сильнее речи моего отца в Киргизском ауле» [13, 50].

¹⁶ «...Я с издала увидел эту гору и конечно всё моё внимание обратилось к ней, как взгляд Колумба к таинственному берегу Сан-Сальвадора» [11, 31].

¹⁷ Таков и переданный Зефиорову успешный опыт отношений со степняками его приемного отца-миссионера: очерк «Удряк-баш» содержит выразительный эпизод переговоров по поводу угнанного джагабайлициами за Орь табуна, где священник то запугивает, то просит, то дразнит Старшину Усу, прекрасно ориентируясь в переговорных стратегиях и возвращая, в итоге, табун в крепость [13, 50-51].

раскинутым ковром и подушками, я с неподдельным усердием стал угощать их чаем, и между тем окольным путём пошёл к тому разговору, который занимал меня. Перебрав всю мелочь о трудностях настоящей жизни, о неурожаях хлеба, о народной бедности; пересказав, сквозь слёзы, два-три грустных обстоятельства, случившихся будто (*sic!* — *НГ*) бы со мной, я наконец добился толку и вызвал стариков на разговор, чисто откровенный» [12, 42]. Отметим еще два момента: первые и главные учителя «непрямых путей» в переговорах — сами кочевники; сам Зефилов искренен в своем желании сохранить хорошие отношения, поэтому останавливает повествование там, где продолжение означало бы злоупотребление гостеприимством и эмпатией старейшин («...но будет! За порог не выносят сора» [12, 42]).

1.3. «Золотой век» Оренбургского края в очерках В. Зефилова

Большинство очерков В. Зефилова представляют собой фиксацию живых впечатлений от поездок и встреч. Текст о Табынске («Поездка в Табынск», 1850), несмотря на привычное название, максимально насыщен историческим содержанием, которое излагает автор, сидящий на уступе Воскресенской горы, «увлекаясь мыслью во времена прошедшие» и остановившись «на периоде первобытного существования этой крепости» [10, 23]. Вся история освоения-завоевания края предстает у Зефилова как история взаимной вражды-дружбы башкир и русских. История истории Табынской крепости, воздвигнутой «для усмирения башкирцев» «в самой глуши Башкирии» в 1736 году и пережившей несколько периодов своего развития, показательна в этом отношении. В старину крепость была не только форпостом, но и местом самого веселого, «безэтикетного» времяпрепровождения «в кругу — удалённом от всего постороннего мира на несколько сот вёрст, и где всякое развлечение...зависело от собственных их сил — от их характеров» [10, 26]. «Золотым веком исторического существования Табынской крепости» стали времена генерал-лейтенанта Сойманова со свитой, когда «обеда, вечера с музыкой и песенниками; шумные тосты за здоровье Царя и славу Русского оружия сопровождалась громом ружейных и пушечных выстрелов, и всякой пир оканчивался великолепным фейверком» [10, 26]. На эти праздники часто «были приглашаемы знатнейшие старшины Башкирские, и тогда картина пиршества представляла более разнообразные виды. После русских потех начинались воинственные потехи Башкирских наездников: скачка на лошадях, ручная борьба, стрельба из луков и шумная поездка в горы для травли оленьей и волков» [10, 26].

Идиллическому замирению предшествует, становясь осью нарратива о крепости в целом, история личного противостояния главы Табынской крепости — балахнинского купца Утятникова¹⁸, и башкирского старшины Кульмяк-Абыза, «главы всех башкирских мятежей». Кульмяк-Абыз описан как харизматичный лидер, снискавший авторитет сородичей и склонный к беспорядкам, — «корень зла», как видел, «при своей пронизательности и знании характера Башкирцев», Утятников¹⁹. «Укрошение мятежей», предпринятое Утятниковым, подано как военная хитрость человека, сознающего, «что открытыми мерами ему не победить своего смелого и сильного врага». Используя свой жизненный и профессиональный опыт, Утятников заводит «торговые сношения, обещавшие Кульмяку значительные барыши», показывая ему «полную доверенность». Сближение противников доходит до «тесной дружбы». Зефилов рисует развернутую драматическую сцену приготовления Утятниковым ловушки для Кульмяк-Абыза, замаскированной под необходимость ответного дружеского визита. «Улучив приятное время, в минуту сердечной откровенности, Утятников стал говорить своему приятелю: «послушай, Старшина, сколько времени уже я веду с тобой знакомство, сколько раз я был в твоём доме и во всё это время я видел от тебя искреннюю дружбу. Приеду ли к тебе рано утром, приеду ли поздно вечером, — ты всегда мне рад; и хлеб и соль для меня всегда на столе; когда же я отплачу тебе за твоё угощение, когда же ты приедешь ко мне?.. Кульмяк задумался. — Что ж, продолжал Утятников, разве мой хлеб горек; разве мой хлеб противен тебе. Разве ты меня обидеть хочешь? Разве не хочешь быть знакомым со мною? Разве... — Полно, полно, перебил его Кульмяк. — Так знай же воскликнул Утятников, вскочив с места и опрокинув чашку выпитого кумызу, (что означало прекращение хлебосольства), знай же, что я был у тебя в последний раз! Если же ты приедешь ко мне, — подарю тебе лучшего скакуна с моей конюшни; не пожалю даже того ружья, которое

¹⁸ Вот как Зефилов характеризует Утятникова: «...К счастью Табынска в нём находился человек, обладавший твёрдым, предприимчивым характером, светлым умом, знанием военного дела и верностью не подкупною; — этот человек был Балахнинский купец Утятников. Поняв и оценив редкие способности его, Управлявший в то время Оренбургским краем, Статский Советник Кирилов, поручил ему управление Табынскою крепостию. При неутомимой деятельности своей и при средствах, состоявших в полном его распоряжении, Утятников вполне оправдал доверие Правительства, и одним смелым предприятием, уничтожив возникший бунт Башкирцев, заслужил Монаршее благоволение, и по Имянному повелению Императрицы Анны Иоанновны награждён был чином Коммисара» [10, 24].

¹⁹ «Главою всех Башкирских мятежей был старшина Кульмяк-Абыз. При огромном богатстве своём, при физических силах и разбойничьей решительности, Кульмяк пользовался полным уважением и доверенностию своих родовичей. Одно его слово волновало их шаткие умы, одно приказание его влекло за собой грозное восстание, и по одному его мановению дикие сыны степей безотчётно летели на самое отчаянное, кровопролитное предприятие» [10, 24].

тебе так понравилось; а если не приедешь, то забуду где стоит твоя юрта; забуду в которую сторону отворяется дверь её, и забуду даже как зовут доброго старшину Кульмяк-Абыза» [10, 24-25]. И вновь мы видим сочетания множественных техник у государева слуги (от обещания подарков до угрозы разрыва отношений под предлогом нанесенной обиды). В результате именно «коварный башкирец» оказывается обманут, когда, сдержав слово, прибывает на другой день с четырьмя сподвижниками к Утятникову. «Долг службы» в этой истории противопоставлен «роли рыцарской чести» (!), которую «вовсе не думал в настоящем случае разыгрывать с разбойником» комиссар (sic!) Правительства. Безоружный Кульмяк схвачен, связан и «без дальних околичностей, вместе с его товарищами» отправлен в Военную Комми-сию. Табынский край успокаивается надолго, «потеряв главу всех своих кровавых предприятий» [10, 24].

Очерк о Табынске достаточно объёмен и политематичен, однако мы ограничимся обозначенным эпическим стержнем. Тема героизации и романтизации прошлого Башкирии, а точнее, освоения русскими Оренбургского края, присутствует не только в очерках Зефи-рова. Эпическая составляющая присутствует на страницах ОГВ также в заметках П. Павлов-ского и К. Ивлентьева²⁰. Таким образом, историко-культурный «фонд» края, обогащаемый год за годом публикациями историко-краевед-ческого характера в ОГВ, изначально формиру-ется не как «объективный» («нейтральный»), но, скорее, как образ героической юности края, лишь угадываемой в одряхлевшем сонном на-стоящем. И только природы, сохранившие в себе детскую чуткость восприятия, способны ощу-тить огонь под тлеющими углями повседнев-ности. Этот огонь и вспыхивает спустя полвека в проблематике самоидентичности, активно задействуя краеведческий дискурс. Так, исто-рический экскурс в прошлое Светлогорска (Уфы) непосредственно предвещает кульмина-цию романа А. Федорова, а не служит ему при-вычной краеведческой интродукцией²¹, что свидетельствует об активной (а не иллюстра-тивной) роли прошлого в судьбе героя.

2. «Кабинетные занятия» Василия Юматова: в поисках «духа жизни»²²

Василий Степанович Юматов, уфимский помещик, увлекающийся историческими изы-сканиями, оказался одной из важнейших «находок» редактора И. Сосфенова. В своих объёмных, по газетным меркам, историческо-краеведческих работах он реализует совсем иные стратегии описания, нежели В. Зефи-ров. Основательность его подхода к прошлому и

настоящему «степи» задает новый уровень от-ношения и описания. К сожалению, всего че-рез год сотрудничества с ОГВ Василий Юматов станет жертвой эпидемии холеры (некролог размещен редакцией в № 30 за 24 июля 1848 года [2]), однако и после его ухода И. Сосфенов продолжит публиковать некоторые из доступ-ных ему материалов Юматова. Если в заметках Зефинова можно обнаружить его знакомство с хрестоматийными античными авторами и скрытые цитаты из них, то риторические при-емы В. Юматова в качестве образца отсылают к стратегиям исторического повествования Фукидида, с его способностью выстроить объ-ёмную картину повествования, используя речи персонажей обеих враждующих сторон²³. Ана-логия неслучайна: из некролога мы узнаем, что Юматов, хотя и не получил в молодости «над-лежащего образования», компенсировал его «природным умом» и «острой памятью» так, что пройдя «военное поприще» и «службу по выборам», закончил службу в должности судьи в Уфимском Уездном Суде. Последние 18 лет жизни он провел «мирным селянином» в своем имении на берегах Демы, собирая материалы для Истории Оренбургского края и дочитывая Полное Собрание Законов, «извлекая из этого кодекса все правительственные постановле-ния», касающиеся края [2]. Привычка работать с документами, разбирая дела, по-видимому, и выработала особую объективную манеру Юма-това-историка; здесь можно говорить о типо-логическом сходстве некоторых этапов станов-ления региональной словесности с логикой общеевропейского литературного развития (по крайней мере, в отношении связи судеб-ной риторической практики со становлением критического исторического повествования).

Творческая манера Юматова — работа историка и краеведа, в минимальной степени прибегающего к элементам художественно-го творчества; его труды прямо повлияли на становление научного языка описания юж-ного фронта России. Например, разбирая этимологию самоназваний башкир (от «глав-ного волка», «волка-вожака» до сомнительных

²⁰ В случае К. Ивлентьева эпическая составляющая проявляется уже в на-званиях публикации — «Сказание о Бузулуке» (1850)) [15].

²¹ Подробнее об этом см. [5]. Показателен в этом смысле очерк В. Зефинова «Взгляд на Уфу», возможно, непосредственно послуживший одним из исто-чников для воссоздания картины прошлого Светлогорска: осада Уфы Чикой Зарубиным, история оврага Черкалина и др. [9].

²² Слова, взятые в кавычки, представляют собой цитаты из некролога редакции ОГВ [2].

²³ О влиянии судебной риторики на строение исторических сочинений Фукиди-да, см., например в статье Абаимова [1]. Надо заметить, что самому Юматову об-ращение к античным историкам казалось, очевидно, вполне естественным. Так, в статье «Древние предания у башкирцев» он приводит башкирское предание об озере Акзият, откуда «лучшая порода их лошадей вышла... и была шерстью белая», ссылаясь при этом на рассказ Геродота о Скифии и пасущихся вокруг озера Гипанис белых лошадях [28, 253] и на доклад Вольтерского императрице Анне Иоанновне в 1738 году о диких лошадях в Зауралье и в Сибири.

«главного пчеловода» и «главного червя»), Юматов спокойно рассматривает аргументы «за» и «против» каждого варианта значений. [26]. Именно в сочинениях Юматова мы находим ту глубину исторических сведений о Башкирии, которая затем на почти на столетие станет своеобразным «стандартом» этого жанра: Южный Урал показан у него как территория, прежде всего, размеченная маршрутами разных народов, письменные свидетельства о чем мы находим начиная с IX-X вв. («Ахмет сын Фодлан», «Плано-Карпини», «Ильом Рубруквис» и др. [28]). Объективность подхода Юматова очевидна и в статье «Исследование о начале Гурьева города», где сведения, полученные от казаков, подвергаются такой же проверке, что и информация от башкир. В результате Юматов развенчивает уверенность казаков в древнейшем основании их города, прослеживая по летописям всю цепь событий, имеющих отношение к Гурьеву и последовавших после казачьего разбойного разорения Сарайчика, столицы Ногайский ханов [29].

Если анализировать тексты В. Юматова с точки зрения соотношения в них художественности и документальности, то «литературного» в них, действительно, будет немного. Вот, например, одна из лучших его статей «Древние памятники на земле Башкирцев Чубиминской волости» (1848) [27], содержащая подробное описание нескольких археологических памятников «до покорения Башкирии Россией». Художественная деталь в ней всего одна — зарисовка осеннего дня с огромными стаями перелетных птиц в окрестностях Чишмы под Уфой, куда приезжают Юматов со своим спутником ради посещения мавзолея Хусейн-бека (XIV в.); все остальное — подробное описание как самого памятника, так и наблюдаемой Юматовым практики его почитания²⁴.

В подходе Юматова к истории Башкирии привлекает широта, с которой он склонен подходить к изучению исторического прошлого края: он отчетливо сознает, что «история, которой события известны нам только в главных своих чертах, а весьма мало известны в подробностях, есть ни что иное как скелет, не имеющий не только жизни, но и тела. Чтобы дыть тело этому скелету, надобно собрать сколько можно более подробностей; тогда только будущий историк, искусством своим, может вдохнуть в него дух жизни, и оживленный скелет явится в настоящем своем виде» [25, 238]. «Дух жизни» сам Юматов ищет везде, не ограничивая себя архивными документами, но призывая читателей «Оренбургских губернских ведомостей» собирать башкирские предания, поскольку «степень достоверности преданий и самая анахронизмы и басни в них вкрапившиеся, могут

быть большею частию определены сравнением и проверкою с другими источниками. Предания Башкирцев и их исторические или барские песни, имеют еще особенную свойственную им прелесть и занимательность, изображая часть протекшей жизни народа, его прежние нравы, привычки, обычаи, образ жизни и понятия» [27, 246]. Эту мысль Юматов развивает в статье «Древние предания у башкирцев Чубиминской волости» (1848), где из констатации плохой сохранности архитектурных памятников на территории Оренбургского края и Башкирии им делается вывод о необходимости обращения к устной истории края, к фольклору: «У башкирцев почти о каждом несколько замечательном месте есть свое особенное предание. У народов просвященных пишут историю, летописи, биографии, записки: у народов малограмотных, младенчеству на низкой сепени общности, все это заменяется или преданиями, переходящими изустно от отцов к детям, или народными, историческими песнями, которые есть те же предания, только облеченные в поэтическую форму. Нет спора, что предания, особливо в временах отдаленных, искажаясь в переходах своих, никогда не могут быть совершенно чисты от примесы вымысла и не имеют на себе печати достоверности, особливо без проверки другими несомненными источниками, а потому и никогда не могут заменить истинных исторических известий. Но и самые предания также любопытны иногда в историческом, а чаще в этнографическом отношении, показывая некоторым образом умоначертание, образ мыслей, понятий и нравов народа» [28]²⁵.

3. Рефлексия литераторов Южного Урала

Судя по разрозненным замечаниям, для большинства корреспондентов ОГВ рефлексия о месте и значении Урала в общероссийской истории, а также осмысление собственной идентичности и как жителей Урала, и как представителей провинциальной прессы

²⁴ Этот текст очень примечателен, так как сочетает научную точность и достоверность описания постройки с острыми наблюдениями этнографа и литератора и рассуждениями историка: приведена практика поклонения захоронению, описание размера выпадающих из строения кирпичей, расшифровка надписи и перевод ее с арабского (Юматов дает имя переводчика: разобрал и списал надпись мулла Таир д. Караякуповой, который знал арабский и турецко-джагатайский и умер в ноябре 1847 года ста лет от роду). Фактически Юматов осуществляет в своей заметке своеобразную музеефикацию этого объекта, обладающего археологической, исторической, этнографической ценностью [27].

²⁵ Вообще, малое количество сохранившихся на территории Башкирии «каменных памятников и развалин», для Юматова служит аргументом в пользу поиска и сбора иных средств фиксации народной памяти о прошлом, то есть скорее оценивается им как специфика территории, нежели ее «отсталость»: «...Самое это отсутствие памятников и развалин говорит нам, что здесь издревле обитал народ пастушеский, кочующий, живший в расзянии, у которого не было ни городов, ни твердынь каменных. И этот вывод подтверждают нам немногие, краткие известия, так сказать, мимоходом брошенные путешественниками о Башкирии» [27].

были значимы. Тем более ценны высказывания тех деятелей культуры, которые вербализовали свои (и не только свои) позиции, сомнения и чаяния. Позиции В. Юматова и В. Зефирова, внесших ощутимый вклад в формирование историко-культурной идентичности региона, кажутся нам показательными и характерными для этого периода развития южноуральской словесности.

3.1. Василий Юматов: призыв к «трудолюбивым кропателям»

Собственную историко-краеведческую деятельность В. Юматов, вероятнее всего, определил бы как пронесенное через всю жизнь служение, вызванное искренним и глубоким интересом к истории родной земли, о чем свидетельствуют, например, такое его замечание: «Еще в молодости моей я видел у тогдашних уфимских стариков рукописную уфимскую летопись, теперь, когда я уже сам сделался стариком, несколько времени напрасно ищу ее» [25, 246].

В статье «Мысли об истории Оренбургской губернии» (1847) Юматов излагает и необходимые, по его мнению, шаги по консолидации усилий местного сообщества. После ритуального упоминания Государя Императора («Нельзя сомневаться, что в мудрое царствование Государя Императора Николая Павловича и в этом отношении исполнятся наши надежды и желания; дойдет очередь и до нас, и наши исторические документы сделаются общеизвестными» [25, 247]) следует горячий призыв ко всем образованным уральцам, ибо промедление в деле сбора данных, по Юматову, ничем не может быть оправдано: «Но неужели в ожидании того, мы жители Оренбургской губернии и чиновники, служащие в ней, не будем совсем заниматься историей страны, в которой живем; неужели в этом отношении, для нас уже нет никакого дела?» [25, 247]. Обращаясь к успешному опыту Одессы, Юматов предлагает объединиться всем образованным, просвещенным чиновникам по учебной и другим частям Уфы в «общество любителей истории и древностей» (что, как мы знаем, будет через пару десятилетий осуществлено в Казани и Екатеринбурге и через полвека в Уфе). Определяя себя как «жителей сельской глуши», Юматов не смущается малостью отведенной роли, ибо «трудолюбивые кропатели могут принести свою часть пользы», подобно тому как «в мире физическом и муравьи исполняют свое назначение» [25, 247]. Конкретными задачами будущего Общества любителей истории Юматов видит сбор и публикацию известных башкирских преданий и батырских песен, важнейших из

поземельных актов, квитанций в платеже ясак и др. Документов; исследования и разъяснения «о разных темных предметах истории», описание памятников и «местностей разных действий», способствовать распространению библиографически редких рукописей и документов через другие подобные общества в стране. Современный ему этап развития краеведения Юматов характеризует как время разрозненных усилий, поэтому труды любителей истории Оренбургской губернии «большею частью гибнут бесполезно». Как показывают работы Юматова, сам он не относился к пустым прожектерам, устанавливая в качестве первого необходимого доступного шага, «чтобы все, имеющее у себя старинные поземельные и другие документы, и свои исследования и описания делали общеизвестными, хотя чрез местные губернские ведомости, которые конечно с удовольствием напечатают на своих страницах все полезное» [25, 248].

Таким образом, позиция Юматова (внимание к местной истории, видение перспектив исследования, реабилитация «скромного», «малого» пошагового вклада каждого в пополнение общего фонда исторических знаний) вполне соответствует тем тенденциям середины XIX века, в рамках которых развивалась деятельность Оренбургского губернского статистического комитета (1835), Русского географического общества (1845), позднее — Уфимского губернского музея (1864) и только безвременная кончина историка не позволила реализоваться многим его начинаниям.²⁶

3.2. Василий Зефиров: степь, море и душа

В. Зефиров переживал свое пребывание на уральском южном фронтире Российской империи более эмоционально. Размеры страны не были для него абстрактным понятием, а переживались сквозь призму такого понятного на Южном Урале опыта «освоения» через «усмирение» и «обуздание»: «Страх берёт при одном мысленном объёме необъятных границ нашего отечества, и какие исполинские силы потребны только для пограничного его укрепления с востока, севера, запада и юга. Сколько нужно городов, сколько крепостей, сколько войск! Но бросив взгляд на отечественные события лет за 70, или 80, находим, что эти военные укрепления необходимы были

²⁶ Впрочем, В. Юматов сдержанно относился к реальности осуществления своих чаяний: «Но осуществляются ли когда мечты мои о том, или останутся мечтами, не знаю» [25, 247-248].

даже и внутри России: одни для отражения разбойнических набегов Киргизской орды, другие для удержания гибельных для края возмущений наших, ныне добрых, смиренных и услужливых Башкирцев» [10, 23]. Голос «имперского сознания» в публикациях Зефирова не внешний, а глубокого прочувствованный, ведь едва покинув Уфу, Оренбург или другой город Южного Урала, горожанин (даже «номад в душе») оказывается на границе обжитого (=имперского, русского) пространства и степи. Как известно, степь в русской литературе образует концепт со сложным, меняющимся во времени, содержанием. С одной стороны, Зефилов без устали поэтизирует ее: «И как хороша была эта степь! Ничего дикого, пустынного; напротив, она цвела всею роскошью своей растительности, разнообразными ландшафтами рисовались на ней разбросанные там и сям деревеньки, в долине виднелся Стерлитамак, и красавица Белая блестящей серебряной лентой извивалась по всему пространству её, принимая в себя несколько речек и ручьёв. Куда ни посмотри, везде хорошо, везде прекрасно. Так бы и полетел в эти зелёные рощи, на эти цветущие луга; так бы и перенёсся вдаль, куда манит тебя чудный силуэт старика — Урала, величаво рисующийся на огромном, едва доступном глазу, пространстве...» [11, 34]²⁷. При таком восприятии главным объектом сопоставления со степью в его очерках становится море²⁸. Степь окаймляется морем, но является ли она лишь дорогой к нему, лишь безжизненным пространством между небесами и морской гладью? Богатства степи сродни богатствам морским: «Точно так же и Киргизская степь, не менее моря, богата картинами прекрасными и поучительными, если не в проявлениях природы физической, то в отношении этнографическом» [13, 46].

Часто мысль Зефирова движется по треугольнику: степь-море-душа. По его словам, это те три предмета, над которыми «любопытный ум» человека трудился «постоянно и много веков». Однако «с последним вашим шагом к берегу Урала, оканчивается последняя страница истории новейших времён, и с переходом за европейскую грань, перед вами открываются первые страницы истории рода человеческого в его первобытном состоянии» [13, 46]. Воспетое ранее возвращение в детство обретает в степи иное, драматическое измерение. Киргизская степь, о которой пишет Зефилов, «во всей своей поразительной наготы» ставит перед человеком бытийные вопросы, снимая все утешительные культурные покровы:

«Киргизская степь — обширная, пустынная, бесплодная, по которой блуждают тысячи людей, лишённых образования и гражданственности и с искони веков, для отыскания пропитания, переходящих с своими стадами с одного места на другое. И чем дальше углубляетесь вы в степь, тем более, тем осязательнее для души становится мертвенная пустыня её. Уже не слышать торжественного гула колоколов оренбургских церквей, не слышать русского произношения, и по степи, где не видать следа человеческого, где нет никаких положительных путей, кроме опытного вожака — Киргиза, где нет никакого особенного предмета, на котором бы мог остановиться ваш вотще блуждающий взгляд, — печально волнуется один только седой ковыль, и душа, надолго подавленная этой тишиной, этим единообразием, этим убийственным отсутствием внешних впечатлений, падает наконец под тяжестью безотчётной грусти» [13, 46-47]. Учитывая оптимизм Зефирова, позитивную ролевую палитру его тестов и хорошее знание культуры кочевых народов — это впечатляющее признание. Таким образом, в публицистике Зефирова мы обнаруживаем ту амплитуду значений и символических образов «степи» и ее детей, которая будет буквально реализована в образах романов А. Федорова и Н. Крашенинникова: Амели-ребенка, ее бегства в степь накануне замужества; Арасламова, отвергнувшего цивилизацию и ставшего героем предания и др.

Возвращаясь к актуальному для Южного Урала концепту «гения места», остающегося, по мнению римлян, у могилы «своего человека» и являющегося другим в змеином облике, констатируем, что местная периодическая печать середины XIX века, активно разрабатывая краеведческую и этнографическую проблематику, обнаружила и частично вербализовала и этот темный, хтонический смысл «гения места»: часы и годы подспудной работы «места» с личностью человека вдруг могут соединиться в то самое «непреодолимое обстоятельство», которое, зацепившись терновником за подол, остановит героя, чтобы он, наконец, встретился со своей судьбой.

²⁷ За ограниченностью объема статьи мы оставляем в стороне внутреннюю полемику Зефирова с «жителями лесных стран» Оренбургской губернии, именуемых степь «песочницей» и не способных оценить все прелести благословенного степного края и красоты Оренбурга. Лишь «оградив по возможности, мой родимый край от неприятных нападений», Зефилов переходит к изложению содержания автобиографического очерка «Летучая почта, или ночь на гаубвахте» (1855) [14].

²⁸ Нам неизвестно, видел ли Зефилов море своими глазами, или апеллировал исключительно к художественным образцам; тексты свидетельствуют, скорее, о втором.

Библиографический список

1. *Абаимов М.С.* Исторический метод Фукидида и надгробная речь Перикла в контексте судебной риторики V в. до н.э. // Вестник ЧГУ . 2007. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-metod-fukidida-i-nadgrobnaya-rech-perikla-v-kontekste-sudebnoy-ritoriki-v-do-n-e-#ixzz3uc4XpzSn> (дата обращения: 17.12.2015).
2. Б/п. Некролог // ОГВ. 1848. №30, 24 июля. С. 197.
3. *Вергилий.* Энеида. Книга Пятая, 90—95. С. 238. // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида М.:НФ: «Пушкинская библиотека»: АСТ, 2005. 908 с.
4. *Головнев А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.
5. *Грамматчикова Н.Б.* «Гений места» как хранитель исторической памяти в романе А. Федорова «Степь сказалась» // Литература Урала: история и современность: Сб. ст. Вып. 3: Материалы III Всерос. науч. конф. «Литература Урала: автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты)», Екатеринбург, 11-13 окт. 2007 г.: В 2 т. Т. 2. Екатеринбург: УрО РАН; ИД «Союз писателей», 2007. 428 с. С. 194-207. URL: <http://www.litural.ru/issled/vyp-3-2/> (дата обращения 12. 12. 2015).
6. *Грамматчикова Н.Б.* «Русский орел» vs. «Плутон-Шайтан»: идеология и этнография в «Оренбургских губернских ведомостях» в 1850-х гг. // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 16-24.
7. *Грамматчикова Н.Б.* Финно-угорское население Севера России: взгляд русского этнографа (по материалам очерков С.В.Максимова «Год на Севере») // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. №3 (142). URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/34995>
8. *Зефиоров В.* Конские черепа // ОГВ. 1847. № 26, 28 июня. С. 316.
9. *Зефиоров В.* Взгляд на Уфу // ОГВ. 1850. № 39, 30 сентября, с. 182-185; № 40, 4 октября, с. 186-189. URL: <http://bp01.ru/public.php?public=2781>
10. *Зефиоров В.* Поездка в Табынск // ОГВ. 1850. 18 ноября. Цит. по Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / составитель М.И. Роднов / ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2014. 182 с.
11. *Зефиоров В.* Шихан (Из восп. провин. туриста) // ОГВ. 1851. 20 ноября. Цит. по Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / составитель М.И. Роднов / ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2014. 182 с.
12. *Зефиоров В.* Удряк-баш, или 22 Августа в мешчеряком кантоне // ОГВ. 1852. 9 августа. Цит. по Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / составитель М.И. Роднов / ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2014. 182 с.
13. *Зефиоров В.* Две ночи за Уралом // ОГВ. 1853. 5, 12, 19, 26 декабря. // Роднов М.И. Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / составитель М.И. Роднов / ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2014. 182 с.
14. В. З. ф. р. в. Летучая почта, или ночь на гаубтвахте (Из воспоминаний об Оренбурге). (Посвящается Кондратию Игнатьевичу Блохину) // ОГВ. 1855. 12, 19, 26 февраля, 5 марта // Роднов М. И. Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / составитель М.И. Роднов / ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2014. 182 с.
15. *Ивлентьев К.* Сказание о Бузулуке (от 1736 по 1791 год) // ОГВ. 1850. № 41, с. 190-193.; 1850. № 42, с. 194-197.
16. И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы / составитель М.И. Роднов. Уфа, 2012. 104 с.
17. Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / составитель М.И. Роднов / ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2014. 182 с. URL: <http://mrodnov.ru/fr/0/public/Kraeved.pdf>
18. *Клягина Л.Р.* Николай Крашенинников — уральский писатель? (к постановке проблемы). // Литература Урала: история и современность: сборник статей. Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; Изд-во АМБ, 2006. 383 с. URL: <http://www.litural.ru/issled/vyp-1/> (дата обращения 12. 12. 2015).
19. *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009. 172 с. URL: <http://mrodnov.ru/fr/0/public/Kraeved.pdf> (дата обращения 12. 12. 2015).
20. *Созина Е.К.* «Целый новый для меня мир»: этнографическая беллетристика К. Д. Носилова в русской литературе рубежа XIX-XX вв.» // Quaestio Rossica. 2014. № 2, с. 193-211. URL: <http://journals.urfu.ru/index.php/QR/article/view/050> (дата обращения 12. 12. 2015).
21. *Сырова Ю.Н.* А.М.Федоров: жизнь и творчество в контексте литературной эпохи конца XIX – начала XX веков (1885 - 1920): 1885-1920. Автореф. дис. канд. филол. наук. Саратов, 2006. <http://www.dissercat.com/content/am-fedorov-zhizn-i-tvorchestvo-v-kontekste-literaturnoi-epokhi-kontsa-xix-nachala-xx-vekov-1> (дата обращения 12. 12. 2015).
22. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=85451> (дата обращения 12. 12. 2015).
23. *Эртнер Е.Н.* Поэтический этнографизм в русском романе конца XIX века // Language & Literature. [Б.г.]. Вып. 4. — URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No4/text20.htm> (дата обращения 12. 12. 2015).
24. *Эртнер Е.Н.* Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Автореф. дис. доктора филол.наук. Екатеринбург, 2005. 44 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/157278/a#:page=18> (дата обращения 12. 12. 2015).
25. *Юматов В.* Мысли об Истории Оренбургской губернии //ОГВ. 1847, № 15-17 12,19,26 апреля).
26. *Юматов В.* О названии Башкирцев // ОГВ. 1847. № 24, 13 июня, с. 249.
27. *Юматов В.* Древние памятники на земле Башкирцев Чубиминской волости // ОГВ. 1848 №1 (3 января), № 2 (10 января), №5 (31 января), №7 (14 февраля).
28. *Юматов В.* Древние предания у Башкирцев Чубиминской волости // ОГВ. 1848, № 7 (14 февраля). Цит. по «Башкирия в русской литературе: в 6 томах. Уфа: Башкнигоиздат, 1989. Т. 1. Текст. / Сост., введен, и коммент. М.Г.Рахимкулова. 512 с. 250 с.
29. *Юматов В.* Исследование о начале Гурьева города //ОГВ. 1848, № 21-25.

Сокращения:

ОГВ — Оренбургские губернские ведомости.

Ю.С. Подлубнова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

«ЁБУРГ» АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА: ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ «ГЕНИЯ МЕСТА»

Статья посвящена анализу творческих стратегий писателя Алексея Иванова, позиционирующегося на Урале в качестве нового литературного «гения места» (после Д.Н. Мамина-Сибиряка и П.П. Бажова) и сменившего в 2012-2014 гг. локальные предпочтения: от Перми к Екатеринбургу. В центре внимания — художественно-публицистическая книга «Ёбург», в которой писатель предпринимает попытку конструирования образа города и обращается к мифологеме «уральский характер». Алексей Иванов в этой книге оказывается екатеринбуржцем по месту обитания и самоощущению, соответствуя духу и характеру города, населенного харизматичными лидерами, нацеленными на действие и созидание.

Ключевые слова: *Урал, Алексей Иванов, «Ёбург», «гений места», Пермь, образ Екатеринбурга, авторские стратегии*

Yulia Podlubnova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

«E-BURG» BY ALEXEY IVANOV: SOME PROBLEMS OF GENIUS LOCI LOCALIZATION

The article analysis of some creative strategies of the writer Alexei Ivanov who is positioned in the Urals as a new literary genius loci (after D.N. Mamin-Sibiriyak and P.P. Bazhov). In 2012–2014 the writer has changed his local preferences from Perm to Ekaterinburg. Our focus is on the artistic and journalistic book «E-burg». The writer makes an attempt to update the image of the city and mythologeme «the Urals character». Alexei Ivanov in this book looks like a Ekaterinburg citizen who thinks about the place of his dwelling and self-perception. It corresponds to the spirit and character of the city populated by charismatic leaders who acts and creates.

Keywords: *Ural, Alexei Ivanov, «E-burg», genius loci, Perm, the image of Ekaterinburg, author's strategies.*

Алексею Иванову в определенном смысле повезло: начиная с 2005-2006 гг., когда продвижением его книг на российский рынок занялось издательство «Азбука-классика», писатель, не достигший возраста 40 лет, стал все больше позиционироваться и соответственно восприниматься читающей публикой, по крайней мере, на Урале, как новый «гений места». Так, например, Г.М. Ребель в критическом эссе 2006 года дает своеобразное определение «гения места» и охотно применяет его по отношению к Алексею Иванову: «Гений места — это не тот, кто закопался в родимый локус и смакует его извивы и изгибы, игнорируя внеположное пространство, а тот, кто историко-географическое “наследье родовое”

превращает в средоточие общенациональной, мировой жизни, в розу мировых ветров. Иванов и есть Гений места» [4]. И это показательно, как в середине первого десятилетия XXI века произошел ребрендинг писателя Алексея Иванова: из известного в узких кругах любителей фантастики и недовольного своим статусом прозаика, автора романов «Общага-на-Крови» и «Географ глобус пропил», он перешел на иное положение: певца родного края, его историографа и сказителя, которого читающая публика готова сравнивать с Д.Н. Маминым-Сибиряком или П.П. Бажовым.

Новый статус писатель получил во многом благодаря стратегии, связывающей его имя с регионом и заставляющей увидеть территорию в новом модернизированном ракурсе. Продолжу цитировать Г.М. Ребель: «Разумеется, и до Иванова, и помимо Иванова литература о Перми и в Перми существовала и продолжает существовать, но именно под его пером Пермь собирается в единый образ, обретает мистическое (вирту-

© Подлубнова Ю.С., 2018

Подлубнова Юлия Сергеевна, к. филол. н., научный сотрудник сектора истории литературы ИИИА УрО РАН, заведующий музеем «Литературная жизнь Урала XX века», доцент кафедры издательского дела УрФУ tristia@yandex.ru

альное) тело и душу, обрастает художественной историей, мифологией и легендами и становится явлением национального масштаба. Причем это не город Пермь, или Пермское княжество XV века, или Чусовские заводы конца XVIII, и уж тем более не Пермская область, это — Пермский космос, расчерченный неповторимыми по своему облику и характеру реками и горами, заросший непролазным, угрюмым, зловещим и в то же время таинственно-прекрасным лесом, населенный разноликими и разноязыкими народами, одухотворенный индивидуальными и коллективными человеческими порывами, страстями, схватками, преступлениями и подвигами» [3, 73]. Писатель продуманно отказался от замкнутой на самой себе региональности и включил Пермь в общероссийскую карту территорий с ярко выраженной идентичностью. Как указывает М.А. Литовская, «рассказанные А.Ивановым истории Пермского края оказываются своего рода квинтэссенцией российской истории в ее имперском изводе — историей собирания земель, поисков форм правления <...> Он предлагает позитивное конструирование национальной истории, задавая идею государства, в котором периферия, оказываясь формально репрессированной, имеет право на свой голос и реализует это право» [4]. Не случайно, раскрутку и продвижение к самой широкой публике Алексея Иванова поддерживали пермские региональные власти, явно ощутившие созвучность романов «Сердце Пармы» или «Золото бунта» текущему моменту, курсу на сильное государство с реставрацией имперских элементов.

Возможно, не последнюю роль в формировании имиджа и статуса уральского писателя сыграл проект «Пермь — культурная столица», в его ориентированной на Москву части активно нелюбимый Алексеем Ивановым, однако безусловно привлечший внимание культурной публики к городу и региону. Само противостояние писателя и проекта, создаваемого не просто москвичами, но и привезенными знаменитостями из разных стран, инициированное именно писателем, так или иначе интегрировало его в PR-кампанию проекта и стало работать в том числе на PR самого Алексея Иванова как писателя Перми, утверждая тем самым, особенно на фоне приезжих, его статус «гения места».

Сверхзадачей пермского прозаика в этот период творческой активности становится, как справедливо обозначает М. А. Литовская [3], перекраивание символической карты Урала, подразумевающее перенесение символического центра со Среднего, так называемого бажовского Урала, в Прикамье, имеющее более обширную историю и богатый культурный слой, однако менее представленного в популяризированных художественных образах. Алексей

Иванов выступал одновременно и как просветитель и как популяризатор, что только укрепляло его статус «гения места» и предвещало дальнейшие действия в этом направлении.

Однако вектор развития Алексея Иванова оказался отнюдь не однонаправленным. Заметные изменения произошли после 2010 г., когда прозаик начал работу над циклом о дэнжерологах, принципиально отказавшись от того, что В.В. Абашев называет геопозитикой. В новых его романах «Псоглавцы» (2011) и «Комьюнити» (2012) действие разворачивалось в Нижегородской области и Москве, при этом данные территории и их идентичность не представляли интереса для писателя, решающего иные культурологические задачи. Показательно, что роман «Псоглавцы» был изначально выпущен под псевдонимом Алексей Маврин, маркирующим образование/реализацию иной авторской личности, нежели столь привычная читателю ивановская, что в целом указывало на стратегические подвижки и некоторую усталость писателя от ранее выбранного курса.

Разумеется, Алексей Иванов и после 2010 г. не порывал с Уралом и не отказывался от созданного образа региона, равно как и от самой задачи по созданию этого образа. Тем не менее, стратегические подвижки продолжали ощущаться. В частности Иванов принял предложение Министерства культуры Свердловской области, решившего вплотную заняться брендингом и раскруткой собственной территории, и по заказу власти создал книгу «Горнозаводская цивилизация» (2013), в которой внешне попытался избежать центрирования территории, концептуально охватив весь горнозаводской Урал, однако подспудным образом проводя идею региональной столичности Екатеринбурга, изначально имеющего соответствующие горнозаводские амбиции и в этом качестве сменяющего парадигматику древней и загадочной Перми.

В 2014 г. появляется «Ёбург», книга, даже большая по объему, чем «Горнозаводская цивилизация», и уже не скрывающая симпатии прозаика к «хайтек-мегаполису» [1, 11] Екатеринбургу, его ландшафтам и его героям. При этом, сложно говорить о заказной природе данной книги, по крайней мере, соответствующих маркеров в ней, в отличие от предыдущей, не содержится: все, что находим под обложкой — благодарность Алексею Бадаеву, министру культуры Свердловской области в 2010-2012 гг., общавшемуся с писателем и, по словам оно-го, «помогшему выйти в путь» [2, 8], поспособствовавшему созданию книги. В любом случае, стоит предположить, что у прозаика были иные мотивировки для написания «Ёбурга», чем сотрудничество с властью.

Если делить книги Алексея Иванова, написанные исключительно на уральском материале, на «исторические» и посвященные современности, то «Ёбург», без сомнения, относится к последним. Перед нами целостное феноменологическое исследование города эпохи конца 1980 – начала 2000-х гг., предлагающее оригинальный авторский концепт: «Даже на слух энергичное и краткое название Ёбург как-то соответствует сути того Екатеринбург — города лихого и безбашенного, стихийно-мощного, склонного к резким поворотам и крутым решениям, беззаконного города, которым на одной только воле рулят жесткие и храбрые, как финикийцы, лидеры-харизматики. Хулиганское имя Ёбург — символ прекрасного и свободного времени обновления» [2, 13]. Есть в книге и объяснение, почему именно Екатеринбург стал объектом исследования писателя: «Важно, что Ёбург не прятался от истории и никому не позволял отвечать за себя. И удивительно, что решения Ёбурга часто оказывались более остроумными или более адекватными, чем решения Москвы или решения российской провинции. Вот по этим причинам яркий опыт уже ушедшего от нас Ёбурга общезначим для нации» [2, 574].

Таким образом, Алексей Иванов, прямо противореча своей прежней сверхзадаче, вновь помещает статус символического центра региона на Средний Урал, утверждая Екатеринбург в качестве его столицы, имеющей ярко выраженную идентичность и распространяющей влияние в том числе за его пределы.

Совершенно очевидно, что книга и обновленный образ региона, представленный в ней, манифестируют изменение отношения писателя к Перми и Екатеринбургу, а также изменение представления о собственной роли и статусе уральского писателя. В данном случае происходит своеобразный отказ от узкой пермской локализации, ощущаемой теперь в качестве ограничивающей пространство для роста, и попытка закрепления статуса всеуральского писателя, локализованного в столичных для региона топосах: древней Перми и современном Екатеринбурге, с явным предпочтением последнего.

Очевидно, что, обращаясь к Екатеринбургу конца 1980 – 1990-х гг. и жанру эссе, писатель актуализирует часть своей биографии, ранее им не востребовавшую, напрямую связанную с жизнью в Свердловске и учебой на факультете журналистики Уральского университета и дающую основание писать о городе и о времени с позиции очевидца и участника событий, равнодушного горожанина и ироничного журналиста с литературным именем и амбициями. Алексей Иванов в этой книге оказывается екатеринбуржцем по месту обитания и самоощущению, соответствуя духу и характеру города, населенного харизматичными лидерами, нацеленными на действие и созидание:

от Росселя до Ройзмана, от Коляды и Кормильцева до Александра Новикова и городского поэта-сумасшедшего Спартака. Подчеркнем, что не ландшафты оказываются определяющими в случае концептуализации Ебурга, а люди, населяющие город, и их поступки, и это заметным образом отделяет новую книгу от книг Иванова, нацеленных на созидание пермского космоса. «Ёбург» — следующий шаг писателя по закреплению статуса уральского «гения места», уже освоившего историю края и уже вербализовавшего особенности пространственных моделей региона. «Ёбург» — исследование уральского характера и в целом способности уральского человека к действию.

Заметно, что Алексею Иванову одинаково симпатичны поэты Борис Рыжий и Роман Тягунов, строитель МЖК Евгений Королев, лидеры городских преступных группировок, бизнесмен и политик Антон Баков, напечатавший уральские франки, или, скажем, всенародный дворник старик Букашкин, поименованный в книге «гением места». «Букашкин — трезвая, внятная и продуманная стратегия, вписанная в пространство города. Не обладая особыми талантами, Малахин сделал искусством жизнь художника, а не его произведения. Сделал искусством метод художественного высказывания, а не само высказывание. Потому Букашкин и превратился в миф Ёбурга, оказался пенатом и гением места» [2, 266]. Последовательно выстраивая ряд харизматиков писатель вольно или невольно включает в него еще одного, не представленного в книге биографически, но присутствующего в каждой ее строке: писателя Алексея Иванова, отныне не ограниченного в своей локализацией Пермью, а вольного выбирать контексты творческой биографии, и эти контексты оказываются екатеринбургскими и стратегически заведомо успешными.

Пермский «гений места», таким образом, становится делокализован, он сознательно расширяет освоенную территорию до всего Урала, присваивая самый большой и успешный город региона, с его деяниями и брендами. Алексей Иванов выбирает экспансионистскую стратегию, все более утверждаясь в статусе «гения места» за счет расширения в этом устойчивом словосочетании самого понятия места.

Библиографический список

1. Иванов А.В. Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014.
2. Иванов А.В. Ёбург. М.: АСТ, 2014.
3. Ребель Г. Явление Географа, или Живая вода романов Алексея Иванова // Октябрь. 2006. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2006/4/re8.html>. (дата обращения: 05.05.15).
4. Литовская М.А. Литературная борьба за определение статуса территории: Ольга Славникова — Алексей Иванов // Литература Урала: история и современность. Вып. 2. Екатеринбург: УрО РАН; ИД «Союз писателей», 2006. С. 66-75.

И.О. Сид

АНО «Институт перевода», г. Москва

ТЕРРИТОРИЯ И ЛАНДШАФТ КАК ПАЛИМПСЕСТ. МАКС ВОЛОШИН, ДАУР ЗАНТАРИЯ: ГЕОПОЭТЫ В «СВЁРНУТОМ» ПУТЕШЕСТВИИ

В докладе вводится, как точный термин, понятие «геопоэт». Раскрываются функции геопоэта как первооткрывателя или переоткрывателя (описателя или переописателя) ландшафта и территории. Противопоставляются основные типы геопоэтов — «кочевой» (путешественник, первооткрыватель, описатель) и «оседлый» («переоткрыватель», переописатель). Рассматриваются два ярких исторических примера геопоэтов на российском, советском, постсоветском пространстве. Обобщается представление о «классических» и «свёрнутых» формах путешествий и их значении в человеческой жизни.

Ключевые слова: базовое пространство путешествия, геопоэт, геопоэтика, маршрут, переоткрыватель, переописатель, пространство, путешественник, путешествие, «свёрнутые» путешествия.

Sid I. O.

Institute for Literary Translation, Moscow

TERRITORY AND LANDSCAPE AS A PALIMPSEST. MAX VOLOSHIN, DAUR ZANTARIA: GEOPOETS ON THE 'FOLDED' TRAVEL

The report introduces, as an exact term, the concept of «geopoet». Functions of the geopoet as a discoverer or rediscoverer (a descriptor or a redescrptor) of the landscape and the territory reveal. The main types of geopoets — «nomadic» (traveller, discoverer, descriptor) and «settled» («rediscoverer», redescrptor) are mutually opposed. Two striking historical examples of geopoets in the Russian, Soviet and post-Soviet area reviewed. Idea of the «classical» and «folded» forms of travel and their value in human life is generalized.

Keywords: *basic space of a travel, geopoet, geopoetics, route, rediscoverer, redescrptor, space, traveller, travel, «folded» travel.*

*Так телом я ленив и так душа легка!
Куда спешит душа из оболочки грубой?
А если всё — обман, зачем тогда тоска,
И что это за речь неволью шепчут губы?..*
Даур Зантария

Вступление

Как и недавний исторический перевал fin de siècle, так и, тем более, всё ещё длящийся ощутимо водораздел двух тысячелетий часто символически привязывают к какому-нибудь характерному катаклизму планетарной значимости — наподобие, скажем, падения Бер-

линской стены [2] или авиаатаки на Башни-Близнецы. В нашем же представлении, отсчёт следует вести от событий более существенных, пусть и менее заметных широкой публике: моментов, связанных с качественным цивилизационным сдвигом, новым рубежом в развитии самопознания человечества. Таким эпохальным поворотом глобальной мысли видится состоявшаяся ровно в 2000 году в Санкт-Петербурге теоретико-биологическая школа «Междисциплинарно-культурологический и теоретико-географический аспект путешествий» в рамках семинара по биогерменевтике «Мир путешествий. Мастерство путешествий» под кураторством Сергея Чебанова [14]. На наш взгляд, XXI век начался с этой первой в истории мировой науки, и сразу успешной,

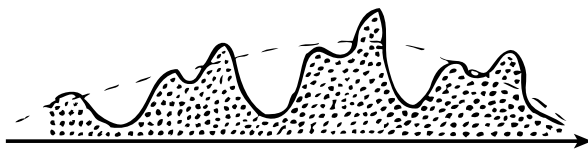
© Сид И. О., 2018

Сид Игорь Олегович, переводчик, эссеист, координатор программ
АНО «Институт перевода», г. Москва
africana@bk.ru

попытки заложения Теории путешествий. Почему эта теория, находящаяся сейчас в стадии становления, так важна для человечества, мы попробуем показать ниже.

1. Расширение представлений о пространственности путешествия

Первый, в рамках диалога о путешествии, выход наблюдателя за рамки физического ландшафта, «географического пространства» в пространство человеческой личности был совершён более 40 лет назад. Об этом свидетельствует знаменитая диаграмма «Оптимальная временная структура путешествия» из статьи Бориса Родомана «Искусство путешествия» [18] (см. рис.).

Оптимальная временная структура путешествия [18]

«Высота кривой соответствует силе впечатлений, ощущений, эмоций, вызванных прежде всего окружающей средой. Форма кривой получена методом «качественной математики» не на основе измерений, а из рассуждений о том, в какой момент времени приток впечатлений должен быть сильнее, а когда слабее... Показанная на чертеже структура отдалённо напоминает циклическую сонатную форму в музыке и сонет в стихосложении. Хорошее путешествие исполняется как симфония!», — пишет автор. Итак, вертикальное измерение на диаграмме Родомана добавляет в поле научного исследования путешествий эмоциональную составляющую этого сложного процесса. При этом оказывается, что новая координата — это характеристика состояния не только человека. Она набрасывается автором и на всё окружающее путешественника пространство. «В ландшафтном континууме есть свои разрежённости и сгустки впечатлений, впадины и вершины ощущений, гребни волн, которые надо подчеркнуть, заострить», — утверждает учёный. Свойства и процессы человеческого восприятия не просто проецируются на ландшафт, что вполне представимо в классических научных текстах, — они с ним смешиваются, сращиваются.

Следующий радикальный шаг — даже, без преувеличения, революционный прорыв в осмыслении феномена путешествий как особого вида движения человека — совершён Владимиром Каганским, которому и принадлежат инициатива проведения и ключевые тезисы вышеупомянутой теоретико-биологической

школы в Санкт-Петербурге. Фундаментальная идея Каганского, закладывающая самоё возмoжность теории путешествий, заключается в констатации множественности [частично сопрягающихся между собой] пространств, в рамках которых одновременно проходит путешествие. Помимо географического пространства, Каганский говорит о пространстве познания и пространстве личности: «Путешествие — активное включённое постижение разнообразия ландшафта путем движения в трех сопряжённых пространствах: ландшафта, личностном и когнитивном, имеющих общие узловые точки» [15].

Возвращаясь к петербургской Школе 2000 года, отметим, что уже на этой стартовой фазе обсуждения феномена путешествия было заложено максимально широкое (с известными оговорками) представление о многообразии его форм; таковых форм было названо не менее 20. «На Школе был представлен и рассмотрен материал многих разновидностей путешествия (в широком смысле): автостоп, затрагивался также бизнес-туризм, бродяжничество, виртуальные путешествия, жизненные путешествия, кочевничество, литературные путешествия, паломничество, познавательные путешествия, психоделические путешествия, психологические путешествия (по личности), рекреационные путешествия, странничество, терапевтические путешествия, туристические путешествия, учебные путешествия, шествия, экскурсии, экспедиции, в том числе научные, эмиграция» [14].

Однако за 15 лет, прошедших со времени Школы, исследование феномена путешествий двигалось в основном в русле физико-географическом, и предметом рассмотрения являлись, как правило, «путешествия в узком смысле». Даже на большой обобщающей конференции «Власть маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа», проведённой 06.12.2012 в Москве Институтом «Русская антропологическая школа» и Крымским геопоэтическим клубом, подавляющее число докладов было посвящено традиционной форме путешествия и близким к ней формам, а также литературным и киножанрам, отражающим этот ограниченный набор форм.

2. Возможность «свёрнутых» путешествий

Отметим, что сопрягающиеся пространства «традиционной», наиболее известной формы путешествия («путешествия в узком смысле»), которую исследует, соответственно, наука география, являются условно «параллельными», но не равнозначными: из них географическое

пространство является как бы первичным, базовым. Сразу же предположим, что могут существовать формы путешествия, в которых базовым является какое-либо другое пространство, не физико-географическое. В любом случае, нас в данной работе будут интересовать прежде всего наименее исследованные формы путешествия — при которых движение путешественника в физико-географическом пространстве минимизировано.

Некоторые особенности таких путешествий мы рассмотрим на примере жизнедеятельности двух исторических персон — известных литераторов, чьи личностные образы тесно связаны с определёнными географическими территориями и маршрутами, и приобрели черты «genius loci» в отношении территорий, на которых они проживали значительную часть своей жизни и с которыми прочно ассоциируются с тех пор их имена — Максимилиана Волошина в Киммерии, т. е. восточном Крыму, и Даура Зантария в Абхазии. Эти два писателя представляются наиболее значительными из известных нам мифотворцев Нового Времени (во всяком случае, на российском, советском и постсоветском пространстве), чьё творческое наследие включает не только корпус существенных для своей эпохи текстов, но и мощный пласт современного [городского] фольклора и окололитературных легенд, имеющий источником своего происхождения лишь отчасти их писательскую деятельность, но в основном — их устную речь, бытовое и игровое поведение, и теснейшим образом связанный с ландшафтом и территорией, где они обитали.

О возможных формах «свёрнутых» путешествий мы упоминали в работе 2012-2013 гг. «Власть маршрута: путешествие как фундаментальный антропологический феномен»: «Путешествие присутствует, зачастую в латентном или свёрнутом виде, во множестве ... социально-психологических явлений и может рассматриваться как один из наиболее фундаментальных феноменов человеческого бытия» [21]. Под «свёрнутостью» подразумевается ограниченность или неочевидность физического движения путешествующего — движения в физическом пространстве, интуитивно воспринимаемом нами (возможно, ошибочно) как базовое в структуре путешествия. Там же уточняется, что в метафорическом плане путешествием являются многие виды деятельности человека, не связанные с физическим перемещением: «"Маршрут" этих модусов путешествия лежит не в физическом пространстве, базовыми пространствами являются для них пространства фазовые или семантические — пространство личностного роста, пространство эмоций...».

3. Определение геопоэта

В сложном феномене, который представляет собой путешествие, в данной работе мы сконцентрируемся на его субъективных сторонах, и прежде всего — на субъекте путешествия. *«Путешествие предполагает путешественника как особый субъект и фигуру, в том числе и культурный персонаж... Путешественник активно интерпретирует среду и реконструирует ее по фрагментам, воспринимаемым разными способами».* [15] — сформулировал В. Каганский в своём докладе на конференции «Власть Маршрута...» в 2012 году. В докладе «Геопоэтика и геопоэтические проекты сегодня» на II Международной конференции по геопоэтике в 2009 нами предложена элементарная геопоэтическая типология личности с двумя диаметрально противоположными типами, включающая тип путешественника: *«Их modus vivendi можно определить, как «путешественник» и «домосед», а по функции в человеческом обществе — «первопроходец» и «возделыватель». Первый тип подвержен «охоте к перемене мест», его волнуют новые пространства, и его тянет в путешествия жажда этого переживания. Второй тип — оседлый, его вдохновляет освоение, возделывание уже обретенных (как правило, другими) пространств».* Далее, *«первый тип проявляется в основном в написании текстов о новых (в той или иной степени) территориях, осваиваемых чаще всего путём классического путешествия, причём желательно — ранее никем не описанных. Это своего рода литературный первооткрыватель. Задача же второго типа — пере-описание, окультуривание уже открытого кем-то пространства, преобразование его сущности или создание новых мифов о нём. Это принципиально иная деятельность. Итак, возможны два полярных человеческих типа, которым условно-приблизительно соответствует разделение между геопоэтикой текста и геопоэтикой проекта»* [21].

Эти два типа охватывают собой все возможные формы геопоэтической деятельности — творческого взаимодействия человека с территорией и ландшафтом, их образами и мифами о них. Самых же людей, занимающихся подобным взаимодействием (любого их двух типов), было бы логично называть **геопоэтами**. Так, в отношении М. Волошина и Д. Зантария определение «геопоэт», несмотря на редкость употребления, звучало неоднократно, в том числе и со стороны автора данного текста: *«...имя Максимилиана Александровича стало нарицательным для целого — относительно нового — крайне малочисленного пока класса людей (или, может*

быть, психотипа) под условным названием "геопозт"¹; «Если перейти на язык современной культурологии, творчество Даура Зантария следует рассматривать, в том числе, через призму геопозтики; он был подлинным геопозтом» [19]. В обоих случаях подразумевалась особенная роль этих авторов в построении культурного мифа о связанной с ними территории (Киммерии и Абхазии соответственно), причём не только путём написания текстов об этих территориях: геопозтическая деятельность («работа с ландшафтно-территориальными (географическими) образами и/или мифами» [19]) может принимать самые разнообразные формы — художественно-изобразительные, научно-исследовательские, путешественные и т.д.

Наиболее раннее известное нам употребление слова «геопозт» датируется 1964 годом и сделано русским автором, советским геологом академиком В.А. Обручевым в отношении его австрийского коллеги и предтечи, классика геологической науки Эдуарда Зюсса (1831-1914), автора гипотез о существовании суперконтинента Гондваны и океана Тетис. «Эпитет «геопозт» является почётным. В общении с природой — величайшим поэтом — Зюсс черпал вдохновение, облекая свои научные труды в художественную форму...», — писал Обручев. [17] Следует предположить, что в немецкой околонушной литературе эта лексема применялась в отношении Зюсса при его жизни, т. е. минимум ещё на полстолетия раньше; это тема для отдельных лексических изысканий. С другой стороны, мы предполагаем, что само зарождение слов «геопозтика», «геопоззия» и «геопозт», несмотря на древнегреческое происхождение их корней (Γη «земля» + ποιητικός «производящий, творящий, творческий»), стало возможным не ранее начала XX века, как «лингвистическая» реакция культуры на появление модной тогда геополитики. Термин «геополитика», как известно, впервые употребил в 1899 году шведский политолог и государствовед Рудольф Челлен.

Лексема «геопозт», по нашим наблюдениям, применяется каждый раз как бы заново, как «впервые» создаваемый окказионализм, и, как правило, без каких-либо смысловых определений в отношении него: в публицистических, изредка научно-популярных статьях, но никогда — в научно-исследовательских, и никогда не попадая в словари. Неудивительно, что это слово до сих пор не стало точным термином и употребляется с достаточно широким семантическим наполнением. Так, украинский писатель Юрий Андрухович, первым в своей стране ставший активно употреблять слово «геопозтика», «крупнейшим геопозтом наше-

го времени» называет папу Иоанна Павла II — не поясняя при этом, какую его деятельность или какие его черты имеет в виду [1].

На основных европейских языках слова «геопозтика» и «геопозт» в соответствующих переводах мелькают в текстах самого разного рода и в самых разных значениях. Однако, например, в национальных Википедиях — на английском, французском, немецком, итальянском, испанском — употребляется только слово «геопозтика» (никогда не в качестве предмета собственно для энциклопедической статьи), но не слово «геопозт». В первом региональном, посвящённом Центральной Европе, сборнике статей по геопозтике, изданном в Берлине в 2010 году, слово Georoetik («геопозтика») встречается 165 раз, georoetisch («геопозтический») 44 раза, слово же Georoet («геопозт») — ни разу.

В выпущенной нами тремя годами позже первой международной антологии геопозтических текстов «Введение в геопозтику» [Введение в геопозтику]² слово «геопозтика» встречается 410 раз, «геопозтический» 152 раза, «геопозтичный» 3 раза, слово «геопозт» — 10 раз. Так, в представленном в сборнике тексте выступления Василия Голованова на круглом столе Крымского геопозтического клуба «Геопозтика: между текстом и жизнью» 27.09.2005 автор, главный российский последователь Кеннета Уайта, подытоживая свои многолетние размышления о геопозтике, употребляет слово «геопозтика» 14 раз, а слово «геопозт» дважды, причём в кавычках (намекающих, что эта лексема является искусственным конструктом), без смыслового определения к новому слову и в отрицательном модусе: «Разумеется, Марко Поло или Афанасий Никитин не были геопозтами, они были купцами и разведчиками»; «Не были геопозтами ни Паллас (оставивший гигантский свод сочинений), ни Гумбольдт, ни Ламарк». При всём этом, автор делает уверенный вывод: «Но это не мешает нам сегодня рассматривать их книги как глупо геопозтические творения» [7].

По этой логике, существование геопозтики не требует обязательного существования геопозтов; при определённых условиях произведение становится геопозтическим у автора, не являющегося геопозтом. То есть геопозтическое творчество, или «геопозтическая компонента творчества», в отличие от творчества, например, поэтического (в его узком, классическом смысле), может быть неосознанным.

¹ Сид И. О воле к Волошину (Утро грустной годовщины: нейтральные размышления). Русский журнал, 11.08.2012. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/O-vole-k-Voloshinu>

² Введение в геопозтику. Антология. М.: Арт Хаус медиа, 2013.

Заметим, кстати, что и сам изобретатель неологизма «геопэтика» Кеннет Уайт в статье об одном из упомянутых Головановым авторов «Les pérégrination géopoétique de Humboldt» («Геопэтические странствия Гумбольдта»), применяя в отношении экспедиций под руководством своего героя термин «геопэтические», геопэтом самого его при этом не называет. Более того, по нашим сведениям, этим словом он не пользуется вообще никогда.

Далее, в первых наших собственных публикациях на темы геопэтики (в 1990-е годы) слово «геопэ» также не используется. И хотя оно звучало, например, в кулуарах на Первой международной конференции по геопэтике в 1996, в качестве возможного терминологического дополнения к геопэтике, однако в текстах докладов и выступлений зафиксировано не было, — если не считать шуточный отзыв на конференцию одного из её организаторов, опубликованный на сайте Крымского клуба под вымышленным именем престарелого петербургского философа, академика С. Лебенсраума (где, кстати, М. Волошин мимоходом назван «величайшим из геопэтов») [16]. Однако с началом нового тысячелетия потребность в этой лексеме при публикациях стала нами ощущаться: очевидно, обобщённых, довольно абстрактных понятий «геопэтика» и «геопэтический» стало недостаточно для описания и объяснения геопэтических явлений. Субъект геопэтики постепенно выходит на первый план, геопэтика перестаёт быть исключительно «объективной». Современная жизнь требует создания всё новых смыслов (а в чём культурная роль / социальная функция геопэта, как не в создании, прежде всего, таких смыслов?), и эта работа становится всё более осознанной.

Научное определение к возможному в будущем точному термину «геопэ» может отталкиваться от значений слова «пэ», с соответствующими поправками. Что подсказывают нам словари?

ПОЭТ, -а, м. 1. Писатель — автор стихотворных, поэтических произведений. *Пушкин — великий русский п. П. родной природы.* 2. перен. Человек, к-рый наделен поэтическим отношением к окружающему, к жизни. *П. в душе. П. по натуре. П. в своем деле.* || ж. поэтесса [тэ], -ы (к 1 знач.) [Словарь русского языка (1949, 22-е издание, 1990; с 1992 — «Толковый словарь русского языка», совместно с Н.Ю. Шведовой)].

Как видим, считать человека субъектом поэтической деятельности могут по двум причинам: наличия созданных им поэтических произведений (результатов соответствующей деятельности), и/или наличия проявлений в его поведении, свидетельствующих о склон-

ности к такой деятельности, либо хотя бы его оценочных высказываний по отношению к окружающему, демонстрирующих соответствующую оптику (мировоззрение). При конструировании определения к термину «геопэ» вторую часть этой семантической схемы мы опускаем, т. к. «геопэ» в этом втором, излишне абстрагированном смысле — фактически синоним пэта.

ГЕОПОЭТ, -а, м. Субъект геопэтической деятельности — человек (как правило, представитель научных, художественных или практических сфер), осознанно работающий с ландшафтно-территориальными образами или мифами: создающий новые мифы и образы или преобразующий старые. *Волошин — великий русский г.* || ж. геопэтесса [тэ], -ы. (Определения геопэтики в словарях также пока нет, здесь в рабочем порядке воспользуемся уже процитированным определением: «*работа с ландшафтно-территориальными (географическими) образами и/или мифами*» [23].

Итак, с применением конкретного исторического имени в качестве наиболее типичного (и «интуитивно понятного» любому отечественному читателю) примера геопэта, мы приходим к более внимательному рассмотрению того, каким образом сочетаются (пересекаются, накладываются и т. д.) в человеке свойства *геопэта* и *путешественника* — с тем, чтобы в итоге уточнить более молодое из двух понятий и выяснить их смысловые взаимоотношения.

4. Максимилиан Волошин. Частичное «сворачивание» путешествия

Биография пэта, переводчика, художника, критика, культуртрегера Максимилиана Александровича Кириенко-Волошина (1877-1932) общеизвестна. Важнейший как в рамках нашего исследования, так и в контексте жизни этого автора сюжетный поворот происходит в 1907 году, когда Волошин оседает в избранном им для дальнейшего проживания восточно-крымском посёлке Коктебель — в который они с матерью переехали из Москвы ещё в 1893 году, однако жил он в тот период на съёмных квартирах в соседней Феодосии, где обучался в школе. До этого поворота, в первой половине жизни он много путешествует; в своей «Автобиографии» 1925 года он выделяет два таких периода подряд общей длительностью 14 лет: «4-ое семилетие: Годы странствий (1898-1905)» и «5-е семилетие: Блуждания (1905-1912)». Так, помимо [само]образовательных путешествий по Европе (занимается в библиотеках, слушает лекции, берёт уроки рисования и т.п.), ещё раньше он предпринимает странствие по

Средней Азии. «Я ходил с караванами по пустыне», — пишет он в своей «Автобиографии» 1925 года [6].

Отметим, что хотя факт «хождения с караванами» никем, кроме самого поэта, не подтверждён, для нас в контексте данного исследования сама историчность такого факта не представляется принципиальной. Когда мы говорим о геопэте как человеке, «осознанно работающем с ландшафтно-территориальными образами или мифами, создающем новые мифы и образы или преобразующем старые», мы подразумеваем, что эта мифотворческая деятельность может задевать, и даже втягивать в себя, также и личностный образ/персональный миф самого геопэта (или, как сейчас принято говорить, его имидж).

Для такого задевания и втягивания может быть несколько причин. Во-первых, это может происходить неосознанно, в силу тотальности и инерционности процесса мифотворчества, материал для которого может черпаться «автоматически» из разных семантических пространств, включая личностные. Во-вторых, осознанное наращивание, как например в описанном случае с Волошиным, «путешественной» составляющей личностного образа придаёт дополнительные возможности — иначе говоря, символический капитал — для дальнейшей геопэтической (мифотворческой) деятельности, и т. д.

Можно предположить, что к 1907 году мощность персонального мифа М. Волошина достигла величины, достаточной для старта главного его геопэтического проекта — по сути, дела всей его жизни: построения сложного многоуровневого мифа со встроенными друг в друга архитектурными элементами: «Дом Поэта», «Коктебель», «Киммерия». Волошин навсегда возвращается в места своей юности, после чего его странствия пролегают в основном по замкнутому региону Восточного Крыма, от Карадагского горного массива до восточного окончания Керченского полуострова.

Из этих мини-путешествий, как правило однодневных, он регулярно приносит всё новые пейзажные акварели и стихи. «Загадочное было в этой страсти/ Из года в год писать одно и то же:/ Всё те же коктебельские пейзажи./ Но в гераклитовом движенье их./ Так можно мучиться, когда бываешь/ Любовью болен к подленькой актрисе/ И хочется их тысячи обличий/ Поймать, как настоящее, одно...», — пишет керченский поэт Георгий Шенгели (1894-1956) в 1936 году в известном стихотворении «Максимилиан Волошин» памяти своего старшего друга.

В каждой из этих, можно сказать, художественно-исследовательских мини-экспедиций

ландшафт и территория Киммерии как бы заново переписываются, с частичным обновлением своего содержания, выступая в качестве своеобразного природно-культурного палимпсеста³. Именно эта характерная практика бесконечного переписывания, по сути, элементов географического мифа позволяет нам назвать Волошина типическим, если даже не *архетипическим*, случаем *геопэта оседлого типа* — переписателя (переназывателя) ландшафта и территории. В принципе, кроме Максимилиана Александровича, в XX веке нам не известны другие авторы, давшие новое название и новое содержание достаточно обширной и далеко не безлюдной, хорошо обжитой территории. «Киммерией я называю восточную область Крыма от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива), в отличие от Тавриды, западной его части (южного берега и Херсонеса Таврического)», — писал Волошин [5].

Не менее впечатляющим случаем геопэтического переописания является устойчивое представление о контуре восточного склона Кара-Дага, видимом со стороны Коктебеля, как о «природном памятнике» Максимилиану Александровичу. «И на скале, замкнувшей зыбь залива,/ Судьбой и ветрами изваян профиль мой», — фиксирует Волошин в стихотворении, датированном 6 июня 1918 года. Однако ещё вплоть до 1910-х годов этот силуэт традиционно приписывался А.С. Пушкину, что было отражено даже в путеводителях по Крымскому полуострову и на дореволюционных открытках [3].

Любопытно, что Марина Цветаева в своём гениальном эссе о Волошине «Живое о живом» многократно подчёркивает связь образа Максимилиана Александровича со стихией и идеей Земли, выражая его многообразный творческий диалог с геологическим субстратом жизни — как бы иносказательно намекая на *геопэтическую* сущность своего героя. Позволим себе обширную цитату из этого творения поэта:

«Макс был настоящим чадом, порождением, исчадием земли. Раскрылась земля и породила: такого, совсем готового, огромного гнома, дремучего великана, немножко быка, немножко Бога, на коренастых, точеных как кегли, как сталь упругих, как столбы устойчивых ногах, с аквамаринами вместо глаз, с дремучим лесом вместо волос, со всеми морскими и земными солями в крови («А ты знаешь, Марина, что наша кровь — это древнее

³ Палимпсест (греч. παλιψηφιστος, от παλιν «опять» и ψηφός «соскобленный») — рукопись (изначально на пергаменте, реже папирусе) поверх старого или соскобленного текста.

море...»), со всем, что внутри земли кипело и остыло, кипело и не остыло. Нутро Макса, чувствовалось, было именно нутром земли.

Макс был именно земнородным... В Максе жила четвёртая, всеми забываемая стихия — земли. Стихия континента: сушь. В Максе жила масса, можно сказать, что это единичное явление было именно явлением земной массы, гущи, толщи. О нём, как о горах, можно было сказать: массив. Даже физическая его масса была массивом, чем-то непрорубным и неразрывным. Есть аэролиты небесные. Макс был — земной монолит... По-настоящему сказать о Максе мог бы только геолог...»

В контексте нашего исследования наиболее важным представляется то, что в течение четверти века — всего последнего, коктебельского периода своей жизни — Волошин был постоянным инициатором и центром коллективного мифотворчества, совместно с многочисленными литераторами, художниками, деятелями других искусств — гостями его «Дома Поэта». Мистификации, розыгрыши, сочиняемые экспромтом новые местные легенды и объяснения различных местных реалий — всё это наращивало созданный им мощный «киммерийский» миф. Образ самого Максимилиана Александровича стал настолько неразрывно связан с образом этого геопозитического пространства, что Г. Шенгели уже цитированное выше стихотворение заключает выводом: «Я не поеду больше в Коктебель», имея в виду отсутствие там его покойного друга (известен и другой, более любовной вариант финала: «Мне без него не нужен Коктебель»). «Сам Коктебель как курортное место — во многом детище Максимилиана Александровича. Все эти дома творчества, хиппи, коттеджи, джипы, палатки с сувенирами на набережной — результат проникновения в массы идеи избранности Коктебеля, сакральности этого места. Как древний заброшенный храм притягивает к своим стенам праздных туристов..., так и волошинский дом — центр этого шумного южного городка, его метафизическое сердце», — пишет культуролог Екатерина Дайс в нашей совместной монографии 2011 года об образе Крыма в русской литературе [8].

Совокупность подобных наблюдений позволила нам охарактеризовать М. Волошина как «величайшего геопозта если не мировой, то, как минимум, нашей отечественной истории» [20], а на Второй международной конференции по геопозитике в 2009 году высказать предположение, что о самой «геопозитике, как о литературной или жизненной практике (первоначально стихийной, не осознанной, не названной, не декларируемой), можно гово-

рить, начиная с эпохи Максимилиана Волошина» [20]. Мы надеемся, что включение лексемы «геопозт» в гуманитарно-научный оборот приведёт, в частности, к тому, что энциклопедические статьи, например, о М. Волошине будут расширены с добавлением ещё одного существенного понятия (творческого амплуа): «русский поэт, переводчик, художник-пейзажист, художественный и литературный критик, геопозт».

5. Даур Зантария. Писатель в «свёрнутом» путешествии

Даур Бадзович Зантария (1953-2001) — второй, на наш взгляд, после М.А. Волошина крупнейший геопозт на советском и постсоветском пространстве, чьё мифотворчество также приобрело поистине национальные (в рамках своей национальной территории) масштабы, и при этом второй по известности за пределами Абхазии, после Ф.А. Искандера, абхазский писатель. «Даур Зантария был слишком талантлив. Двадцать лет назад он показал мне свою первую крупную вещь «Енджи-ханум, обойденная счастьем», — писал о Зантария Андрей Битов. — Она была не только талантлива, но и гениальна, настолько в ней выражен новый жанр, новый писатель — органичный сплав эпоса и хроники, фольклора и летописи. Казалось, после Фазилы Искандера в абхазо-русской прозе делать нечего. Даур нашел путь, продолжение которого сулило мировую мощь» [9, с. 213].

Однако между этими двумя абхазскими авторами, при некоторых неизбежных сюжетно-фактурных, «этнографических» элементах сходства в творчестве, существуют кардинальные отличия. Искандер изначально писал свои произведения на русском языке, родном для него. Зантария, уроженец абхазского приморского села Тамыш, долгие годы (с 1970-х до грузино-абхазской войны 1992-93 годов) писал оригинальные произведения исключительно на родном абхазском, которым владел в совершенстве, лишь некоторые из рассказов переводя затем на русский язык для публикаций в русскоязычных изданиях. Лишь после войны, лишившись крова на родине (родительский дом в Тамыше был сожжён пожаром, а квартира его в Сухуме подверглась частичному разрушению) и переехав ради журналистского заработка в Москву, Зантария стал писать прозу и стихи сразу на русском. Поэтому абхазскими читателями литературное творчество Д. Зантария воспринимается преимущественно как более аутентичное, специфически-абхазское, нежели у Искандера: последний, как известно, даже изображая патриархальный кавказский

быт, предпочитает рассказывать не столько о проблемах народной жизни, сколько о проблемах общечеловеческих, универсальных — «этническая» фактура служит писателю не столько предметом рассмотрения, сколько материалом и поводом для высказывания.

Проза, поэзия, эссеистика Даура Зантария отражали в себе, с одной стороны, историю Абхазии глубиной в несколько столетий (для написания основных своих повестей писатель проводил много времени в изучении государственных архивов), а с другой — недавнюю и современную жизнь республики: довоенную, военную, послевоенную. В этих текстах оживает его родная топонимика и топография — вплоть до геометрии абхазских пещер, в которых археологи проводили раскопки стоянок первобытного человека [10].

Однако наиболее важной в контексте данного исследования, и при этом наименее отражённой в публикациях стороной многообразного творчества Даура Зантария — прозаика, поэта, эссеиста, переводчика, киносценариста, публициста, — является его обширная и непрестанная внетекстовая, устная мифопоэтическая деятельность. Огромное количество весьма правдоподобных анекдотов и легенд о писателе, его афористичных высказываний и остроумных выходов приводят, например, многочисленные авторы раздела мемуаров о нём в его посмертном сборнике «Мир за игольным ушком». Типичную историю о Зантария излагает, например, его друг Борис Джонуа: *«Я ездил в деревню и записал такой фольклорный материал, от которого наши фольклористы лопнут от зависти! — сообщил он. Вытянув руку вперед, он стал декламировать...»* [1, с. 265]. В дальнейшей беседе, благодаря penetrability автора мемуара, выясняется, что это очередная мистификация Даура. Всё же множество его розыгрышей самого разного рода не были распознаны как таковые и разоблачены, поэтому коллективная память о нём представляет собой огромный конгломерат исторически бесспорных фактов и результатов безудержного мифотворчества — зачастую не только со стороны Зантария, но и коллективного, с участием его близких друзей и коллег по литературному цеху. В этот процесс вовлекался самый разнообразный фактологический и фактурный материал — от литературных, художественных и киносюжетов до этнографических особенностей абхазской жизни и сиюминутных обстоятельств городского быта. Но главное, что эта постоянно разрастающаяся новая мифология охватывала практически всё культурное пространство Абхазии, придавая ему дополнительную артистическую окраску и литературный блеск.

Даур Зантария, таким образом, был ярко выраженным геопозетом второго, оседлого типа — переописателем своего культурного пространства, преобразователем ландшафтно-территориального мифа родной страны. «Оседлость» его, выраженная гораздо сильнее, чем у М. Волошина, имела характер анекдотический. Почти все его друзья и контактёры познакомились с ним не просто на маленькой территории Абхазии, откуда он выезжал крайне редко — более того: в большинстве случаев это произошло на одной и той же исторической площадке, знаменитом летнем ярусе сухумского ресторана «Амра», расположенном на выдвинутом в море пирсе в самом центре города, напротив гостиницы «Абхазия» и начала улицы Фрунзе (ныне Айдгылара).

Автор этих строк тоже впервые увидел Зантария именно в «Амре», в мае 1986 года, и при дальнейших визитах в столицу Абхазии часто пересекался с ним именно там: место встречи изменить нельзя... Фото Зантария с Фазилом Искандером, Андреем Битовым и другими известными писателями зачастую сделаны тоже в «Амре», за чашечкой турецкого кофе или рюмочкой армянского коньяка.

Всё вышесказанное приобретает довольно парадоксальный оттенок на фоне того странного факта, что образ Даура Зантария в глазах его друзей был почему-то достаточно тесно связан с темой *путешествий*. Отчасти это объясняется, конечно, подчёркнуто ориентальным, «дервишским» мировидением писателя, которое весьма часто и весьма художественно артикулировал «Старик», как называли Даура все друзья: мудрость на Востоке часто тесно связана со странничеством, паломничествами и т.д. *«На зайце суфизма я доскачу до твоего слона индуизма и буддизма»*, — приводит характерное для Зантария высказывание его близкий друг, писательница Марина Москвина в предисловии к составленной ею первой посмертной книге Зантария «Колхидский странник», откуда мы уже процитировали выше высказывание Андрея Битова. Почву для представления о себе как о путешественнике мог давать в своих текстах и сам Даур. Так, пища о древнем абхазском городе Анакопии, он замечает: *«Когда-то я держал в своих мечтах, что последние годы своей жизни проведу в этом благодатном месте. От этой мечты я не отказался и теперь, когда путешествую по белу свету...»*.

Тем не менее, для текстов Зантария характерны достаточно ироничные, абсурдные или гротескные пассажи в отношении феномена и практики географического путешествия: *«папуасы не тронули ни единого гвоздя в оставленной великим путешественником хижине,*

почитая белого господина, как божество, правда, вскоре после того, как сам он был ими съеден» [13, с. 243]; «Нет смысла здесь рассказывать обо всех злоключениях, которые выпали на долю нашим путешественникам из Обезьяньей Академии по пути в Хуан» [13, с. 269]; «Сам Платон в жизни был и тружеником, и путешественником одновременно! Он ходил и общался с людьми в силу своего пристрастия к конокрадству» [11, с. 376]; «... путешествие к Хвосту Земли закончилось тем, что горсовет прописал цыган в Старом Посёлке» [11, с. 476]; «Ночь выдалась для путешественника тревожная: ему пришлось наблюдать битву в небе кавалерии абхазских и черкесских джиджиков, то есть попросту вампиров» [11, с. 588]; «Выдающегося норвежского путешественника Нансена звали Фри-тьоф», — так начинал, бывало, наш географ свой рассказ» [10, с. 243].

Обозначенный парадокс особенно выпукло иллюстрируется тем, что за тринадцать лет с момента выхода этой книги её «путешественное» название — **«Колхидский странник»** — не вызвало никаких сомнений или претензий со стороны множества авторов мемуарного раздела этого сборника, и даже у широкой читательской публики, значительная часть которой знала «оседлого гео-позта» лично. «Читая произведения Даура Зантария, вошедшие в книгу «Колхидский странник»..., читатель может совершить своеобразное путешествие во времени и пространстве... Путешествие это не только познавательное, но и полное приключений и трагических судеб героев, за каждым из которых чувствуются сопереживания и сострадания самого автора», — пишет друг Даура, культуролог Василий Авидзба в своих воспоминаниях о нём [9, с. 276].

Когда в ходе работы над данной статьёй автор задавал разным респондентам вопрос: «Не удивительно ли называть «странником» человека, проводившего большую часть своей жизни в относительной неподвижности, за столом — либо письменным, либо кофейным?» — ответы можно было услышать самые разные, но в равной степени убедительные. «Общение с ним не вызывало чувства, что беседеешь с человеком, который мало где бывал. Видимо, прав Лао Цзы, что «можно постичь Дао, путешествуя, а можно — не выходя со двора», — высказывает догадку давний друг Даура, художник Адгур Дзари (Дзидзария).

«Чтобы понять форму движения, применяющуюся Дауром, нужно просто вспомнить дзенскую притчу о том, что можно уйти, хлопнув дверью, а на самом-то деле остаться, — поясняет Марина Москвина,

известная как буддистка по миросозерцанию. — А можно остаться, но ты ушёл, просто этого никто не заметил... Одиссеей, как известно, возвратился пространством и временем полный — после длительного географического странствия. А Одиссеей Даур был наполнен и тем и другим изначально. Поэтому странствовал в своём внутреннем безначальном пространстве и времени — как мифотворец, и одновременно как мифологический герой».

Огромный, богатейший персональный миф Даура Зантария включает в себя, в том числе, весьма характерную легенду... По утверждению родственников писателя, во время одной из немногих (и самых дальних) его поездок — из Абхазии в Прибалтику, перед войной — его эстонский друг-бизнесмен в пылу дружеских чувств подарил ему свою яхту, стоявшую в тартуском порту. Дауру был приятен этот дар, но он так никогда и не воспользовался им. Судя по всему, у него вообще не было такой потребности.

«Странник», владелец яхты, которому эта яхта для его странствий не нужна? Что же это за странствия, возникает вопрос...

«Может быть, Даур взял пример с [невыездного — И.С.] Пушкина, и предпочёл путешествиям в дальние края путешествия в мир воображения?» — задаётся вопросом в ответ на мой вопрос сын писателя Нар. Это объяснение по-своему развивает один из ближайших друзей Зантария, московский прозаик и критик Леонид Бахнов: «Странствовать можно не только самому, но и со своими героями, и сидя в «Амре», — тем более, в мифы и в глубины истории, которую отчасти сам же и сочиняешь».

Безусловно, писателю в процессе сочинительства дана возможность делегировать активную путешественную функцию некоторым из своих персонажей — вероятно тем, которые являют собою эманации его «я», проекции его личности в текст (пусть и преображённые или даже искажённые до неузнаваемости читателем). «Полноценное» путешествие его героев в базовом для них, но воображаемом с точки зрения писателя географическом пространстве позволяет ему переживать вместе с ними это путешествие, будучи самому при этом в состоянии путешествия «свёрнутого». Это означает, ни больше ни меньше, что даже «оседлая» геопозитическая деятельность является (во всяком случае, может являться) всё-таки разновидностью деятельности путешественной. Просто физико-географическая компонента «писательского» путешествия, как правило, сокращена до минимума (когда, например, автор сочиняет новый сюжет во время собственной

вечерней прогулки), или даже до нуля (писатель за письменным столом).

Здесь следует заметить, что, аналогично истории с караванами у Макса Волошина, ни для геопозитического наследия Даура Зантария, ни для нас с вами, как его читателей, не является принципиальным вопрос, имел ли на самом деле место в его биографии эпизод с яхтой. Важно то, что этот эпизод убедительно вписывается в геопозитическую мифологию Даура, он подтверждает её, и наоборот. Здесь мы задеваем зыбкую область виртуальных реальностей, мифопоэтики в её становлении, «сослагательного наклонения Истории». Тех пространств, где важна не фактология сюжета, а его [художественная] убедительность.

Поэтому и определение «странник» в заглавии книги моего друга может происходить не от слова «странствия», а от слова «странный», или от слова «страна». И эта страна, как и в случае с Максом Волошиным, с каждой новой сочинённой писателем историей или с каждой мистификацией заново оказывается палимпсестом.

Заключение. Будущее амплуа геопозта и перспективы развития феномена «свёрнутых» путешествий

Совершенно очевидно, что ввиду ограниченности планетарного пространства, белые пятна, манившие геопозтов первого рода (классических путешественников), на глобусе давно исчерпаны. Стремление человека открывать и осваивать новые пространства, в ситуации исчерпанности пространства географического, будет побуждать прирождённых первооткрывателей становиться пере-открывателями — учиться заново, в остранённом свете и под новым ракурсом открывать для себя и для мира физические пространства ранее открытые. Тем самым, типы геопозтов между собой сближаются, а осваиваемые ими пространства (ландшафты, территории) всё чаще и интенсивнее выступают в качестве палимпсеста, с разной степенью «соскоблённости» предыдущего текста. (То, что уже известно под термином «ребрендинг регионов» — лишь одна из возможных, всё более многочисленных и изощрённых в будущем форм «переписывания» участков географического пространства).⁴

Можно ожидать, что в обществе будет всё больше цениться и всё активнее развиваться геопозитическое мастерство: во-первых, умение вписывать в заново прочитываемые участки пространства новые слои смыслов (достаточно яркие и убедительные, чтобы

частично или даже полностью перекрывать, заслонять или «соскабливать» уже существующие там смыслы), и во-вторых, умение неустанно «читать» и «перечитывать» такие обновлённые пространства или их участки, путём каждый раз нового и уникального, в идеале, переживания путешествивного маршрута. То и другое будет приобретать черты новых видов искусства или даже новых жизненных сфер. Возможности для геопозитического творчества, а также его жанровое разнообразие и важность его для здорового функционирования человечества, будут неуклонно расти. Амплуа геопозта может быть институционализировано как профессия.

Далее, неуёмная жажда новизны даст человеку повод к расширению поиска других пространств для путешествий, параллельных физико-географическому: виртуальных, информационных, пространств воображения, психоделических, сновидческих и так далее, — а также для конструирования новых таких пространств. Ведь неизвестно, кто из людей обитает в большем числе пространств — обычный землянин или, например, Стивен Хокинг, чья активность в физическом пространстве минимизирована?

Невзирая на ограниченность пространства родной планеты и неясность перспектив расселения человечества в Космосе, мы будем стремиться всё больше путешествовать физически по земному шару, — но одновременно и наращивать число обитаемых (или хотя бы посещаемых) нами пространств не-физических. Подобно тому, как из-за дефицита земли в городах стали появляться и расти в высоту многоэтажные дома, а затем небоскрёбы, так пространственность жизни человечества будет становиться всё более «многоэтажной», многослойной.

Совокупность этих явлений и тенденций делает всё более важной предназначенную для их исследования теорию путешествий, в широком её понимании. И есть повод задуматься, как может называться гипотетическая дисциплина, нацеленная на изучение «свёрнутых» путешествий, или путешествий, для которых базовыми являются пространства нефизические. *«Общая теория путешествий»?* — притом, что путешествиями в географическом пространстве будет заниматься *«Специальная теория путешествий»?* (Наподобие Общей и Специальной теорий относительности.) Или всё же наоборот?

⁴ О необходимости масштабной работы в этом направлении в России говорилось, в частности, в докладе «Нам нужна "мифологически насыщенная" Федерация» на всероссийской конференции 2013 года в ГУ-ВШЭ «Какая федерация нам нужна?» (URL: www.Liter.net/=/Sid/article/what_federation.html).

Библиографический список

1. Андрухович Ю. Вплотную к недосыгаемому. «Зеркало недели», 22.04.2005. URL: http://gazeta.zn.ua/CULTURE/vplotnyu_k_nedosyagaemomu.html
2. Битов А. «XXI век уже наступил». Интервью для «Литературной газеты», № 51, декабрь 1996.
3. Боссалини Петр. Путеводитель Боссалини для Феодосии и окрестностей. Феодосия: Петр Боссалини и Ко, 1914.
4. Введение в геопэтику. Антология. М.: Арт Хаус медиа; Крымский Клуб, 2013.
5. Волошин М.А. Константин Богаевский. // Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988.
6. Волошин М.А. Автобиография. // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Советский писатель, 1990.
7. Голованов В. Геопэтика. Текст выступления на круглом столе Крымского геопэтического клуба «Геопэтика: между текстом и жизнью». // Антология. М.: Арт Хаус медиа; Крымский Клуб, 2013. — С. 300.
8. Дайс Е. Максимилиан Волошин: великая мастерская. Глава монографии. // Екатерина Дайс, Игорь Сид. Переизбыток писем на воде. Крым в истории русской литературы. «Нева», 2011, №3.
9. Зантария Д. Колхидский странник. — Екатеринбург: У-Фактория, 2002.
10. Зантария Д. Кремневый скол. Повесть. «Дружба Народов». 1999, №7.
11. Зантария Д. Мир за игольным ушком (Поэзия. Проза. Публицистика. Дневники). Сухум, 2007.
12. Зантария Д. Слово о холоде (Амундсен и Нансен). Эссе. «Россия», август 1997.
13. Зантария Д. Собрание. Стихотворения, рассказы, повести, роман, публицистика, из дневников. Сухум: Абгосиздат, 2013.
14. Каганский В.Л. Междисциплинарно-культурологический и теоретико-географический аспект путешествий. // Материалы теоретико-биологической Школы «Междисциплинарно-культурологический и теоретико-географический аспект путешествий». URL: <http://biospace.nw.ru/biosemiotika/main/seminar/kagansky.htm>
15. Каганский В.Л. Чем именно является путешествие и что путешествием не является? // Материалы международной конференции «Власть Маршрута»: путешествие как фундаментальный антропологический феномен». 06.12.2012. URL: <http://kogni.ru/konf/kagansky.rtf>
16. Лебенсраум С. Простор для молодой фантазии // Материалы Первой международной конференции по геопэтике. URL: <http://liter.net/geopoetics/lebensr.html>
17. Обручев В.А. Избранные труды. Т.6. М.: Наука, 1964. С.45.
18. Родоман Б.Б. Искусство путешествий. // Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: сборник статей. — Смоленск: Ойкумена. — 2002. — С. 190-197.
19. Сид И. Даур возвращается. Интервью Сергея Арутюнова. Газета «Новый День», 31.05.2010. URL: <http://igor-sid.livejournal.com/149762.html>
20. Сид И. О воле к Волошину (Утро грустной годовщины: нейтральные размышления). Русский журнал, 11.08.2012. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/O-vole-k-Voloshinu>
21. Сид И. «Власть Маршрута»: путешествие как фундаментальный антропологический феномен. // Институт «Русская антропологическая школа». Труды. — Вып. 13. — М.: РГГУ, 2013. — С. 27-35.
22. Сид И. Геопэтика и геопэтические проекты сегодня. (Гл. 7: Геопэтическая типология личности) Доклад на II международной конференции по геопэтике. / И. Сид // Введение в геопэтику. Антология. М.: Арт Хаус медиа; Крымский Клуб, 2013. — С. 240-252.
23. Сид И. Крым, Украина, Россия: призрачный шанс. «Гэндай сисо», Токио, 2014, выпуск т. 42, №10.

Г.В. Лютикова

Государственный литературный музей

ГЕНИЙ – МЕСТО – ГЕНИЙ МЕСТА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье в общем виде представлена следующая постановка проблемы: тема конференции — «Человек в ландшафте» — фокусируется на одной ограниченной группе людей, а именно гениях, и рассматривается возможность типологии взаимодействия человека с ландшафтом внутри этой «группы».

Ключевые слова: *ландшафт, энлог, «гений места», Борис Пастернак, Всеволодо-Вильва, Перedelkino.*

Lutikova G.V.

State Literary Museum

GENIUS – PLACE – THE GENIUS OF THE PLACE (to the problem)

The article summarizes the following problem statement: the theme of the conference «Man in the landscape» — focuses on one limited group of people, namely the genius, and the possibility of a typology of human interaction with the landscape within this «group».

Keywords: *landscape, enlog, «genius of place», Boris Pasternak, Vsevolodo-Vilva, Peredelkino.*

В данной заметке предлагается рассмотреть следующую постановку проблемы: сфокусировать тему конференции — «Человек в ландшафте» — на одной ограниченной группе людей, а именно гениях, и рассмотреть возможности типологии взаимодействия человека с ландшафтом внутри нее. За скобками оставлена проблема определения понятия «гений», его содержание предполагается интуитивно понятным. Для упрощения ситуации и большей ясности изложения постановки проблемы гений понимается здесь внеоценочно и достаточно широко, т.е. как человек, обладающей высокой степенью одаренности и сумевший ее реализовать, — а для большей объективности — и ныне уже покойный. Необходимо оговорить также, что осмысленно оставить за пределами рассмотрения «специалистов по пространствам», т.е. работающих с пространством по определению — архитекторов, художников, географов, проектировщиков, астрономов и т.д.

В основе предлагаемой типологии поначалу была всего одна характеристика — **интен-**

сивность взаимодействия гения с культурным ландшафтом¹, т.е. с местами, в которых он жил, бывал и путешествовал. На шкале от минимума до максимума предлагалось выделить три точки:

- минимальное взаимодействие с ландшафтом (сознательно или бессознательно перекрыт канал пространственных взаимодействий)
- обыденное взаимодействие с ландшафтом, т.е. бытовое использование конкретных мест (сознательно или бессознательно на канал пространственных взаимодействий установлен фильтр)
- максимальное взаимодействие с культурными ландшафтами (канал пространственных впечатлений полностью открыт и даже является источником вдохновения), здесь выделяются два подтипа: эмоционально-спонтанный и целенаправленный.

Идея такой типологии разворачивалась именно справа налево, точкой отсчета стали наиболее яркие примеры плодотворного и эмоционально насыщенного взаимодействия с культурным ландшафтом, вслед за этим возник вопрос о противоположном полюсе, и сама собой образовалась середина. В результате сложилась простая таблица. После обсуждения предложенной постановки проблемы в ходе конференции, считаю возможным и необходимым сразу дополнить первоначальные ха-

© Лютикова Г.В., 2018

Лютикова Галина Владимировна, научный сотрудник Государственного литературного музея, отдел «Дом-музей Б.Л. Пастернака»
gl-1961@yandex.ru

Взаимодействие с ландшафтом

Минимальное взаимодействие с ландшафтом, когда канал пространственных взаимодействий сознательно или бессознательно перекрывается <i>(частично вырожденный энлог с умвельтом)</i>	Обыденное взаимодействие с ландшафтом, когда на канал пространственных взаимодействий сознательно или бессознательно устанавливается фильтр(ы) <i>(вырожденный энлог с умвельтом)</i>	Максимальное взаимодействие с ландшафтом, когда канал пространственных впечатлений полностью открыт и является плодотворным <i>(полноценный индивидуальный энлог с умвельтом)</i>	
		<i>спонтанная проекционная активность (а)</i>	<i>целесолагающая проекционная активность (б)</i>
И. Кант А. Лосев А. Тьюринг	Платон Л. Ландау	А. Пушкин М. Лермонтов М. Волошин А. Грин С. Есенин П. Бажов	Аристотель Д. Менделеев Ф. Достоевский Б. Пастернак Ю. Лотман В. Вернадский Ю. Шрейдер К.Г. Юнг

характеристики некоторыми типами из разработанной С.В. Чебановым типологии энлогов (выделены в таблице жирным шрифтом).

Энлог понимается С.В. Чебановым как «взаимонаправленный проекционный процесс» [10, с. 20]. Рассматриваемый случай относится к такому типу энлогов, в котором одним из участников является разумное существо. В статье «Герменевтические аспекты энлога как квазиперсонального взаимодействия» читаем: «Проецирование определенного фрагмента бытия в сознание разумного существа в данном случае очевидно. Очевидно также и влияние разумного существа на второго участника за счет тех же механизмов, что и рассмотренные выше — вследствие действия полей, окружающих человека, массивности его тела и т.д. Однако в этом случае разумное существо вдобавок осуществляет целенаправленную деятельность, которая преобразует второго участника, возвращая его определенным образом. Одним из вариантов такого взаимодействия является познавательная деятельность. Образ мира в этом случае оказывается зависящим от организации человека как разумного существа. ... Кроме таких универсальных свойств разумные существа могут обладать и такими, которые диктуются определенной культурой, традицией и т.д. <...> Т.о., разумное существо выделяет в своем партнере то, что актуально для разумного существа, преобразуя тем самым этого партнера. <...>

Несмотря на разнообразие указанных ситуаций, для них всех характерно проецирование организации одного участника на организацию другого, причем в ходе взаимодействия такое проецирование идет в двух встречных направлениях. Это является существенной чертой энлога как взаимодействия. Т.о., в ходе энлога в результате взаимопроецирования организаций меняется

устройство каждого из участников. Более того, практически всегда даже нельзя помыслить себе участника в изолированном виде. Тем самым оказывается, что участник меняется в зависимости от того, в каком взаимодействии он участвует. Говорить о участнике как таковом, вне его взаимодействия с другими, оказывается бессмысленно — в каждом энлоге формируется специфический образ участника, его энлогия, которая определяется его природой, природой другого (других) участников, а также характером самого энлога» [10, с. 21-22]. Здесь важно процитировать также некоторые аспекты понятия энлога и энлогии, существенные при рассмотрении взаимодействия человека именно с ландшафтом:

- «энлог может осуществляться не только мыслительными средствами, что позволяет говорить о вступлении в энлог живого существа, энлоге нерационального типа и т.д.» [10, с. 23]

- «порождение энлогии предполагает напряженную активность по крайней мере одного из участников, и как раз эта активность является источником поддержания существования данной энлогии» [10, с. 24].

Типология энлогов проводится С.В. Чебановым по пятнадцати осям признаков, из которых для обсуждаемой постановки проблемы осмысленно выбрать лишь несколько:

«3. а) *Невырожденный энлог* (энлог в собственном смысле) — такой, который удовлетворяет всем выше указанным свойствам энлога; б) *вырожденный энлог* предстает как процедура, субъектно-объектное взаимодействие, манипулятивное отношение к партнеру. Широко распространено частичное вырождение энлога» [10, с. 26].

¹ Культурный ландшафт понимается в рамках определения, разработанного В.Л. Каганским [5].

Взаимодействие с ландшафтом, пространством, хтоническими силами

		ЛАНДШАФТ (место)			
		-	+ / -	+	
				(а)	(б)
ПРОСТРАНСТВО	-	А. Тьюринг		А. Пушкин П. Бажов С. Есенин И. Тургенев И. Бунин	Ф. Достоевский
	+ / -		Л. Ландау		
	+	И. Кант А. Лосев	Платон	М. Лермонтов Л. Толстой А. Чехов	Аристотель Д. Менделеев Б. Пастернак В. Вернадский Ю. Шрейдер Ю. Лотман А. Грин М. Волошин К.Г. Юнг

«5. Проекционная активность партиципантов может быть: а) спонтанной, не направленной на достижение определенной цели, а проистекающей из природы партиципанта; б) целенаправленной, обеспечивающей реализацию определенной цели; в) целеустремленной, предполагающей направление сил на реализацию существующих целей, и d) целеполагающей, при которой идет формирование, а затем достижение цели. Цели при этом, в свою очередь, могут иметь разную природу» [10, с. 26-27].

«9. Отношение к партнеру может быть а) универсальным (без учета каких-либо его особенностей), б) типологическим (с учетом типовых особенностей партиципанта) и в) индивидуальным (принимаящим во внимание индивидуальные особенности)» [10, с.27].

Итак, первоначальная простая таблица (Табл. 1) (распределение конкретных гениев по ячейкам таблицы, конечно, не претендует на точность и окончательность).

Даже поверхностное рассмотрение самой правой колонки наталкивало на следующий вывод: гениям, вступавшим в полноценный индивидуальный энлог с конкретными ландшафтами, было присуще также стремление к созданию целостной картины мира, или образа мира как жизненная задача. Причем аспект целостности и средства выражения результата могли быть самыми разными: от «образа мира, в слове явленном» до периодической таблицы химических элементов. Т.е. максимально интенсивное взаимодействие с культурным ландшафтом — и шире: с земным пространством — сама собой разумеющаяся жизненная практика для личности, стремящейся познать и выразить целостность мира.

В этом случае, однако, проблему представляет левая колонка таблицы, что и стало понят-

но в ходе обсуждения сообщения. С.В. Чебанов и В.Л. Каганский указали на то, что например, И. Кант, предельно минимизировавший своё взаимодействие с местом, в котором жил, тем не менее создал доминирующее сегодня представление о категории пространства. Следовательно, типология не может быть столь простой, как представлялось. С.В. Чебанов в своем комментарии упомянул также о необходимости различить отношение личности к пространству как таковому (к категории пространства) и к месту/местам (культурным ландшафтам), а также о существовании такого важного аспекта, как взаимодействие с хтоническими силами мест.

Попытаюсь усложнить первоначальную типологию, включив аспекты пространственности и хтоничность как еще один аспект взаимодействия с местом, его придётся выделить курсивом. При заполнении такой таблицы обнаруживается больше вопросов, чем ответов. Интересно также посмотреть, кто из названных гениев стал где-то *Genius loci*, таких отметим жирным шрифтом (Табл. 2).

Позволю себе несколько рассуждений, так сказать, на полях таблицы.

Можно предположить, что ни один гений не может избежать энлога с пространством как с основной категорией мира и мирозерцания и одновременно с воплощением пространства в конкретных местах, а вот характер энлога зависит уже не от степени одаренности и не от области избранной деятельности, но от склада и размера личности, таким образом, можно предположить, что характер энлога с основополагающими категориями нашего бытия — пространством и временем — скорее лежит в основе жизни и судьбы, чем вытекает из нее, и уж точно не может рассматриваться как второстепенная характеристика.

Гений, несомненно, может управлять своими энлогами, например, целенаправленно минимизировать энлог с конкретным земным пространством и местом жизни (случай И. Канта). Таковой энлог понимается, видимо, как избыточный, непродуктивный и потенциально повреждающий работу мысли, которая устремлена к более абстрактному — полноценному энлогу с пространством как категорией и философской сущностью, иначе говоря, с идеей пространства. Либо, напротив, энлог с ландшафтами как с конкретным выражением категории пространства воспринимается и принимается как нечто особо значимое и даже необходимое для познания мира и создания целостной «картины мира» и сознательно интенсифицируется.

Наиболее сложной для понимания и описания представляется, как ни странно, гений, безразличный как к идее пространства, так и к конкретным местам. Обычно это выражается в чисто потребительском, «обывательском» отношении к ландшафтам (случай вырожденного энлога с умвельтом, сводящийся к использованию, манипулированию).

Интересно, что гении, вступающие в полноценный энлог и с категорией пространства, и с конкретными ландшафтами, как правило, не безразличны и к организации личного пространства жизни, уделяют устройству/строительству своего дома время и внимание. Примером может служить Башня К.Г. Юнга, — собственный дом, задуманный им как пространственное воплощение собственной личности, строившийся и перестраивавшийся в течение многих десятилетий по мере осознания себя.

Две небольшие цитаты из книги «Воспоминания, сновидения, размышления»²:

«Благодаря научной работе мои фантазии и содержания бессознательного постепенно обретали почву. Но слова и бумага казались мне недостаточно реальными; необходимо было что-то еще. Я должен был свои самые сокровенные мысли и своё знание каким-то образом воплотить в камне, или исповедаться в камне. С этого началась Башня, которую я строил для себя в Боллингене. Эта идея может показаться абсурдной, но я сделал это, и это означало для меня не только огромное удовлетворение, но обретение смысла» [12, с. 227].

«Порой я как будто распространяюсь в ландшафт и предметы и сам живу в каждом дереве, в плеске волн, в облаках, в животных, которые приходят и уходят, и в предметах. В Башне нет ничего, что не становилось бы и не росло в течение десятилетий, и с чем бы я не был связан. Всё имеет свою и мою историю, и тут есть пространство для внепространственного царства бессознательного» [12, с. 229].

Обращаясь к теме «гений и гений места» хочется вернуться мысленно к дискуссии о понятии в рамках одноименного круглого стола³. Хотя к единому мнению участники, как водится, не пришли, но состоявшаяся дискуссия представляется плодотворной. Во всяком случае для меня напоминание о происхождении понятия «гений места» (Genius loci) оказалось очень важным. Моё представление об этом явлении превратилось из плоского в объёмное. Стало очевидно: в сегодняшнем словоупотреблении «гений места» имеет отчетливую положительную коннотацию и кажется, что никакое напоминание об этимологии этого словосочетания не может уже изменить ситуации⁴. Genius loci сегодня — певец места, выразитель его духа, а также по совместительству и хранитель/покровитель. Однако — в чем несомненная польза обращения к корням — знание о происхождении все-таки накладывает некоторый отпечаток, в данном случае уместно было бы даже сказать: «бросает тень». Смутное ощущение «что-то тут не так» сменяется предположением: гений, прошедший огонь, воду и медные трубы массовой культуры и народной любви, зачастую становится Genius loci в современном понимании, если только его биография дает к этому повод. И это несомненное снижение, приземление, заужение его таланта, многогранности его творений. В каком-то смысле — расплата за слишком тесную связь с конкретным местом, им прожитым во всей полноте и воспетым, получившим в его произведениях вторую жизнь, пропуск в вечность.

Но хочется отметить, что это — как правило — уже посмертная судьба гения, которая не во всем и не всегда зависит от его личности, но скорее от парадигмы той культуры, в которой он жил и творил, и которая после смерти «присваивает», «одомашнивает» гения, прописывая его там-то и там-то, приписывая его к конкретной территории. Связь с «нечистью местного значения» тут несомненна, только теперь культурное

² Цитаты из книги «Jung C.G. Erinnerungen, Träume, Gedanken. Aufgezeichnet und herausgegeben von Aniela Jaffé» даны в моем переводе — Г.Л.

³ См. ст. В.Л. Каганского Человек в ландшафте: конференция-путешествие (наст. издание), а также эссе-репортажи О. Балла-Гертман с конференции.

⁴ Ср., например, как пишет о Genius loci П. Вайль во вступлении к своей книге «Гений места»: «Связь человека с местом его обитания — загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна. Ведает ею известный древним genius loci, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил — города. Их облик определяется гением места, и представление об этом — сугубо субъективно. Субъективность многослойная: скажем, Нью-Йорк Драйзера и Нью-Йорк О.Генри — города хоть и одной эпохи, однако не только разные, но и для каждого — особые. <...> Понятно, что «гений» имеет к «месту» непосредственное биографическое отношение. Лишь в случае Вероны использован взгляд чужака, никогда в городе не бывавшего, но этот чужак — Шекспир. <...> На линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает новая, неведомая прежде, реальность, которая не проходит ни по ведомству искусства, ни по ведомству географии» [3, с. 1-2].

Дом К.Г. Юнга в Боллингене

сообщество не подчиняется ему, а назначает его. Положительных коннотаций добавляет также несомненная аналогия со святыми-покровителями той или иной местности/страны. Хотя, повторюсь, говорит это уже больше об обществе и культуре, чем о самом культурном герое. Примечательно, что гений может стать *Genius loci* независимо от его личной связи с хтоническими силами (см. рис. 2).

Чаще всего такая судьба постигает писателей и поэтов, или шире — гуманитариев, видимо в силу использования ими для создания образа мира и места естественного языка. Самые яркие примеры: А. Пушкин (Россия), П. Бажов (Урал), М. Волошин (Коктебель). Совсем особый случай — когда гений как бы призывается на роль *genius loci*, из которого осмысленная жизнь ушла или почти ушла. И тут, как ни странно, возвращается исходное значение и одновременно в полную силу проявляется новое, современное: гений избирается/назначается в качестве *genius loci*, чтобы гарантировать месту хоть какую-то жизнь (в худшем случае), или с опорой на его фигуру создать новый культурный ландшафт или даже культурный миф (в лучшем случае). Для первого варианта в качестве примера можно взять Иммануила Канта в Калининграде. В отличие от Кёнигсберга что еще может предьявить стране и миру город Калининград, кроме могилы великого философа? [6]. Яркий пример второго варианта — Борис Пастернак в Пермском крае (Прикамье).

Говоря об особых отношениях Б. Пастернака с пространством, стоит подчеркнуть, что в своем мировосприятии он стремился, конечно, к гармонии и целостности. «И заслужить любовь пространства, услышать будущего зов» — именно об этом, о пространственно-временном континууме. Но если энлог с пространством для него естественен, дан ему сразу во всей полноте, то со временем отношения напряженные и драматические («у времени в плену»); с течением времени надо постоянно разбираться: известно, что периодически (и довольно часто) Пастернак подводит итоги прошедшей жизни, его прямо-таки преследует ощущение, что время уходит или для чего-то уже ушло и т.п. Из этого единоробства со временем он всякий раз выходит, поднимаясь на качественно новую ступень и в личностном развитии, и в творчестве.

Интересно и скорее всего не случайно, что катализатором этих личностных «эволюционных скачков» становилось, как правило, новое место, новый культурный ландшафт: Оболенское (1903) — Меррикюль (1910) — Марбург (1912) — Всеволодо-Вильва (1916) — Москва (лето 1917 «Сестры моей жизни» — это совсем новая Москва) — Ирпень (1929) — Грузия (1930) — Париж (1935) — Переделкино (1939). Конечно, Москва занимает особое место, но скорее в символическом пространстве — все-таки стихи писались и издавались большей частью именно здесь, и бесценный и нестираемый опыт детства, и встреча с последней любовью — тоже здесь. И Переделкино стоит особняком: прежде

всего, в послевоенное время, т.е. в период написания романа, и далее в период разворачивания скандала вокруг «Доктора Живаго» и Нобелевской премии это антипод Москвы, которая олицетворяет не только политическую власть, но и власть Союза советских писателей. И вот здесь, когда речь идет уже о том, чтобы «смерть можно будет побороть усилием воскресенья» — возникает точка покоя. Примечательно, что некоторые из иностранных корреспондентов, во множестве посещавших Пастернака с конца 1957 года, даже не зная подробностей биографии поэта, воспринимали его самого, его окружение и сам переделкинский дом именно как некоторую область покоя, противостоящую официальной Москве в некотором символическом, духовном пространстве⁵.

Для Бориса Пастернака была характерна предельная открытость во взаимодействии с пространством и местами, об этом ярко свидетельствуют и его письма, написанные близким из разных мест (особенно в молодости), и его тексты. Как отмечает в своих статьях В.В. Абашев [1, 2], Пастернаку присуще тактильно-чувственное взаимодействие с культурным ландшафтом, «прокидывание» своего внутреннего мира на ландшафт. Всякое место проживается максимально интенсивно — возникает живой, выпуклый предельно индивидуализированный образ места, так Пастернак как бы присваивает себе место полностью, поглощает его, — а потом делится им с нами, но образ места уже навсегда несет на себе отпечаток его личности и ёмко выражен языком Пастернака (вспомним фразу М. Цветаевой «нет Урала кроме пастернаковского» [9]). В сущности, он сам и есть та самая поэзия-губка, что появляется в стихотворении «Весна» (1914):

*Поэзия! Греческой губкой в присосках
Будь ты, и меж зелени клейкой
Тебя б положил я на мокрую доску
Зеленой садовой скамейки.*

*Расти себе пышные брыжжи и фигмы,
Вбирай облака и овраги,
А ночью, поэзия, я тебя выжму
Во здравие жадной бумаги. [7, Т. 1, с. 90]*

Такой полноценный целепологающий энлог с любым местом и создание его яркого образа приводит к тому, что Пастернака, как оказывается, можно «прописать» в любом месте, где он бывал и которое описал — и в Марбурге, и в Мучкапе, и на Урале, и в Перми, и во Всеволодо-Вильве, и в Чистополе, и в Москве, и конечно же в Переделкине. И оказывается существенным не его отношение к месту, а совсем иное: наполненность места смыслами помимо Пастер-

нака. Если место само наполнено смыслами, то Пастернак войдет в этот контекст и там останется, обогатит его, если место в культурном отношении «пустое», он его заполнит собой. Так что единственным *Genius loci* в полном смысле слова он стал для Всеволодо-Вильвы и Переделкина, а также — через Юрия Живаго — для Иваки (=Варькино). Поселок Всеволодо-Вильва, в котором Борис Пастернак провел полгода в 1916 году, конечно, уже был отмечен социокультурными изменениями Саввы Морозова и коротким пребыванием здесь А.П. Чехова [4, с. 158-159]. Но если верить воспоминаниям Б.И. Збарского, к 1915 году (через 10 лет после ухода из жизни С. Морозова), когда он принимал в управление заводы и имение, от всех его начинаний остались только хорошо укомплектованные библиотеки и амбулатории. [4, с. 208-227]. На карте культурного ландшафта советского времени Всеволодо-Вильва и Ивака не значились. Появляются, вернее, проявляются они уже в постсоветскую эпоху, когда фигура и творчество Б. Пастернака становится предметом интенсивного изучения на родине. Особенно — в 2000-е годы, в ходе создания музея «Дом Пастернака». Во Всеволодо-Вильве заново и навсегда поселяется молодой поэт Боря Пастернак, написавший там «Был утренняя, сводило челюсти» и «Марбург», а в Иваке/Варькино — зрелый Юрий Андреевич Живаго, и там написана большая часть стихов из его тетради. Пермь, заметим, хотя и отождествляется с Юртыным, всё же не сводима к нему, а получила звание «прообраза». Ивака же опустела, фундаменты домов зарастают травой и цветами, и эта «зеленая чаша» уже заполнена Варькиным до краев и совершенно «опастерначилась».

Как тонко подметил А. Нилин в своей книге «Станция Переделкино: поверх заборов: роман частной жизни», Борис Пастернак в Переделкине «по всей сути своей оказывался

⁵ «Те пять часов, которые я прожил у Бориса Пастернака, — одно из величайших событий, которые произошли со мной в Советском Союзе. Я считаю их таковыми, потому что я совершенно не был готов к тому, что прямо под Москвой обнаружу место, в котором сливаются и переплетаются друг с другом течения западноевропейской и русской духовной традиции прошлого и настоящего. Для западных читателей доказательством тому, что эта другая, духовная Россия действительно существует, станет роман «Доктор Живаго». И то, что в этой другой России выжил такой человек, как Пастернак, — человек, отличающийся искренностью и интеллектуальной честностью, реалист, отличающийся живым и религиозным оптимизмом, это должно стать надеждой» [13] — перевод Г.Л.

⁶ «Пастернак жил на улице Павленко. В пору — тогда казалось, надолго — воцарившегося свободомыслия журналисты, смутно представлявшие себе, кто такой Павленко (знали, что плохой, раз Сталиным привлечен), и скорее наслышанные, чем понимавшие, кто такой Пастернак (поскольку при советской власти был гоним, то вполне хороший), любили иронизировать по этому поводу. Но весь сюжет писательского Переделкина держался на том, что Пастернак и должен был жить на улице Павленко. Живи Павленко на улице Пастернака, это бы тогда и не Переделкино вовсе было (в своем идеологическом толковании). Лишним на этой улице — и до и после обретения ею своего названия — был не Петр Андреевич Павленко. Лишним был Борис Леонидович. И вот во многом потому, что в задуманном властью Переделкине Пастернак изначально по всей сути своей оказывался лишним, оно и сделалось его Переделкином — «Здесь все тебе принадлежит по праву» (мнение Ахматовой). И ровным счетом ничего не меняется от того, что и музей Пастернака все равно остается на улице Павленко» [8, с. 136].

лишним»⁶. То есть, продолжу, по «самой сути» Переделкино достаточно пусто, чтобы теперь там воцарился в качестве *Genius loci* именно Пастернак.

В заключение несколько соображений о том, что может дать такая постановка проблемы.

В литературоведческом приложении такая или подобная постановка проблемы может стать отправной точкой для создания новой типологии поэтов (или писателей вообще) по признаку энлога с пространством и местами (по выражению В.В. Абашева, типология писателей от топофобии к топофилии), или более широко — как предложил И. Сид — для типологии по оппозиции «геопоэт – хронопоэт». Как отметил Б.Б. Родоман, такая типология может быть создана на основе частотного анализа текстов (правда, с оговоркой, что его придется дополнять каким-то качественным анализом, ибо частое упоминание тех или иных значимых слов может свидетельствовать не только о гармоничном, но и о проблематичном взаимодействии с пространством или временем как базовыми категориями).

Представляется, что и вне прикладных задач такая постановка проблемы позволяет немного прояснить некоторые аспекты взаимодействия творческой личности с умweltом, в частности, большую значимость взаимодействия с земным пространством, а возможно и скрытый смысл пресловутого «общения с природой».

Интересно было бы рассмотреть также возможность и осмысленность распространения подобной типологии с гениев на обычных людей.

И немного рискованное предложение: можно использовать пространственный/ ландшафтный аспект при рассмотрении концепций, претендующих на универсальность, в качестве своеобразной лакмусовой бумажки. Целостная и даже внутренне согласованная на первый взгляд картина мира может быть и искаженной по сути, в своих основаниях, в этом случае пространственный аспект может служить своеобразным индикатором адекватности всей картины. Некоторым подтверждением тому может служить то обстоятельство, что уже известные нам как фрагментарные или намеренно искаженные (т.е. сознательно или бессознательно поврежденные) картины мира либо игнорируют пространство как категорию, либо приписывают несвойственные ему качества. Примерами могут служить такие концепции как «каноническая территория» (жесткая привязка конфессии к пространству, а не к населяющим его людям, у которых таким образом как бы отнимается свобода воли), «евразийское пространство» (идеальное конструирование отсутствующего в реальности единства куль-

турного ландшафта северной Евразии), «новая хронология Н. Фоменко» (отрицание исторического существования ряда реальных мест), социализм (напротив, экстерриториальность, игнорирование связи человека с местом, местной инициативы, вариантов развития местных сообществ), фашизм («кровная связь» с ареалом обитания этноса, подмена естественной любви к родине поклонением хтоническим силам территории), навязывания Святым роли *genius loci*, т.е. «назначение» Святого-покровителя исключительно по территориальному признаку, например, св. Серафима Саровского — для атомного города Арзамас-16.

И в заключение осмелюсь предложить еще одно новое толкование для выражения «гений места» — *гениальное пространственное чутье и человек обладающий таким талантом.*

Библиографический список

1. Абашев В.В. Урал как предчувствие. Заметки о геопозитике Бориса Пастернака// Вопросы литературы. 2008. № 4. С.125-144.;
2. Абашев В.В. Место и текст. Заметки о стихах, написанных во Всеволодо-Вильве//«Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака/ Отв. редактор В. В. Абашев. М.: Языки славянской культуры, 2008. С.43-68.
3. Вайль П. Гений места: КоЛибри; 2006. — 488 с.
4. Всеволодо-Вильва не перекрестке русской культуры: книга очерков. — СПб., изд-во «Маматов», 2008. — 304 с.
5. Каганский В.Л. Ландшафт как земное тело человека и его герменевтирование (феномен культурного ландшафта и подходы к нему). — Логос живого и герменевтика телесности. — Москва, Академический Проект, 2005. — С. 488-514.
6. Каганский В.Л. Иммануил Кант и культурный ландшафт Восточной Пруссии. — <http://kant-online.ru/?p=1908> (3.06.2014)
7. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями: в XI тт. М., Слово/ Slovo, 2003 — 2005.
8. Нулин А.П. Станция Переделкино: поверх заборов. Роман частной жизни. — Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. — 560 с.
9. Цветаева М.И. Эпос и лирика современной России. Владимир Маяковский и Борис Пастернак. // М. Цветаева Собрание сочинений в семи томах. М.: Эллис Лак, 1994, Том 5, с. 375-396.
10. Чебанов С.В. Герменевтические аспекты энлога как квазиперсонального взаимодействия. // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 5: Межвуз. сб. / Под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. С. 19-40.
11. Чебанов С.В. Пространственная вменяемость как форма рефлексии. «Русский журнал», 28.02.2002.
12. Jung C.G. Erinnerungen, Träume, Gedanken. Aufgezeichnet und herausgegeben von Aniela Jaffé. Walter Verlag, 1983. — 419 с.
13. Ruge G. Begegnung mit dem anderen Rußland. // Die Zeit №03 (16.01.1958).

ЛАНДШАФТ УСОЛЬЯ

В.А. Цыпуштанов

Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых»

«...КАМЕННЫЕ ДОМА, КОТОРЫЕ НЕ БЫЛИ БЫ ЛИШНИМИ ДАЖЕ В СТОЛИЦЕ...»

К вопросу об изучении архитектурного комплекса Усоляя

В статье рассмотрена история строительства села Новое Усолье (XVII-XIX вв.) с точки зрения архитектурно-планировочных решений и функциональной принадлежности отдельных его частей. Подчеркнута живописность усольского ландшафта, охарактеризованы особенности архитектурного стиля «строгановское барокко».

Ключевые слова: *культурный ландшафт, Усолье, строгановское барокко.*

Cipushtanov V.A.

Usolsky Historical and Architectural Museum «Palaty Stroganovy»

«...STONE HOUSES, WHICH WERE NOT EXTRA EVEN IN THE CAPITAL ...»: STUDY OF THE ARCHITECTURAL COMPLEX USOLYE

In the article considered the history of the construction of the village New Usolye (XVII-XIX centuries). Study carried on from the point of view of architectural and planning decisions and functional belonging of its separate parts. Also emphasized the picturesqueness of the Usolsky landscape and characterized the features of the «Stroganov Baroque» architectural style.

Keywords: *cultural landscape, Usolye, Stroganov baroque*

*Пленительно, умно и мило всё,
где естества красы художеством сугубы.*
Г. Державин

В XVI-XVII вв. на территории Верхнего Прикамья развернула бурную деятельность династия солепромышленников, торговых людей и меценатов — Строгановых. Со строительством религиозных и фортификационных центров — Пыскорского монастыря и Орлагородка — возникает слободка Новое Усолье, которой впоследствии суждено стать крупнейшим солеваренным и торговым центром Верхнекамья. Результатом масштабной по размаху деятельности Строгановых явилось создание в начале XVIII века уникального архитектур-

ного ансамбля на берегу Камы в селе Новое Усолье, ставшего мерилем для последующего строительства в XVIII-XIX вв.

Первоначально Усолье делилось на разграниченные промысловые, жилые и торговые территории. Таковыми являлись Верхние и Нижние промыслы, Посад и близ расположенные слободки, где проживало население. С 1757 года, с появлением в Усолье Голицыных и Шаховских, вступивших в родство со Строгановыми, а также покупкой И. Лазаревым части «соляного дела», уклад расселения стал меняться. В центральной части Посада по периметру Соборной площади теперь уже располагались дома владельцев промыслов — Голицыных, Шуваловых, Абамелек-Лазаревых и главный дом-правление Строгановых. Второй ряд застройки — Посадскую (ныне Богородскую) и Соборную (ныне Преображенскую) улицы составляли дома и магазины усольского купечества, агентурные конторы. В дальних от Посада

© Цыпуштанов В.А., 2018

Цыпуштанов Виктор Александрович, научный сотрудник Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых»

Рис. 1. П. Юшков «Набережная», XIX в. Холст, масло. Екатеринбургский музей изобразительных искусств

слободах селились нижние чины, мастеровые, крестьяне и бобыли. Постепенно слободы срастались в единый жилой массив, но территориально продолжали сохранять свои названия: Ивановская, Пермская, Богомолка, Капустная, Запотым, Покча, Рубеж, Пихтовая, Козья, Отнога. К концу XVIII начало XIX в. село Новое Усолье приобретает вид геометрически жестко организованного архитектурного ансамбля, что хорошо иллюстрируют рисунки и акварели начала 40-х годов XIX века, сохранившиеся в нескольких вариантах и воспроизведениях, а также картина-панорама Усолья крепостного художника П. Юшкова из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств. Все они выполнены в строгих традициях своего времени и жанра.

На переднем плане панорам помещаются деревья и театрально расставленные группы людей, нарочито позирующие сценки, связанные с жизнедеятельностью поселения: рабочие, грузящие мешки с солью и швартующие ладьи, отстраненно беседующие урядники в парадных одеждах, на самом деле будто следящие за работой.

Второй план — река Кама и как на параде, все виды плавающих средств. И наконец, — дальний план — подробнейшая панорама береговой застройки Усолья. Если обычно на панорамах подобного типа художники четко изображали лишь первый ряд застройки, а

дальние ряды в виде размытой малоразличимой массы строений, то в усольских панорамах, надо отдать должное живописцам, село, расположенное в речной долине, показано во всех рядах застройки четко, с хорошей прорисовкой. Эту позицию хорошо выразил П. Мельников-Печерский, впервые увидевший Усолье примерно с того же места, которое облюбовали живописцы его времени: «Прямо перед нами широко раскинулось Усолье. Ряд красивых каменных домов, которые не были бы лишними даже в столице, тянулся по берегу Камы».

Во второй четверти XIX века процветает культ архитектурного «прошпекта», основой которого является максимально приближенная передача расположения зданий и их фасадов в перспективе. В этом смысле сопоставление указанных акварелей и картин могут являться документом для историков и архитекторов-реставраторов.

Без всякого сомнения, велика роль архитектурной мастерской («чертежной и архива»), существующей в Усолье на протяжении XIX века с её командой хорошо подготовленных в стенах Академии художеств архитекторов, которая выделила художников, способных исполнить ряд детальных панорам села, акварельные отмычки высокого качества, часть из которых дошла до нашего времени.

Обладая тем изобразительным материалом, о котором шла речь, мы вправе сказать, что он

Рис. 2. Вид на усольский ансамбль с южной стороны: Спасо-Преображенский собор, Соборная колокольня, Палаты Строгановых, дом Абамелек-Лазаревых

достаточно соответствует нашей теме. Что касается более глубокого проникновения в суть вопроса, то здесь необходимо обратиться непосредственно к самим зданиям, изображенным на панораме.

Исключительную пропорциональность русской архитектуры отмечал М. Ильин в своих многочисленных исследованиях. «Древняя Русь преимущественно оперировала отношениями стороны квадрата к его диагонали или диагонали полуквадрата. Скрытое в этой системе золотое сечение временами также привлекало внимание зодчих». Исследователь отмечает зависимость масштаба окна здания от поленной фигуры человека, находящегося в оконном проеме, словно в раме портрета.

Благодаря умело расставленным окнам на фасаде или группам окон зодчие могли подчеркнуть мощь и толщину стен или зрительно уничтожить эту массу, делать стену «воздушной», что мы видим на примере сопоставления восточного и западного фасадов палат Строгановых.

Это уникальный пример того, как равнозначные по размерам фасады совершенно по-разному воздействуют на находящееся в поле восприятия здание. Восточный фасад строгановского дома выходит на главную дорогу — водную магистраль, реку Каму. Цель зодчего — показать здание во всей его красе.

Группы окон на фасаде расставлены таким образом, что почти не остается места самой стене дома, она исчезает зрительно.

Но западный фасад напоминает мощную стену крепости. Всего пять окон на протяженном поле фасада. Проходящий по узкой улице воспринимает её не издали, а в перспективе, и оказывается в замкнутом пространстве — стена дома переходит в грань колокольни и протяженный фасад собора. Здесь ни о каком просторе не может быть и речи. Стена палат несколько настораживает. К тому же, отдушники зольников, замаскированные под бойницы, усиливают мощь стены, похожую на крепость.

Вообще, судьба главного дома вотчинного имени Строгановых, возведенного с небывалым блеском, но совмещавшим в теле своем и роскошные палаты, и карцер для наказания непокорных (скорее всего, тех же приказчиков, урядников, не рабочих же, с которыми справлялись сами урядники) до сих пор остается загадкой в числе многих неразгаданных тайн. Строительство дворцов, хором, палат, в отличие от храмов, выдержанных в «высоком» стиле, продолжало оставаться в подчинении владельцев и велось в подчинении их требованиям. Поэтому элементы архаики в гражданских зданиях сохранялись еще долгое время. В архитектуре провинции вообще не было стремления избавиться от них. Соседство эле-

ментов «узорочья» XVII века и официального барокко делало здания Усоля весьма привлекательными, и в сотрудничестве столичных каменщиков и местных плотников рождалась та удивительная архитектура, которая была воспринималась народной массой, а ныне вызывает восхищение своей непритязательностью, непохожестью на официальный стиль.

Что касается других зданий, организующих центр посадской части Усоля, то они строились строго в соответствии с постулатами архитектуры своего времени (после пожара 1809 года) — стиля классицизм, когда типичным для небольшого города стал двухэтажный дом, чаще — с мезонином. Он соизмерен человеческому телу: голова, плечи, очелье, чело. Такой дом удобен для проживания, крепок и огнезащищен за счет применения сводов в нижнем этаже и просторен в верхнем — парадном, обычно закрываемом на зиму. Парадный фасад, выходящий на «красную» линию улицы или площадь, чаще всего имеют портик с четырьмя или шестью колоннами, хорошо сгармонизированным с фасадом. Колонна, как отметил исследователь архитектуры М. Ильин, «изначально несет в себе соответствия тела человека со стволом колонны».

Дома менее состоятельных граждан имели весьма презентабельный вид, хотя были они вообще деревянные, маскирующиеся деревянной обшивкой «под камень», то есть имитируют дощатой обшивкой каменный руст, окрашенный в серый цвет природного камня. Гипсовые маскароны над окнами и цветочные гирлянды в филенках ещё более усиливали сходство дома с каменным, а в городской среде они создавали эффект основательности.

Все это укладывалось в «Положение о строении домов» 1837 года, изданное Строгановыми в соответствии с общепринятыми архитектурными нормами, где указывалось, где и как ставить дом обязательно по «красной» линии улицы без малейшего отступления, где сажать деревья и какие должны быть мостовые для прохожих, как разместить хозяйственные постройки и огороды (сады).

Не менее важно было соответствие внешнего и внутреннего восприятия архитектуры. Наверное, многие ощущали на себе воздействие внутреннего пространства старых зданий, будь это изба, богатый особняк и, особенно, храм. Здесь очень важен был эталон этажности. Для Усоля это был двухэтажный дом, внутреннее пространство которого соответствовало его внешнему объему и, что важно, было удобным для проживания в период постоянных паводков.

Четко прорисованные в плане Усоля геометрически расположенные улицы все же тяготели к лучевой системе, определявшейся дугой Камы, омывавшей селение с северной,

восточной и южной сторон. Несмотря на равнинный рельеф Усоля все слободки взаимно просматривались. Этому способствовал небольшой изгиб улиц, расположенных вдоль села с севера на юг и проложенная в середине века дамба — восток-запад, соединившая отдельно стоявшие слободы. Главные церкви, колокольни, часовни оказались в плане соединенными шестиконечным крестом.

В генеральных планах Усоля 1809 и 1844 годов уже четко прослеживается принцип отдельных ансамблей в общем ансамбле Усоля. Он хорошо прорисован в аксонометрическом плане начала XX века. Задачей ее составителей было показать промышленные постройки, однако мастера не забыли показать и поквартальную.

В своем роде выдающимися стоило бы отметить несколько ансамблей. Это открывавший вид на Усолье при движении по Каме с верховьев ансамбль Рубежской слободы с протяженным фасадом Владимиро-Богородицкой церкви, включавший сам храм, ограду, липовые аллеи, мемориальное кладбище и владельческий дом с западной стороны ограды. Частично сохранились ансамбли Голицынской и Господской усадьбы. Печально, но навсегда утрачен ансамбль Строгановского госпиталя и ряд других комплексов, хотя по сохранившимся планам и чертежам их можно было бы восстановить.

Таким образом, уникальное сочетание элементов высокого стиля европейского барокко и местных традиций, использование особенностей ландшафта в градостроительных разработках, тонкая игра планировок делает северный вариант Строгановской архитектуры в наши дни особо притягательным не только для исследователей, самых широких кругов населения России. Организует вокруг себя и одновременно выступает основой понимания человека горнозаводской цивилизации Прикамья.

Библиографический список:

1. *Горовой Ф.* Реформа 1861 г. на казенных заводах Урала // Ученые записки Молотовского Государственного Университета, — т. VII, вып. 2. — Молотов, 1955, С. 7.
2. *Ильин М.* Исследования и очерки, - Изд. «Искусство», М., 1963, С. 193, 261.
3. *Мельников-Печерский П.* Дорожные записки // ПСС. — т. 7. — СПб, 1909.
4. Положение о строении домов, 1837 г. БИХМ.
5. ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. I-XV, 1858, д.91.
6. *Цыпуштанов В.* Усольские промыслы Строгановых // Усолье, 2006, С. 6-17.
7. *Цыпуштанов В.* Ансамбль Новоусольской Никольской церкви и его роль в панорамах Нового Усоля // Усольская старина. — Коноваловские чтения. — вып. 2. — Березники, 1996, С. 16-18.

Ю.В. Бушмакина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

НОВОЕ УСОЛЬЕ ПОСЛЕ ПОЖАРА 1842 г.: изменение архитектурно-планировочной структуры поселения

В мае 1842 г. в с. Новое Усолье произошел крупный пожар, во время которого полностью выгорело несколько слобод и Нижние соляные промыслы. Скученность строений, ставшая основной причиной быстрого распространения огня, вынудила управляющих Строгановых, Голицыных, Лазаревых и Бутеро принять правила застройки села, соответствующие требованиям Строительного устава и учитывающие промысловый характер села. Изменения градостроительных норм оказали значительное влияние на формирование ландшафта исторической части Усолья.

Ключевые слова: *городской ландшафт, картографические материалы, Новое Усолье, пожар 1842 г., градостроительство.*

Bushmakina Yu. V.
Perm State Humanitarian and Pedagogical University

NOVOE USOLIE AFTER THE FIRE IN 1842: CHANGING OF ARCHITECTURAL AND PLANNING STRUCTURE OF SETTLEMENT

In May 1842, there are happened a major fire in Novoe Usolie, during which completely burned several areas of the settlement and Nizhny salt pans. The investigation found a reason of the ignition was the careless handling of the fire. The dense of wooden buildings inhabited and production areas of the settlement haveled to the rapid spread of fire. In total burned 586 townsfolk, administrative and industrial buildings and 11 vessels with salt. The remaining archival sources and settlement maps indicate that the risk of fires forced the managers of the owners (Stroganoffs, Gallitzin, Lazarev and Butero) accepted the new rules for building the settlement, relevant of the Construction Charter and taking into account the production establishments of Novoe Usolie. During 15 years, the activities had planned for the realization of new urban planning regulations: rebuilding the townsfolk houses in according to the new project of quarters, construction of bridges, the increase in the width of the streets, transference of the Market Square, the waterfront improvement, etc. Additionally, for the saving of the security of industrial buildings had been designated unbuilt areas between the salt pans and houses, areas for storage of firewood. The realization in the life of the new urban planning regulations tightened because managers did not regularly control the accomplishment of decisions. Despite this, the changes in regulations of a building had a significant impact on the formation of the landscape of the historical part of Usolie.

Keywords: *urban landscape, cartographic sources, Novoe Usolie, the fire in 1842, urban planning development.*

Вопросам истории планировки и застройки городов в настоящее время уделяется большое внимание в исторической науке. Исследование градостроительной деятельности в отдельно

взятом городе позволяет проследить исторические тенденции его развития, а также динамику изменения культурного ландшафта.

Село Новое Усолье (ныне — г. Усолье Пермского края) было основано в 1606 г. Никитой Строгановым в качестве слободы при соляных промыслах Строгановых, и в XIX в. в результате продаж и браков было разделено между Строгановыми, Голицыными, Лазаревыми и Бутеро-Родали. Поселение находилось на низком берегу Камы, прорезанном старицами и

© Бушмакина Ю.В., 2018

Бушмакина Юлия Владимировна, аспирант кафедры древней и средневековой истории России, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет / ведущий специалист Пермского краевого научно-производственного центра по охране памятников (объектов культурного наследия)
yuliyabushmakina@gmail.com

Рис. 1. РГАДА Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1834. План Пермской губ. Соликамского уезда на село Усолье, составленный по предложению пермского губернатора в 1809 г. Фрагмент

мелкими озерами, называющихся на местном диалекте «полюями», потому во время разлива Камы районы села (слободки) превращались в острова. Застройка дореволюционного Усоля традиционна была деревянной, поэтому соседство с соляными промыслами приводило к постоянной угрозе пожаров. Самый крупный в истории поселения пожар случился в 1809 г., когда по вине вдовы Каменьчихи сгорело более 1 100 строений. Впервые после этой катастрофы были специально распланированы кварталы, назначены улицы и площади, но для противопожарной безопасности меры оказались недостаточными, и через 33 года Усолье загорелось вновь.

Пожар 1842 г. оказал значительное влияние на градостроительное развитие Усоля, поскольку именно после него были внесены существенные изменения в принципы застройки села, а все слободы были распланированы вновь. В дальнейшем застройка островной части города велась на основе разработанного «проекта кварталов» и такая планировка (хоть и с большими утратами) сохранилась до сегодняшнего дня.

Несмотря на обилие источников, указанная тема практически не получила отражение в исторической литературе. История пожара 1842 г. в Усолье была затронута лишь в работе Г.П. Головчанского и А.Ф. Мельничука, посвященной истории населенных пунктов в строгановских вотчинах. Исследователи указали вероятную причину пожара, понесенные владельцами убытки, а также привели фрагмент Усольской летописи Ф.А. Волегова, повествующий о пожаре, но его последствия не рассматривали [16, с. 158-159].

Пожар, начавшийся в 10 часов утра 9 мая 1842 г. от дома промыслового работника Г.А.

Строганова — Ивана Иванова Варанкина в Чигиринской слободе [12, л. 80б], был последним крупным бедствием в истории дореволюционного Усоля. Проведенное расследование показало, что причиной возгорания явилось неосторожное обращение с огнем — поставленная малолетней дочерью хозяев Ксенией «во время обедни в переднем углу не топленной комнаты пред иконами» свеча упала «на лежащее в том углу на столе белье» [1, л. 356-356об].

Пожар продолжался трое суток и «12-го же [мая] поутру у большого залива остановился, истребив у всех владельцев строения, рассолоизвлекательные трубы, магазины с солью, также хлебные и прочие магазины с припасами, солеварные дрова и прочее, что было в среднем и нижнем отделении Новоусольских промыслов» [14, л. 27]. Всего сгорело 424 дома, 23 каменные лавки, 44 варницы, 30 рассолоподъемных труб, 21 (либо 22) рассольных ларей, 35 магазинов, 1 паровая машина, 4 столярни и 4 кузницы, а также 11 судов, стоявших на Каме. Пять глав собора обгорели, но интерьеры храма удалось спасти «содействием протоирея Пономарева». Деревянный шпиль колокольни и фонари под ним сгорели, а самый большой колокол весом в 400 пуд. упал и разбился, пробив все перекрытия. Обломками колоколов была завалена часовня в церковной ограде [12, л. 90б-10; 15, л. 29; 17, с. 150].

В июне 1842 г. управляющие начали переписку об изменении планировки села для «общей пользы и безопасности от пожарных несчастий» [10, л. 70б], поскольку утвержденный в 1809 г. план застройки села [18] перестал удовлетворять нуждам увеличивающегося поселения. Поскольку Управления всех владельцев считали главной причиной быстрого распространения пожара скученность строе-

Рис. 2. ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 1861. План села Усолье Соликамского уезда. Фрагмент

ний, треть всех домов планировалось вынести в западную, незастроенную часть села. Кроме того, Ф.А. Волегов — управляющий Строгановых — предложил ширину улиц и переулков установить в 10 саж., увеличить церковную площадь, запретить крытые двory и высокие деревянные заборы, а также устройство деревянных бань внутри села. Предлагалось внести некоторые изменения и в промышленной части: устроить площади между обывательскими строениями и соляными промыслами [10, л. 70б-13].

Поскольку существовала острая необходимость застройки выгоревших кварталов, а общей договоренности относительно предложений Федота Алексеевича достигнуто не было, в течение августа-сентября управляющие в ходе совместных обсуждений, наконец, приняли решения о планировании села и перераспределении селитебных земель. Предполагалось, что ширина Главной улицы, ведущей к Собору, и размеры Соборной площади будут увеличены до 20 саж., за счет земель Строгановых (т.н. «воеводинского» дома), Голицыных (дома управляющего), Бутеро (дома, в котором квартировал становой пристав). Кварталы были оставлены в прежних размерах, кроме изменяющихся либо за счет увеличения ширины улиц, либо их уничтожения. Черный рынок с Соборной площади было предложено перенести к скотобойням у Подвального озера, размены рыночной площади были определены в 90x280 саж. [10, л. 63-65], а по обеим сторонам моста, соединяющего Капустную и Богомольскую слободу, планировалось выстроить на ряжах 20 корпусов длиной 224 саж., где бы размещались 84 торговые лавки [14, л. 21]. Незастроенные кварталы слободы «за отной и Подвальным озером» были уничтожены, поскольку оказались на подтапливаемой терри-

тории. Вновь были распланированы Пихтовая слобода (8 кварталов), Ларьковская слобода (11 кварталов), Запотымская слобода (2 квартала), Ивановская слобода и Капустная слобода (21 квартал).

В каждом квартале назначалась главная улица шириной в 10 саж. и переулки той же ширины; исключениям являлись улицы, вдоль которых располагались конюшни, их ширина должна была составлять 15 или 17 саж. В Капустной слободе было решено оставить прежнее направление улиц, «определенное местностью», но назначались новые улицы, первая из которых должна была соединять Никольскую церковь и Черный рынок, вторая, параллельная Главной, — Никольскую церковь и Нижнюю промышленную площадь, а улицу, проходящую в Посаде мимо чертежной — уничтожить. Была запланирована площадь перед Никольской церковью размером 16x16 саж. Чигиринская слобода отделялась от Покровской «треугольным интервалом». Согласно предложениям управляющего промыслами Голицыных — Г. Костарева, главная улица в Ивановской слободе должна была проходить от Орлинской слободы мимо Ивановской часовни в луга [10, л. 64 об-67]. В Рубежской слободе дома севернее Владимирской церкви должны были быть сломаны ради безопасности промышленных строений в случае пожара, а южные кварталы слободы причислены к Посаду. Указан был и рекомендованный размер усадьбы вдоль улицы — от 15 до 25 и более саж. Среди других противопожарных мер были: в Верхних промыслах назначение площади для складирования дров у полоев, разделяющих Верхние промысла и Рубежскую слободу, Ларьковскую и Пихтовскую слободы; в Нижних промыслах кварталы в Пермской, Покровской и Орловской слободах были обращены в промышленную пло-

Рис. 3. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1840. План на село Усолье Соликамского уезда Пермской губ. Фрагмент

щадь — свободные, незастроенные пространства, отделяющую промысловые заведения от обывательского строения. Управляющие Голицыных и Бутеро, владельцев уничтожаемых кварталов в Пермской и Орловской слободах соответственно, были против создания промышленной площади за счет земель их доверителей, и оставили свои возражения [10, л. 64, 67об]. Управляющие не оставили в стороне вопросы благоустройства села: было назначено обустроить набережную шириной не менее 10 саж. от северной ограды собора до конторы Лазаревых, перегородить плотиной полый, разделяющий Посад и Рубежскую слободу [10, л. 61, 64-66об, 68-69об].

Поскольку несколько слобод было предназначено распланировать вновь, то «дома, стоящие не на месте» были назначены к перестройке в соответствии с новым «проектом кварталов» в течение 5, 10 и 15 лет. При этом, здания, «строящиеся на совместный счет промыслов управлений», должны были возводить для прочности на каменных фундаментах и без архитектурных украшений [13, л. 21]. В 1843 г. на основании этих решений было составлено и утверждено «Краткое положение об разделе селитебной земли села Новое Усолье», но некоторые вопросы, например, о расширении промышленных площадей, так и не были решены и оставлены управляющими на рассмотрение владельцев [10, л. 262-267].

В качестве иллюстрации к «Краткому положению...» был составлен «План на расположение домовняго и прочаго строения Села Усолья проектированный в 1842 году», на котором отражены решения, принятые управляющими. Необходимо подчеркнуть, что план отражает лишь предполагаемое устройство села. Именно на этом плане впервые зафиксированы номера кварталов и их площадь, при этом, новая квар-

ральная сетка выглядит симметрично, некоторые кварталы предполагалось разместить на местах покоев и неудобий, хотя в документах не зафиксировано намерение засыпать полой. Следовательно, планировка села определялась, прежде всего, наличием соляных промыслов (необходимо было устраивать промышленные площади в качестве дополнительной меры пожарной безопасности) и в меньшей степени особенностями рельефа. Согласно плану, поселение было разделено на следующие слободы: Посад, Капустная, Пермская, Покровская, Орлинская, Козья, Чигиринская, Ивановская, Низовская, Запотымская, Ларьковская, Пихтовская и Богомольская [13].

Для предотвращения «пожарных несчастий» недостаточно было застраивать выгоревшие слободки по согласно новому плану, необходимо было заново распланировать кварталы в плотно застроенных слободах и назначить дома, подлежащие к переносу в течение 5, 10 и 15 лет. Раздел селитебных земель и обмены «черезполосностями» между владельцами завершились к 1845 г., тогда же было утверждено «Положение об разделе селитебной земли села Усолья 1845 года» [10, л. 292-314об], а геодезистами, представляющими собственников села, создан «План на село Усолье» [19].

В составлении документов принимали участие и сами владельцы, известно, что в присутствии С.Г. Строганова было принято решение перенести стесненное строение из примыкающих к Нижним соляным промыслам Пермской, Покровской и частично Посадской слобод в западную часть села. При этом, на месте рядом с кварталами, примыкающими к Нижним промыслам, планировалось устроить «бульвар, насадив лиственного леса в две линии, чтоб со временем составить густую аллею; в черту сего бульвара войдут две рассолоизвлекательные трубы» [10, л. 314об].

План, составленный в качестве приложения к «Положению о разделе ...» в полной мере отражает внесенные управляющими изменения в принципы планировки и застройки села и во многом проект кварталов повторяет уже описанный «План на расположение домовняго и прочаго строения Села Усоля прожектированный в 1842 году» [13], но с детализацией некоторых частей. Принадлежность селитебных земель обозначена теми же традиционными цветами, что и на плане 1842 г. Условные знаки, обозначающие слободы (за исключением вновь учрежденных), изображены теми же астрономическими символами, как и на предыдущем плане. Форма, размер, площади кварталов и промысловых площадей, а также ширина улиц и проулков, их разделяющих, также идентичны (за незначительными исключениями) упомянутому плану, и, практически в полной мере соответствуют решениям управляющих владельцев села, принятым после известного пожара [13; 18; 10, л. 63-72].

При составлении нового плана была скорректирована принадлежность кварталов к слободам. В частности, в западной части села были учреждены слободы Прядильная, «Малой Камень» и «Большой Камень». Рубежская слобода, несмотря на первоначальные решения управляющих, все же была сохранена, а в Ларьковской слободе спланировали не 11, а 15 кварталов (новые кварталы оказались в низинах). В экспликации отмечены существующие часовни (Покровская, Ивановская, «при соборе») и церкви (Спасо-Преображенский собор с колокольней, Никольская, Владимирская), торговые лавки при церкви, конторы. Дома для полиции, станového смотрителя и приемная квартира согласно новому плану, должны располагаться в 62 квартале Пермской слободы, но планируемые к постройке здания никак не обозначены. Питейные дома располагались (либо должны были быть построены) в Ивановской слободе (на берегу Камского озера) в Пермской (недалеко от полиции), в Пихтовской (западнее 20 квартала), а также в Посаде (рядом с 16 кварталом) и на границе с Рубежской слободой. Таким образом, было скорректировано решение управляющих о количестве питейных домов на территории села, их количество было увеличено с 3 до 5 [18; 10, л. 64-65]. Именно на этом плане впервые показано точное расстояние до образованного на западной окраине села кладбища, детализировано расположение планируемой к постройке до 1852 г. церкви в Богомольской слободе и торговых лавок вдоль моста через Капустинский полой.

Особенно важно, что на плане с экспликацией показаны и существующие строения, что позволило уточнить особенности планировки производственных районов села и проследить динамику застройки полностью выгоревших

Нижних промыслов. В частности, в Верхних промыслах располагалось 14 солеварен (7 деревянных и 7 каменных, 2 трехчренные варницы были устроены в бывших корпусах паровых машин), 14 рассольных труб, 1 отдельно стоящий ларь, 6 соляных амбаров, 1 хлебный амбар и мастерская, в Нижних — 14 каменных и 1 деревянная солеварня, 22 рассольные трубы, 8 ларей, 11 соляных и 2 хлебных амбара, 10 «припасных магазинов», 4 мастерские, 4 кузницы и 2 «каменных варничных корпуса, в коих в настоящем времени — имеется жительство» [19]. Сокращается общее число построек в промыслах. В Верхних соляных промыслах, уцелевших в пожаре 1842 г. находилось 39 строений, тогда как еще в 1826 — 49. В Нижних промыслах, где в перв. пол. XIX в. предпочитали возводить каменные строения, в 1845 г. располагалось 30 каменных зданий и еще 48 деревянных рассольных труб, амбаров и «магазинов» восстановили после пожара [19].

На плане изображены и фашинные мосты, благодаря которым были соединены слободы: Капустинский, Подвальный и Богомольский, последний был построен за общий счет, потому участки, за которые были ответственны управляющие были выделены соответствующими цветами [19]. Кроме того, с целью улучшения сообщения между слободами и преграждения покоев, мешавших застройке, 24 сентября 1846 г. были утверждены сметы на постройку возведения фашинных мостов с земляными плотинами через Капустинский полой (между Посадом и Капустной слободой), Ларьковский полой (между Запотьмской и Ларьковской слободами), Рубежский полой (между Посадом и Рубежской слободой) и Пихтовую канаву (между Пихтовской слободой и Каменной слободе, где располагался госпиталь Голицыных) [11, л. 47-69].

Для предотвращения «пожарных несчастий» недостаточно было застраивать выгоревшие слободки по новому плану, в соответствии с решениями управляющих необходимо было назначить дома, подлежащие к переносу на новую квартальную сетку в первый, второй и третий сроки, т.е. в течение 5, 10 и 15 лет соответственно.

В 1845-1846 гг. геодезистами владельцев села: Н.П. Строгановой — Николаем Лукиных, В.П. Бутеро — Яковом Каменских, Лазаревых — Василием Ильиных, С.М. Голицына — Василием Зыряновым и Г.А. Строганова — Николаем Голяновым (или, как их называли «общей партией геодезистов») были составлены планы и проекты кварталов отдельных слобод: Запотьмской, Капустной и Козьей [3], Пихтовской [9], Рубежской [4], Богомольской [8], Низовской [5], Придильной [6] и Ивановской [7], в которых практически в полном объеме нашли отражение решения, принятые управляющими владельцев села, а также была предусмотрена перестройка

каждого обывательского дома в соответствии с «Положением...» 1845 г.

Интересно отметить, что сохранилась копия плана Пихтовской слободы 1845 г., сделанная Николаем Лукиных в мае 1852 г., позволяющая проследить динамику воплощения в жизнь принятых управляющими решений на примере конкретной слободы. Арабскими цифрами (1-133) на плане отмечены существующие обывательские дома, фамилии их владельцев указаны в экспликации. Кроме того, на зданиях и напротив фамилии домовладельца в экспликации выставлены римские цифры I, II и III, показывающие в какую треть здание должно быть перенесено и выстроено в соответствии новому проекту кварталов. Дома, на которых римские цифры отсутствуют, к декабрю 1845 г. были выстроены по плану (два в части Г.А. Строганова и по одному — Н.П. Строгановых и Голицыных). Однако, в экспликации пропущено несколько номеров, обозначающие дома «убранные по случаю вновь возведенных домов» к 1852 г. В части графини Строгановой таких домов было 4, графа Строганова — 5, князей Голицыных — 1, княгини Бутеро — 5 и господ Лазаревых — 4, всего 19, из которых в первую треть должно было убрать 11, вторую — 3 и третью — 5 [2].

Несмотря на то, что первая треть переноса зданий завершилась еще в 1850 г., 23 здания, назначенные к переносу в первый срок, в 1852 г. значились неубранными (из них 5 в части Н.П. Строгановой, 5 — Г.А. Строганова, 8 — Голицыных, 9 — В.П. Бутеро и 5 — Лазаревых). Поскольку назначенные улицы были устроены на месте старых кварталов, в экспликации к плану указаны и 6 домов «стесняющие проезд по улице» и назначенные к переносу во второй и третий срок [2], при этом, согласно «Положению...» 1845 г. в случае истечения срока сноса, управляющие были обязаны «просить земскую полицию применять побудительные меры к действительному исполнению общему обязательству» [10, л. 297-298 об].

Небольшое количество сохранившихся планов селитебной части Усоля в 2-й пол. XIX в. не позволяют определить время завершения перестройки села в соответствии со Строительным уставом и «Положением...» 1845 г. Известно, что график переноса обывательских домов не всегда соблюдался, а некоторые решения оказались провальными и не были воплощены в жизнь. Например, несмотря на строительство торговых лавок вдоль моста и перенесение Черного рынка, торговлю продолжали вести на Соборной площади, в результате чего, в кон. XIX в. от рыночной площади у Подвального озера не осталось и следа. Тем не менее, внесенные в 1842 г. изменения планировочной структуры села (увеличение ширины улиц,

создание промысловых площадей, запрет крытых дворов и т.п.), отраженные на планах слобод 1842-1846 гг., позволили предотвратить в будущем распространение пламени во время пожара и сократить убытки владельцев села и Новоусольских соляных промыслов.

Библиографический список

1. ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 867. Дело о пожаре в селе Усолье 9-11 мая 1842 г.
2. ГАПК. Ф. 279. Оп. 3. Д. 126. План обывательских строений и прожект кварталов Пихтовой слободы села Усолье Соликамского уезда.
3. ГАПК. Ф. 279. Оп. 3. Д. 127. План обывательских строений и прожект кварталов Запотымской, Капустной и Козьей слобод села Усолье Соликамского уезда.
4. ГАПК. Ф. 279. Оп. 3. Д. 128. План обывательских строений и прожект кварталов Рубежской слободы села Усолье Соликамского уезда.
5. ГАПК. Ф. 279. Оп. 3. Д. 129. План расположения строений (влад. гр. Строганова) в Низовской слободе села Усолье Соликамского уезда.
6. ГАПК. Ф. 279. Оп. 3. Д. 130. План строений Прядильной слободы села Усолье Соликамского уезда.
7. ГАПК. Ф. 279. Оп. 3. Д. 131. План строений и проект кварталов Ивановской слободы села Усолье Соликамского уезда.
8. ГАПК. Ф. 279. Оп. 7. Д. 1289. План домовых строений и прожект кварталов Богомольской Слободы села Усолье Соликамского уезда.
9. ГАПК. Ф. 279. Оп. 7. Д. 1295. План домовых строений и прожект кварталов Пихтовской Слободы села Усолье Соликамского уезда.
10. ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 827. Дело о перераспределении селитебных земель в селах Усолье и Ленва после пожаров 1842 г. между совладельцами Н.П. Строгановой, В.П. Бутеро, Голицыными и Лазаревыми.
11. ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 837. Дело о постройке моста между Капустной слободой и Западной частью села Усолья, о постройке плотины.
12. ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 25. Усольская летопись Ф. Волегова. Список с правками автора 1558-1852 гг.
13. ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 1861. План села Усолье Соликамского уезда.
14. ГАПК. Ф. р-1785. Оп. 1. Д. 186. Библиография, выписки по архитектуре г. Усолья Пермской области из ГАКО, ГАПО, ЦГАДА и др. архивов и источников.
15. ГАПК. Ф. р-2142. Оп. 1. Д. 23. Копии выписок из конторских книг о пожарах в г. Усолье, г. Соликамске, Ленве (1737-1877 гг.) (Историко-географические описания 1800 г.).
16. Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. — Пермь, 2005.
17. Новокрещенных Н.Н. Чермозский завод. Его прошлое, настоящее и летопись событий. — СПб., 1889.
18. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1834. План Пермской губ. Соликамского уезда на село Усолье, составленный по предложению пермского губернатора в 1809 г. на выделение кварталов для обывательского строения для церковных и торговых площадей.
19. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1840. План на село Усолье Соликамского уезда Пермской губ.

О.А. Балла

журнал «Знание — сила»

ПЕРМСКИЙ КРАЙ: МЕСТА ПАМЯТИ (ЗАМЕТКИ ПОЧТИ СЛУЧАЙНОГО ТУРИСТА)

В статье, на примере пространства Усолья, Всеволодо-Вильвы и Чердыни, предложена авторская типология мест памяти: руинизированное пространство; пространство воображения; «пространство памяти» в состоянии живой запущенности. Безусловно, типов пространственной исторической памяти великое множество и данная типология не является исчерпывающей.

Ключевые слова: *место памяти, пространство, руины, воображение, музей, Усолье, Всеволодо-Вильва, Чердынь.*

Balla O.A.

PERM REGION: MEMORY PLACES (notes of an almost random tourist)

In the article the author suggests his typology of memory places, using the spaces of Usolye, Vsevolodo-Vilva and Cherdyn: «ruined space», «imagination space», «memory space in condition of living neglect». Really, we have much more the types of spatial, historical memory, this typology is not exhaustive.

Keywords: *place of memory, space, ruins, imagination, museum, Usolye, Vsevolodo-Vilva, Cherdyn*

После самих себя: помнить пространством¹

Да, заметки будут очень субъективными. Может быть, они и вовсе не были бы написаны, не случись нашему корреспонденту (то есть мне) оказаться в мае этого года на конференции «Человек в ландшафте»², которую её разнодисциплинарные участники: географы, филологи, краеведы, музейные работники, сотрудники заповедников — проводили по одним лишь им ведомым соображениям в трёх разных поселениях Пермского края. Места были такие, сами имена которых нагружены избытком исторической памяти (что ни имя — то знак) — и все три очень разные. Это — города Усолье и Чердынь (колодцы памяти! — такой глубиной, что в своей глубине она соприкасается уже и с забвением) и маленький посёлок Всеволодо-Вильва.

Так вот, будучи увидены подряд, эти места упорно наводят на мысль о том, что существу-

ют разные типы исторического памятования пространством, — типы записи пережитой истории в теле пространства, слепков с неё, в которые пространство превращается. Их, разумеется, значительно больше трёх — Пермский же край даёт нам возможность рассмотреть и продумать по меньшей мере три осуществлённых в нём варианта. Усолье, Чердынь и Всеволодо-Вильву.

Города-музеи? Нет, не совсем так, — вернее, совсем не так. Это — именно места памяти: места, где прежнюю, гудевшую здесь жизнь помнит само пространство. Уже и люди забыли, а оно помнит. Своими формами, изгибами, пустотами. Помнит неравномерно, пристрастно, с забвениями и вытеснениями, с поздними торопливыми припоминаниями, — как человек.

Потому что оно живое. И, как всему живому, ему бывает больно, трудно, недостаточно.

Всё это — такие места, в которых — и уже довольно давно — больше прошлого, чем настоящего. Все они существуют в некотором смысле после самих себя: то есть, после активной, плодотворной фазы своего исторического существования. В тупике? На распутье?

Какими способами уложено в них прошлое, как оно переживается сейчас? — оно ведь может укладываться по-разному. — Так вот, кажется, что в Усолье оно существует в виде

© Балла О.Л., 2018

Балла (Гертман) Ольга Анатольевна, публицист, редактор отдела философии и культурологии журнала «Знание-Сила» gertman@inbox.ru

¹ Первая публикация: Знание – Сила. — № 11. — 2015. = <http://znaniesila.livejournal.com/37098.html>

² Об этой конференции подробно на сайте журнала «Знание – сила»: Человек и его ландшафт: пермские диалоги // http://znanie-sila.su/?issue=zsrj/issue_194.html&r=1.

гаснущих рудиментов (время словно выжгло эту землю, она стоит испепелённая, почти изуродованная несчастной русской историей последнего столетия. В Чердыни прошлое уходит далеко вглубь, напоминая о себе отдельными следами на поверхности, вмятинами, изгибами. Во Всеволодо-Вильве оно по большей части воображается, а иногда — как разрушенный в своё время дом, в котором несколько месяцев 1916 года провёл Борис Пастернак — в буквальном смысле воссоздаётся заново. Оно почти невещественно, настоящих его следов — почти не найти. Оно разлито в воздухе.

Усолье: город-палимпсест

О Большом Прошлом, которое здесь было ещё пару веков назад, помнит скорее структура самого пространства с отдельными, если не сказать — рудиментарными, зданиями. Некоторые — прекрасные! — в состоянии остановленного разрушения, задержанной смерти, и выйдут ли они из него когда-нибудь?

Вообще место трагическое. Столь же сильное, сколь и трагическое.

Самый маленький город Пермского края.

Город, возникший — и стремительно — в XVII-XVIII веках, переживший недолгий стремительный расцвет вплоть до первого десятилетия века XIX-го. Это время определило лицо Усожья, оно живо там и сейчас: его там гораздо больше, чем XX и XXI столетий. Просто оно там не течёт, а (почти) стоит. Как вода в пруду.

Из исторического небытия Усолье вызвали купцы-солевары Строгановы — втянули эти места в активно становящуюся цивилизацию. Основанное в 1606 году на месте слободы с тем же именем как центр солеваренной промышленности, Новое Усолье до конца XVIII века (точнее, до 1771 г.) оставалось столицей Строгановых на Каме. Здесь были соляные скважины, завод по выварке соли — и огромная жизнь, которая росла вокруг всего этого. Строили много — промышленная архитектура, надёжный камень, крепкий кирпич. Дома и церкви — «строгановское барокко». Усолье называли «Венецией на Каме» — не за половодья, заливающие его каждую весну: за красоту.

Потом жизнь стала уходить. Она уходила долго, упорствуя, медля: ещё век спустя, в 1895-м, здесь было 40 соляных скважин.

В 1918-м большевики сделали Усолье городом (оно ведь и в лучшие свои времена оставалось селом!). Оно даже побывало некоторое время административным центром — новообразованного в 1923-м Верхне-Камского округа Уральской области. Нет, не помогло. Тем более, что окружной центр вскоре перенесли в Соликамск. История отвернулась от этих мест.

В 1949-м начали строить Камскую ГЭС. Большая часть города ушла под воду. Жителей переселили.

Город-текст многократно переписывался; в нём читаются — почти вслепую, почти по Брайлю — остатки прежних сообщений, поверх которых, увы, ничего по-настоящему исторически активного, исторически содержательного по сей день не написано.

От Усожья Строгановых осталось меньше, чем от залитых лавой Везувия Помпей. Русская история выжгла едва ли не всё, что смогла. Почти всё.

Пройдём по центру Старого Города — мимо коренных исторических зданий города, построенных в самые сильные его времена. По следам прежних цивилизационных устремлений, представлений, идеалов, сформировавших лицо этого пространства. Ни до, ни после Строгановых его ничто так властно не формировало.

Спасо-Преображенский собор — огромный, великолепный, держащий на себе всё это, много лет назад брошенное пространство. Стоит, необычно развернувшись: лицом к Каме, алтарём — к городу (когда-то в Усолье приезжали в основном по воде). Строили, разумеется, Строгановы: 1724-1731. Действующий. Вокруг — никого. Колокольня (1730) — мёртвая, начавшая крениться много лет назад, в состоянии законсервированного разрушения.

Торговые ряды, примыкающие к колокольне, 1832-1835 гг. Руина.

Дом Абамелек-Лазарева. Двухэтажное, каменное надёжное строение 1830-х убит пожар 1976 года. Руина.

Дом-правление Шувалова, начало XIX века. Руина.

Часовня Спаса Убруса — XVII век (1667? 1694? — данные расходятся). Старейшее здание Усожья. Памятник архитектуры федерального значения. Руина.

Церковь Владимирской Божьей матери (Рубежская), 1757-1791. Тоже «памятник архитектуры Российской Федерации». Руина.

Вот рядовая, «фоновая», функциональная, без малейших вроде бы эстетических претензий — но качественная, основательная застройка позапрошлого века. Полуразрушенный жилой дом, построенный в 1830-м, на нём табличка: «Охраняется государством» — охраняется, значит, в своём руинированном состоянии. Такие же полуразрушенные — тоже охраняющиеся государством — амбары 1810-го года. Дом священнослужителя 1880 года — его состояние заметно лучше, он, по меньшей мере, цел. Но тоже неживой.

Стоит — несколько в стороне от всего — Никольская церковь (1813-1820), классическая

русская церковь своего времени, последняя работа Андрея Воронихина (создатель Казанского собора в Санкт-Петербурге был из строгановских крепостных). Долгое время стоявшая разрушенной, теперь она восстановлена. Время от времени в ней проходят службы.

Усадьба князей Голицыных (1813-1818), типичный городской особняк второго десятилетия века — жива, несколько раз — начиная с 80-х — реставрировалась, теперь в ней музей — филиал Березниковского историко-художественного музея имени И.Ф. Коновалова.

Дом купца Брагина (XIX в.) — в прекрасном тонусе, отреставрирован, часть музея.

Красавец-дом — палаты Строгановых, бело-красные, как Спасо-Преображенский собор, строившиеся одновременно с ним (1724), теми же мастерами. Московское барокко. Самое заметное здание старого центра города. Сейчас — содержательный музей — Усольский историко-архитектурный, с энтузиастами-сотрудниками, с активной экспозиционной жизнью — экспозицию обновляют постоянно, устраивают выставки и инсталляции современных художников, — с исследовательской и издательской деятельностью. Светится в тихих усольских сумерках.

Вообще, самое яркое, жаркое, живое в сегодняшнем Усолье — музеи.

Но вокруг них — почти ничего, кроме медленной-медленной, сонной-сонной местной жизни, существующей на дальней окраине самой себя.

В Усолье сейчас нет даже гостиниц: оно не превратило свою память в туристический ресурс. Пока не превратило. Хотя в этом отношении не так уже мало делается — затеваются разные игры людей с пространством. Устраиваются народные календарные праздники, игровые занятия для детей, театрализованные экскурсии, свадебные обряды «Совет да любовь» с регистрацией молодоженов. В голицынской усадьбе постоянно проходят выставки березниковских и усольских художников.

Однако ничего сопоставимого по мощи, по плодотворности и жизненной силе на смену строгановскому Усолью не пришло.

С другого берега Камы дымят трубы Березниковского химического комбината. Тоже промышленная архитектура. Но какая, однако, разница.

Всеволодо-Вильва: Второе рождение. Место забвения, место припоминания

Всеволодо-Вильва — даже не город, а посёлок. Маленький — две с половиной тысячи человек — промышленный посёлок. Но точка памяти — очень интенсивная. И даже — многозначная.

История Всеволодо-Вильвы последнего столетия с небольшим — история обретения, утраты и нового нащупывания исторического и культурного бытия.

Борис Пастернак, будущий — и уже тогда интенсивно становящийся — большой поэт, по собственному — скорее всего, пристрастному и неточному, но тем не менее — свидетельству, осознал и принял себя как поэта именно там. И потом, спустя много лет он вспоминал и описывал эти места в «Докторе Живаго».

Прожив во Всеволодо-Вильве в молодости, всего несколько месяцев — с января по июнь 1916-го, он, неведомо для самого себя, задал маленькому уральскому посёлку направления будущей памяти. Связав это пространство с собой, выговорив его в стихах, Пастернак насытил его значениями, вывел его в большое культурное измерение. Переместил Всеволодо-Вильву с дальней периферии русской культуры заметно ближе к её центру (...тому самому, должно быть, который на самом деле — везде. Только надо уметь увидеть.).

К моменту поселения там Пастернака посёлок был совсем молод — всего 100 лет с небольшим. Основан в 1811-м Всеволодом Всеволодским с исключительно промышленными целями, без малейших культурных претензий. Железодельный завод, потом чугуноплавильный, потом кирпичный... — очень важно, конечно, но — чего прозаичнее? Став, почти случайно, пастернаковским контекстом, Всеволодо-Вильва, уже миновав к тому времени свой «железный расцвет», пройдя через полосу упадка, — вдруг стала обнаруживать ценность и важность своих «допастернаковских» содержаний.

Для этого, однако, ей пришлось ещё пройти через полосу забвения. Как бы заснуть — и проснуться.

Дело в том, что дом, в котором сейчас — смыслообразующий для посёлка музей Пастернака — был, как это эвфемистически называется, утрачен. Его, вполне типовое строение своего времени, отслужившее свой срок, попросту разрушили — по небрежению, за ненадобностью.

Совсем недавно, во второй половине 2000-х, дом был воссоздан — в точности, по старому проекту, вплоть до — насколько оказалось возможным — мельчайших деталей, со всем, какой удалось припомнить, реконструировать, вообразить, обиходом середины второго десятилетия XX века. В этом действительно есть что-то от воскресения из мёртвых.

И на веранде дома, совершенно как сто лет назад, на том же самом месте стоит венский стул (на сей раз — металлический и привинченный к полу), на котором только совсем уж равнодушный и ленивый посетитель не фото-

графируется в той же позе, в какой имел неосторожность сняться в 1916 году Борис Леонидович.

Телесное, так сказать, отождествление с классиком. История на ощупь.

Вдруг стало ясно, что тихая провинциальная Всеволодо-Вильва — не где-нибудь, а, как выразился один из важнейших толкователей пермского пространства Владимир Абашев, — «на перекрёстке русской культуры».

Примерно в то же, пастернаково время — на самом деле чуть раньше — через этот перекрёсток проходили пути ещё по крайней мере двух знаковых для русской культуры людей: Саввы Морозова и Антона Чехова. Да, ещё учёного-химика Бориса Збарского, который позже стал известен как бальзамировщик тела Ленина — именно в его семье, когда он работал здесь в качестве управляющего Всеволодо-Вильвенскими заводами, и провёл свои несколько знаковых уральских месяцев Борис Пастернак. Этого, младшего Бориса вспоминают в связи со Всеволодо-Вильвой куда чаще, — а, между прочим, в том же самом 1916-м «старший» из Борисов, Збарский, сделал здесь важнейшее открытие — разработал технологию производства наркотического хлороформа.

Заезжал сюда, кстати, путешествуя по Уралу летом 1875 года и Василий Немирович-Данченко — писатель и журналист, брат куда более запомнившегося потомкам Владимира; застал он там тогда, надо сказать, полную разруху, нищету и отчаяние.

Дело вскоре поправил Савва Тимофеевич Морозов — купивший в 1890-м бывшее имение Всеволодских и положивший там начало химической промышленности. И не только ей, но и культурной жизни посёлка: он сумел увлечь всеволодо-вильвенцев театром и даже организовал здесь самодеятельный театр.

У него-то и гостил в 1902 году Чехов — целых три дня. Даже школу в посёлке открывал, которую как раз к тому времени построили. По крайней мере, так рассказывают.

Память места — неравномерна. Прилично музеефицирован — и то очень не сразу — один Пастернак. Всё остальное (пока?) музейно не артикулировано. Не стало предметом музейной рефлексии.

На месте памяти о Всеволодских — провал. Они остались только в необычном, диковатом, скользком, но сразу же накрепко запоминающемся имени посёлка. О Чехове помнит носящая его имя школа — построенная в шестидесятых, на месте той, деревянной, которую когда-то (может быть) открывал писатель, и гипсовый бюст около неё, и случайно обнаруженный им во время прогулки (это как раз совершенно достоверно) родник, который до

сих пор зовут «чеховским». О Савве Морозове — по существу, спасителе Всеволодо-Вильвы в 1890-х — помнит только Морозовский парк, да кедры, растущие четверицей, взглянув на которые, приехавший в Вильву старообрядец Савва сразу понял, что это добрый знак и его предприятие ждёт успех (кстати, так оно и оказалось). На месте дома Морозова с садом — пустое место. (Помнит его, правда, ещё и завод, бывший железодельный и чугуноплавильный, при Морозове — химический; он действует, теперь он называется заводом «Метил».) На месте Ивакинского химического (пастернакова Варыкинского) завода — руины, выглядящие так, будто жизнь отсюда ушла несколько столетий назад. Стремительно врастающие в природу.

Зато в чеховской школе работает прекрасная детская гончарная мастерская.

Чердынь: тени прошлого, колодцы памяти

Бывшая столица Перми Великой живёт тихо-тихо. Это — место с памятью сильной, горькой и страшной. (Достаточно помнить, что Чердынь — первое место предпоследней ссылки Мандельштама, невыносимой для него, едва его не убившей, откуда он потом уехал в Воронеж, — и привкус смерти и чёрного страха всегда будет сопровождать само слово «Чердынь», сколько раз его ни произнеси). И вместе с тем, вопреки всему этому — с мощной красотой, с избыточными даже — на все века вперёд хватит — запасами гармонии, разлитой в воздухе, в огромных чердынских пространствах. такой, которая сильнее всего человеческого.

Языческая, хтоническая земля, крещенная в историческом масштабе совсем недавно — в XV веке, и то не с первого раза, с упорным и жестоким сопротивлением чердынцев. Суровая. Зато теперь в Чердыни — в качестве филиала краеведческого — существует музей истории веры. Понимаете, не религии как совокупности внешних признаков и действий, а веры. Жалко, не удалось туда попасть. Вполне возможно, что там — всё то же самое, что было бы и в музее истории религии, но какова сама постановка вопроса!

Чердынь — город с музейной рефлексией, качественной на редкость, с заботой о прошлом. Здесь — замечательный краеведческий музей с богатой экспозицией, который называют даже «краеведческим центром», а в нём — одна из самых больших коллекций искусства на Урале. В своём историческом облике он содержит коллекцию археологическую — с уникальными образчиками Пермского звериного стиля и восточного серебра VII-X веков, пермскую деревянную скульптуру, которая

представлена здесь работами местной «шакшерской школы»; нумизматическую, этнографическую; коллекцию икон. В здешнем книжном собрании — книги XVI–XX веков, среди них — редчайшие старопечатные и рукописные книги, образцы «крюкового» письма. Музей носит несколько неожиданное для здешних контекстов имя Пушкина, который, как известно, в Чердыни никогда не бывал (на самом деле, потому, что один из ставших его основой музеев — общеобразовательный — был открыт в 1899-м году в честь 100-летия со дня рождения Пушкина. В 1918 году он слился с другим чердынским музеем — археологическим). Теперь он занимает целых два здания; в обоих можно — и стоит — бродить целый день. Одно из них — бывшее здание Чердынской женской гимназии. Там, среди прочего, в подробностях воссоздан гимназический класс, а в другом зале — устроенная в бывшем классе во время Отечественной войны госпитальная палата, и в ней — нечто совсем уж небывалое: человек, лежащий на койке и играющий, как актёр, раненого солдата (поначалу живого экспоната пугаешься).

Но это — лишь частная, хотя и впечатляющая, форма чердынской памяти. Там памятно само пространство.

Самое удивительное: город за последний век не изменился почти совсем. За исключением отдельных деталей, он — такой, каким увидел его Мандельштам в окаянном начале тридцатых.

Там по сей день цела — и имеет точно тот же вид, что и восемьдесят лет назад — больница, из окна которой прыгал, надеясь умереть, полубезумный поэт. Не мемориальная — действующая. (Мемориальная доска, правда, висит.)

Нет, город не вылизан, не мумифицирован, не законсервирован в каком бы то ни было из своих прежних состояний, принятом как наиболее ценное. Он — в состоянии нормальной (для катастрофического XX века), живой запущенности. Старые дома, жилые и казённые, не раз переделывались по ходу текущих надобностей; в основной своей массе они давно — иные слишком давно — не видели ремонта. В Богоявленской церкви — хлебозавод. В Воскресенском соборе — клуб. Но там нет руин. Там всё живое.

В.Л. Каганский

Институт географии РАН

ЧЕЛОВЕК В ЛАНДШАФТЕ: КОНФЕРЕНЦИЯ-ПУТЕШЕСТВИЕ?

Рефлексия конференции — первого опыта междисциплинарной межрегиональной конференции-путешествия. Тематика конференции и отдельных обсуждений нетривиально соответствовали местам дискуссий. Характеристика предметно-тематического поля, выделение ключевых моментов дискуссии, сквозных сюжетов и узлов роста.

Ключевые слова: *путешествие, конференция-путешествие, междисциплинарные исследования, культурный ландшафт, жизнь, литература, краевая литература, диалог, теоретическая география, теоретическая биология, филология, культурология, культура, периферия, провинция, империя, Урал, Уральская Россия, Прикамье, Строгановы, Б.Л. Пастернак, И. Кант.*

V.L. Kagansky

Institute of geography, Russian Academy of Sciences

MAN IN THE LANDSCAPE: CONFERENCE TRAVEL?

Reflection of the conference was the first interdisciplinary regional conference-travel. The theme of the conference and individual discussions nontrivial consistent with the places debate. Feature subject field, highlight key discussion points, cross-cutting themes and nodes of growth.

Keywords: *travel, conference travel, interdisciplinary studies, cultural landscape, life, literature, regional literature, dialogue, theoretical geography, theoretical biology, Philology, cultural studies, culture, periphery, province, Empire, Ural, Russia, Kama, Stroganoff, B. L. Pasternak, I. Kant.*

Звено в сети общения

Согласно мнению большинства участников, конференция в научном отношении была успешна. Конференция была и отлично организованной (низкий поклон местным организаторам и всем, кто принимал нас) и продуктивной; была полна содержательными докладами и дискуссиями, в ходе которых проступали новые идеи; теплая дружественная атмосфера; гостеприимное место. Обстоятельства в лице Анастасии Фирсовой и Стаса Хоробрых благоприятствовали нашей встрече с самого момента зарождения ее — 9 месяцев от зачатия идеи до рождения конференции. Однако она не реализовала все свои возможности из-за неполного пребывания ряда лиц, и — что важнее — из-за лишь частичной актуализации общего проблемного поля. Вряд ли состоялось «слияние дисциплинарных душ», но междисциплинарная коммуникация была налицо. Практических рекомендаций дать мы

не смогли, для чего нужен иной формат. *Однако работа удалась, была осмысленной и продуктивной, оставила послевкусие и надежды будущих встреч.*

Важнейшая предпосылка состоявшейся работы — связи участников, сотрудничество, взаимная приязнь. Конференция стала интересным звеном в цепочке долгого общения. Трое участников давно работают в теоретико-классификационном движении, четверо — теоретико-биологическом, трое — участники конференции ГРАНИЦЫ В КУЛЬТУРЕ, пятеро — ВЛАСТЬ МАРШРУТА, пятеро — авторы тематического номера ГРАНИЦЫ В КУЛЬТУРЕ. Большинство уральцев — из круга ПЕРМСКОЙ ШКОЛЫ Владимира Абашева.

Междисциплинарность задумывалась изначально. Наконец состоялась встреча уральских филологов и культурологов круга В.В. Абашева и московско-питерских междисциплинарных интеллектуалов, хотя взаимодействие этой школы и с пермскими географами, и с московской теоретической географией идет уже давно и, думается, продуктивно. На первый взгляд близость, едва ли не интимная теоретической географии

© Каганский В.Л., 2018

Каганский Владимир Леопольдович,к. геогр. н., старший научный Института географии РАН, г. Москва
kaganskyw@mail.ru

и филологии странна и методологически порочна, ведь это не топонимика и не ареальная лингвистика... Но *представленная здесь география — теоретизирование о местах, а филология — комплексное учение о связке «текст — имя — место».*

Место и тема конференции: диалог и конгениальность

Конференция, посвященная разнообразию связей человека и ландшафта, прошла в интересных уникальных местах. Впрочем, внимательный взгляд любое место может представить как уникальное; предельное когнитивное выражение уникальности места — его концепция.

При уяснении смысла и специфики места конференции важно различие позиций, связанных с местами, откуда прибыли участники. Это, во-первых, жители Урала — свой, родной природный, исторический и культурный большой край, свое место, свой контекст. Во-вторых, это жители Москвы и Петербурга, которые на расстоянии от Урала в полторы тысячи километров сливаются в обитателей северо-западного сектора Европейской России. Для этой столичной далекой России уральский ландшафт был в немалой мере экзотичен; отчасти экзотична и тем интересна была и краевая литература, и старая и новая. Иной, четкий и более крупный ритм ландшафта, выраженный рельеф и скальные выходы, высотная поясность, иная растительность, культурный слой ландшафта вписан в расчлененный рельеф. Начало и предварение гор **Урала**, Предуралье; Урал как тип ландшафта чувствовался во многом. На фоне Восточно-Европейской природной страны Урал — иной природный и культурный макрорегион, о чем еще пойдет речь. *Для русского же европейца Урал — еще и преддверие Сибири.*

Другая интересная черта места состоит в том, что согласно нынешней исторической, культурной, политической и географической конвенции именно по Уралу, по самой его середине, по осевой линии хребта проведена (нельзя сказать «проходит») **граница Европы** (и Азии). По крайней мере, она сейчас так зафиксирована; однако ее осмысленность, как и вообще фиксация как однозначной и тем более как линии проблематична. Тогда этот огромный край парадоксален: *целостный макрорегион рассечен границей более высокого ранга!* Цельность Урала — вызов современной версии границы Европы и Азии. Здесь ощутим если не порог Азии (трудно сказать, каковы симптомы «азиатского» ландшафта — сибирский же чувствовался), но явной *край Европы*, край новый, — исторически не так давно европейцы Московию числили в Азии. Мы жили на границе. Край стал осваиваться одновременно с заморскими европейскими владениями, Латин-

ской Америкой и Новой Англией. Однако и тут всё непросто — Чердынь как русское поселение известна с XV века.

Чрезвычайно интересно и конгениально нашей тематике (основным ее локусом было Усолье), что весь этот немалый край некогда был заново освоен (переосвоен) и создан малой группой лиц — большой семьей с близкими и сподвижниками. Немалый край — **персоногенный ландшафт Строгановых**, семейный хозяйственный двор, обустроенный согласно своих представлений, обычаев, промышленных и коммерческих интересов и технологий, следуя семейным традициям. Тема «Человек и ландшафт» обсуждалась в месте — «авторском произведении».

Имперски-колониальные сюжеты — важный аспект нашего проживания этих мест. Вся эта территория имела и имеет по сю пору статус периферии и государства РФ и страны России, статус даже колониальный. Но возможные антагонизмы между уральцами, носителями современной аборигенной периферийной культуры (но они творят провинцию), и жителями «метрополии», волей-неволей носителями ее культурной идеологии и практики, отсутствовали.

Колониальное хозяйствование здесь идет веками; ландшафт кричит об этом. Хозяйство территории не вырастает из ландшафта, продолжая его — оно насаждено и насаждается и ныне сверху, издавляя, извне для решения внешних задач иных далеких мест, социальных и культурных групп. Именно так вели себя и Строгановы, тем более такова советская индустриализация. Частный, экзотический — но показательный современный пример колониальной эксплуатации места: сюда издавляя съезжаются художники на пленэр, вернувшись, они выставляют свои работы, наращивая персональные культурные статусы; но меняет ли это культурный статус места? Строгановы добывали здесь соль и тем приобрели богатства, став потом итальянскими князьями, там реализовали свой социальный статус, и в Европе и в Петербурге занимались благотворительностью. Впечатления и переживания жившего здесь Б.Л. Пастернака стали фактом культурной жизни Перedelкино, Москвы, России, Европы etc. *Но стал ли Пастернак культурным героем Урала в одном ряду с преп. Трифоном Вятским или с Ермаком?*

Ландшафты довольно полно проживались участниками, что явствовало из обсуждений в ходе работы и последующих бесед. Это явно **ландшафт-палимпсест** — мешая и помогая друг другу запечатлелось несколько природных и культурных слоев. В силу наложения разных слоев ландшафта, типов рельефа, волн освоения ландшафт предстал нам довольно разнообразным. Достаточно разнообразна природная

основа, большие реки (Кама, Колва, Вишера) усиливают разнообразие места; по сравнению с подмосковными ландшафтными стереотипами ландшафт воспринимался пятерыми москвичами как достаточно экзотический. Во-первых, у места долгая сложная, даже славная геологическая история (Пермская система). Во-вторых, кроме несколько слоев российско-русского освоения, заметен финно-угорской субстрат, прежде всего в топонимике. В-третьих, явно прослеживалось несколько хозяйственно-технологических эпох. Все это было ярко и красочно, чему способствовало время года — **разгар весны**. Многоцветная палитра свежей оживающей зелени, разливы и подъем Камы... Место открылось нам ярким, особенно визуально, колористически — соседство больших лесных массивов, огромный искусственно увеличенный водоем Камского водохранилища, гигантские промышленные массивы промышленно-городской агломерации Соликамск-Березняки.

Мы наблюдали множество разных и даже полярных способов взаимодействия человека и ландшафта. Вписанное в природный ландшафт и продолжающее его хозяйство коренных аборигенных народов, продолжение природного ландшафта (почти исчезло) и корежащее, утилитарно использующее, убивающее эту природную основу относительно современное (середина XX века) промышленное хозяйство. И золотая середина — то самое аборигенное хозяйство с замыканием основных траекторий перемещений материала ландшафта, когда он использовался и окультуривался не ради того, чтобы определенная группа пользователей ландшафта потом транжирила ресурсы за его пределами. Ну и, скажем, деяния преп. Трифона Вятского, одухотворение ландшафта (чрез века оно живо сетью храмов и монастырей, а сейчас неоднозначно перекрашивается в туристическую сеть) уместно трансформировало и дополнило местный ландшафт, но не было его колониальной эксплуатацией. Думаю, что типологически в этом ряду стоит и культурная жизнь Усольского музея.

Сложно, разнообразно и ярко (надеюсь) мы говорили о сложном разнообразном и ярком месте.

СЮЖЕТЫ ОБСУЖДЕНИЙ

Только перечни; для филологов актуальна поэтика списка. Итак:

- автор
- Биармия
- биоценоз
- Великая Пермь
- гений
- гений места
- география

- геология
- геопозтика
- граница «Европа / Азия»
- жизнь
- жизнь ландшафта
- заповедник
- заповедник природный
- знание
- контекст,
- ландшафт
- ландшафт культурный
- ландшафт природный
- литература
- локальный текст
- место
- музеефикация
- музей
- национальный парк
- образование
- организм
- окружающая среда
- охрана природы
- поэзия,
- проза,
- Пермская геологическая система
- Пермь
- произведение литературное
- путешественник
- путешествие
- рекреация
- смерть
- стратегия
- стратотип
- стратозатон
- сукцессия
- текст
- территория
- травелог
- труп
- туризм
- туризм экологический (ландшафтный)
- Урал
- филология
- экология

PERSONALIA

1. ДЕКАРТ
2. ДЕМИДОВЫ
3. ЕРМАК
4. КАНТ
5. ЛЮБИЩЕВ
6. МЕЙЕН
7. МЕНДЕЛЕЕВ
8. МУРЧИСОН
9. ПАСТЕРНАК
10. СОКРАТ
11. СТЕФАН ПЕРМСКИЙ
12. СТРОГАНОВЫ
13. ТРИФОН ВЯТСКИЙ
14. ШРЕЙДЕР

Событийность. Сквозные сюжеты. Лейтмотивы

Опубликованные статьи передают программу конференции как форума представления текстов. Но конференция замышлялась и строилась как рабочая, мы обсуждали доклады, жили вместе, совершали совместные трапезы и прогулки, было немало возможностей, места и времени для кулуарных обсуждений¹. А если учесть и два круглых стола, то подавляющая часть нашей работы — диалог, обсуждение, а не монологические доклады. Первый круглый стол был посвящен гению места. Выявилась неоднозначность категории и ее забытые в современной версии европейской культуры языческие корни и обсуждалось — кто именно может быть гением места, и действительно ли в полноценном смысле концепт «гений места» применим к конкретному человеку или это что-то другое или совсем другое. Второй круглый стол был посвящен экологии, охране природы и заповедному делу, что было уместно — заповедный край с острейшими экологическими проблемами.

Я выделю **ряд сквозных сюжетов**, даже **лейтмотивов**, пронизывавших доклады, дискуссии всё и проживание этого места.

С открывшего конференцию доклада С.В. Чебанова тема **«жизнь и смерть ландшафта»** стала одной из осей. Необходимо отметить, что помещенная в сборнике статья СВ шире и полнее доклада и в ней отражены впечатления автора от его интенсивного проживания Прикамья. Насколько жизнь ландшафта — метафора, а насколько строгое понятие? Как наблюдаема эта жизнь? Всякая ли активность является жизнью? Индустриальная активность Березников, извлечение калийных солей — индустриальная жизнь места или умерщвление его ландшафта? Насколько и как именно сопряжена жизнь конкретного человека, сообществ людей и жизнь самого ландшафта? В каком смысле и в какой мере литература, создание, порождение, генерирование, понимание, интерпретация текстов, работа с ними являются жизнью именно ландшафта?

Показательно, что при кратком, но интенсивном включении в конкретные места *они воспринимались, переживались и интерпретировались весьма по-разному*. Характерна дискуссия в **урочище Ивака**, одном из возможных прототипов Варькина в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Столетие назад здесь был завод и поселение со всем, что полагается, ныне же остатки каменного строения, ушедшие в землю фундаменты, следы поселения, бурно зарастающие уже и лесом. Это были и живописные руины и трупы былого освоенного культурного ландшафта и радость от того, что природа берет свое и на месте селения, заводов, полей работает живая сукцессионная машина, идет закономерная смена рас-

сительности, и через полвека молодые коллеги смогут увидеть здесь, как и положено этой природной зоне, полноценный ельник. Впрочем, интересно это место было всем.

Конечно, наше внимание привлекал и весь ландшафт уральского Прикамья. Наблюдалась и обсуждалась разнообразная жизнь этого ландшафта — природная, индустриальная, культурная (и наша конференция тоже). Мы заседали в замечательном живом культурном локусе — Усольском историко-краеведческом музее, бывали и в других интересных музеях; по моим немалым наблюдениям такие музеи все более становятся активными центрами и ступками местного сознания и идентичности и даже генерируют своего рода «текст» (в семиотическом смысле).

Сюжет **жизни ландшафта** здесь хорошо представлен. Уральские авторы, думаю, вполне убедительно показали, что жизнь края не то, что бы переливается в истории в тексты, но отчасти и переливается в живые тексты — а тексты обогащают жизнь этого места и формируют виртуальные ландшафты, чье сопряжение с обычными сложно и интересно. И если когда-нибудь Урал как культурный ландшафт неузнаваемо изменится или даже исчезнет, то останется уральский текст. Мы обсуждали и продумывали **литературу и как голос ландшафта**, особое продолжение и выражение жизни конкретных мест — воплощение, семиотическое воспроизведение, дополнение, расширение, творческое преобразование, критику etc. Сюжеты места (края) и «его» литературы — не отдельные, но связанные сквозными лейтмотивами.

Тогда возникает следующий вопрос. Каждой ли большой части страны, большому ландшафтно-культурному региону присуща (или должна быть присуща) своя самобытная литература? Где и когда достигалось такое идеальное состояние и достигалось ли? Пока такая литература не появляется и не становится зрелой, не входит равноправной струей в национальную литературу и культуру, нет оснований говорить, что этот край дорос до зрелости или, в моей терминологии, стал полноценной провинцией страны. *У провинции есть полноценное самосознание и, соответственно, своя краевая литература*. Но поскольку Россия — страна нового освоения, то далеко не вся её территория успела стать провинцией, такова лишь территориально меньшая часть.

Была поднята интересная проблема — **отношение гения**, творца (не «гения места») к **пространству**; был дан первый набросок соот-

¹ Событийность прекрасна передана в цикле эссе Ольги Балла-Гертман <https://gertman.livejournal.com/194396.html>, <https://gertman.livejournal.com/194804.html>, <https://gertman.livejournal.com/187140.html>

ветствующей типологии². Даже живущие в ярком ландшафте гении могут жить в нем совершенно экстерриториально; многие из имен, что перечислены выше — гении, которые по-разному взаимодействовали с пространством. И опять возникает фигура Б.Л. Пастернака — гения, чрезвычайно чуткого к ландшафту и ему открытого, в том числе и ландшафту совсем малых «незначительных» мест. **Линия Пастернака** была сквозной и одной из важнейших. Ведь можно быть открытым пространству, быть пространственно-осененным гением, занимаясь, скажем, математической топологией (учение о пространстве), при этом не вовлекаясь в какое-либо конкретное место и даже подвергая пространство полному произволу — или строить могучие категоризации пространства, живя совершенно внепространственно, экстерриториально, как И. Кант.

Сквозным задумывался и осуществлялся сюжет **путешествия и путешественника**. Конференция задумывалась и отчасти и строилась как конференция-путешествие. Однако стремление обсуждать в каждом месте именно то, что связано с этим местом (хотя бы концептуально), воплотилось лишь отчасти. Идеал путешествующей конференции — о чем мечталось — мы не воплотили (пока, надеюсь); в теории путешествия были конференции по теме, но вот путешествующей конференции в полном смысле еще не бывало.

Географическое описание, ландшафтный образ места — это сейчас мода, ценность, важный брендовый/имиджевый ресурс. Так вот его референт — рой отдельных мест и объектов или это некоторая сплошная ткань ландшафта? Но ровно та же самая проблематика прослеживается и во многих других предметных сферах. В центре внимания экологической активности должна быть охрана отдельных объектов, отдельных видов (в пределе отдельных экземпляров живых существ), отдельных территорий, заповедников, национальных парков и так далее — или вся ландшафтная ткань географической оболочки Земли? Та же самая контрверза. И для музейной в широком смысле практики все ровно то же самое: сохранение отдельных (мертвых) вещей — или культурная жизнь на основе их творческого использования, вторичной витализации? Это весьма острая методологически и общекультурно ситуация. Может быть, мы соберемся когда-нибудь еще и посвятим этому сюжету череду обсуждений...

Ну и наконец, целый ряд сюжетов, тем — культурологических, филологических, литературоведческих, методологических, географических, экологических, — может быть структурно представлен как **антиномия «живые среды — отдельности»**. Так, должны ли быть в центре внимания при организации туризма (ряд докладов был посвящен именно рекреационному освоению, новой очередной волне освоения / присвоения и переосмысления края), конкретные

точечные локальные достопримечательности или ландшафт в целом?

Применительно к литературе эта контрверза воплощается в антитезе «цитатности», когда нечто представляется как совокупность, хотя бы большая отдельных цитат — или интертекстуальное и надтекстуальное целое, когда идет работа с большими контекстами и целостными содержаниями. Стандартное филологическое представление конкретного творческого «среза» — некоторое связанное семейство фрагментов текстов, большее, нежели рой отдельных цитат — но все же презентация некоей совокупности ограниченных текстов или даже их фрагментов с интерпретациями. Противоположный или дополнительный полюс — представление в целом, скажем, поэтического мира. Применительно к творчеству Пастернака это вопрос: Урал помог ему создать отдельные тексты, и мы наблюдаем отпечаток, след, ответ Урала в конкретных поэтических текстах — или Урал стал местом, временем, событийностью, изменившими поэтический мир автора?

Применительно к людям, о которых здесь говорилось, это вопрос о индивидуальностях ярких, таких как Строгановы, Ермак, преп. Трифон Вятский, Б. Пастернак вне контекста, вне места — или о сообществах, в пределах и внутри которых реализуется деятельность этих людей.

При обобщении этих раздумий стоит помнить, что конференция стала филолого-географической по преобладающим темам и участникам — тем самым первой и беспрецедентной. То была *конференция географов, погруженных в культурный ландшафт во всей полноте и тем самым погруженных в культуру, включая и тексты — и филологов, активно работающих с локальными текстами и категорией места, ландшафта, путешествия*. И именно культура тот феномен, что снимает и разрешает названное противоречие (или даже разрыв?) между средами и отдельностями, между текстами и контекстами, между объектами и ландшафтами, между местами и текстами. Используя афоризм Мишеля Фуко, мы работали не со словами и вещами по-отдельности, а вместе и со словами и с вещами; и ландшафт и культура и есть единство вещей и слов...

Мы пребывали под сенью возникающей (возникшей?) **школы В.В. Абашева**. Думается, что эта школа и путешествует от классического «цитатного филологизма» к освоению и представлению более широких ландшафтных, культурно-ландшафтных, региональных и культурных контекстов, потому что литература большого края — это голос ландшафта как целого, а не какие-то вскрики отдельных мест и не локальные точечные строчки отдельных текстов отдельных авторов.

² Идея высказана Г.В. Лютиковой в том самом ландшафте, месте, здании и даже в том же зале, где провел немало времени Б.Л. Пастернак (Всеволодо-Вильва).

Конференция оставила приятное послевкусие, собственно сборник — именно это послевкусие; само желание занятых лиц, что встретились на короткое время, написать, представить, отредактировать тексты, свидетельствует о том, что эта конференция, продолжает существовать как некоторое событие. И тогда уместно, как кажется, обозначить несколько сюжетов под условной рубрикой «**О чем же думать дальше?**». Понятно, что каждый из авторов продолжает работать, но проявились несколько сквозных сюжетов, частично я их уже назвал, а частично назову сейчас.

Обозначился сюжет связи места, гения места и уникальности места. Всякое ли место уникально, каким должно быть место, понимая его не топографически, не геометрически, а ландшафтно, чтобы быть уникальным, и во всяком ли месте можно открыть или всякому ли гению присуще «свое место»? Не в (про)явлении ли уникальности места состоит высокая миссия «локального гения»?

С другой стороны, учитывая наплывающую (уже чрезмерную) популярность сюжета **образа места**, важно разобраться: всякое ли место может рассчитывать на полноценный образ? Всякое ли место заслуживает образа в культуре, даже локальной? Всякий ли фрагмент поверхности Земли, каков бы он ни был с культурной точки зрения, может иметь полноценный образ? Совершенно понятно, что формально некоторое число риторически связанных характеристик, может быть приписано любому фрагменту поверхности Земли, но будет ли это образом и даже будет ли просто текстом — сюжет размышления на будущее. И кстати, что есть тогда место? И опять возникает упоминавшаяся проблема. Адекватный образ места, его семиотическое и культурное продолжение, репрезентация - или авторский образ места, продолжение и социальная презентация именно и только автора «образа». Или еще и иначе: образ должен быть ярким, красив, интересен или, прежде всего, адекватен? При этом речь идет именно об образе, а не о научном описании, для которого такого вопроса нет — научное описание адекватно по определению. Ровно то же самое относится к интерпретации конкретного произведения или авторского творчества. Да и с образами, неизбежно спонтанно рождающимися в путешествии та же самая проблема. Области формально разные, но вопросы одни и те же!

Еще сюжет — разнообразие гениальности, в связи с чем возможны **разные типологии гениев**. Не сделать ли пермской школе Вл. Абашева вместе с петербургской методологией и с московской теоретической географией разработку пространственной (ландшафтной) типологии гениев? В конце концов, все люди живут в ландшафте и гении тоже, а погруженные в ткань ландшафта и воплощающие его гении являются продолжением, культурным завершением этого ландшафта. Сю-

жет открыт и продуктивен. Да, Кант совершенно экстерриториален и безразлично — жил ли он в Кенигсберге или, скажем, в Гамбурге. Хотя я, наблюдая ландшафт Восточной Пруссии (её руины, страшный труп — ныне Калининградская область РФ), полагаю, что явно есть некая конгениальность философствования Канта и ландшафта этой территории³. Острая постановка — **гений как компонент, фокус и вершина ландшафта конкретного места**. Возникает и сюжет хозяина места, не собственника, а хозяина, организатора, ответственного за определенное место.

Следовало бы разобраться в соотношении понятий местный текст, локальный текст, региональный текст. Это продолжение сюжета образа места, проблемы, какие именно места генерируют полноценные образы, какова неоднозначная связь мест и образов мест, притом что образ места становится все более значимым компонентом места. Как соотносятся между собой конкретные локальные тексты, есть ли общий уральский локальный текст, или есть конкретные пермские или может быть в перспективе чердынские, челябинские и т.п. тексты? Места как отдельные части Урала соотносятся по отношению включения, но ведь общий образ Урала и локальные образы его мест соотносятся иначе, но как именно?

Из логики копирующего наслаивания компонентов ландшафта следует, что если есть Урал как целостный макрорегион, индивидуальный район высокого ранга (таковая природная страна⁴ и экономический район общепризнанна), то у него «должен» быть и целостный текст. Но такая логика отнюдь не универсальна. Так, лесостепной и отчасти степной Юг Средней России, вполне осмысленный в аспекте природного ландшафта, но как зональный ландшафт (Урал же индивидуальный район) — бунинская или тургеневская Россия, породил большой массив текстов, немало выдающихся произведений — но породил ли единый краевой текст? Допустим, что есть уральский текст русской культуры — тогда налицо следующий вопрос. Есть московский и петербургский текст, но еще есть и московская и петербургская версии (транскрипции) русской культуры; полного перечня таких версий нет. Но насколько осмысленно и оправданно тематизировать **уральскую версию**, уральскую транскрипцию, уральскую интерпретацию русской культуры? Однако именно ее наличие позволило бы утверждать, что *Урал как полноценная провинция — существенная часть России*, такая, без которой «Россия неполна». Так ли это?

Налицо ли Уральская Россия?

³ Каганский В.Л. Иммануил Кант и культурный ландшафт Восточной Пруссии // X Кантовские чтения. Мат-лы междунар. конф. Изд-во РГУ им И. Канта Калининград, с. 51-59. <http://kant-online.ru/?p=1908>.

⁴ Мильков Ф. Н. Природные зоны СССР. — М.: Мысль, 1977.

Научное издание

ГЕОГРАФИЯ И ТУРИЗМ

Geography and Tourism

Научный журнал

Выпуск 1/2018

Издается в авторской редакции

Корректор А.В. Фирсова
Компьютерная верстка В.В. Сидоров

Адрес учредителя, издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Пермский государственный
национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Географический факультет
Тел.: (342) 2-396-601; e-mail: *turizm@psu.ru*

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
Адрес: г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография

Цена свободная

Подписано в печать 15.03.2018
Выход в свет: 30.04.2018
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 17,2
Тираж 250 экз. Заказ .

Дорогие коллеги!
Приглашаем Вас к публикации
в научно-практическом журнале
«ГЕОГРАФИЯ И ТУРИЗМ»

С 2005 года кафедра туризма географического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета издает сборник научных трудов «ГЕОГРАФИЯ И ТУРИЗМ». В 2016 году издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, с 2018 года является периодическим научно-практическим журналом, рецензируемым РИНЦ.

Для публикации в журнале принимаются статьи по следующим направлениям:

1. Туристское проектирование
2. Современные тенденции в международном сервисе и туризме
3. Сервис и туризм: региональное экономическое развитие
4. Экология и туризм
5. Оценка туристского потенциала и туристское районирование
6. Культурная география
7. Экскурсионный практикум
8. «Путешествие географа»: очерки и эссе

Рекомендации по оформлению материалов:

Объем статьи (включая текст, рисунки, таблицы, библиографический список) не должен превышать 14 страниц, формат Word, размер шрифта — кегль 14, интервал — 1,5, поля — по 1 см., максимум 2 рисунка, 2 таблицы. К статье прилагается аннотация (5-6 предложений) и ключевые слова на русском и английском языках, а также информация об авторах (ФИО полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, на русском и английском языках, контактный телефон, почтовый адрес и e-mail).

Журнал зарегистрирован как печатное издание, распространяется по профильным кафедрам вузов страны и ближнего зарубежья. Гонорары авторам не выплачиваются.

Материалы принимаются два раза в год: до 30 июня и до 30 декабря текущего года в электронном виде по e-mail: firssowa@mail.ru и turizm@psu.ru Фирсовой Анастасии Владимировне.

За дополнительной информацией, а также по вопросам приобретения сборника можно обращаться по телефону **(342) 2-396-601** или **614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15**, Пермский государственный университет, географический факультет, кафедра туризма.

Коллектив кафедры туризма географического факультета
Пермского государственного университета
открыт для сотрудничества и общения!

ЧЕЛОВЕК В ЛАНДШАФТЕ

Жизнь человека в ландшафте — многоаспектная междисциплинарная сфера, которая находится под пристальным вниманием ряда дисциплин и направлений: теоретической и культурной географии, семиотики, культурологии, географии туризма. В настоящем выпуске журнала представлены статьи, географов, биологов, филологов, культурологов, краеведов из Москвы, Перми, Екатеринбурга, Челябинска, Оренбурга, Усолья, написанные по материалам докладов научно-практической конференции «Человек в ландшафте» (Пермь – Усолье, 17-21 мая 2015 г).

В статьях даны оригинальные теоретические и методологические подходы к вопросам взаимодействия человека и ландшафта, общества и ландшафта, культурного наследия и природного ландшафта. Особое внимание уделено геокультурным образам территории, сложившимся в локальной и национальной культуре, рассмотрено творчество писателей XIX-XXI века, в произведениях явлена яркая идентичность территории, в одном из разделов собраны очерки Усольской земли — приютившей участников конференции.

Настоящий выпуск будет интересен всем, кто занимается вопросами культурной регионалистики, туристским проектированием, изучением природных и культурных ландшафтов.

